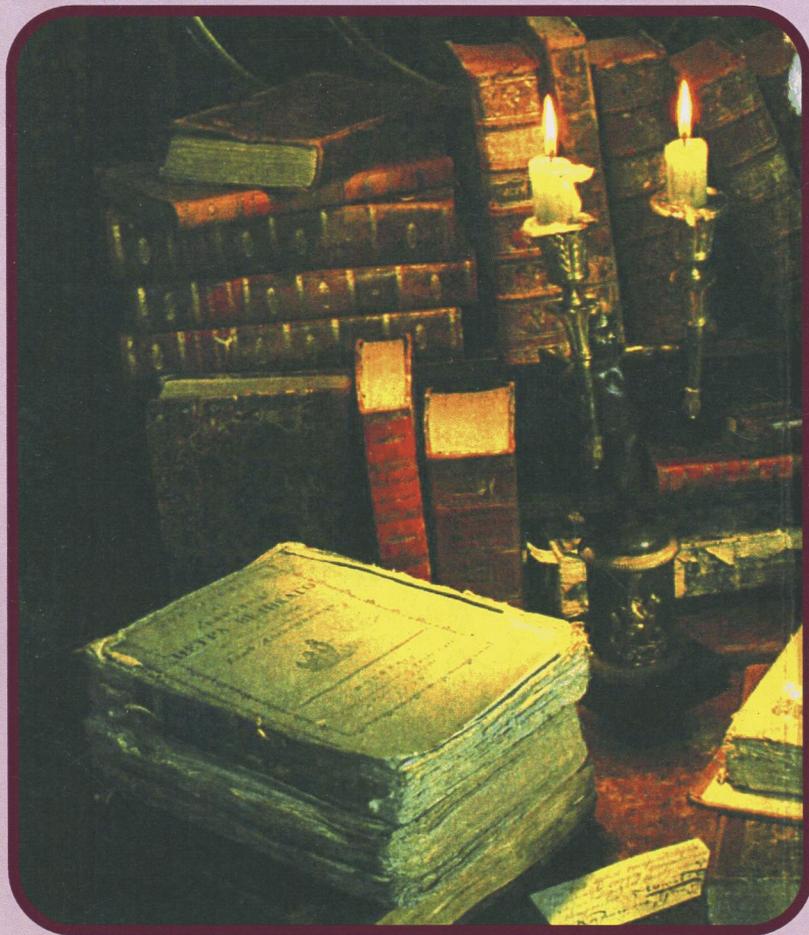

к83.3(2=411.2)5
Т87

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

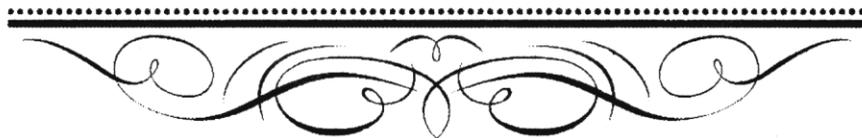
ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2015 года

Мурганевский
Ежегодник

ББК 53.3 Р

Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2015 года/ Сост. и ред. – Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. – Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2017. – 324 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева

На первой странице обложки: Музейный этюд. Фото А. Широкова
На обороте обложки: Памятник И.С. Тургеневу в С.– Петербурге

© БУКОО Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2017

© Издательский Дом «ОРЛИК», 2017

Содержание

<i>Л.В. Дмитриухина.</i> Музейный колейдоскоп	7
<i>Л.А. Балькова.</i> На рубеже столетий. К 25-летию Тургеневского общества в Орле	13

I

Научные исследования и сообщения

<i>Н. П. Генералова, В. А. Лукина.</i> Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879)	23
<i>А. Г. Гродецкая.</i> «Старинная приязнь»: к истории отношений Тургенева и М. А. Языкова.....	49
<i>Т.В. Гордиенко.</i> И.С. Тургенев в Императорском Московском университете	66
<i>С.Д. Симеонова.</i> К вопросу об интересе И.С. Тургенева к творчеству Н.И. Костомарова.....	83
<i>С.М. Санькова.</i> Путь М.Н. Каткова к редакторской деятельности	90
<i>В.Г. Ветрова.</i> Тургенев в творческой судьбе Н.Н. Кнорринга	107
<i>С.И. Труфанова.</i> Н.С. Лесков и В.С. Соловьёв (к истории взаимоотношений).....	116
<i>Н.К. Деулина.</i> Л. Андреев и С. Нилус: два писателя, две жизни – одна судьба.....	121
<i>Е.Н. Коханова.</i> Гимназические друзья Л. Андреева. Семья Араловых	129

II

Тургенев в мире книг

<i>С.Л. Жидкова.</i> Эпизоды войны 1812 года в журнале «Сын отечества» из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева	139
<i>Л.В. Дмитриухина.</i> Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева в Париже. Страницы истории.....	144
<i>О.П. Дидковская.</i> Через призму времени	152
<i>Е.В. Николаева.</i> К истории взаимоотношений Л.Н. Афонина и Г.Н. Карноухова (по материалам архива Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева)	158

III

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>С.Л. Жидкова.</i> «Судьба меня уж обречла».....	169
<i>А.Ю. Бушунов.</i> Переводчики вокруг Тургенева: М.А.Дмитриев, А.Г. Ротчев	171
<i>Л.М. Александрова.</i> «Пишите горячо, серьёзно, просто и страстно...» И. С. Тургенев - Л. Ф. Нелидовой	177

IV

По Тургеневским местам

<i>Е.В. Алехина.</i> Из истории села Сергиевского. Храм во имя преподобного Сергия Радонежского	183
<i>Л.А. Балыкова.</i> По следам Тургенева, Фета и их потомков (литературное путешествие)	189

V

Наши публикации

<i>С. А. Ипатова.</i> Тургенев в Абрамцеве (1878): Забытые воспоминания С. С. Мамонтова	195
<i>Ю.А. Трубников.</i> История моей семьи (продолжение)	209
Главный усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Материалы к реставрации. (<i>Публикация и предисловие</i> <i>В.П. Волчихиной</i>)	219
<i>Т.В. Полушина.</i> В.Л. Андреева-Л.Н. Афонину. Неизданная переписка (по материалам фондов ОГЛИМТ)	233

К 70-летию Великой Победы

<i>Л.Н. Нелюдинова.</i> Фронтовые письма	243
<i>М.А. Дубровская.</i> Дневник из эпохи Великой Отечественной Войны (<i>Публикация и предисловие А.Т. Молозевой</i>).....	248
<i>А.И. Кондратенко.</i> Поэзия Фета зовёт молодёжь на подвиг. Забывая пьеса 1942 года «Бессмертный»: история создания и постановки, орловские реалии, особенности военного прочтения классики.....	260

VI

Из собрания Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева

<i>Л.М. Маричева.</i> Экспонаты рассказывают.....	271
<i>И.Н. Тишина.</i> Открытие выставки «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов»	280
<i>Е.Г. Аркатова.</i> Н.В. Кодрянская и её вклад в формирование бунинской коллекции в Орле	285
<i>Е.М. Шинкова.</i> И.М. Пухальский – орловский коллекционер (по материалам коллекции ОГЛМТ)	295

VII

Творчество друзей музея

<i>В.В. Протасов.</i> Неповторимый сплав	307
<i>С.А. Тишина.</i> Незнакомка или «Враг народа» (отрывок из поэмы)	310
<i>А.Ю. Бушунов.</i> Старые закладки.....	312

Мои первые строки

<i>Николай Шорохов.</i> Загадочная ива	314
<i>Артём и Артур Абдуллины.</i> Как братья дружить научились	316
<i>Лена Елисеева.</i> Солнечный зайчик.....	318

Праздник «Тюльпаны Победы» в музее И.С. Тургенева

На заседании Тургеневского общества

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Год 2015-й, уже 2015-й... Отличает его от предыдущего для нас то, что это не год культуры, а год литературы. А для литературного музея каждый год – год литературы, и год культуры. Отличие только в юбилейных датах, событиях, в сочетании традиций и новаций.

Среди юбилейных дат – юбилеи наших писателей: 195 лет А.А. Фету, 175 лет А.Н. Апухтину, 145 лет И.А. Бунину. А среди общероссийских праздников – 70 лет Победы в Великой Отечественной войне. Событие, откликнуться на которое – святой долг каждого учреждения культуры.

В каждом музее объединения прошли праздничные мероприятия патриотической направленности. Два вечера были посвящены вновь обретенному орловцу Евгению Даниловичу Аграновичу: литературно-музыкальная композиция «О героях былых времен» (автор сценария Г.О. Терехова) и лекция-концерт Владимира Альера (Москва) «После стольких лет разлуки я пришел в мои края». Аудитория и молодежная, и вполне взрослая отрыли для себя военные страницы биографии автора стихов всеми любимой песни «От героев былых времен не осталось порой имен».

В музее И.С. Тургенева состоялось красочное представление под названием «Тюльпаны Победы», в котором приняли участие все сотрудники этого музея во главе с Е.Г. Мельник.

Слушатели познакомились с историей служения Отечеству С.Н. Тургенева – отца писателя, откликами Ивана Сергеевича на события русско-турецкой войны, с военными испытаниями, выпавшими на долю Музея Тургенева в Великую Отечественную войну. Завершилось мероприятие встречей с ветераном войны Сергеем Тимофеевичем Солоповым.

Сотрудники Музея И.А. Бунина подготовили литературно-музыкальный вечер «Бунин в годы Второй Мировой войны», в Доме-музее Н.С. Лескова говорили о военной судьбе книги А.Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова», заседание клуба «Среда» в Доме Леонида Андреева называлось «Майскими короткими ночами», а в Доме Т.Н. Грановского дети рисовали, вырезали, лепили «Яблоки Победы».

Тургеневский год начался, как всегда, с празднования именин Ивана Сергеевича, т.е. 20 января.

На этот раз гостей ожидало зрелище красочное и не совсем обычное для литературного музея – открытие выставки «Мода времен Тургенева». Внимательный читатель на страницах произведений Тургенева встречает детальное описание костюмов героев и героинь. Наряд героев наполнен сложным содержанием: в нем прочитываются и характер, и история персонажа, и отношение к нему автора. Костюм – это портрет эпохи, погружение во время далекое.

Участниками выставки, кроме нашего музея, стали два столичных музея: Государственный исторический музей и музей театрального искусства им. А.А. Бахрушина. А также уникальные предметы из своей коллекции предоставил известный историк моды Александр Васильев. Сотрудники музея подготовили театрализованную экскурсию по выставке, которая имела огромный успех у многочисленных зрителей.

Июнь в Орле традиционно Тургеневский месяц – месяц Тургеневского литературного праздника и Тургеневских чтений. Тургеневский праздник «Загадки Бежина луга» уже традиционно проходил на Дворянском гнезде и также традиционно был ярким, красочным, многолюдным. Перед зрителями оживали страницы рассказа из «Записок охотника». Главной интригой действия стал поиск «Заветного клада», в котором участников сопровождал сам Охотник.

На следующий день состоялись XXIII Тургеневские чтения на тему «Тургенев в мире книг». Помимо орловцев в чтениях приняли участие заведующая Музеем И.С. Тургенева на Остоженке (Москва) Е.В. Полянская, заведующая отделом мемориальной работы Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева г. Москвы Е.В. Николаева,

сотрудник Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына И.Н. Тишина.

Чтения начались с открытия выставки «Сокровища книжного собрания И.С. Тургенева. Периодические издания», на которой были представлены журналы XVIII-XIX веков из мемориальной библиотеки писателя. На многих изданиях автографы Тургеневых, Лутовиновых, Белинского. Экскурсия по выставке, проведенная Л.А. Балыковой, стала первым докладом, за которым последовали другие интересные сообщения о читательских интересах Тургенева, о библиотеках, носящих имя писателя и их деятельности, о новых переводах произведений Ивана Сергеевича на английский язык, о новациях будущей экспозиции нового Музея Тургенева в Москве и другие.

Участники чтений, к которым присоединились заведующий Тургеневским заповедником «Бежин луг» в с. Тургенево Чернского района Тульской области В.А. Зайцев, исполнительный директор Ассоциации музейных работников Е.В. Сурин (Тула), представители Тургеневского Полесья (с. Ильинское Хотынецкого района) Л.Н. Нелюдимова, Н.А. Бологова приняли участие в работе Круглого стола «Тургеневские центры России» в преддверии 200-летнего юбилея И.С. Тургенева», где была выработана программа совместных действий на 2015-2018 годы.

Очень много интересного было адресовано детям: цветение тюльпанов в «Маменькином садике», игра-представление «Тайна Зелёной комнаты», литературные Игры школяров, посвященные знанию рассказа «Бежин луг», круглый стол «Читаем роман “Отцы и дети” в XXI веке».

В день рождения Тургенева была представлена ретроспектива спектаклей студенческого театра «Ювента», показанных на музейной сцене в разные годы. И как бы эстафету этого театра принял детский музейный театр «Серебряная птица», представивший на суд зрителей 2 миниспектакля: «Золушка» в поэтическом изложении А. Бушунова и тургеневский «Последний колдун». Юные артисты буквально очаровали зрителей своей игрой, непосредственной, трогательной, где-то даже озорной. Художественный руководитель этого театра Е.Г. Мельник сумела найти подход к каждому юному

артисту, распределила роли в соответствии с индивидуальностью каждого.

Как всегда зрелищными и наполненными новой информацией были программы, представленные на дне рождения Полины Виардо (18 июля) и Часе памяти И.С. Тургенева (3 сентября).

Творческим подходом к каждому начинанию, поиском новых форм деятельности прежде всего с молодежью отмечается работа коллектива Музея И.С. Тургенева. Общими усилиями опытные музейные работники и молодые сотрудники доказывают, что музей – это не скучное замшелое царство, а вполне современное учреждение культуры, интересное людям разных возрастов.

Целый ряд музейных событий был посвящен 145-летию со дня рождения И.А. Бунина. Совместно с кафедрой литературы XX-XXI веков ОГУ была проведена Всероссийская научная конференция «Творчество И.А. Бунина: взгляд из XXI века», на которой выступили исследователи творчества писателя из Орла, Москвы, Симферополя, Санкт-Петербурга, Уфы. В Областном центре культуры состоялся большой городской вечер «Незакатный свет любви», в котором приняли участие артисты Орловских театров, певцы, музыканты. Сценарий вечера подготовила сотрудник музея И.А. Бунина Е.Г. Аркатова. Очень много мероприятий в юбилейный год было подготовлено для детской аудитории: праздник осени «Шумели листья, облетая...», интерактивное занятие «Пишу тебе письмо», конкурс чтецов произведений Бунина, заседания клуба школьников «Литературные встречи».

В связи с тем, что Музей писателей-орловцев всё еще закрыт на реставрацию, все фетовские и апухтинские мероприятия прошли в школах города и области и других внемузейных площадках. Это поэтические праздники, конкурсы чтецов, встречи за круглым столом на тему «Поэты милостью Божьей» и другие интересные мероприятия.

И, конечно, жизнь музея заключается не только в праздничных и юбилейных мероприятиях. В каждом из шести музеев объединения изо дня в день проводилась традиционная музейная работа: экскурсии, лекции, работа с летними школьными лагерями, музейные уроки, тематические циклы и т.д.

Выставки 2015 года отличались разнообразием экспонатов. Совместно с Академическим театром драмы им. И.С. Тургенева выставкой «Повесть об Орловском театре» было отмечено его 200-летие. «Отечество. Слово и фотография» – зональная выставка работ фотохудожников Москвы – Тулы – Белгорода – Орла. Художники были представлены на выставках «Светлое Христово Воскресение» (Артель православных художников); «Жили-были» (работы А.А. Шевченко и Л.Е. Жмакиной); «Любовь и радость бытия» (Живопись Ивана Костомарова); «По дорогам сказок» (книжная графика А. Мазина); «Прикосновение» (живопись и графика А. Смородинова). Выставка «на бревнах» в Доме Леонида Андреева «Орел и колокольный звон» (оригинальные работы художника С. Новикова и его учеников).

Предметы музейной коллекции были представлены на межмузейных выставках: «Лев Толстой в диалоге с русскими писателями» (Госмузей Л.Н. Толстого, Москва); «1000 ударов» (история пишущих машинок. Политехнический музей, Москва); на выставке, посвященной династии Романовых, в Государственном историческом музее экспонировался портрет Великой княгини Елизаветы Федоровны из собрания ОГЛМТ. Музей принял участие в двух выставках, проходивших в литературном музее Воронежа.

Как всегда свою незаметную, но чрезвычайно важную работу выполняли фондовики: сверяли, выдавали, принимали, описывали, инвентаризировали, составляли базы данных, участвовали в подготовке выставок, делали много другой полезной для всего музея работы.

Среди издательских проектов в первую очередь следует назвать 2 книги И.А. Бунина: переиздание первого «Орловского сборника стихотворений 1891 года» и сборник избранного «Моя начальная любовь», в который помимо уже известных произведений, вошли ранее не издававшиеся юношеские стихотворения, автографы которых хранятся в фондах ОГЛМТ. Над изданиями трудились и сотрудники отдела фондов и сотрудники Музея И.А. Бунина. Основная работа была проделана заведующей этим музеем И.А. Костомаровой, ею же написаны вступительные статьи к сборникам. Художник-оформитель и автор иллюстраций – Ю.М. Тютюнова.

Один из разделов «Тургеневского ежегодника 2014 года» посвящен 200-летию великого украинского поэта Т.Г. Шевченко. Сотрудники музея в своих статьях раскрыли все многообразие взаимоотношений Шевченко с нашими земляками: Тургеневым, Лесковым, Марко Вовчком, И.А. Буниным, Леонидом Андреевым. Завершена публикация «Писем из Берлина и в Берлин Вадима Андреева, Владимира Сосинского и Даниила Резникова», подготовленная Л.Н. Кен.

Свои исследовательские статьи о творческом наследии Тургенева опубликовали Н.П. Генералова, В.А. Лукина, Л.А. Балыкова, М.Я. Саррина, Б.Г. Бобылев, С.А. Ипатова, Т.М. Кривина, Б.Н. Голубицкий, Е.Г. Мельник, С.Л. Жидкова, Е.И. Клочкова, В.А. Зайцев.

К 175-летию А.Н. Апухтина Л.М. Маричева подготовила буклет «О, Родина Святая...»

Каталог выставки «Мода времен Тургенева» (составители Л.А. Балыкова и Е.Г. Мельник) получился красочным и информативным. Фотографии экспонатов сопровождаются удачно подобранными цитатами из произведений И.С. Тургенева.

Статьи сотрудников музея опубликованы в различных научных сборниках и на страницах периодической печати.

На рубеже столетий. К 25-летию Тургеневского общества в Орле

Уходящий 2015 год, кроме обычных хлопот, новых забот и тревог, прошел в России как год литературы. Знаменательно, что он совпал с важной для нас, орловцев, датой – 25-летием Тургеневского общества. Весной того, теперь уже далекого, 1990-го года председатель Орловского отделения Российского фонда культуры В.Г. Сидоров подписал согласие на учреждение Тургеневского общества в Орле; в ноябре-декабре того же года мы утвердили учредительные документы в Исполкоме Советского района города. Вспоминается, что в те дни мы летели на крыльях надежды, готовы были горы свернуть...

Напомню, что инициатором создания Общества стала Тургеневская группа Пушкинского Дома (ИРЛИ) во главе с Н.С. Никитиной. Наши коллеги обратились к нам с призывом сплотиться вокруг имени Тургенева – «единственного, кроме Пушкина, охранителя нашей культуры» – дабы противостоять «духовному одичанию народа». Вестником и посланником от тургенеvedов из Пушкинского Дома стала оказавшаяся в ту пору в Ленинграде А.Т. Молозева.

Напомню также, что среди учредителей Общества выступили тогда деятели культуры Орла: А.И. Курнаков, В.М. Катанов, Г.Б. Курляндская, В.Н. Блинов, В.А. Громов, Н.М. Кирилловская, В.А. Ливцов, С.И. Федоров, В.В. Сафронова и другие. Председателем Общества была избрана известный тургенеved Г.Б. Курляндская.

Что же могли мы сделать, какой внести вклад в спасение от «духовного одичания народа» в пору, когда рушилась огромная страна? Мы не представляли себе тогда ни того громадного исторического водоворота, в который попали, ни тех трудностей, которые нас ожидали. Но с нами незримо присутствовал Тургенев, мы действительно ощущали его духовную и моральную поддержку, и, верится, он охранял нас в самых сложных обстоятельствах.

Приведу лишь несколько примеров. Надо заметить, что, следуя примеру Тургеневского литературного общества 1920-х годов, возглавлявшегося директором музея Тургенева М.В. Португаловым, мы с самого начала поставили своей задачей оказание помощи музею писателя. Мы задумали и стали осуществлять публичные акции – возложение цветов к памятнику Ивана Сергеевича на Тургеневском берегу, на Дворянском гнезде, на месте дома, в котором родился писатель. Поначалу нас было мало – горстка единомышленников, затем эти митинги стали традицией, манифестации приняли новые формы. Тогда мы были первыми, кто заложил традиции поминальных служб по Тургеневу 3 сентября, в день его памяти. Во всех этих начинаниях нас поддерживали поэты Н. Перовский и В. Еремин, режиссер Академического театра им. И.С. Тургенева Б.Н. Голубицкий, преподаватели филологического факультета Орловского университета С.Л. Барбашов, М.А. Шинков, Г.А. Тюрин, зав. кафедрой истории и музейного дела института искусств и культуры В.В. Романов.

Возродились Тургеневские праздники. И в этом большая заслуга заместителя председателя Областного Совета народных депутатов М.В. Вдовина и администрации музея И.С. Тургенева в лице его директоров: сначала В.В. Сафроновой, а затем В.В. Ефремовой. Как сказано, «свет и во тьме светит», и в пору «одичания» мы сумели стать у истоков нового возрождения интереса к Тургеневу.

Или вот еще один пример, совсем недавний: когда нависла реальная угроза ликвидации в Орле тургеневской коллекции – передачи её заповеднику «Спасское-Лутовиново» (т.е., по сути, уничтожения старейшего тургеневского очага культуры), наше Общество без колебаний стало на его защиту, наши подписи стоят под разного рода прошениями и обращениями к властям. Здесь мы не ставим целью назвать имена тех, кто пошел наперекор бездумным начальственным решениям, кто сумел отстоять музей для Орла почти в безнадежном деле, порой с риском для себя. Но наша благодарность им неизмерима и неизменна.

Нельзя не вспомнить и тот злосчастный день, когда в заповедное Дворянское гнездо пришли рабочие – приказано было начать демонтаж Дома Калитиных, готовить его к сносу. Тогда лишь ав-

торитет старейших, известнейших членов нашего Общества не позволил свершиться непоправимому. С тех пор мы ежегодно стали приходить к заповедному дому, там даже памятный камень установили – стараниями О.М. Долягиной и Н.М. Кирилловской. Слава Богу, речь теперь не идет о сносе дома, «где нежная грезила Лиза»... Но кто знает? Мы не оставляем надежды, что созданный в 2009 году Попечительский совет по возрождению Дворянского гнезда под председательством М.В. Вдовина сумеет восстановить заветный Дом, как возрождает к жизни сад Дворянское гнездо. Разумеется, мы понимаем необходимость новых усилий с нашей стороны; мы продолжаем работать в сотрудничестве с Попечительским советом.

Оглядываясь на прошедшие годы, все же понимаешь: за истекшую четверть века было сделано немало. Вспоминается, как весной 1996 года мы сидели в первом тогда ещё пустом экспозиционном зале музея, а Н.С. Никитина и Н.П. Генералова объясняли нам принципы затеваемой Тургеневской энциклопедии. Мы сразу же включились тогда в эту работу, понимая, что она станет прочным фундаментом для дальнейших исследований и теоретических обобщений. Статьи этого масштабного коллективного труда стали сейчас публиковаться в материалах новых академических сборников Института русской литературы. Среди авторов – члены нашего Общества: Г.Б. Курляндская, В.А. Власов, В.А. Громов, Е.Н. Ашихмина, Л.М. Александрова, К.А. Седойкина, Е.А. Козеева, С.Л. Жидкова, Е.В. Проц, Т.М. Кривина, Л.А. Балыкова, Г.Н. Павлова, И.Л. Золотарев, Е.А. Кубарев, Л.М. Маричева, М.А. Шинков. В процессе этой работы зародилась мысль издавать совместно с музеем «Тургеневские ежегодники». У нас хранится самая первая, тоненькая, далекая от совершенства книжечка «Ежегодника». Ныне в портфеле у его бессменных редакторов Л.В. Дмитриухиной и Л.А. Балыковой материалы припасены впрок. Особенностью последних лет является включение в «тургеневский» пласт сборника материалов о писателях-орловцах.

А как не вспомнить, сколько дорог мы исколесили вместе? Эти экспедиции давали нам материал для поисков и находок. Первые, ставшие уже легендой, путешествия в Орловское Полесье – к тамошним древним курганам, старинным песням и фантастических

размеров комарам заложили основу для нашей связи с этим былинным краем. Эти экспедиции стали в какой-то мере у истоков «полесской саги» Е.Н. Ашихминой и В.А. Ливцова. Поездка в бывшее имение Шеншиных мценское Волково побудила автора этих строк совместно с В.А. Ливцовым и Л.М. Маричевой связаться с местной администрацией и установить мемориальную доску на здании Волковской средней школы, где в начале 1850-х годов И.С. Тургенев встречался с А.А. Фетом – за шахматной доской или бокалом реддера, в бесконечных разговорах – о литературе или русском хозяйстве, хотя «меж ними все рождало споры». Благодаря нашим усилиям Волково вошло в список памятных мест, связанных с именами классиков-земляков.

Да, мы не оставались в этих экспедициях только прохожими: в процессе их налаживалась связь с местными жителями, интеллигенцией, хранителями родной старины. Параллельно регулярно открывались в школах, местных Домах культуры художественные выставки (авторы А.Т. Молозева и Г.Н. Павлова). Связь с полесскими старожилками вылилась в совместную работу по созданию в селах Ильинское и Льгов народного и школьного музеев, которые мы открывали на излете XX века (1991) и в начале нового столетия (2005) вместе с местными работниками культуры, с Хотынецкой администрацией. Создание этих музеев дало импульс расцвету краеведения в тех местах: в 2016 году пройдут уже VII Полесские чтения, привлекающие внимание не только исследователей Орловского края. Экспозиция народного музея в селе Ильинское «Тургеневское Полесье» (заведующая Л.Н. Нелюдимова) уже четверть века привлекает гостей со всего света. Примечательно, что член Правления нашего Общества В.Н. Блинов, создавший художественную концепцию этого музея, ныне трудится над воплощением в жизнь Тургеневского культурного центра с «музеем одного рассказа» в селе Льгов.

Экспедиции в село 1-й Воин, бывшее имение Новосильцевых, в «апраксинские угодья», открытые для нас Е.Г. Мельник, в Одрин монастырь – к могиле бывшего владельца села Ильинского, вельможи екатерининского времени А. Самойлова, в древний Болхов и в тургеневский Мценск, на Бежин луг, в Тульское Тургенево и затем

– в Клейменово и Сергиевское. Все эти путешествия стали пусть скромным, но, тем не менее, нашим открытием «Тургеневского космоса».

Нельзя не упомянуть о весьма значительном для истории нашего Общества событии – поездке по тургеневским местам Германии. Она смогла состояться благодаря всемерной поддержке администрации нашего музея и высокопрофессиональной организации экспедиции со стороны блестящего знатока немецкого языка Е.И. Ключковой, так сказать, заболевшей темой «Тургенев и Германия» и сумевшей заразить ею своих учеников и читателей: по итогам путешествия она выпустила книжку «Тургенев в Германии».

Во время поездки нам не только удалось наладить связь с Тургеневским обществом Германии (председатель Ренате Эфферн), но также стать у истоков 1-й Тургеневской Международной конференции в Баден-Бадене в 2013 году, где докладчиками выступили В.В. Ефремова, Е.Г. Мельник, Е.И. Ключкова. Мы стали тогда инициаторами объединения всех Тургеневских Обществ России и Европы.

Эти эпизоды истории Общества можно вспоминать бесконечно.

Да, по мере нашего движения «дорогами Тургенева», мы обретали друзей. Нашими единомышленниками на долгие годы стали работники культуры из Орловского Полесья. Радости и горести делят с нами участники Театральной студии «Ювента» (Орловского госуниверситета) во главе с доцентом Н.Н. Смоголь и ведущим артистом, поэтом Антоном Бушуновым.

Увы, мы теряли соратников в пути. Ушли от нас: наш глубокоуважаемый Председатель Г.Б. Курляндская, В.А. Громов, С.И. Федоров, А.И. Понятовский, Ю.В. Семеняко, В.А. Власов, И.А. Ситникова, А.М. Неделина и её дочь Евгения. Не стало О.Н. Попова, Г.А. Яхиной, Н.А. Куделько, Н.М. Перовского, В.Г. Еремина. 2015-й год принес горестную весть о кончине К.А. Седойкиной и Г.А. Диева. Мы помним всех, они продолжают жить в наших сердцах.

С благодарностью вспоминаем мы тех, кто по разным причинам покинул Орел: С.А. Тишину, Л.Д. Серову, Б.Н. Голубицкого, О.М. Нестерову. Мы поддерживаем с ними связь, они неустанно вносят свой вклад в жизнь Общества.

Все же потери были столь чувствительны, что впору было, говоря словами классика, «впасть в отчаяние». Однако мы старались не

сдавать позиций, противостоять беспамятству. «Пускай нас мало, – думали мы, – но малый свет и во тьме светит. Даст Бог, с ним не собьемся с пути...»

И вот мы идем рука об руку уже третий десяток лет! И мы, стоявшие у истоков Тургеневского общества, от души благодарим товарищей, как говаривали в старину, «за веру и верность». Ибо каждый, несмотря на собственные проблемы, возраст и проч., спешил подставить плечо. Р.М. Алексина, Н.М. Кирилловская, В.В. Сафронова не оставляют нас своим попечением, подавая пример гражданственного отношения к сохранению культурного наследия. Е.Н. Ашихмина – не только известный историк и литератор, она ещё и помощник музея в делах выставочных, выступает как художник-декоратор. Превосходный германист А.М. Кокин – не только автор докладов и публикаций, он ещё и радуется нас своими поэтическими экспромтами. Задают высокую планку блистательные философские выступления писателя В.В. Протасова. Постоянным участником заседаний является Л.Н. Иванова – автор самобытных книг. Поддерживают наши усилия по изучению тургеневских мест Л.Н. Иванова, Е.И. Клочкова, Е.А. Козеева, Л.М. Маричева. Свой вклад в деятельность Общества внесли Г.А. и М.Н. Диевы, оставившие нам бесценный материал о Киреевской средней школе. Мы помним содержательные выступления Г.В. Поповой – и на наших заседаниях и на экскурсионном маршруте. С благодарностью вспоминаем темпераментные речи Т.Г. Корпачевой, подготовившей не одно поколение студентов, неизменно вместе с ней посещавших музей. Замечательно проявили себя в организации благотворительной деятельности Общества Е.Г. Мельник и Л.И. Родионова. Мы благодарны секретарям Общества – С.А. Тишиной, Л.И. Балдиной и Г.Н. Павловой за четкую работу с документами; мастерам компьютерной премудрости – Е.Н. Шинковой, А.Н. Антоновой, талантливому фотографу (и, прежде всего, хранителю рукописного фонда музея) Л.Д. Затумовской. Е.И. Олянич – не только неизменный помощник в организации наших экспедиций, но и участник работ в музейном садике – так же как и руководитель музея по научной работе Л.В. Дмитрихина и бесстрашный посланник «милого Спасского» В.П. Волчихина, которая подарила нам особенно дорогие растения из тех мест...

Благодаря ответственной позиции каждого, мы не чувствуем себя в замкнутом пространстве, ощущаем живую связь с миром. К счастью, появились новые товарищи, транслирующие нашу точку зрения обществу: В.В. Глущенко самоотверженно ведет нашу страницу на сайте Orel story. З.Ф. Тарабрина, Н.Н. Смоголь – наши полпреды на страницах местной прессы. Связь с Институтом искусств и культуры поддерживается благодаря Е.Ю. Степановой, Б.А. Леоновой. В Попечительском Совете по возрождению Дворянского гнезда активно работают Е.Н. Ашихмина, В.Н. Блинов, В.В. Сафронова, В.В. Ефремова, С.И. Иванова, до недавнего времени – Б.Н. Голубицкий, К.А. Седойкина; отстаивает интересы отечественной культуры в Орловском отделении ВООПИК Н.М. Кирилловская.

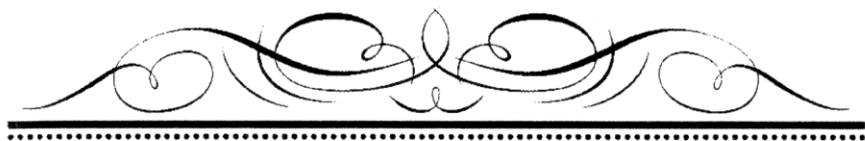
Да, мы выстояли эту четверть века, выстояли в непростых обстоятельствах, несмотря на серьезные потери, нередко равнодушие окружающих, на неравную борьбу за сохранение наследия.

К сожалению, прошедшие годы не сделали нас моложе, не прибавили сил... Разве закалили... Уже давно встал перед нами вопрос об укреплении наших рядов молодыми силами. Увы, долгое время наши призывы оставались гласом вопиющего в пустыне.

Но вот, что-то изменилось вдруг, появились единомышленники в разных уголках; мы поняли, что мы не одни. Продолжились наши контакты с Тургеневским обществом Германии. Ведутся переговоры о совместной деятельности с Тургеневским межрегиональным обществом (Тульская область). Недавно к нам присоединился коллектив Мценской библиотеки им. Тургенева. Возобновились связи с Тургеневским обществом Франции. Надеемся на плодотворное сотрудничество с недавно возникшим Тургеневским студенческим научным обществом (ОГУ) во главе с доцентом С.Л. Барбашовым. Конечно, все эти знаки, видимо, связаны с приближающимся юбилеем И.С. Тургенева – тем лучше: обретя «второе дыхание», мы увидели новые перспективы. Намерены возобновить Литературную гостиную с приглашением современных авторов и литературоведов. Наши товарищи-писатели смогут сыграть здесь решающую роль. Все могли бы внести свою лепту в заинтересованный разговор о традициях и новаторстве, в обсуждение книжных новинок.

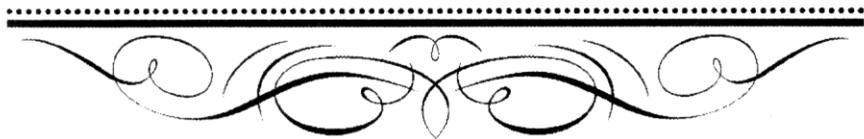
Представляется важным именно сегодня, в преддверии юбилея

писателя-классика вернуться к теме «всемирной отзывчивости» Тургенева, которая проявлялась на каждом шагу и в жизни, и в творчестве писателя. Вот почему в минувшем году мы начали работу студии: «Тургенев: диалоги с классикой», цикл, который ведут Т.М. Кривина и автор этих строк. Вослед Тургеневу мы считаем своим долгом строить мосты культуры между людьми разных стран. Это наша стратегия на много лет вперед. По-прежнему остается актуальной задача, опять-таки завещанная нам Тургеневым, – «стоять на страже» культурного наследия, защищать и изучать его, рассказывать о нем «граду и миру».

I

Научные
исследования
и сообщения

*Н.С. Тургенев-старший брат
писателя*

Н.И. Костомаров

М.Н. Катков

Вл.С. Соловьев

Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879)

Начало 1879 года принесло И.С. Тургеневу несколько трагических известий и стало, как и первая неделя прошедшего 1878 года, «похоронным»¹. Вслед за последовавшей 15 (27) декабря 1878 года внезапной кончиной Н.Н. Тютчева, с которой, по собственному признанию Тургенева, для него в Петербурге исчез «целый дом и приют»², приходят тревожные новости о состоянии брата. Об опасном обороте, который приняла болезнь Николая Сергеевича, писатель узнал 6 (18) января из телеграммы (текст ее неизвестен³), посланной из Петербурга от имени П.К. Маляревского его женой Н.А. Маляревской, приходившейся племянницей покойной жене Н.С. Тургенева – А.Я. Тургеневой (урожд. Шварц)⁴. Он тотчас телеграфировал своему управляющему Н.А. Щепкину в Спасское-Лутовиново с просьбой лично справиться о состоянии брата⁵, находившегося

¹ Ср. письмо к Н. С. Тургеневу от 3 (15) января 1878 г.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2016. Т. 16. Кн. 1. С. 12. Далее ссылки на это издание: Тургенев (2). Письма, с указанием тома и страницы.

² См. письмо к С.Н. Тютчеву от 2 (14) января 1879 г.: Там же. М., 2017. Т. 16. Кн. 2 (в печати). Впервые письмо опубликовано В.А. Черных: Новые письма И.С. Тургенева (Письма к С.Н. Тютчеву и Н.А. Щепкину) // Встречи с прошлым. М., 1976. Вып. 2. С. 54; перепечатано: Громов В.А. И.С. Тургенев и Н.Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 66–67.

³ Именно эту телеграмму Тургенев предположительно процитировал в письме к Н.А. Щепкину от 14 (26) января 1879 г.: «доктор подает мало надежды». См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 19. Далее ссылки на это издание: Тургенев (1). Письма, с указанием тома и страницы.

⁴ Надежда Андреевна Маляревская (урожд. Федорова; 1838–1892) была дочерью сестры А.Я. Тургеневой — Юлии Яковлевны Федоровой (урожд. Шварц; ум. 1901). 11 сентября 1860 г. она вышла замуж за П.К. Маляревского, венчание происходило в Петербурге, в церкви святой мученицы Александры при Александровском лицее (см.: Зайцев В.А. Семейство Маляревских // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 52). Об А.Я. Тургеневой и ее родственниках см. также: Эгле К.К. Малоизвестные материалы об И.С. Тургеневе из рижских книгохранилищ // И.С. Тургенев (1818–1883–1958). Ст. и материалы. Орел, 1960. С. 344–351; Мельник Е.Г. А.Я. Шварц в семье Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 93–102.

⁵ Текст телеграммы см.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 9.

в родовом имени с. Тургенева. Щепкин успел исполнить поручение писателя: по получении телеграммы, как свидетельствует более позднее письмо П.К. Маляревского к Тургеневу, он незамедлительно отправился в Тургенево и «минут за 10 до смерти был у Николая Сергеевича <...> видел Н<иколая> С<ергеевича>, но видел умирающим»⁶. 8 (20) января, телеграмма Щепкина (текст ее также неизвестен) известила писателя о смерти Н.С. Тургенева⁷, скончавшегося 7 (19) января от отека легких. В той же телеграмме Щепкин сообщал, очевидно, что похороны будут проходить в Москве.

Хотя отношения между братьями не были особо доверительными, смерть Николая Сергеевича Тургенев переживал тяжело. 9 (21) января он с горечью написал Г. Флоберу: «Вчера я получил известие о смерти моего брата; для меня это большое личное горе, связанное с воспоминаниями о прошлом. – Мы виделись с ним очень редко – и между нами не было почти ничего общего... однако брат... иногда это даже меньше, чем друг, но все же нечто совсем особое. Не такое сильное, но более близкое»⁸. Особенно болезненно он воспринял то обстоятельство, что слишком поздно узнал о безнадежном положении брата, видя в этом злой умысел со стороны П.К. Маляревского, семья и родственники жены которого согласно завещанию становились, как было заблаговременно известно писателю, основными наследниками усопшего.

Между тем кончина брата, умершего бездетным вдовцом, поставила писателя как единственного ближайшего родственника по боковой линии (т.е. в данных обстоятельствах, по действовавшему

---

⁶ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об. Письмо от 25 января ст. ст. 1879 г.

⁷ О том, что Тургенев получил телеграмму Щепкина 8 (20) января, свидетельствует письмо самого Тургенева к Г. Флоберу от 9 (21) января 1879 г. (см. далее), а также запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой, зафиксировавшей 8 (20) января поездку своего младшего брата — А.Н. Тургенева в Париж и посещение им И.С. Тургенева, «который узнает о смерти брата!» (см.: Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 394).

⁸ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 12. Подлинник по-франц. О том же он писал и П.В. Анненкову 12 (24) января 1879 г.: «Сообщаю Вам, любезнейший Павел Васильевич, постигшее меня горе: в прошлое воскресенье брат мой Николай Сергеевич скончался в тульской деревне. Мы с ним видались редко, интересов общих не имели ... а все-таки: брат! Тут есть кровная, бессознательная связь, которая сильнее многих других» (Там же. С. 15).

тогда законодательству, единственного законного наследника до оглашения завещания) перед насущной необходимостью немедленных действий для защиты своих наследственных прав. Не в малой степени опасался Тургенев и злонамеренных действий со стороны Маляревского, который, как ему казалось, мог лишить его причитавшейся ему по завещанию доли. «Мой покойный брат был человеком несметно богатым, – писал он, например, Флоберу,⁹– но все свое состояние он оставил родственникам жены. – Мне же (как он мне писал) он отказал 250 000 фр. (это приблизительно одна двадцатая часть его состояния¹⁰) – но так как люди, окружавшие его в последние годы, весьма смахивают на мошенников – мне, видимо, придется немедля отправиться на место действия – наследство моего брата может очень легко испариться!»¹¹. В схожих выражениях он писал и другим своим корреспондентам – А.В. Топорову 11 (23) января, П.В. Анненкову 12 (24) января, М.М. Стасюлевичу 17 (29) января.

Неизвестно, когда мнение Тургенева о П.К. Маляревском и его семье изменилось в худшую сторону. Как свидетельствуют письма к нему Тургенева, написанные летом 1876 года, когда писатель был вынужден заменить своего управляющего Н.А. Кишинского на Н.А. Щепкина, он прибегал к помощи Маляревского в оценке «живого инвентаря» в Спасском и к другим его услугам¹². Судя по письмам-отчетам Маляревского к Н.С. Тургеневу, которого он неизменно называл «дядей», подчеркивая тем самым близкое родство, отношения между ним и И.С. Тургеневым сложились вполне доверительные, во время приездов писателя на родину они неоднократно приглашали друг друга к обеду¹³, в свою очередь в письмах к брату И.С. Тургенев неизменно передавал приветы Маляревскому и членам его семьи. Так, в письме от 8 (20) июля 1876 года Малярев-

---

⁹ В письмах к русским корреспондентам Тургенев указывал сумму в 100 000 руб., что примерно соответствовало 250 000 франков (см., например, письмо к А.В. Топорову от 11 (23) января 1879 г.: Там же. С. 14).

¹⁰ О реальном размере состояния Н.С. Тургенева, оставшегося после его смерти, см. ниже.

¹¹ Там же. С. 12-13.

¹² См., например: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4390, 4395.

¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 180. Л. 2 об. и след.

ский сообщал Н.С. Тургеневу, что получил от его брата письмо «и понял, что И<ван> С<ергеевич> в беспокойстве. Вместо того чтобы отвечать письменно, сам лично в понедельник отправился к нему в Спасское. Он, как видно, и не ожидал такой любезности. Он видимо повеселел и все время называл меня другом и приятелем, сам подавал спички, вообще был любезен, ласков так, как я его еще никогда не видел, но при этом по обыкновению прост во всем обращении»¹⁴. Войдя в подробности проделок Кишинского, Маляревский был готов взять на себя наблюдение за исполнением контрактов по имениям Тургенева Кадное и Тапки (Топки), а также Спасского, «из уважения к Вам, дядя, ради всего того, что Вы для нас сделали, без всякого вознаграждения со стороны И<вана> С<ергеевича>»¹⁵. В письме от 15 (27) июня 1876 года Маляревский подробно описал приезд Тургенева в имение брата 12 (24) июня и обед с ним, а также заметил: «Вы знаете, что я влюблен в Ивана Сергеевича, а потому мне очень приятно писать о нем подробно до мелочей и для того, чтоб показать Вам его здоровье»¹⁶.

Стремясь обезопасить себя, уже 8 (20) января 1879 года – в ответ на полученную в этот день телеграмму Н.А. Щепкина с сообщением о кончине брата – Тургенев телеграфировал ему в Спасское, предписывая присутствовать от его имени при наложении печатей на имущество Н.С. Тургенева¹⁷, а на следующий день, 9 (21) января, отправил письмо с подробными инструкциями, из которого следует, что он изначально предполагал лично присутствовать при вскрытии завещания и снятии печатей в Тургеневе, а также надеялся успеть на похороны. Немедленному отъезду в Россию помешал сильный приступ подагры, который обездвижил его за неделю до этого. В письмо к Щепкину было вложено также письмо для П. К.

---

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 10 об.–11. Этот визит не отмечен в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)» (СПб., 2003). Фрагмент письма с описанием визита Тургенева, но с ошибочной датой (15 июля <1876 г.>) приведен в статье: Зайцев В.А. Семейство Маляревских. С. 54. См. также: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 473, примеч. 1 к письму 4374.

¹⁷ Текст телеграммы неизвестен, но о ее содержании Тургенев упомянул в письме к Щепкину от 9 (21) января 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 10.

Маляревского, в целом повторявшее содержание письма к управляющему, однако оно не было передано последним по назначению¹⁸. О причинах, побудивших удержать данное письмо, Щепкин уведомил Тургенева 23 января ст. ст.¹⁹ Хотя письмо Щепкина неизвестно, можно предположить, что речь шла о неблагоприятных поступках Маляревского, которого Щепкин подозревал в мошенничестве. Решение это было одобрено и самим Тургеневым, просившим позже уничтожить свое письмо к Маляревскому, тем не менее пожелание писателя исполнено Щепкиным не было²⁰.

Имеющиеся в наших руках документы не позволяют однозначно судить о том, насколько обоснованы были подозрения Тургенева в отношении Маляревского, но они, очевидно, во многом подкреплялись сведениями, которые поступали от его управляющего, присутствовавшего при смерти Н.С. Тургенева и последующем наложении печатей на его имущество.

Так, «горестью и негодованием» исполнен ответ Тургенева на письмо Н.А. Щепкина от 8 января ст. ст. 1879 года, в котором сообщались некоторые подробности о болезни и кончине брата²¹. «Как? – писал Тургенев 14 (26) января, – бедный мой брат уже с конца прошлого года был безнадежен, доктора даже предсказывали его близкую кончину – а г. Маляревский не только не известил Вас – но даже мне послал телеграмму – не раньше кануна смерти – и то из Петербурга – и то с словами: “доктор подает мало надежды” – а брат уже был в агонии!! Очевидно – все это было прилажено с той задней мыслью, как бы я не приехал и не повлиял на брата насчет завещания. Могу уверить г-на Маляревского, что я совершенно равнодушен к денежному вопросу – и охотно предоставляю ему пользоваться всем, что брат ему оставил; но что я никогда ему

---

¹⁸ Текст его см.: Там же. С. 11–12.

¹⁹ Еще ранее, по получении письма Щепкина, сообщавшего подробности описи и наложения печатей на имущество Н.С. Тургенева в его имении, сам писатель признавался: «...если б я знал, что он за птица — я бы совсем к нему не писал. Если бы, паче чаяния, Вы бы этого письма (т.е. письма к Маляревскому от 14 (26) января 1879 г. — Н.Г., В.Л.) еще не отдавали – то оставьте его у себя» (Там же. С. 23–24).

²⁰ См. письмо к Щепкину от 27 января (8 февраля) 1879 г.: Там же. С. 29.

²¹ Текст этого письма Щепкина неизвестен.

не прощу, это то, что он лишил меня возможности хотя письменно или по телеграфу выразить мое сочувствие брату, проститься с ним; я не прощу ему того, что по его милости брат на смертном одре мог подумать, что я его забываю – и что, может быть, он умер с этой мыслью!! Это глубоко возмутительный поступок – и вполне достойный человека, которого М.Н. Муравьев употреблял чуть ли не в роли палача»²². Именно Щепкин, по-видимому, сообщил Тургеневу, что Маляревский намеренно не известил его об ухудшении болезни Николая Сергеевича, «несмотря на его (Н.С. Тургенева. – Н.Г., В.Л.) усиленные и повторенные просьбы»²³. Возмутило Тургенева и то, что Маляревский не посчитал нужным лично оповестить его о смерти брата, а также согласовать дату погребения. Негодование его было столь велико, что он в тот же день – 14 (26) января – параллельно с письмом послал управляющему телеграмму, в которой просил передать Маляревскому, что не разрешает хоронить брата в свое отсутствие²⁴, то же требование было продублировано и в письме к Щепкину от 14 (26) января: «Я требую от г. Маляревского немедленного извещения: мне кажется даже, что назначение дня похорон зависит от меня, как единственного законного наследника; в таком случае я требую, чтобы мне был сделан запрос – и я отвечу телеграммой»²⁵. Однако требование Тургенева, как будет видно из дальнейшего изложения, запоздало.

Несомненно, Щепкин передал Маляревскому содержание данного письма, поскольку последний вынужден был объяснять свое молчание, прибегнув к довольно высокопарным оправданиям. 25 января ст. ст. 1879 года он писал Тургеневу: «Торжество смерти при кончине сердечно любимого Николая Сергеевича, само собою

---

²² Там же. С. 19–20. Упоминание графа М.Н. Муравьева, по предположению В.А. Зайцева, говорит о том, что Тургеневу, очевидно, было известно, за что заведовавший Волковским лесничеством в Гродненской губернии и не участвовавший «ни в сражениях, ни в походах против неприятеля» П.К. Маляревский был награжден медалью «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.» (см.: Зайцев В.А. Семья Маляревских. С. 53).

²³ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 22. Письмо к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же.

разумеется, отозвалось во мне потрясающе, тем более, что мне еще впервые пришлось видеть, как умирает человек! Расстроенный, потрясенный с основания во всем своем бытии, я чувствовал, что к первому, к кому я должен писать – так это к Вам и как к брату и как к другу покойного – но не мог! Я мог распоряжаться, мог телеграфировать, но спокойно выражаться не мог, – потому до сего времени не писал к Вам»²⁶. Вряд ли подобное объяснение могло удовлетворить писателя. Кроме того, Маляревский совсем уж неуклюже объяснял невозможность послать телеграмму в Париж незнанием иностранных языков и отсутствием у него адреса Тургенева²⁷. Последнее лишь подтвердило подозрение Тургенева в умышленном замалчивании реального положения дел, поскольку Маляревский, хорошо знакомый с Н.А. Щепкиным, мог без труда известить находившегося в Спасском управляющего, однако предпочел этого не делать.

В том же письме Маляревский подробно описал, очевидно со слов врачей, как развивалась предсмертная болезнь Н.С. Тургенева, у которого зимой на теле («выше паха левой (больной) ноги – на животе и ниже того же паха») появились новообразования («желваки»), в одном из них началось нагноение, и с 29 на 30 декабря ст. ст. 1878 года оно было вскрыто его лечащим врачом Александром Матвеевичем Рудневым (выпускником Петербургской медико-хирургической академии, которую он окончил с отличием в 1866 году, служившим в 1879 году ординатором в Тульской земской больнице), после чего состояние больного резко ухудшилось. 30 декабря ст. ст. Н.С. Тургенев «почувствовал лихорадку и легкий кашель», а в ночь с 31 декабря на 1 января ст. ст. стало ясно, что положение его безнадежно, «что у него правое легкое уже все поражено воспалением, воспаление уже частью перешло на левое, притом отек легких и неправильное биение сердца».²⁸

Маляревский вместе с женой и дочерью в тот момент находился в Петербурге, куда выехал из Москвы 24 декабря ст. ст. 1878 года и где рассчитывал, по его словам, остаться до весны. Он прибыл

---

²⁶ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 1 об.

в Тургенево лишь 4 января ст. ст. 1879 года, хотя уже 1 января ст. ст. получил телеграмму о тяжелом состоянии больного. Как следует из того же единственного уцелевшего письма Маляревского к И.С. Тургеневу от 25 января ст.ст. 1879 года, цель поездки в Петербург была вполне конкретной: хорошо зная положение имущественных дел своего покровителя и оценив всю опасность его болезни, Маляревский пытался предпринять шаги по оформлению одного из имений Н.С. Тургенева – сельца Долгого. Очевидно, он рассчитывал, что успеет включить в текст завещания и эту часть наследства, которая, ввиду ускорившихся событий, в конце концов отошла к брату усопшего.

Узнав по приезде в Тургенево, «что доктор, бывши накануне, т. е. 3, объявил, что больной безнадежен; что Н<иколай> С<ергеевич> сам по желанию своему уже исповедовался и приобщился», Маляревский «распорядился составить консилиум»²⁹, который состоялся 6 января ст. ст., однако по его же признанию, «больше для успокоения собственной совести, чем для предполагаемой пользы»: «Доктора из Тулы – тот же Руднев, товарищ его по Земской больнице <Василий Алексеевич> Ульянинский и Оружейного завода доктор Шмелеро, – подтвердили предрешение Руднева — объявив, что у больного уже распалось правое легкое. Сердце сжалось мучительно тяжело.....»³⁰. «Зажгите лучинку, погасите пламя, а затем следите за углем на лучинке – он потухнет, – так потух и Николай Сергеевич – тихо, молча, без страданий, – писал Маляревский. – Он не угас, как угасает, напр<имер>, лампада – то вспыхнет, то погасает; он именно потух; даже нельзя определить момент смерти. – Он скончался 7 января между половиною 6-го и $\frac{3}{4}$ шестого. Дня за 3 до смерти он страдал, жалуясь на боль внутри со стороны спины, – у него ослаб мочевого пузыря, – он весь ослаб, но память редко изменяла ему. Он вспоминал чаще всех Вас, и меня, мою жену и дочь. Юлия Яковлевна (Федорова, сестра А.Я. Тургеневой, мать Н.А. Маляревской. – Н.Г., В.Л.) в полном значении ни днем, ни ночью не отходила от больного, и он умер, глядя руку ее, а она щеку его»³¹.

---

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же.

Исполняя поручение писателя, данное в телеграмме от 8 (20) января 1879 года, 9 и 10 января ст. ст. Н.А. Щепкин присутствовал в Тургенево на процедуре описания имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. Некоторое представление о том, как это происходило, дает упомянутое выше письмо Маляревского к Тургеневу, согласно которому 7 января ст. ст., в день смерти Н.С. Тургенева, «в 10-ть часов вечера помощник исправника <коллежский асессор Михаил Николаевич> Туленинов, Ваш сосед по Спасскому, уже опечатал комнату покойного и сообщил мировому судье, распоряжением которого судебный пристав при съезде мировых судей, Протасов, при бытности Щепкина, 9-го января составил опись имуществу»³². Возможно, при процедуре описания имущества в Тургенево находился также двоюродный брат Тургенева – Н.П. Тургенев, которого об ухудшении состояния Н.С. Тургенева Маляревский оповестил нарочным еще 4 января ст. ст. (в тот же день была послана и телеграмма Е.П. Крюгер в Москву). В письме к Тургеневу Маляревский упоминает, что Николай Петрович приехал в Тургенево примерно 5 минут спустя после приезда Н.А. Щепкина и остался на ночь³³.

В архиве Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева сохранилась заверенная копия с копии данной описи, составленной исполняющим должность судебного пристава при Чернском съезде мировых судей, губернским секретарем Леонидом Семеновичем Протасовым «согласно предписания господина мирового судьи 1 участка Чернского округа от 8 января сего 1879 года за № 33»³⁴, в присутствии волостного старшины Тургеневской волости Филиппа Васильева Арнаутова, а также крестьян села Тургенево Бориса Михайлова Афанасьева и Константина Ефимова Молчанова. Описанное имущество, кроме «ценных вещей, а равно и денег и документов», принял на хранение П.К. Маляревский, который являлся согласно завещанию, обнаруженному в Тургенево,

---

³² Там же. Л. 2 об.

³³ Там же.

³⁴ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 1. Мировым судьей 1-го участка Чернского округа в это время значился коллежский секретарь Василий Александрович Кретов (см.: Памятная книжка Тульской губернии на 1879 год. Тула, 1879. С. 45).

душеприказчиком Н.С. Тургенева³⁵. Здесь же упомянуто, что «при описи находился поверенный коллежского советника (sic! — Н.Г., В.Л.) Ивана Сергеевича Тургенева дворянин Николай Александрович Щепкин, нашел опись неполною и подал заявление»³⁶. Текст этого заявления неизвестен, но о сути претензий Щепкин тотчас известил Тургенева в письме, отправленном им, по-видимому, сразу по завершении составления описи имущества в Тургенева или на следующий день, т.е. 10 или 11 января ст. ст. Писатель откликнулся 17 (29) января. Хотя текст письма Щепкина также остается неизвестным, можно с уверенностью предполагать, что в нем он обвинил Маляревского в сокрытии 20 000 руб. наличными до наложения печатей³⁷. Здесь же Щепкин впервые (вероятно, со слов Маляревского или после личного ознакомления) ознакомил Тургенева с основными положениями духовного завещания Н.С. Тургенева, указав общий объем наследства, который составлял 502 000 руб.³⁸, а также более точную сумму, оставленную им брату, – 55 000 руб. (а не 100 000, как полагал ранее писатель). Забегая вперед, необходимо особо подчеркнуть, что последняя цифра, как выясняется, не являлась окончательной. Упомянул в этом письме Щепкин и о той части наследства, которая не была включена в завещание (речь шла как о наличном капитале, так и недвижимом имении, в частности о сельце Долгом). Кроме того, Щепкин выслал Тургеньеву обещанный им еще в письме от 8 января ст. ст. образец доверенности, которую надлежало оформить на его имя для ведения дел по наследству и заверить в генеральном консульстве в Париже. Текст данной доверенности, подписанной Тургеньевым 17 (29) января 1879 года, ранее считался неизвестным, но был недавно обнаружен С.А. Ипатовой

---

³⁵ В описи имущества оно значится под № 128: ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 6 об.

³⁷ Об этом Тургенев упомянул также в письме к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 22. В описи имущества, составленной после смерти Н.С. Тургенева, под № 170 числится «наличных денег кредитными билетами, серебром и медью» всего 1 231 руб. 79 коп. (ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 6).

³⁸ Отметим, что указанная Тургеньевым в письме к М.М. Стасюлевичу от 17 (29) января 1879 г. сумма в 520 000 руб. относилась к фактическому объему наследства на момент смерти Н.С. Тургенева и была сообщена писателю Щепкиным со слов Маляревского (см.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 22).

в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. В ней Тургенев уполномочивает Щепкина «ходатайствовать об утверждении меня в правах наследства к имению, оставшемуся после смерти родного брата моего надворного советника Николая Сергеевича Тургенева, об утверждении составленного им в мою пользу духовного завещания, о вводе меня во владение оставшегося после него недвижимым имением и о передаче мне движимого имущества и капиталов, принять все оставшееся после него в Ваше заведование, а до принятия заботиться о сбережении и сохранении всего»³⁹.

Из письма Щепкина Тургенев узнал и о том, что вопрос с похоронами к тому времени был Маляревским уже окончательно решен. 14 (26) января в «Московских ведомостях» было напечатано следующее объявление: «Надежда Андреевна и Порфирий Константинович Маляревские с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине Николая Сергеевича Тургенева, последовавшей 7 сего января, в 5 часов пополудни, в селе Тургенево. Погребение будет в Москве, куда тело последует по Московско-Курской железной дороге, в ночь с 16 на 17, – в Новодевичьем монастыре. Особых приглашений не будет»⁴⁰. Сам Н.А. Щепкин не позднее 14 января ст. ст. отправился в Москву для наблюдения за описью имущества в городском доме Н.С. Тургенева на Пречистенке. «...У меня до сего время ни одной минуты не было свободной, – замечал он по этому поводу 17 января ст. ст. 1879 года в письме к жене Софье Георгиевне, — но наконец вчерась вечером всё окончили по описи движимости в доме. Маляревский был очень озадачен моим неожиданным приездом в Москву. – Но все-таки они очень хитры, успели заранее всё обработать, но все-таки в доме довольно много оказалось мебели хорошей»⁴¹. Посланная же Щепкину Тургеневым 14 (26) января телеграмма с требованием не хоронить брата без него была получена в Спасском его женой и переслана ему в Москву. В том же письме от 17 января ст. ст. Щепкин сообщал жене: «Телеграмму от тебя я

---

³⁹ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 16. Кн. 2, раздел «Официальные письма и деловые бумаги».

⁴⁰ См.: Московские ведомости. 1879. 14 января. № 11.

⁴¹ ОГЛМТ. Инв. 312 оф. Л. 1–1 об.

получил, в которой ты даешь знать мне, что И<ван> С<ергеевич> не дозволяет хоронить Н<иколая> С<ергеевича> до распоряжения его, а Маляревскому жена телеграфировала так, что: И<ван> С<ергеевич> разрешает хоронить Н<иколая> С<ергеевича>, вероятно, она всё врала в телеграмме. Маляревский на телеграммы мало обратил внимание и сказал, что он останавливать хоронить не станет, потому что в Новодевичьем монастыре церкви теплые, отчего и тело держать долго нельзя, хотя я его просил это сделать»⁴².

Похоронен Н.С. Тургенев был, очевидно, 17 января ст. ст. 1879 года на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, в семейном склепе, возведенном им для своей жены А.Я. Тургеновой, умершей 23 марта ст. ст. 1872 года⁴³. Н.А. Щепкин в этот день ездил на вокзал встречать тело Н.С. Тургенева⁴⁴. В упомянутом выше единственном сохранившемся письме Маляревский подробно описал трогательное прощание с Н.С. Тургеновым его бывших крепостных в с. Тургенева, отпевание и перевоз тела в Москву: «Тело стояло в зале большого холодного дома. Отпевание совершено 14-го в церкви села Тургенева, а с 16-го на 17-ое тело, сопровождаемое священником села Тургенева, проследовало по железной дороге в Москву, а затем с вокзала в Новодевичий монастырь, где и поставлено в склепе, еще при жизни заготовленном самим Николаем Сергеевичем, рядом с гробом покойной супруги его. Всюду, как в деревне, так и в Москве, похороны были парадные; — было все, что обычай и люди до сего времени придумали, лучшего, почетнейшего для отдания последнего долга любимому, чтимому, незабвенному существу!.....»⁴⁵.

И.С. Тургенев на похоронах брата присутствовать не смог. Он приехал в Россию 8 (20) февраля 1879 года, неожиданно задержавшись во Франции в связи с участием в делах Г. Флобера. В Москве он оказался лишь 14 (26) февраля с тем, чтобы присутствовать на утверждении к исполнению завещания Н.С. Тургенева и своих прав на наследство в Московском окружном суде, которое было назна-

---

⁴² Там же. Л. 1 об.—2.

⁴³ См.: <Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л.> Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 232–233.

⁴⁴ ОГЛМТ. Инв. 312 оф. Л. 1.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 2 об.

чено на 25 февраля ст. ст., но затем отложено до 28 февраля ст. ст. К этому времени, однако, писатель уже успел ознакомиться с текстом духовного завещания брата, а также с двумя описями имущества⁴⁶, нотариально заверенные копии которых были предусмотрительно высланы ему П.К. Маляревским в неоднократно цитированном выше письме от 25 января ст. ст. 1879 года.

Как показывают сохранившиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки документы дела об утверждении нотариального духовного завещания Н.С. Тургенева, открытого Московским окружным судом 28 февраля и закрытого 14 марта ст. ст. 1879 года⁴⁷, завещание Н.С. Тургенева было составлено в с. Тургенево и заверено еще 14 ноября ст. ст. 1877 года чернским нотариусом А.Ф. Белобородовым⁴⁸.

Согласно этому завещанию общая сумма наличного и долгового капитала Н.С. Тургенева составляла 502 000 руб. Душеприказчиком был назначен, как уже упоминалось, П.К. Маляревский, который, как и его жена Н.А. Маляревская, стали главными наследниками, получив по завещанию более 300 000 руб., причем родовое имение Тургенево, а также сельцо Слободка и хутор Велевашев по закладной в 150 000 руб. числились за Маляревской еще с 13 ноября ст. ст. 1877 года⁴⁹. Ей же был оставлен и московский дом на Пречистенке «с местом». Сам же Маляревский получал мельницу при Стекольной Слободке в 20 000 руб. (по закладной с А.В. Чедаевым от 3

---

⁴⁶ Речь идет об упоминавшейся описи имущества Н.С. Тургенева, оставшегося после его смерти в селе Тургенево, одна из копий которой ныне хранится в ОГЛМТ, а также об описи имущества в доме Н.С. Тургенева в Москве, текст которой остается неизвестным.

⁴⁷ РГБ. Ф. 306 (И.С. Тургенев). № 10.

⁴⁸ Нотариальная копия этого завещания Н.С. Тургенева, заверенная печатью московского нотариуса С.А. Кедрова 16 (28) марта 1879 г., хранится в ОГЛМТ (Инв. 249 оф.). Копию «Выписи из актовой книги чернского нотариуса Андрея Белобородова для актов на недвижимое имущество за 1877 год» см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 23–27 об. Согласно принятому в то время законодательству, в случае нотариального оформления подобная выпись, выданная завещателю, была равносильна подлинному завещанию. Она выдавалась сразу же после подписания завещания в актовой книге в обязательном присутствии установленных по закону трех свидетелей подписания завещания.

⁴⁹ Подобная форма передачи имущества была применена, поскольку при наличии кровных родственников родовые имения не подлежали завещанию.

февраля ст. ст. 1876 года) и имение Сычи (Сычево), Никольское тож, Мценского уезда Орловской губернии (по собственной закладной Н.С. Тургенева от 26 марта ст. ст. 1876 года) в 150 000 руб., а также по заемному письму А.Ф. Карцева и векселю Э.И. Крюгера 7 500 руб.; всего же на сумму 177 500 руб.

Не были забыты и другие родственники покойной жены Н.С. Тургенева: брат Егор Яковлевич Шварц и его дети получили 50 000 руб., столько же досталось Елене Ивановне Шварц и ее дочерям, 19 500 руб. было оставлено родной сестре А.Я. Тургеновой и матери Н.А. Маляревской — Ю.Я. Федоровой, жившей вместе с семьей дочери в с. Тургенева и там же впоследствии похороненной.

Следует отметить, что имя дочери Маляревского, А.П. Маляревской, в завещании Н.С. Тургенева не фигурирует, хотя, судя по более ранним письмам И.С. Тургенева, именно ей первоначально Николай Сергеевич собирался завещать большую часть своего состояния⁵⁰. Тем не менее упоминание А.П. Маляревской как главной наследницы Н.С. Тургенева бытует в специальной литературе⁵¹.

Брату по завещанию 1877 года Н.С. Тургенев оставлял 55 000 руб., причем, помимо 22 200 руб. наличным капиталом, оставшуюся сумму составляли 22 800 руб., которые должны были выплатить купец А.В. Чедаев (по контракту на рубку леса) и С.О. Бородаевский (по долговому векселю в 10 000 руб.). Однако со времени подписания завещания состояние Н.С. Тургенева, прежде всего в отношении поименованных в нем денежных обязательств третьих лиц, претерпело некоторые изменения. Кроме того, обнаружилось имущество, относительно которого Н.С. Тургенев в завещании не оставил никаких распоряжений. В связи с этим в упомянутом выше письме к Тургенеvu Маляревский привел скрупулезным образом

---

⁵⁰ Так, 18 (30) ноября 1872 г. Тургенев писал брату: «Я очень рад, что ты собираешься превратить свое имение в капитал: и спокойнее, и свободнее. Передачу Тургенева Анюте я тоже вполне одобряю; она премилая девочка — да и, кроме того, ничего не может быть приятнее сердцу, как обеспечивать существование существ любимых или близких тем, которых мы любили <...>. Лучше пусть владеет Анюта или дочь г-жи Виардо, чем наши так называемые наследницы» (см.: Тургенев (2). Письма. Т. 12. С. 59).

⁵¹ См., например: Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev: Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. Paris, 1989. P. 247; Flaubert G. Correspondance / Ed. de Jean Bruneau. Paris, 2007. T. 5. P. 1321.

составленный им расчет всего имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, а также той части, которая в итоге причиталась писателю и по его подсчетам равнялась 78 001 руб. Приводим целиком эту часть письма, представляющего собой уникальный документ, своеобразный образец если не «старинного», то во всяком случае «новейшего» «крючкотворства».

*Из письма П.К. Маляревского к И.С. Тургеневу
от 25 января (6 февраля) 1879 года⁵²*

Из духовной видно, что при совершении ее завещателем объявлено капитала:

НАЛИЧНОГО 54 700 руб. ДОЛГОВОГО 447 300. ВСЕГО 502 000⁵³.

А из описи № 1 видно, что после смерти завещателя оказалось капитала, значащегося в описи под №№ 159–160–161–162–163–167–168 и 170.

НАЛИЧНОГО 133 914 руб. 79 коп. (оба билета 1-го и 2-го займа с выигрышами я считаю пока по 231 ру<б>. каждый).

Значащиеся в той же описи под №№ 119–130–131–132–134–135–136–137–138–139–140–141–142–143–144–145–146–147 и 148. Капитала ДОЛГОВОГО 420 256. Но в духовной из вышеписанных номеров №№ 143–144–147 и 148 на сумму 17 656 руб. никому не завещаны, а так как они (т. е. документы) совершены ранее 14-го ноября 1877, дня совершения духовной, и находились на хранении в руках завещателя, то следовательно завещатель знал о их существовании, но все-таки никому не завещал; а потому они по нашим отечественным законам принадлежат Вам — как прямому по брате наследнику.

Документы же, значащиеся под №№ 139–140–141–142–145 и 146, хотя одинаково никому не завещаны, но как совершенные после совершения духовной, т.е. после 14-го ноября 1877, по смыслу в ней выраженному словами: «Если же назначенный мною по сему заве-

---

⁵² См.: РГАЛИ. Ф. 509. Оп. 1. № 114. Л. 3-6.

⁵³ Слова, подчеркнутые Маляревским одной чертой, выделены курсивом, двумя чертами — полужирным курсивом. — Н.Г., В.Л.

щанию наличный и долговой капитал увеличится или уменьшится по день смерти моей, то и выдачи каждому лицу произвести пропорционально изменению капитала» — поступают в общий раздел наследникам по завещанию.

Итак, вычитая из долгового капитала 420 256 рублей 17 656 руб., поступающие в пользу Вашу как наследнику по брате, долговой капитал выражается цифрой 402 600.

Мало того: так как в духовной изображено что: «Если какие-либо денежные обязательства, здесь (в духовной) поименованные, при жизни моей будут платежами погашены, то взамен их лицу, которому они мною по сему завещанию назначены, выдать из капитала, поступившего из того обязательства». Из числа же долговых документов, поименованных в духовной: 1) вексель Бородаевского в 10 000 заменен закладной от него же и в равной сумме, и только два документа всецело погашены платежами — это вексель Карцева в 6 500 руб. и закладная Олсуфьева в 50 000. Погашены же в части закладная Абрашина и контракт с Чедаевым, значащиеся под №№ 130 и 131. Об этих двух документах с точностью в настоящее время сказать не могу, так как под руками их не имею, потому что подлинные хранятся у мирового судьи, а копии в руках контрагента и залогодателя; но обращаясь к памяти, припоминаю, что они совершены в 1876 году и что Абрашин обязан уплатить в 1878 году и он действительно уплатил 4 000. Чедаев же с 1876 года по 2 850 руб. в год, а за 3 года он уплатил 8 550 руб. Всего уплочено по обоим документам 12 550 руб., которые состоят в числе суммы наличного капитала. Следовательно, оба эти документа за уплатою по ним части долга стоимостью понизились на сумму платежа 12 550; между тем в опись по этим двум документам долговой капитал занесен полною суммою при первоначальной их редакции, почему долговой капитал, поступающий в раздел наследникам по духовной, должен быть понижен на столько, на сколько уплата произведена, так как этот платеж поступил в наличный капитал. (Тот, кому эти два документа по духовной назначены, потери не имеет, потому что уплоченное по документу, кому он назначен, «получает из капитала, поступившего из того обязательства», как выражено в духовной.) Отсюда следует, что долговой капитал, поступающий в раздел, уменьшается еще

примерно на 12 550 и будет составлять не 402 600, а за вычетом 12 550 руб., всего 390 050 руб. Решаюсь из сего вычесть еще 600 руб. по простым распискам Варвары Николаевны Житовой по описи № 145 и Елисаветы Петровны Крюгер № 146, ввиду затруднительности получения по ним (а если получатся, то тогда и разделятся). Теперь долговой капитал, поступающий в раздел, за вычетом этих 600 руб. из 390 050 выражается суммою 389 450.

Итак, после смерти оказалось капитала

НАЛИЧНОГО 133 914 руб.<6.> 79 к. — ДОЛГОВОГО 389 450. —
ВСЕГО 523 364 р. 79.

При совершении духовной завещателем объявлено капитала

НАЛИЧНОГО 54 700 рублей ДОЛГОВОГО 447 300 р. Всего
502 000.

Следовательно, сумма капитала наличного и долгового увеличилась на 21 364 р.79.

Эти 21 364 руб.79 коп., по смыслу духовной, поступают в раздел и раздел пропорциональный, т. е. $502\,000 : 21\,364\text{ р. }79 = 1000 : x$. Отсюда $x = 21\,364,79 \times 1000 / 502\,000 = 4\,255\,93$ коп., т. е. на каждую 1000 следует добавочных по 42 р. 55 93/100 копейки.

Затем мне остается объяснить значение и стоимость тех документов, которые поступают в пользование Ваше, как по духовной, так и помимо ее.

В духовной назначено Вам 55 000 ⁵⁴, в то число:

1) Вексель Бородаевского заменен закладной, совершенной с таким условием, что за два месяца, т.е. 10 декабря, до срока платежа капитала 10-го февраля каждого года в продолжение 9-ти лет Бородаевский обязан испросить согласие на отсрочку платежа капитала в следующий год, уплатив предварительно %; а так как 10-ое декабря 1878 г. истекло при жизни Николая Сергеевича и Бородаевский % за год вперед с согласия его уплатил, то и платеж капитала отсрочен ему по 10-ое февраля 1880 года. Теперь уже от Вас зависит не изъявлять согласия на отсрочку платежа 10-го декабря 1879 года, и Бородаевский 10-го февраля 1880 года уплатит капитал, иначе кроме его уплатит еще неустойки 3 000 руб.

---

⁵⁴ Исправлено Маляревским, было: 50 000.

Эта закладная стоимостью ..... 10 000.

Но может быть, я смогу быть Вам полезным тем, что мне удастся, если пожелаете, обменять его закладную на чистый капитал тотчас по переходе ее в ведение Ваше. Впрочем, это дело до духовной не касается.

2) Контракт с Чедаевым совершен в 1876⁵⁵ году на 10 лет. Срок платежа 10-ое января каждого года. При редакции был суммою 28 500 руб. Ко дню совершения духовной 14 ноября 1877 года произведенными платежами за 1876 и 1877 по 2 850 рублей в год — выразился суммою 22 800 руб., в каковой цифре в духовной упомянут, но за уплатою в 1878 году еще 2 850 руб. после духовной, совершенной в 1877 году, долговой платеж уменьшился и контракт выразился суммою 19 950.

3) Зато таким платежом от Чедаева 2 850 рублей увеличился наличный капитал, а потому Вам следует получить наличного капитала не 22 200 руб., как значится в духовной, а уже 22 200 + 2 850, т.е. 25 050.

ВСЕГО — 55 000.

По слухам мне известно, что Чедаев за 1879-й год 2 850 руб. представил в уплату в Тульский окружной суд, так как за смертью моего доверителя я платежей ни производить, ни принимать не могу. Эти деньги, при переходе контракта в Ваше пользование, следует Вам получить по месту нахождения их из Тульского окружного суда.

Кроме того, на Вашу долю приходится добавочных по 42 р. 55 93/100 коп. на каждую 1000 = 2 340 р. 76 к. Следовательно, наличного капитала Вам следует 27 390 руб. 76 коп. и долгового 29 950 руб.

ВСЕГО: 57 340 р. 76 к.

Помимо духовной, переходят к Вам документы, как объяснено выше, значащиеся в описи под №№ 147–148 — две Ваши расписки на сумму 15 000, под № 143 — четыре векселя Огаревой на сумму 2 632 руб., данные ею еще на имя покойной Анны Яковлевны, хотя и вовремя протестованные, но после протеста очень и очень долгое время пропущенные представлением ко взысканию, которые как

---

⁵⁵ Контракт был заключен 22 декабря 1875 г. (3 января 1876 г.). Текст его см.: ОГЛМТ. Инв. 250 оф.

поэтому, так и по бедности Огаревой совершенно безнадежны. По ним я и адвокаты пробовали вчинять иск, но убедились, что в результате будет только трата на гербовую бумагу. — Их теперь 4, а было 5; — с одним из них, раз, я, как с подарком от Николая Сергеевича крестнице его, внучке Огаревой, ездил — но и от них даже не привез обычной благодарности. К этой же категории относится и вексель [нрзб]. Рейнштейна по описи № 144 на 24 руб., — вексель не протестован и место жительства Рейнштейна неизвестно.

Еще, помимо духовной и ни в какой описи не значащееся, переходит к Вам, говоря языком закона, населенное имение Мценского уезда сельцо Долгое, а попросту неполученная выкупная сумма, за вычетом из которой долга в Опекунский совет, очищается в пользу Вашу около 7 000 руб. Выдача ссуды отказана в ноябре 1878 по той причине, что Долгое состоит в неразмежеванной между совладельцами дачи, хотя они и владеют *ОСОБНЯКАМИ*. За долг Опекунскому совету из этих 7 000 руб. бежит налога по 82 коп. в день. — Если знать да уметь, как за дело взяться, можно кончить к зиме 1879 г. Об этих-то деньгах я интересовался хлопотать в Петербурге.

Из всего вышепоясненного следует, что Вы получаете в наследство после Николая Сергеевича *СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ*:

По духовной наличного и долгового капитала	57 340 р. 76
Помимо духовной Ваши расписки на	15 000 00
Выкупной ссуды сельца Долгого Мцен. уезда пример.	5 660 24
	ВСЕГО — 78 001 р.

В заключение мне остается сказать, что в обоих описях вещи и мебель (хотя даже юридически), но не вся, все-таки большую часть по закону принадлежит тоже Вам, потому что покойный Николай Сергеевич о ней не упомянул, — но вот его собственное выражение, не раз обращенное к нам: «Я Вам даю дом с начинкою». К тому же в духовной, Вы видите, нет распоряжения о расходе на похороны; похоронил же его я. Итак, если Вам будет угодно принять ее, то распорядитесь, кому я должен сдать, так как я принял ее на хранение.

По-видимому, указанная в расчете Маляревского сумма показалась Тургеневу не вполне справедливой, и, возможно, он даже подумывал о том, чтобы оспорить завещание (по крайней мере, в

отдельных пунктах) в суде. Во всяком случае, известно, что он консультировался в Петербурге по поводу завещания с адвокатом В.В. Самарским-Быховцом, к услугам которого неоднократно обращался по различного рода юридическим вопросам⁵⁶. Однако вникнув по приезду в Москву во все обстоятельства дела, писатель от этого намерения отказался. «Спешу сообщить Вам, – писал он 20 февраля (4 марта) 1879 года А.В. Топорову, – что дело мое приходит в ясность: новое завещание брата так мастерски составлено (самим г-м Маляревским) – что, как говорится, иголки не подпустишь: вместо 100 000 р. я получаю с небольшим 60⁵⁷. И то хорошо: Маляревский, при его влиянии на брата, мог ничего мне не оставить»⁵⁸.

Сумма в 100 000 руб., на которые рассчитывал Тургенев, находившийся в стесненных обстоятельствах из-за разорения семьи дочери, не раз упоминается в его корреспонденции. Денежные взаиморасчеты между братьями были довольно сложными. Первоначально Н.С. Тургенев действительно обещал, в случае своей смерти, оставить младшему брату 100 000 руб. По всей видимости, обещание это было задокументировано, скорее всего в одном из двух ранних вариантов завещания, текст которых остается неизвестным, или в ином документе. «Два старых» завещания, «не имеющих значения, как надписано на конверте собственноручно покойным о замене их первым», упомянуты в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева в с. Тургенево⁵⁹.

Так, в письме от 20 июня (2 июля) 1876 года Тургенев просил брата, в случае своей смерти, передать эту сумму П. Виардо или, «если и ее не будет», ее дочерям Клоди и Марианне, подчеркивая, что продажа Спасского «с лихвою» вознаградит Николая Сергеевича, поскольку Спасское можно будет продать за 150 000 руб. В качестве дополнительной просьбы Тургенев просил также выделить некоторую сумму в пользу своей дочери: «...если даже ты найдешь воз-

---

⁵⁶ Такой вывод позволяет сделать упоминание Самарского в письме Тургенева к А.В. Топорову от 20 февраля (4 марта) 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38.

⁵⁷ В отличие от приведенного выше расчета Маляревского Тургенев указывает сумму без учета двух своих расписок Н.С. Тургеневу на общую сумму 15 000 руб., которые, не будучи упомянутыми в завещании, по закону возвращались ему.

⁵⁸ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 37–38.

⁵⁹ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

можным дать еще 10 или 15 000 моей дочери Полине Брюэр – то я тебе скажу загробное спасибо»⁶⁰. Как видно из следующего письма Тургенева к Николаю Сергеевичу, датированного 3 (15) июля 1876 года, тот согласился на просьбу брата, что косвенно подтверждает предположение о том, что в одном из ранних вариантов завещания И.С. Тургеневу назначалась сумма в 100 000 руб. «Что касается до записей, данных тобою, – пояснял далее Тургенев, – их было две: одна, в 50 000, моей дочери, другая – в такой же цифре (если не ошибаюсь) – г-же Виардо. Первую я тебе возвратил, и ты ее уничтожил; а другая, конечно, должна пойти в счет тех 100 000 р., которые ты выплатишь ей в случае моей смерти и унаследования тобой Спаского: это разумелось само собою <...> А деньги моей дочери предоставляю на совершенное твое благоусмотрение <...>»⁶¹.

Между тем еще в 1875 году, в связи с покупкой дачи в Буживале, потребовавшей от него дополнительных затрат на постройку собственного дома (так называемого шале, в котором в настоящее время находится музей Тургенева) и проч., писатель одолжил у брата 10 000 руб. по годовому векселю в 9 %⁶². Условия займа были предложены самим И.С. Тургеневым, рассчитывавшим расплатиться в течение года⁶³. По получении денег «простая расписка» на 10 000 руб. была выслана им Н.С. Тургеневу 18 февраля (2 марта) 1875 года, она же упомянута в описи имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева (а также в приведенном выше фрагменте из письма Мальяревского) под № 148⁶⁴. Однако в феврале 1876 года финансовое положение писателя, резко поколебленное в результате мошеннических действий его управляющего Н.А. Кишинского, не позволило ему, по всей видимости, в годовой срок рассчитаться по векселю; тем не менее проценты по долгу были им выплачены: просьба о выделении 900 руб. Н.С. Тургеневу (что составляло 9 % от 10 000 руб.)

---

⁶⁰ Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. С. 131.

⁶¹ Там же. С. 141-142.

⁶² См. письма об этом к Н.С. Тургеневу от 25 января (6 февраля), 30 января (11 февраля), 5 (17) февраля, 18 февраля (2 марта), 2 (14) марта 1874 г.: Там же. Т. 14. С. 18, 20, 27, 34, 47, причем Тургенев просил брата выслать ему деньги за вычетом годовых процентов.

⁶³ Там же. С. 27. Срок платежа был установлен им в этом письме на 13 (25) марта.

⁶⁴ ОГЛИМТ. Инв. 253 оф. Л. 5.

была им отправлена Кишинскому еще 18 (30) ноября 1875 года⁶⁵. В начале 1876 года Тургенев, очевидно, обратился к брату за отсрочкой долга еще на год и одновременно просил дополнительно ссудить ему 5 000 руб. Хотя переписка по этому поводу неизвестна, данный факт подтверждается «простой распиской» И.С. Тургенева от 3 февраля ст. ст. 1876 года на 5 000 руб., значащейся в описи имущества Н.С. Тургенева под № 147⁶⁶. Несмотря на то, что в январе 1877 года проценты по обоим вексям в размере 1 350 руб. были писателем исправно выплачены при посредстве М.М. Стасюлевича, перечислившего ему внушительный гонорар за роман «Новь»⁶⁷, общее состояние его финансовых дел существенно не улучшилось, и он снова вынужден был просить брата о годовой отсрочке⁶⁸. Но и 1877 год оказался на редкость неудачным, доведя его положение до критического, чему во многом способствовало резкое падение рубля из-за русско-турецкой войны, а также плачевные обстоятельства дочери Тургенева Полины Брюэр, оказавшейся вследствие банкротства мужа практически на грани разорения.

Все это вынудило Тургенева в июне 1877 года обратиться к брату с щекотливой просьбой простить ему долг, зачтя его в счет той суммы в 100 000 руб., которая должна была последовать ему по завещанию. Дерзнул Тургенев также завуалированно просить брата выделить ему еще 5 000 руб. и таким образом округлить сумму долга до 20 000, с тем чтобы в случае смерти Николая Сергеевича сумма завещанных денег составила 80 000 руб. Это освободило бы Тургенева от уплаты годовых процентов по долгу, которые он рассчитывал употребить на «пенсион» разоренной дочери⁶⁹. Ответ Н.С. Тургенева неизвестен, однако в ноябре ст. ст. того же года, получив от брата письмо (текст его неизвестен), из которого следовало, что тот находится «в положении стесненном», Тургенев вынужден был от-

---

⁶⁵ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 14. С. 178.

⁶⁶ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 5. Местонахождение обеих расписок И.С. Тургенева неизвестно: очевидно, они были возвращены писателю и им уничтожены.

⁶⁷ См. письмо к Стасюлевичу от 13 (25) января 1877 г. и примеч. 3 к нему: Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 23, 437.

⁶⁸ См. письмо к Н.С. Тургеневу от 12 (24) января 1877 г.: Там же. С. 21.

⁶⁹ См.: Там же. Т. 15. Кн. 2. С. 184. Письмо от 17 (29) июня 1877 г.

казаться от своей просьбы и обязался выплатить 9 % с одолженной суммы в 15 000 руб.⁷⁰ Примечательно, что именно в ноябре ст. ст. 1877 года было нотариально заверено и новое завещание Н.С. Тургенева, в котором сумма, причитавшаяся И.С. Тургеневу, составляла уже не 100 000 и не 85 000, а 55 000 руб.

Тем временем в преддверии срока уплаты процентов за 1878 год Тургенев попытался уговорить брата принять в счет долга картину Э.-Т. Бланшара «Куртизанка» (или, как он ее называл, «Клеопатра»), однако получил отказ, взамен Николай Сергеевич предложил выплатить причитавшиеся ему 1 350 руб. процентов в рассрочку, на что Тургенев согласился⁷¹. Распоряжение об отправке Н.С. Тургеневу 500 руб. писатель дал Н.А. Щепкину 11 (23) февраля, а оставшаяся сумма планировал выплатить до 15 июля⁷².

Вопрос о завещании Н.С. Тургенева, несомненно, обсуждался в августе ст. ст. 1878 года, во время нескольких свиданий в с. Тургенева, хотя к этому времени новое завещание уже было составлено и заверено. Однако, судя по дальнейшим письмам Тургенева, Н.С. Тургенев с его текстом брата не ознакомил. Одна из встреч братьев состоялась, очевидно, 11 (22) августа⁷³. Еще раз Тургенев навестил брата 22 августа (3 сентября), но накануне подробно известил его о своем материальном положении и отказался от обещанной ему в завещании суммы в 100 000 руб., попросив назначить ему лишь 15 000 руб. без процентов. Назвав подобную услугу «истинно братским одолжением», Тургенев напомнил, что в случае собственной смерти брат получит гораздо более 100 000 руб. за родовые имения, будучи единственным законным их наследником. Ссылаясь на обещание брата в этом случае выплатить семье Виардо 50 000 руб., Тургенев писал, что даже после этой выплаты Николай Сергеевич получит

---

⁷⁰ См.: Тургенев (2). Письма. Т. 14. С. 178.

⁷¹ Такой вывод позволяет сделать упоминание Самарского в письме Тургенева к А.В. Топорову от 20 февраля (4 марта) 1879 г.: Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 38.

⁷² В отличие от приведенного выше расчета Маляревского Тургенев указывает сумму без учета двух своих расписок Н.С. Тургеневу на общую сумму 15 000 руб., которые, не будучи упомянутыми в завещании, по закону возвращались ему.

⁷³ Тургенев (1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 37–38.

более 200 000 руб.⁷⁴ Тем не менее Н.С. Тургенев не отказался от процентов за выданные в долг брату 15 000 руб., о чем свидетельствуют письма Тургенева к управляющему Н.А. Щепкину от 24 октября (5 ноября) и к брату от 25 октября (6 ноября) 1878 года⁷⁵.

Таким образом неудивительно, что указанная в письме П.К. Маляревского сумма в 78 001 руб., которая на деле за вычетом собственных долговых расписок писателя составила 63 001, стала для И.С. Тургенева неприятной неожиданностью. Этим отчасти объясняется его последующее ревностное отношение к защите всех своих наследственных прав.

14 марта ст. ст. 1879 года Московским окружным судом была озвучена резолюция, утверждавшая к исполнению духовное завещание Н.С. Тургенева. Согласно составленной Н.А. Щепкиным ведомости о приходе денег за декабрь 1878-го и январь – сентябрь 1879 года, Тургенев получил от Маляревского по духовному завещанию Н.С. Тургенева сначала 35 441 руб. 87 коп., а затем еще 2 358 руб. 23 ½ коп.⁷⁶ Первая сумма, по-видимому, была выплачена после 23 марта ст. ст. 1879 года, когда Маляревским был составлен полный расчета имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева, между его сонаследниками⁷⁷. Она складывалась из суммы наличного капитала, причитавшегося писателю по завещанию, к которой добавились 10 000 руб. по закладной Бородаевского, поскольку Тургенев, очевидно, согласился на предложение обналичить ее, содержащееся в письме Маляревского от 25 января ст. ст.

Вторая сумма – 2 358 руб. 23 ½ коп. – возникла в результате недоразумения, связанного с расчетами по доставшемуся Тургеневу долговому обязательству А.В. Чедаева на рубку леса при селе Сомове, Павлищеве тож. Еще в письме от 25 января ст. ст. Маляревский упомянул о том, что «по слухам» ему было известно о произведенной Чедаевым уплате по контракту за 1879 год в сумме 2 850 руб., которые тот, за смертью Н.С. Тургенева, якобы «представил» в Тульский окружной суд. Эти деньги он советовал Тургеневу по-

---

⁷⁴ ОГЛМТ. Инв. 253 оф. Л. 4.

⁷⁵ Там же. С. 184–185, 188.

⁷⁶ ОГЛМТ. Инв. 197 оф. Л. 1.

⁷⁷ Копия его хранится в ОГЛМТ (Инв. 255 оф.).

лучить при переходе к нему контракта «по месту нахождения их из Тульского окружного суда». И писатель планировал воспользоваться его советом, заключив для этого договор с адвокатом Н.П. Черносвитовым, который был составлен последним 4 (16) мая и подписан Тургеневым 17 (29) мая 1879 года. Согласно этому договору, однако, Черносвитов должен был не истребовать деньги из Тульского окружного суда, а взыскать их с самого П.К. Маляревского, получившего с Чедаева, как оказалось, 2 850 руб. «на срок 10-го января 1879 года»⁷⁸.

Дело против Маляревского, по всей видимости, так и не было открыто, поскольку еще 1 мая ст. ст. 1879 года им был составлен «Первый дополнительный расчет» имущества, оставшегося после смерти Н.С. Тургенева. Первым пунктом в нем был произведен перерасчет по контракту Чедаева. Как пояснял Маляревский, срок уплаты по его обязательству действительно наступил 10 января ст. ст. 1879 года, «но так как Чедаев и в прежние три года производил означенные платежи ранее обусловленного договором срока, именно: при первом нападении снега, дабы получить право на вывозку из леса им, Чедаевым, заготовленного лесного материала, так и ныне вместо упомянутого срока 10 января 1879 года Чедаев уплатил 2 850 рублей ноября 1 дня 1878-го года, т.е. при жизни завещателя <...>»⁷⁹. В итоге по сравнению с расчетом от 23 марта ст. ст. долговой капитал, причитавшийся Тургеневу по контракту Чедаева, уменьшался на 2 850 руб. (19 950–2 850=17 100), а наличный, напротив, увеличивался на ту же сумму. По результатам сложных подсчетов, учитывавших массу факторов, в том числе проценты с недополученного капитала, причитающиеся не только Тургеневу по чедаевскому контракту, но и другому наследнику – Е.Я. Шварцу

---

⁷⁸ Текст этого договора, обнаруженного С.А. Ипатовой в ОПИ ГИМ, см.: Тургенев (2). Письма. Т. 16. Кн. 2, раздел «Официальные письма и деловые бумаги». Согласно этому же договору Черносвитов обязывался вести и «жикинское» дело. Об этой тяжбе см.: Иванова Л.Н. Тургенев и жикинское дело // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 202–216; Тургенев (2). Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4396, примеч. 1, а также письма Тургенева 1881–1882 гг., по указателю. Дело с Жикиным, затянувшись на несколько лет, окончилось, как известно, в пользу каленских крестьян лишь после смерти Тургенева, в 1884 г.

⁷⁹ ОГЛМТ. Инв. 256 оф. Л. 1–1 об.

по долговому документу П.М. Абрашина, Маляревский заключал: «По настоящему расчету следует выдать Ивану Сергеевичу Тургеневу 2 850 рублей и % с 7 января 1879 года по 10-е мая 1879 года за 4 месяца и 3 дня 48 руб. 68 ½ коп., всего 2 898 рублей 68 ½ копеек, а за вычетом причитающихся на долю его 540 руб. 45 коп. выдать 2 358 руб. 23 ½ копейки, которые и выданы 5 % билетами 4 выпуска с купонами сроком 10 мая 1879 года»⁸⁰.

17 августа ст. ст. 1879 года тем же Московским окружным судом И.С. Тургенев по прошению, поданному 27 февраля ст. ст., был утвержден в правах наследства⁸¹ «после надворного советника Николая Сергеевича Тургенева в имении, оставшемся без завещательного распоряжения»⁸². Сам писатель на этом заседании не присутствовал, доверив вести свои дела Н.А. Щепкину, которому и была 23 августа ст. ст. выдана копия определения. Речь в нем шла о с. Долгом – Долгий Колодезь, Никулино тож, Мценского уезда Орловской губернии, о котором Тургеневу в свое время сообщал Маляревский. Его прогнозы о возможности завершить дело зимой 1879 года, однако, не оправдались. Начатое Орловским окружным судом 9 ноября ст. ст. 1879 года, оно затянулось до марта ст. ст. 1880 года и закончилось введением Тургенева «во владение имением, заключающемся в крестьянском наделе при с. Долгом Мценского уезда в количестве 386 дес<ятин>»⁸³.

Таким образом, дело о наследстве Николая Сергеевича Тургенева было в основном завершено.

---

⁸⁰ Там же. Л. 3–3 об.

⁸¹ См. копию определения Московского окружного суда: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 98–98 об.

⁸² Там же. Л. 98 об.

⁸³ Там же. Л. 110 об. Копии всех документов по этому делу см.: Там же. Л. 95–113.

«Старинная приязнь»: к истории отношений Тургенева и М. А. Языкова

В статье В. А. Громова «Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин»¹ речь главным образом шла об ошибке Тургенева, отреагировавшего в дневниковой записи от 27 (15) января 1883 г. на газетные известия о смерти однофамильца Языкова,² также о письмах Тургенева, которые были переданы Языковым В. П. Гаевскому, готовившему в 1884 г. первое собрание писем писателя, и, наконец, о встречах Тургенева с Языковым в 1870-х гг. (по мемуарам Н. Г. Бунина).³

Между тем длительная история отношений Тургенева с Михаилом Александровичем Языковым (1811–1885), как и биография самого Языкова, «давнишнего приятеля» Тургенева и, по его словам, «прекраснейшего, честнейшего и милейшего человека»,⁴ заслуживают обстоятельного изложения. В трех из семи известных писем Тургенева к Языкову, содержащих просьбу о покровительстве его протеже и помощи в их трудоустройстве, звучит признание в «старинной приязни». Так, письмо от 11 (23) июля 1862 г., в котором Тургенев просит Языкова об определении на службу «на каком-нибудь месте» его двоюродного брата М. А. Тургенева, завершают слова: «...желаю Вам всех благ — и на память старинной приязни крепко жму Вам руку» (Письма. Т. 5. С. 90). В следующем письме, где просьба о содействии в трудоустройстве относится к П. Т. Кудряшову, он повторяет: «Надеюсь, что в память нашей старинной при-

---

¹ См.: Громов В. А. Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин // Тургеневский сборник. М.; Л., 1968. [Вып.] IV. С. 293–298.

² Тургенев записал: «М. А. Языков умер в Петербурге. Много молодых воспоминаний похоронено вместе с ним» (Лит. наследство. М., 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 398).

³ Опубликованы: Мошин А. Н. Памяти Н. Г. Бунина // Мошин А. Н. Новое о великих писателях. (Мелкие штрихи для больших портретов). 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 59–76.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 25 (письмо к А. К. Толстому от 13 (25) мая 1855 г.). Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием серии, номера тома и страницы.

язни, Вы сделаете для него, что почтете возможным <...>» (Письма. Т. 5. С. 95). И наконец в письме от 25 августа (6 сентября) 1863 г. еще раз звучит: «В надежде на нашу старинную приязнь и в уверенности, что Кудряшов человек полезный и дельный, смело обращаюсь к Вам» (Письма. Т. 5. С. 202).

Что же это за «старинная приязнь», столь Тургеневу дорогая? Б. Л. Модзалевский, публикуя три письма писателя к Языкову, во вступительной заметке сообщал: «Михаил Александрович Языков — один из преданнейших друзей Белинского, от которого дошло до нас несколько восторженных о нем отзывов, — человек, связанный узами дружеской приязни почти со всеми выдающимися литературными деятелями 1840–1860-х гг.: Грановским, Герценом, Тургеневым, Боткиными, Фетом, Панаевыми, Некрасовым, Плетневым, Гончаровым и многими другими. С Тургеневым, в частности, у него были давние дружеские отношения; так, еще в своей ранней шуточной поэме “Поп” (1844 г.) Тургенев упоминает и Языкова:

...Читатели найдутся. Не бесплодной,
Не суетной работой занят я, —
Меня прочтет Панаев благородный
И Веверов почтенная семья,
Белинский посвятит мне час свободный
И Комаров понюхает меня...
Языков сам, столь важный, столь приятный,
Меня почтит улыбкой благодатной...»⁵

Как правило, при упоминаниях о М. А. Языкове — в письмах Белинского, Герцена, Тургенева, Некрасова, Гончарова, в мемуарах и дневниках И. И. Панаева и А. Я. Панаевой, Григоровича, Дружинина, Кавелина, Анненкова, Никитенко, Фета — из комментария в комментарий переходит информация о его дружбе с Белинским и близости кругу литераторов «Отечественных записок» и «Современника». Но это, пожалуй, и все. Сведения о нем в справочно-био-

---

⁵ Три письма Тургенева к М. А. Языкову (1862–1865) / С предисл. и примеч. Б. Модзалевского // Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 44. Фрагмент поэмы, процитированный Модзалевским, несколько отличается от помещенного в ПС-СиП Тургенева; ср.: Соч. Т. 1. С. 384–385.

графических изданиях также немногочисленны и однотипны⁶ и основаны главным образом на данных некролога, написанного А. Ф. Кони,⁷ отчасти на мемуарах И. И. и А. Я. Панаевых.

Как отметил А. Ф. Кони в некрологе, «вся история русской литературы, с начала сороковых годов, прошла в живых образах ее лучших представителей пред глазами М. А. Языкова; в личной жизни многих из них он играл разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминания о великом русском критике, о молодой редакции “Современника”, о первых литературных опытах людей с знаменитыми впоследствии именами — сливаются с памятью о нем. Восторженный поклонник таланта, услужливый друг, практический советник, занимательный и остроумный рассказчик, без всякого оттенка самохвальства или лицемерной преданности, из прорех которой сквозит иногда худо скрытая зависть, Языков тесно слился с интересами литературы и оставался им верен до конца».⁸ Биография Языкова действительно тесно вписана в творческую и дружескую жизнь петербургских литераторов 1840–1850-х гг. Ничего сам не писавший,⁹ что не без сожаления отмечали его совре-

---

⁶ Помимо кратких статей в словаре Брокгауза (СПб., 1904. Т. 41. С. 515) и Русском биографическом словаре (СПб., 1913. Т. 25. С. 40–41), см.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 5: Русские писатели, умершие в 1885 году. С. 147. Несколько подробнее справка Б. Л. Модзалевского, опубликовавшего в 1914 г. два письма Гончарова к М. А. и Е. А. Языковым; см.: Модзалевский Б. Л. Из переписки И. А. Гончарова // Временник Пушкинского дома на 1914 год. Пг., 1915. С. 100–101. Ср. также запись Языкова, сделанную 20 декабря 1879 г. в альбоме М. И. Семевского: «Языков, Михаил Александрович, родился в 1811 г., в Тульском уезде, селе Сергиевском. Воспитывался и окончил курс в Петербурге, в университетском благородном пансионе, в 1830 году. Товарищ по школьной скамье Иван. Ив. Панаева и кружка русских писателей преимущественно 1840 годов» (Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. С. 100).

⁷ См.: А. К<они>. М. А. Языков // Неделя. 1885. № 5. 6 февр. С. 194–195. Текст некролога в расширенной редакции вошел в изд.: Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 809–812.

⁸ А. К<они>. М. А. Языков. С. 194.

⁹ Сведения о литературных опытах Языкова, достаточно случайных, все же имеются. Так, книга «Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира» (СПб., 1836), изданная Языковым «в компании с Д. Толстым и Г. Есиповым», указана в изд.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 5. С. 147. Об участии М. А. Языкова вместе с И. И. Панаевым и М. Н. Катковым в переводе романа Ф. Купера «Следопыт», опубликованного (под назв. «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море») в 8 и 9 номерах «Отечественных записок» за 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину в письме от 12 августа 1840 г. (см.: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 392; примеч.: С. 770).

менники, Языков был, по словам А. Я. Панаевой, «со всеми литераторами на дружеской ноге».¹⁰

Соученик И. И. Панаева по С.-Петербургскому Благородному пансиону (в 1825–1830 гг.), Языков остался его ближайшим другом. С ним, вспоминал Панаев, «мы дружно, не разлучаясь, шли в жизни».¹¹ Если Панаев познакомился с Белинским в Москве в апреле 1839 г., о чем подробно рассказал в воспоминаниях,¹² то Языков с Белинским сблизился сразу после переезда критика в Петербург в ноябре 1839 г. И Белинский в первом подробном письме В. П. Боткину из Петербурга в Москву (от 22 ноября 1839 г.) среди новых петербургских знакомых упоминает Языкова: «У Панаева есть закадычный друг, Языков — это, брат, московский человек <...>».¹³ «Московский человек» для Белинского, в той напряженной оппозиции Петербург—Москва, которая проходит через его письма, — высочайшая оценка, и в диалоге с москвичом Боткиным она не требует пояснений. «Да, и в Питере есть люди, — продолжает Белинский, — но это все москвичи, хотя бы они и в глаза не видали белокаменной. Собственно Питеру принадлежит все половинчатое, полуцветное, серенькое, как его небо, истершееся и гладкое, как его прекрасные тротуары. <...> Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое <...>. Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек; если Питер полюбитя ему — будет или богат или действительным статским советником».¹⁴ В письме к Боткину от 3–10 февраля 1840 г., с постоянным мотивом питерского одиночества и тоски по Москве и московскому «святому кружку», Белинский вновь повторяет: «И в Питере есть люди, но они слывут дураками <...>. Истинное мое утешение — Языков. Дивная натура, каких мало не только в Питере, но и в божьем мире. По развитию он решительный нуль передо мною, но перед его натурою я уничтожаюсь меньше, чем до нуля. Впрочем, о нем нельзя писать — и в

---

¹⁰ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / Вступ. ст. К. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1986. С. 205.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 143–148.

¹³ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 289.

¹⁴ Там же

разговоре немного скажешь — надо его видеть. Чудак единственный, один из тех людей, которые и в глупостях велики, сами того не зная. Без него мне хоть умирать — и только с ним я знаю иногда божественные минуты. Я для него был истинным откровением, как толчок к пробуждению; он для меня — непосредственное откровение. <...> У него душа музыкальная, слух дьявольски верный <...>.¹⁵ И если Панаева в первых петербургских письмах к Боткину Белинский называет «инфузорием», то его «откровения» о Языкове не иссякают. Вот еще одно — в письме к Боткину от 24 февраля — 1 марта 1840 г., написанном перед отъездом Языкова в Москву: «Но вот посылаю к тебе сына моего единокровного, М. А. Языкова: этот человек ближе и родственнее к тебе, чем я; он весь — гармония, музыка, любовь, вера, чувства, безжелчен, как голубь, добр, как агнец, и развратен <...>, как козел. Впрочем, он не подходит под общую мерку — он и в разврате свят и чист. А уж нечего сказать — настоящий петух <...>. Заставь его петь: что это за любовный, за полный души голос! Я не могу слышать его без восхищения и умиления».¹⁶ «...Это алмаз самородок!» — пишет он Боткину в очередном письме.¹⁷ В письмах Белинского к Боткину, с признаниями в адресате исключительной «родственности душ», Языков, как видим, предстает не менее родственной душой. С начала 1840-х Языков знаком с большинством московских друзей Белинского — Боткиным, Грановским, Герценом, Огаревым и другими.¹⁸

Но мнение Белинского изменилось радикально и очень скоро. В апреле 1843 г. он пишет Боткину: «Смешно вспомнить, как, приехав в Петербург, я думал в одном Языкове найти все, что оставил

¹⁵ Там же. С. 303–304.

¹⁶ Там же. С. 337. Купюры присутствуют в тексте, в соответствии с содержанием письма. Панаева и Языкова и Дружинин в Дневнике представляет «двумя сатирами»; см.: Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 351; запись от 27 октября 1855 г.

¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 350 (письмо Боткину от 14–15 марта 1840 г.).

¹⁸ Два письма Языкова 1843 г. к Герцену и Огареву опубликованы; см.: Из переписки недавних деятелей. (Материалы для истории русского общества) // Русская мысль. 1892. № 7. С. 97–98. Любопытны вопросы М. А. Бакунина в письме к Герцену от 11 (23) октября 1840 г.: «Напиши мне, пожалуйста, о вашем житье-бытье <...>. Что русская журналистика, — что доказывает Белинский и чему верят Языков и Панаев?» (Там же. С. 94).

в Москве, и дивился глубокости его натуры. А это просто добрая благородная натура, совершенно невинная в какой бы то ни было силе или глубокости. Для друзей он готов уверовать в какое угодно учение и будет наполовину невпопад повторять их слова, добродушно думая, что имеет свое убеждение, да еще глубокое. Духовного развития он чужд совершенно <...>». ¹⁹ По свидетельству Панаева, Белинский «высоко ценил в Языкове кротость его характера, нежность сердца, бесконечную преданность его друзьям и отсутствие эгоизма, доходившее до пренебрежения собственных выгод <...>». ²⁰ С 1842 г. Языков — постоянный член петербургского кружка Белинского, он бывает и у Панаева, и у Белинского — в доме Лопатина у Аничкова моста (соврем. адрес: Невский пр., д. 68/40), в котором оба они с 1842 г. и проживают. Здесь же с конца 1846 г. будет располагаться контора «Современника». Как участник кружка Белинского и позднее — как человек, близкий редакции «Современника», Языков присутствует в переписке, дневниках, мемуарах фактически всех литераторов этого круга. ²¹

Как вспоминал Панаев, Языков «пользовался <...> большою известностью между всеми литераторами как приятный и веселый собеседник, остряк и каламбурист. Многие принимали Языкова за литератора и сотрудника г. Краевского.

---

¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 548.

²⁰ Панаев И. И. Литературные воспоминания / Ред. текста, вступ. статья и примеч. И. Г. Ямпольского. [М.], 1950. С. 251.

²¹ Самостоятельного исследования, вне всякого сомнения, заслуживает история отношений Гончарова с Языковым и его семьей. В «Необыкновенной истории» (1875–1879), вспоминая о кружке Белинского, Гончаров признавался: «...я литературно сливался с кружком, но во многом, и именно в некоторых крайностях отрицания, не сходился и не мог сойтись с членами его. Разность в религиозных убеждениях и некоторых других понятиях и взглядах мешала мне сблизиться с ними вполне. Более всего я во многом симпатизировал с Белинским: прежде всего с его здоровыми критическими началами и взглядами на литературу, с его сочувствием к художеств<енным> произведениям, наконец с честностью и строгостью его характера. Но <...> меня пугала его впечатлительность, нервозность, способность увлекаться, отдаваться увлечению и беспрестанно разочаровываться. Это на каждом шагу: в политике, науке, литературе. Мне бывало страшно. <...> Я ходил по вечерам к тому или другому, но жил уединенно, был счастлив оказанным мне, и там, и в публике, приемом, но чуждался (между прочим, по природной дикости своего характера) тесного сближения с тем или другим, кроме семейства доброго Мих<аила> Языкова, где меня любили как родного, и я платил тем же» (Гончаров И. А. Необыкновенная история. (Истинные события) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. М., 2000. Т. 102. С. 205. Курсив мой. — А. Г.).

— Вы чем занимаетесь? — спрашивали его <...>.

— Да так, — отвечал обыкновенно, улыбаясь, Языков, — больше по смедам прохаживаюсь». ²² В рассказе К. Д. Кавелина о кружке Белинского середины 1840-х гг. Языков — «остряк, хромой и забавный господин, смешивший нас своими шутками и комическими выходками». ²³ Фет, вспоминая круг петербургских литераторов начала 1850-х, не забывает упомянуть и Языкова, «неизменно присутствовавшего на всех наших беседах, вечерах и попойках, хотя он был человек женатый и занимал прекрасное помещение на казенном, фарфоровом заводе. Он был человек весьма дельный и, помнится, избираем был Тургеневым третейским судьей в каком-то щекотливом деле. Но когда на своих хромящих и от природы кривых ножках он с улыбкою входил в комнату, каждый, протягивая ему руку, был уверен, что услышит какую-либо нелепость». ²⁴

Пожалуй, самый полный портрет Языкова дают мемуары «Былое» А. П. Редкина (племянника профессора-правоведа П. Г. Редкина), ребенком и подростком часто бывавшего в его семье. Редкин писал: «Языков был отнюдь не дюжинною натурой. По происхождению он принадлежал к старинному барскому роду и получил соответственное воспитание. В характере его были, однако, некоторые черты, не часто встречающаяся в среде тогдашних поместных дворян. Живой и подвижный, несмотря на некоторую тучность, он весь проникнут был духом почина и склонен ко всякому новшеству, носившему в себе признаки свежих начал. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодом продуманных убеждений; скорее, она обуславливалась просто впечатлительностью его натуры. Он имел обширные связи в различных кругах, преимущественно же в высшем служебном, и везде был любим как остроумный и приятный собеседник; общительности его, быть может, способствовало и то, что в нем не было принципиальной прямолинейности, исключаящей слишком большое разнообразие знакомств. Светское воспитание сделало из него человека покладистого, способного внешним образом мириться с явлениями, которых он в глубине души не одобрял, и относиться пассивно к воззрениям, которых разделять не

---

²² Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 103

²³ Кавелин К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1977. С. 173.

²⁴ Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 133. Ср. то же: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 168–169. Сведения о третейском суде имеются в воспоминаниях А. Я. Панаевой (см. ниже).

мог, обладая ясным умом и добрым сердцем. Бывая в «свете», где он имел немало родственных связей, он отдавал, однако, предпочтение обществу людей литературного и артистического склада. В конце сороковых годов в просторной квартире его на Троицком подворье частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшие или примыкавшие к кругу Белинского. Молодые, начинающие писатели нередко впервые встречались и знакомились здесь с тогдашними вожакими литературы. Здесь не раз раздавались горячие речи Белинского, слышались блестяще-остроумные выходки Герцена, и в пылких спорах отшлифовалась, вероятно, не одна дельная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь заметного литератора, с которым Языков не был бы знаком более или менее близко, и остается только пожалеть, что он не оставил после себя записок».²⁵

Знакомство Тургенева с Языковым состоялось в 1843 г. в петербургском литературном кругу, однако точные данные об обстоятельствах этого знакомства не установлены. В 1844 г., как было отмечено выше, Тургенев упомянул Языкова в ранней поэме «Поп». В 1840-х гг. и позднее он, возможно, бывал на казенной квартире Языкова при Имп. Стеклянном и фарфоровом заводе, в том «прекрасном помещении», которое упоминал в своих мемуарах Фет.

О доме Языкова стоит сказать особо. В 1840-х гг. (до 1846 г., согласно адрес-календарям) Михаил Языков числился чиновником особых поручений по Кабинету Е. И. В. Министерства Императорского Двора. Вопреки повсеместно повторенным сведениям о том, что он состоял директором Имп. Стеклянного завода (не стекольного! — А. Г.), восходящим к некрологу А. Ф. Кони,²⁶ управляющим завода был его старший брат — П. А. Языков.²⁷ Стеклянный завод, находившийся в ведомстве Министерства Двора, в 1844–1848 гг. был отделен от фарфорового и имел своего директора, с 1848 по 1867 г. заводы были

---

²⁵ А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах // Русская старина. 1901. № 10. С. 147–148. Редкин Алексей Платонович (1845–1914) — журналист, драматург, художник.

²⁶ Эта ошибочная информация присутствует в указанных выше словаре Брокгауза и РБС, у Д. Д. Языкова, также: Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861 / Вступ. ст. Н. В. Измайлова. М., 1930. С. 18; и др.

²⁷ Языков Павел Александрович (1798–1862) — брат М. А. Языкова; директор Имп. Стеклянного завода (с 1832 г.), также Выборгского зеркального завода (с 1840 г.); управляющий Имп. Стеклянным и фарфоровым заводом (1848–1855); см.: Императорский фарфоровый завод: 1744–1904. СПб., 1906. С. 402.

вновь объединены. М. А. Языков мог занимать казенную квартиру при заводе, никакой определенной должности на заводе официально не исполняя, в качестве чиновника Министерства Двора, хотя, по ряду данных, какую-то незначительную должность при заводе (не отмеченную в адрес-календарях) он все же имел. Стекланный завод находился на левом берегу Невы, в Каретной части города, «по Шлис-сельбургскому проспекту, за Невским монастырем»,²⁸ здесь же находились квартира директора и дома служащих. О казенной квартире Языкова при заводе А. Редкин вспоминал: «Стекланный завод, с его селением фабричных являл собою прямо захолустье. Местность эта, и ныне не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройством, была в те времена тиха и малолюдна. В жалких домиках селенья жизнь шла вяло и бесцветно. На улице лишь изредка встречались двое-трое каких-нибудь идущих по делу прохожих <...>. Языков занимал просторный одноэтажный деревянный дом, обращенный двумя сторонами к обширному саду при заводе. Семья Михаила Александровича состояла из его жены, двоих (впоследствии пятерых) детей, сестры жены и молодого человека А. А. Попова, впоследствии приобретшего известность как художник. В этом доме <...> не было размеренности в образе жизни, а господствовало оживление. Гости бывали часто, и сами Языковы нередко выезжали, имея свой экипаж. Иногда вместе со своим старшим сыном Языков возил и меня к своим богатым и бонтонным родственникам <...>».²⁹

Дом Языкова был постоянно открыт для всех литераторов круга «Современника». «Когда он женился (в начале 1843 г. — А. Г.), — вспоминала А. Я. Панаева, — то у него раз в неделю вечером собирались многие писатели. Даже когда Языков жил на стеклянном казенном заводе, где получил место, то, несмотря на дальнейшее расстояние, собрания у него все-таки не прекращались».³⁰ Воспо-

---

²⁸ См.: Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина <так!> и прочие. 1854. СПб., 1853. Ч. 2. С. 64.

²⁹ А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятих и шестидесятих годах. С. 150–151. Попов Андрей Андреевич (1832–1896) — живописец-жанрист; позднее муж дочери М. А. Языкова — Евгении Михайловны (1849–1869).

³⁰ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 205. Жена М. А. Языкова — Екатерина Александровна, рожд. Белавина (?—1896), художница. Известен предсмертный акварельный портрет Белинского ее работы (1848; ныне в ГТГ); см. о нем: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 314, 433; Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. С. 338.

минания о частых поездках в 1850-х гг. к Языкову на квартиру при заводе оставил и Фет, писавший: «Бывало, зимою, поздно засидевшись после обеда, кто-нибудь из собеседников крикнет: “господа! Поедьте ужинать к Языкову!” И вся ватага садилась на извозчиков и отправлялась на фарфоровый завод к несчастной жене Языкова, всегда с особенной любезностью встречавшей незваных гостей. Не знаю, как она успевала накормить всех, но часа через полтора или два являлись сытные и превосходные русские блюда, начиная с гречневой каши со сливочным маслом или со сливками и кончая великолепным поросенком, сырниками и т. д. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночью экскурсией».³¹

Стоит напомнить, что на квартире Языкова хранилась библиотека Белинского, приобретенная Тургеневым после его смерти. П. В. Анненков, работая над биографией Пушкина, пользовался этой библиотекой и в письме к Тургеневу от 17 (29) мая 1853 г. просил подтвердить право на нее как свою «временную собственность».³² Тургенев отвечал ему 25 мая (6 июня) из Спасского: «Даю Вам полное право распоряжаться по благоусмотрению Вашему купленную мною библиотекой, находящейся у Языкова» (Письма. Т. 2. С. 233). В числе 25 приглашенных Тургенев присутствовал на квартире Языкова на литературном обеде, данном Гончаровым 22 февраля (5 марта) 1856 г. по возвращении из экспедиции на фрегате «Паллада».³³

Хорошо известно связанное с именем М. А. Языкова коммерческое предприятие — основание им вместе с Н. Н. Тютчевым³⁴ в сентябре 1846 г. «Конторы агентства и комиссионерства». «Языков и Тютчев открыли контору агентства и комиссионерства», — сообщал

---

³¹ Фет А. А. Мои воспоминания. Ч. 1. С. 133–134. Ср. то же: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 169.

³² См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 238.

³³ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858). С. 324; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 60.

³⁴ Тютчев Николай Николаевич (1815–1878) — в 1840-х гг. член кружка Белинского и с этого времени близкий знакомый Тургенева и других литераторов круга «Современника»; чиновник Департамента податей и сборов Министерства финансов.

Некрасов Белинскому в конце сентября 1846 г.³⁵ Контора «Языков и Ко» находилась на Невском проспекте у Аничкова моста в доме Лопатина, где размещалась и контора редакции «Современника», и занималась среди многого прочего подпиской на журнал. Широкий «круг действий» конторы был описан в редакционном объявлении, помещенном в № 1 «Современника» за 1847 г.: «Во-первых, покупка для иногородних лиц по поручению их и на прилагаемые ими деньги всякого рода вещей, мелких и громоздких, малоценных и многоценных, выделяемых в России и за границую, словом, всего, что может быть изготовлено и куплено в Петербурге или важнейших коммерческих городах Европы. Купив в Петербурге или выписав из-за границы желаемую вещь, контора препровождает ее на место жительства выписавшего лица и вместе с тем посылает ему счет об употреблении присланных в контору денег <...>. К этому отделу занятий конторы принадлежит и выписка во внутренние губернии всех русских и всех продаваемых в Петербурге иностранных книг. Контора готова пересылать отдельные сочинения по требованию покупателей или же и брать на себя составление целых отделов библиотеки и выбор лучших книг по той части знания, на которую укажут гг. корреспонденты.

Вторую статью занятий конторы составляет продажа на биржу или за границу сырых произведений хозяйственной промышленности из разных губерний.

Далее, контора принимает от иногородних подписку на все входящие в Петербурге журналы и газеты и высылает иногородним лицам разные сведения, в которых они могут нуждаться, преимущественно по части торговли и промышленности».³⁶ Как вспоми-

---

³⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 2. С. 59; дата письма: между 21 и 26 сентября. Об истории конторы «Языков и Ко» см. разрозненные сведения: Там же. Т. 8. С. 774; Т. 9. Кн. 2. С. 349; Т. 11. Кн. 2. С. 279–288, Т. 14. Кн. 1. С. 263; Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 216–219, 451–452; П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 523–524, 564, 633; Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. С. 18; и др.

³⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. Кн. 1. С. 50–51. Рекламе предприятия Некрасов посвятил фельетон «Выбранные места из приятельских писем», опубликованный в № 12 «Современника» за 1847 г. (см.: Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 279–288; примеч.: С. 463–465).

нал А. Редкин, «поступали просьбы о рекомендации учителей и гувернанток, получались заказы на дамские костюмы и шляпки <...>, выписывались семена, книги, мануфактурный товар, фортепиано, биллиарды и т. д.».³⁷

Подробный рассказ о предприятии Языкова и Тютчева содержат воспоминания А. Я. Панаевой. Она писала: «Эти два приятеля затеяли открыть комиссионерскую контору для провинциальных жителей, которые могли бы выписывать чрез контору все, что им было нужно, начиная с вещей в полтину до тысячных.

Тургенев и Анненков принимали живое участие в основании этой конторы, потому что были интимными друзьями семейства Тютчева, которому пришла мысль открыть контору для увеличения своих средств к жизни, но он не имел денег, а Анненков и Тургенев уговорили Языкова отдать на это предприятие все свои деньги, суля ему огромные барыши. <...> Все переговоры с Языковым о конторе происходили через Тургенева и Анненкова. Языков вполне доверился им и так был увлечен, что никого не хотел слушать, отдав все свои деньги Тютчеву, чтобы он распорядился устройством конторы».³⁸ Достаточно состоятельный человек, Языков в основание конторы, по свидетельству В. П. Боткина, «внес 15 тысяч рублей серебром обеспечения».³⁹ Герцен писал жене из Петербурга в Москву 5–8 октября 1846 г.: «Языков невероятно смешон с своей конторой — хлопочет, важен, даже не острит».⁴⁰ Деятельность конторы, разумеется, не могла не интересовать Тургенева. Так, Панаев сообщал ему 10 февраля 1847 г.: «Все обстоит благополучно. Языков так же хвастает о конторе, Тютчев останавливает его по-прежнему на всяком шагу и изобличает во лжи».⁴¹ Однако сведения о причастности Тургенева к деятельности конторы «Языков и Ко» немногочисленны, а воспоминания Панаевой, как известно, во многих отношениях мало достоверны.

---

³⁷ А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 148–149.

³⁸ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 216–217.

³⁹ См.: П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. С. 524.

⁴⁰ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 258.

⁴¹ Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. С. 13.

В мемуарах Панаевой изложена и история разорения конторы. «По-видимому, дело пошло хорошо, — повествует мемуаристка, — потому что Тютчев подарил жене тысячный рояль, дорогой мех для салопы и вообще зажил комфортабельно. Языков же, напротив, очень нуждался с своим семейством и не смел требовать от Тютчева ни малейшего сведения о том, как идут дела в конторе. Когда же до Языкова стороной дошли жалобы на контору, что она неисправно выполняет заказы, и он решился спросить разъяснения у своего компаньона, то вышла буря. Тургенев и Анненков прочли ему нотацию о не деликатности и доказывали, что он оскорбил недоверием не только своего компаньона, но и его жену <...>. Языков был убит: вместо барышей он потерял все свои деньги да еще сделал долг. Тургенев и Анненков придумали домашний третейский суд, чтобы защитить Тютчева, которого многие обвиняли в разорении Языкова».⁴² Отголосок этой ситуации находим в написанном Тургеневым, Некрасовым и Дружининым «Послании к Лонгинову» (1854): «Языкова процесс примерно разыгрался: / Он без копейки был, без денежки остался <...>» (Соч. Т. 12. С. 317).⁴³

В изложении А. Редкина, события развивались следующим образом: «Обнаружились крупные растраты, в кассовых книгах оказались вырванные кем-то листы... Подозрение пало на управляющего конторой, интеллигентного господина с служебными и литературными связями; возникли пререкания, назначен был третейский суд, в собрании которого потрясенный Языков едва не упал в обморок, но дело кончилось ничем; виновного найдено не было, а контора оказалась вынужденною ликвидировать свои дела.

Человек практический, вероятно, сумел бы еще как-нибудь выпутаться из затруднения и спасти гибнувшее предприятие; но Языков был полною противоположностью практического человека. Широкий замысел, смелая фантазия — это было его делом, практическое же осуществление своих планов он постоянно поручал другим, зная, что сам он на это не годится».⁴⁴

---

⁴² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 217–218.

⁴³ См. также: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 430; примеч.: С. 692.

⁴⁴ А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 149.

А. Я. Панаева, описывая разрыв компаньонских отношений Языкова с Тютчевым, относит разорение конторы «Языков и Ко» к началу 1850-х гг., однако ее окончательный крах произошел позднее, в конце 1850-х. После третейского суда в делах конторы Н. Н. Тютчева сменил П. В. Зиновьев.⁴⁵ «Кстати, поклонитесь этому милому смертному, — писал Тургенев Анненкову 25 мая (6 июня) 1853 г., имея в виду Языкова. — Что, он здоров? А с Тютчевым он и Зиновьев поступают непозволительно круто и едва ли добросовестно — *сесі entre nous* <это между нами — франц.>» (Письма. Т. 2. С. 233). «Вы всегда желали вступить в товарищество с П. В. Зиновьевым <...> — дай Бог Вам всякого успеха!» — писал Гончаров М. А. и Е. А. Языковым 31 июля (12 августа) 1853 г. с борта фрегата «Паллада».⁴⁶

Обстоятельства финала предприятия Языкова остаются непроясненными. С точки зрения дефицита сведений показательно примечание к процитированному выше фрагменту письма Тургенева: «По-видимому, речь идет о делах “Комиссионерской конторы для провинциальных жителей”, основанной М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым в 1847 г. (вероятно, в ее операциях принимал участие и П. В. Зиновьев). Контора прекратила свое существование в конце 50-х или в начале 60-х годов» (Письма. Т. 2. С. 525).

К середине 1850-х служебные и финансовые дела Языкова складывались все менее и менее удачно, и Тургенев (видимо, по просьбе Языкова) обратился с письмом к влиятельному в придворных кругах А. К. Толстому: «У меня есть давнишний приятель, Михайло Александрович Языков, прекраснейший, милейший и честнейший человек, которого я люблю от души. Он находится в обстоятельствах весьма тесных, боится лишиться небольшого казенного местечка, которым живет — и судьба его вообще принимает вид не очень веселый. Позвольте рекомендовать его Вашему вниманию; всякое одолжение, которое Вы ему окажете, я сочту гораздо более, чем за личное одолжение» (Письма. Т. 3. С. 25). На это тургеневское ходатайство Языков отвечал благодарностью в приписке к письму Панаева к Тургеневу от 3 (15) июня того же года.⁴⁷

---

⁴⁵ См. о Петре Васильевиче Зиновьеве (1812–1863): Письма. Т. 1. С. 569–570; Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. С. 19.

⁴⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. С. 184.

⁴⁷ См.: Лит. наследство. Т. 73. Кн. 2. С. 108

С июля 1862 г. Языков состоял управляющим питейно-акцизным управлением (ведавшим соответствующими сборами) в Тульской губернии. Необходимо пояснить, что на этом посту, мало о чем современному читателю говорящем, Языков стал участником важнейших преобразований, предпринятых в финансовой сфере страны. Реформа винных откупов — одна из центральных в комплексе реформ 1860-х гг. Начатая в конце 1850-х и имевшая задачей замену откупов акцизными сборами, реформа развернулась именно в 1862 году. К 1 января 1863 года акцизная система должна была полностью заменить откупную.⁴⁸

29 октября 1862 г. Языков писал из Тулы П. В. Анненкову: «Я приехал в июле и сел управлять 15-ю заводами. Теперь я их насчитываю 27. <...> Теперь я считаю себя по крайней мере счастливым тем, что делаю дело серьезное, имею несколько благороднейших и сочувствующих общему делу товарищей, да еще кроме прямой моей обязанности, я поставлен в губернии так, что помогаю, насколько могу, и другим».⁴⁹

К 1862 г., т. е. к начальному этапу деятельности Языкова во главе питейно-акцизного управления Тульской губернии, относятся три процитированных в начале статьи письма Тургенева. Из Тулы Языков неоднократно по разным поводам приезжал в Петербург. Как вспоминал А. П. Редкин, чьи мемуары уже не раз цитировались, «хлопот по таким поводам он не жалел: то и дело являлся в Петербург и “ходатайствовал”. Бывало, всех на ноги поднимет, все свои связи в ход пустит, а уж просимого добьется, после чего едет обратно, довольный и счастливый. Наладив дело и сдав его с рук на руки умелым людям, он отстранялся от него. Не раз говаривал он мне после, когда я уже был взрослым: “Что же мне было дальше-то мешаться? Ведь я в этих делах решительно ничего и не умею, и не понимаю. Еще, пожалуй, напутаешь”».⁵⁰

---

⁴⁸ См.: Крылов А. Д. К истории отмены винных откупов в России. 1858–1862 // Русская старина. 1880. № 3. С. 573–586.

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 7. № 119. Л. 1, 2–2 об. В письме без даты (предположительно 1863 г.) тому же адресату он сообщал, что «весь утопает в винных вопросах» (Там же. Л. 4).

⁵⁰ А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятих годах. С. 149.

С весны 1869-го Языков возглавлял питейно-акцизное управление в Калужской губернии,⁵¹ с 1877 г. — в Новгородской губернии. В Калуге и Новгороде им были основаны публичные библиотеки.

В письмах Тургенева имя Языкова возникает достаточно часто. Вспоминая литературные споры конца 1840-х — начала 1850-х гг., он писал, например, Фету 15 (27) июня 1866 г.: «...Михайла Александрович Языков, помнится, так однажды отозвался о наших давно прошедших литературных петербургских вечерах: “соберутся, разлягутся — да — вдруг один встанет и, ни слова не говоря, другому череп долой”» (Письма. Т. 7. С. 45). В письме к Л. И. Поливанову от 31 мая (12 июня) 1880 г. Тургенев просил выдать билет на Пушкинский праздник своему «старому приятелю», Языкову.⁵² В письме к Салтыкову от 24 сентября (6 октября) 1882 г. имя Языкова возникает в выразительной ценностно-психологической оппозиции. «Вот и насчет нашего общего друга П. В. Анненкова, — пишет Тургенев, — Вы несправедливы. <...> Вы, может быть, не заметили, что он до крайности стыдливый человек и даже робкий. Вы этого не разглядели под его напускною развязностью. Конечно, он современник Гоголя и Белинского; но он точно так же чувствует себя современником Языкова и Маслова — и несколько от этого не отказывается».⁵³

Известно только одно письмо Языкова к Тургеневу — от 22 июня 1881 г., с рекомендацией книги рассказов Н. Г. Бунина.⁵⁴ Тургенев ответил на него 10 (22) августа того же года: «Очень мне было приятно получить весточку и о Вас. Ваше имя напоминает мне то уже далекое, но хорошее время, когда еще наш кружок не распался, время молодости, деятельности... Каждая встреча с Вами, наяву ли, на бумаге ли, будит во мне приятные, хотя и немного грустные мысли».⁵⁵

Нельзя, наконец, обойти вниманием и репутацию Языкова как острошлова и каламбуриста. Его каламбуры, сохранные в письмах

---

⁵¹ «Я очень рад, — писал ему Гончаров 11 апреля 1869 г., — что Калуга выбрала и приставила к этому делу Вас как примерного ревнителя всякой общественной пользы» (ИРЛИ. № 8952. Л. 33).

⁵² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 266.

⁵³ Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 50.

⁵⁴ См.: Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 213–214.

⁵⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 109.

и воспоминаниях современников, могли бы составить значительную коллекцию. «Он никогда не пропускал случая сострить, — писала о Языкове Н. А. Тучкова-Огарева. — Раз на каком-то обеде, встав с бокалом в руке, он сказал с одушевлением: “Раз думал я, друзья”, — все слушали в нетерпеливом ожидании. “Раздумал я,” — сказал он и сел на свое место». ⁵⁶ Остроты Языкова сохранились в письмах Герцена 1840-х гг. ⁵⁷ О парижских водевилях, например, он сообщал М. С. Щепкину 11 (23) апреля 1847 г., что в них «каламбуры такие, что Языков бы повесился». ⁵⁸ Собиратель «вопиющих острот» Языкова, Дружинин зафиксировал, как Фета при первой встрече в 1853 г. Языков назвал «Про-фетом Мейерберовым», имея в виду оперу Мейербера «Пророк». ⁵⁹

Каламбуры Языкова помнил и Тургенев, и особенно дорожил каламбуром «стремплешь» (то есть «стремглав»), который в письмах повторял неоднократно. Так, Н. В. Ханыкову он писал 20 февраля (4 марта) 1869 г. из Карлсруэ: «...отъявлюсь в Париж — и конечно — как говорит М. А. Языков — стремплешь помчусь к Вам» (Письма. Т. 9. С. 161). О высылке экземпляра романа «Новь» Тургенев сообщал П. Л. Лаврову 26 декабря 1876 г. (7 января 1877 г.) из Парижа: «...как только я получу — то, как говаривал М. А. Языков, стремплешь пошлю один к Лопатину, с тем чтобы он так же скоропостижно доставил его Вам» (Т. 15. Кн. 1. С. 270). О возврате корректур повести «Клара Милич» Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 11 (23) ноября 1882 г.: «Любезнейший Михаил Матвеевич, возвращаю Вам “стремплешь” — как говаривал М. А. Языков — присланные отрывки корректур <...>». ⁶⁰

История тургеневской «старинной приязни» изложенными фактами далеко не исчерпывается.

---

⁵⁶ Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Л., 1959. С. 76.

⁵⁷ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 107, 147, 152, 161, 207 и др.

⁵⁸ Там же. Т. 23. С. 20.

⁵⁹ Дружинин А. В. Повести. Дневник. С. 252 (запись от 7 дек. 1853 г.); ср. также: С. 236, 351–352.

⁶⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 99.

И.С. Тургенев в Императорском Московском университете

Жизнь и творчество И.С. Тургенева (1818-1883), одного из самых известных русских классиков, всегда остается в центре внимания как многочисленных читателей, так и исследователей. Избранная тема тоже не нова.¹ Во все периоды своей жизни писатель был тесно связан с Москвой. Среди материалов на тему «Тургенев и Москва» есть специально посвященные учебе Тургенева в Московском университете, его участию в работе Общества любителей российской словесности при Московском университете (ОЛРС), а также его встречам со студенческой молодежью в 80-е годы, когда он был уже известным писателем. Они и стали основой данной статьи. Прежде всего, это труды Н.С. Тихонравова,² затем статья Н.В. Алексеевой «И.С. Тургенев в кругу радикальной студенческой молодежи в 1879 г. в Москве»,³ а также «Воспоминания П.П. Викторова о Тургеневе».⁴

Необходимость в данной работе вызвана желанием несколько расширить и дополнить имеющиеся материалы, а главное объединить все посещения Тургеневым Московского университета и дать комментарии. Следует отметить, что мы учитывали материалы Летописи жизни и творчества И.С. Тургенева, сборника «Иван Сергеевич Тургенев и Москва», подготовленного сотрудниками московской библиотеки-читальни, носящей имя И.С. Тургенева,⁵ книги Н.М. Чернова «Тургенев в Москве»,⁶ опирались на воспоминания

---

¹ Эта тема подробно отражена в изд.: Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818-1858) СПб., 1995; Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876-1883) СПб., 2003.

² Тихонраов Н.С. И.С. Тургенев в Московском университете // Русская литература XVIII-XIX вв. Т. 3, ч. 1. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. С. 593-602.

³ И.С. Тургенев (1818-1883-1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 288-328.

⁴ Там же. - С.329-342.

⁵ Иван Сергеевич Тургенев и Москва [сб. ст.] / Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева; сост. Т.Е. Коробкина, Г.Н. Муратова; худож. Ф.М. Домогацкий. - М.: Русский путь, 2009.

⁶ Чернов Н.М. Тургенев в Москве. М., 1999.

современников, участвовавших в торжествах конца 70-х – начала 80-х годов, использовали и другие редкие издания.

Николай Чернов, автор книги «И.С. Тургенев в Москве», писал: «Предки его [И.С. Тургенева – Т.Г.] по отцу и по матери – были, в сущности, коренными москвичами [...] Иван Тургенев любил первопрестольную и хорошо знал этот город с раннего детства, которое лишь частью прошло в деревне. Значительно дольше, иногда годами, дети Тургеневых безвыездно жили и учились в Москве. Первый раз они увидели белокаменную в мае 1822 года, когда семья вереницей собственных экипажей направлялась из Спасского-Лутовинова в Петербург и дальше – в путешествие по чужим краям. Простился же Тургенев с Москвой в конце лета 1881 года, в последний приезд на родину. Биографы насчитывают в Москве свыше пятидесяти памятных мест, связанных с Тургеневым. <...> Постоянным московским жителем Иван Тургенев стал в 1824 году (он уже значится здесь в исповедной ведомости). Родители поселились в Москве с целью обучения подрастающих сыновей».⁷

Среди первых учителей был студент Московского университета И.П. Ключников,⁸ поэт, один из лидеров студенческого кружка Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского. Он готовил Тургенева к экзамену по всеобщей истории. Занимался с ним также историей и словесностью магистр университета и в будущем известный ученый Г.Е. Щуровский.⁹

Приближалось время выбора профессии. Ивана отец хотел «поместить в военную службу», но со временем стало ясно, что у него редкие способности к языкам и словесности, он прекрасно успевал и по другим предметам и хотел продолжить учебу в университете. Родители согласились с его выбором, но надо было ждать еще два года, так как принимали в университет не ранее 17-ти лет. В июне 1833 года С.Н. Тургенев обратился к помощнику попечителя

---

⁷ Чернов Н.М. Тургенев в Москве. М., 1999. С. 7-8.

⁸ Ключников Иван Петрович (1811-1895) – воспитанник Московского университета.

⁹ Щуровский Григорий Ефимович (1803-1884) - воспитанник Московского университета, первый профессор геологии и минералогии. С 1832 г. – преподаватель, с 1835 г. – экстраординарный, затем ординарный профессор, с 1845-1849 гг. – декан физико-математического отделения.

Московского учебного округа Д.П. Голохвастову с просьбой «разрешить его младшему сыну, не достигшему 17-ти лет, держать вступительные экзамены в Московский университет» и получил отказ со ссылкой на правила Министерства народного просвещения от 18 марта 1831 года, в которых четко был указан возраст. Отец ходатайствовал за сына перед директором училищ Московской губернии М.А. Окуловым, но он также не мог дать разрешение и предложил вместе обратиться еще раз к Голохвастову, который сказал, что без приказания министра сделать ничего не может. В Летописи приведено письмо М.А. Окулова к министру просвещения С.С. Уварову, в котором он охарактеризовал Ивана Тургенева как очень способного «мальчика таковых познаний, что не только такого рода экзамен, но даже почти может выдержать экзамен для выпуска» [орфография Окулова - Т.Г.]. Словом, всячески убеждал министра «разрешить Тургеневу, несмотря на его несовершеннолетие, сдавать вступительный экзамен в университет».¹⁰

К счастью, разрешение было получено, и 4 (16) августа 1833 года И.С. Тургенев обратился в Правление Московского университета с соответствующим прошением:

В Правление императорского Московского университета.

От Ивана Сергеева сына Тургенева

Прошение.

Родом я из дворян, от роду мне шестнадцатый год. Обучался в доме моих родителей: закону божью, языкам: российскому, латинскому, немецкому, французскому, английскому, арифметике, алгебре и геометрии, физике, истории и географии. Ныне, желая усовершенствоваться в высших науках, покорнейше прошу сие Правление, подвергнув меня надлежащему испытанию, включить в число своекоштных студентов по Словесному отделению.

При сем прилагаю свидетельство о моем рождении и крещении и копию с протокола Тульского дворянского депутатского собрания о дворянском происхождении. К сему прошению из дворян Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил.

*1833 года. Августа 4 дня.*¹¹

---

¹⁰ Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818-1858). СПб., 1995. С. 23.

¹¹ Тургенев И.С. Официальные письма и деловые бумаги // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах. М.: Наука, 1982. Т.1. С. 340. Дата по старому стилю.

В сентябре 1833 г. состоялись вступительные экзамены. Особое внимание обращено было на знание закона Божьего, русской словесности, латинского языка. Тургенев не получил ни одной неудовлетворительной оценки, и это был большой успех. Насколько строги были экзамены, видно из того, что из 167 экзаменовавшихся на все четыре факультета принято было только 25 человек. Позже особым решением дополнительно приняли еще 26 из числа тех, у кого было по одной неудовлетворительной оценке.

По решению Совета Московского университета от 20 сентября 1833 года Иван Тургенев был зачислен в число своекоштных студентов на словесное отделение; хотя на момент зачисления ему не было еще 15-ти лет, его зачислили в виде исключения. Вместе с казеннокоштными на первый курс было принято 18 человек [данные Н.М. Чернова; в статье Н.С. Тихонравова – 13]. Имена большинства однокурсников известны, о них можно прочесть у Николая Чернова.

В то время Совет университета учредил для вступающих вновь слушателей всех факультетов общий предварительный курс, состоящий из наук, «коим необходимо должны учиться все желающие быть полезными себе и отечеству, какой бы род жизни и какую бы службу ни избрали». В состав этого общего курса входили: чтение Св. Писания, русская словесность, всеобщая история, физика и языки латинский, французский и немецкий. С этих пор к слушанию специальных факультетских лекций допускались только те, «которые доказали на экзамене свои успехи в этих предметах».¹² Этот курс и прослушал Тургенев.

Н.С. Тихонраов считал, что «образовательный курс» был очень полезен тем, что поддерживал в студентах идеальные стремления, гуманные начала и охранял их «от бессердечного и черствого специализма». По его мнению, именно так думали «идеалисты 30-х и 40-х годов»: «Прежде выработай в себе человека, которому не чуждо было бы ничто человеческое, а потом вырабатывай ученого специалиста».¹³ Тургенев, впитавший эти идеалы, пронес их через всю жизнь.

---

¹² Тихонраов Н.С. И.С. Тургенев в Московском университете 1883-1884 гг.// Русская литература XVIII-XIX вв. Т. 3. Ч. 1. М., 1898. С. 595.

¹³ Там же. С. 595.

В программу первого года были включены в основном предметы общеобразовательного цикла. На лекции собирали первокурсников всех факультетов вместе, поэтому круг знакомств у Тургенева был довольно обширным. Если в первые годы Московского университета здесь работали в основном профессора, приглашенные из других стран, то ко времени поступления в университет И.С. Тургенева уже были подготовлены собственные кадры, и почти на всех кафедрах работали воспитанники Московского университета. Ректором был А.В. Болдырев (1780-1842), деканом словесного отделения историко-филологического факультета – литератор, издатель, полиглот М.Т. Каченовский (1775-1842), ординарный профессор кафедры истории, статистики и географии Российского государства (1821-1835); затем до конца жизни он возглавлял кафедру истории и литературы славянских наречий, в 1837-1842 годах – ректор Московского университета, академик (1841).

Лекции по русской словесности читал профессор И.И. Давыдов (1784- 1839), курс физики и естественной истории профессор М.Г. Павлов (1793-1840), всеобщую историю профессор М.П. Погодин (1800-1875), – писатель, журналист, издатель, председатель ОЛРС (1836-1845), председатель (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете, П.В. Победоносцев (1771-1841) – магистр словесных наук, член ОЛРС, каждую неделю занимался со студентами русским языком, уделяя много внимания выполнению практических заданий. Профессор богословия и церковной истории Московского университета и духовный писатель, первый настоятель церкви Св. Татианы протоиерей П.М. Терновский (1798-1874) блестяще читал лекции по своему предмету. Обязательными для всех студентов были языки – латынь, греческий и один европейский. Тургенев выбрал два европейских языка – французский и немецкий.

В Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева (ОГЛМТ) сохранилась студенческая тетрадь писателя с его конспектами по географии и статистике. Некоторые эпизоды его московской студенческой жизни нашли отражение в повестях: «Андрей Колосов» (1844) и «Несчастливая» (1869); в последней Тургенев «вывел Станкевича в лице студента-поэта».

Переходные экзамены Тургенев выдержал в целом успешно. Тихонравов оставил об этом следующую запись: «По-видимому, Тургенев мало занимался “правилами” профессора-славянофила [имеется в виду Победоносцев - Т.Г.]. Из предметов, которые им преподавались, он получил при переходе на второй курс только 3. Ту же отметку получил он из закона Божия, греческого и латинского языков. Из остальных шести предметов Тургенев получил по 4; в общей сумме – 36; выше его по успехам, оказанным на переходных в следующий курс испытаниях, были только два студента: один имел в общем итоге 38, а другой – 37. Из 13 студентов и слушателей тогдашнего курса переведены были на второй курс только 6».¹⁴ С такими результатами Тургенев 28 мая (9 июня) 1834 года был переведен с общего предварительного курса на 2-ой курс словесного отделения. Через несколько дней он обратился с прошением об увольнении его из числа студентов словесного отделения Московского университета:

В Правление императорского Московского университета

От своекоштного студента Словесного отделения

Ивана Тургенева

Прошение.

Поступив в сей университет в число своекоштных студентов по экзамену в октябре месяце 1833-го года; а как ныне имею желание поступить для слушания профессорских лекций в Санкт-Петербургский университет, то прошу оное Правление, уволив меня из университета, снабдить надлежащим о учении моем свидетельством, с возвращением представленных мною при вступлении документов.

К сему прошению Иван Сергеев сын Тургенев руку приложил.

*Июня 14 дня 1834-го года*¹⁵.

23 июня Собрание Отделения словесности приняло решение об увольнении Ивана Тургенева в соответствии с его прошением. 18 (30) июля на основании прошения он был зачислен на второй курс историко-филологического факультета Петербургского университета. С тех пор многое связывало его с северной столицей. Тургенев

---

¹⁴ Тихонравов Н.С. Указ. соч. С. 599.

¹⁵ Тургенев И.С. Официальные письма и деловые бумаги. Указ соч. С. 340-341. Дата по старому стилю.

закончил университетский курс в 1836 году, получив звание действительного студента, по окончательным испытаниям в 1837 году удостоен степени кандидата, но связи с Москвой не порывал.

Барвара Петровна Тургенева очень хотела видеть сына профессором Московского университета. Для получения этой должности надо было выдержать магистерский диспут и получить соответствующий документ. В начале 1842 года он обратился в Совет университета с прошением допустить его к испытаниям на степень магистра философии. Вначале к просьбе отнеслись благосклонно, в частности, попечитель граф С.Г. Строганов, но декан словесного отделения И.И. Давыдов ответил, что «кафедра философии в университете не открыта и профессора по этому предмету нет», так что принять экзамен некому. Попытка получить степень в Петербурге тоже окончилась неудачей: экзамен на степень магистра философии он выдержал, но диссертацию так и не представил, предпочтя профессорской кафедре литературную деятельность. В 1842 году получил место чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел, в 1845-м вышел в отставку. Во 2-ой половине 1840-х – 1850-х годов подолгу жил за границей. В январе 1855 года писатель присутствовал на торжествах в честь столетия Московского университета.

28 января 1859 года по предложению К.С. Аксакова он был избран в действительные члены ОЛРС при Московском университете.

В 1860-е годы писатель неоднократно бывал в Москве, принимал участие в заседаниях ОЛРС. На одном из них 25 января/6 февраля 1860 года прочел свою статью «Гамлет и Дон-Кихот».

В январе 1860 года по издательским делам Тургенев провел несколько дней в Москве.

В январе 1879 года Тургенев получил из России (с некоторым опозданием) сообщение о смерти брата Николая. В силу разных причин на похоронах он не был.¹⁶ Только 2/14 февраля Тургенев выехал из Парижа в Россию по делам наследства брата. Москва встретила его тепло, повсюду ему был оказан радушный прием. Каждый день был наполнен новыми встречами. В тот приезд «нежданно для него

---

¹⁶ См.: Летопись жизни и творчества Тургенева (1876-1883). СПб., 2003. С. 326-327.

самого полились на его серебристую голову приветствия и теплые речи профессоров, писателей, студентов, курсисток, – писал свидетель этих торжеств П.Д. Боборыкин. – Светлее и радостнее этого времени в его писательской карьере не было. И внутреннюю свою радость Тургенев проявлял особенно мило, без рисовки, с тихим умилением, стыдливо и достойно».¹⁷

5/27 февраля того же года профессор государственного права и сравнительной истории Московского университета М.М. Ковалевский и группа его молодых коллег устроили в честь великого писателя обед, во время которого его приветствовали речами А.И. Чупров, Н.В. Бугаев, А.Н. Веселовский, П.Д. Боборыкин. Ковалевский «приветствовал дорогого гостя горячим обращением к нему, как к гражданскому и эстетическому воспитателю тех поколений, к которым принадлежат все присутствующие на обеде».¹⁸

На следующий день Тургенев написал М.М. Ковалевскому, что тот день надолго останется в его памяти – как нечто еще небывалое в его жизни.

18 февраля/2 марта в публичном заседании Общества любителей российской словесности Тургенева встретили овациями. Среди публики было много студентов. По свидетельству корреспондента «Русских ведомостей», «обширная университетская физическая аудитория далеко не могла вместить всех желающих <...> Едва показалась величественная фигура Ивана Сергеевича, как своды зала огласились громом оглушительных рукоплесканий. Крики “браво”, перекатывались в продолжение нескольких минут из конца в конец и возобновлялись все с новою силой».¹⁹

С хоров с приветственной речью обратился к Тургеневу студент медицинского факультета Московского университета П.П. Виктор, представлявший наиболее радикальную часть студенчества.²⁰ Именно ему было предоставлено право произнести речь в честь высокого гостя, ибо он был прекрасным оратором, часто выступал

---

¹⁷ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 15.

¹⁸ Русские ведомости. 1879, № 42.

¹⁹ Русские ведомости. 1879, № 45, 21 февраля.

²⁰ Петр Петрович Виктор (1853-1929), уроженец Орловской губ., учился в Московском университете, в 1885 г. получил звание врача, специализировался по психиатрии, опубликовал ряд работ по своей специальности, профессор.

на студенческих сходках, умел увлечь аудиторию. По всей вероятности, в написании речи участвовали и другие студенты. Узнав из газет о том, что Тургенев будет в Москве, они заранее начали готовиться к этой встрече.

Текст этой речи не сохранился, но спустя годы Викторов написал воспоминания «И.С. Тургенев в кругу радикальной студенческой молодежи в 1879 году в Москве». После его смерти среди бумаг отца машинописную рукопись этих воспоминаний со следами редакторской правки обнаружила его дочь и передала в РГАЛИ. В 1960 году с подзаголовком «Памятная встреча в Обществе любителей Российской словесности» воспоминания опубликованы в Тургеневском сборнике, в приложении к статье Н.В. Алексеевой.²¹

«Для нас, народников, – писал Викторов – Тургенев был, прежде всего, автором «Записок охотника», этой яркой картины крепостничества, художественно набросанной рукою мастера. Мы вместе с Писаревым с восторгом относились и к Базарову – герою «Отцов и детей» и совершенно не разделяли точку зрения критиков из Благосветловского «Русского слова» на Базарова. Под влиянием Базарова многие из нас стали заниматься естественными науками, а потом медициной. Мы не считали Базарова “нигилистом” в современном толковании этого слова. Какой же это нигилист, который говорит: “Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник”. Это не отрицатель и разрушитель, а напротив могучий строитель, расчищающий дорогу будущему».²²

На этом заседании Тургенев был избран в почетные члены ОЛРС.²³

4/16 марта 1879 года в Большом зале Благородного собрания прошел концерт в пользу недостаточных студентов Московского университета, на котором присутствовал ректор Московского университета Н.С. Тихонравов, певцы, музыканты, драматург и переводчик С.В. Танеев.

---

²¹ Алексеева Н.В. Воспоминания П.П. Викторова о Тургеневе// Тургенев И.С. Статьи и материалы (1818-1883-1958). Орел, 1960. С. 329-342. См. также: Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности. Сб. ст. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воронников, составитель Р.Н. Клейменова. – М.: Academia, 2009.

²² Алексеева Н.В. Указ соч. С. 333.

²³ Русский вестник. 1903. Кн. 9. С. 76-77

От имени студентов Тургенева приветствовал студент Н.Н. Чихачев, который сказал, что молодежь видит в нем не только выдающегося художника, но и представителя «поколения сороковых годов», «лучшую традицию которого современное поколение принимает, как драгоценное наследство, заботясь лишь о дальнейшем его развитии». Чихачев назвал Тургенева в ряду тех, «кто впервые проникся живым чувством к угнетенному народу, его горю и страданиям <...>, кто личным, а не книжным только обращением к народу наметил грядущим поколениям великую цель: обеспечить за народом полную свободу развития».²⁴

Затем был зачитан приветственный адрес от имени харьковских студентов, обращенный к Тургеневу:

«Милостивый государь Иван Сергеевич!

Мы, нижеподписавшиеся харьковские студенты, с живейшим удовольствием присоединяемся к московским нашим товарищам и спешим выразить Вам те чувства глубокого уважения и признательности, которые, мы уверены, разделяет с нами вся грамотная Россия. Ваши теплые слова о молодежи, произнесенные в Москве, тем более дороги, что нам именно теперь весьма редко приходится слышать, не говорим сочувственное, а хотя бы беспристрастное слово... Конечно. Ваши слова есть только констатирование того, что, между прочим, выражено в целом ряде Ваших сочинений, имевших благотворное влияние на образование и развитие наших стремлений и идеалов, но нам было приятно услышать из Ваших уст то, в чем мы были давно убеждены». Адрес подписали 6000 человек.²⁵

Выступая с ответной речью, Тургенев, обращаясь, прежде всего, к студентам, сказал:

«Мм. гг.! [Милостивые господа!]

Вот уже второй раз, с тех пор как я живу в Москве, что вам угодно почтить меня проявлением своего сочувствия. Я глубоко этим

---

²⁴ Русские ведомости, 1879, № 57, 6 марта.

²⁵ Материалы о чествованиях Тургенева в 1879 г. собраны в брошюре: Васильев П.П. Описание торжеств, происходивших в честь И.С. Тургенева в Москве и в Петербурге в течение февраля и марта 1879 года. Казань, 1880; Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания). Вестник Европы, 1910, № 5 (май).

тронут и искренне благодарю вас. Для начинающего писателя сочувствие молодого поколения, его сверстников, конечно драгоценно: оно служит ему сильным поощрением; но для писателя стареющего, уже готовящегося покинуть свое поприще, это сочувствие, так выраженное, есть, скажу прямо, величайшая, единственная награда, после которой уже ничего не остаётся желать. Оно доказывает ему, что жизнь его не прошла даром, труды не пропали, брошенное им семя дало плод. Я тем более горжусь и осчастливлен этим сочувствием, что сам был студентом Московского университета и всегда считал за честь принадлежать к этому рассаднику истинного просвещения, истинной духовной свободы. Желая и вам, господа, пойти бодро вперед по стезе, проложенной вашими предшественниками, к той прекрасной цели, которая виднелась уже их глазам, но которая, должно надеяться, с каждым днем будет отступать все менее и менее. Еще раз - благодарю вас, господа!»²⁶

На следующий день Тургенев описывал в письме Полине Виардо встречу в Благородном собрании: «... я вхожу, раздаётся оглушительный шум <...> крики “ура”, в воздух взлетают шляпы, потом возлагаются два огромных венка». Он отметил, что «после чтения вся эта толпа провожала [его – Т.Г.] в соседние залы, неистово вызывая 20 раз кряду; девицы хватили за руки, чтобы поцеловать их!!! И каков его вывод из этого чествования: «Безумие да и только! <...> Вся эта молодежь наэлектризована, как лейденская банка, а я служил чем-то вроде машины для ее разрядки. И в этом мои либеральные взгляды повинны по крайней мере столь же, сколь литературные заслуги».²⁷

6/18 марта в ресторане «Эрмитаж» в честь Тургенева был дан прощальный обед. Собралось около ста человек. С приветствиями выступили профессора Московского университета К.А. Тимирязев, Н.В. Бугаев, Н.С. Тихонравов, юрист Ф.Н. Плевако, С.А. Юрьев. Среди присутствующих был А.Н. Островский. Е.Ф. Корш и Ф. Б. Миллер прочитали стихи, посвященные Тургеневу.

---

²⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в тридцати т. Сочинения в 12 т. Т. 12. М., 1986. С. 335.

²⁷ Летопись (1876-1883). С. 247.

Тургенев произнес речь, которая несколько раз прерывалась шумными аплодисментами. Вероятно, с ответной речью выступил профессор Московского университета Н.С. Тихонравов. Среди его заготовок к статье «И.С. Тургенев в Московском университете», сохранился карандашный набросок текста застольного приветствия, которое, по словам публикаторов, «очевидно, служило ответом на слова Тургенева в честь Московского университета»:

«Иван Сергеевич! Ваш настоящий приезд в Москву вскрыл для многих истинное настроение, настоящие стремления нашей молодежи, всеми судимой, немногими наблюдаемой и многими не понимаемой. Говорят, что это какая-то грубая сила, которая не имеет прошедшего и у которой отрезано будущее. Тот горячий прием, которым встретила Вас наша молодежь, показывает, что у нас есть предания, которыми она дорожит, есть идеалы, к осуществлению которых она стремится. Да! Она умеет ценить представителей этих лучших преданий, дорожит людьми, которые ведут ее к осуществлению ее идеальных стремлений. Вот почему с таким восторгом встретила она Вас, своего знакомого руководителя, своего любимого профессора, хотя и не сидевшего никогда на кафедре. Вы произнесли сейчас два дорогие для Московского университета имени [Грановский и Белинский – Т.Г.]. Позвольте, милостивые государи, прибавить к ним третье дорогое для нас имя – Иван Сергеевич Тургенев, который в 1833 году был студентом Московского университета. Позвольте просить Вас еще раз поднять бокал, провозгласить здоровье писателя, которого можно охарактеризовать его собственными словами, к которому вполне справедливо применить слова, сказанные им о Грановском: он сеял свои семена днем при свете солнца, и когда они взошли и принесут плоды, в них не будет ничего горького».²⁸

Пресса была полна сообщениями о московских днях Тургенева. Уже 7/19 марта в «Русских ведомостях» опубликовали речь Тургенева перед студентами, в «Современных известиях» появилась речь писателя на обеде в «Эрмитаже», впрочем, статья изобиловала

---

²⁸ Тихонравов Н. С. Тургенев в Московском университете. Указ соч. С. 585-594, Вестник Европы, 1894 (февраль), С.232

ошибками и искажениями. Известно, что Тургенев был непримирим ко всякого рода опечаткам, и на этот раз он тоже послал исправленную газетную вырезку речи и просил восстановить текст оригинала в следующем номере. 8/20 марта «Современные записки» перепечатали текст с учетом поправок автора. Вышли одновременно и «Русские ведомости» с речью Тургенева на обеде в «Эрмитаже». Через три дня П.Д. Боборыкин выступил в «Русских ведомостях» со статьей «Хорошая реакция», в которой подвел итоги чествования Тургенева в Москве.²⁹

Эти встречи с Тургеневым остались лучшей литературной страницей в истории университета. Не многим больше чем через год писателя ждала новая встреча с Москвой и Московским университетом, на этот раз на торжествах в честь открытия памятника А.С. Пушкину.

Тургенев с самого начала участвовал в подготовке предстоящего праздника, он вошел в состав комитета по подготовке, послал от имени Общества московских литераторов приглашения Виктору Гюго, Гюставу Флоберу, Луи Леже и другим. 5/17 мая начал работать над речью о Пушкине, не раз к ней возвращался, правил, дополнял, сокращал, согласовывал с друзьями.

День праздника приближался, но в назначенный день открытие не состоялось. Хотя торжества готовились задолго до объявленной даты, ее пришлось дважды переносить. По свидетельству участника событий А.Ф. Кони, «первоначально открытие памятника было назначено на 26 мая, но смерть императрицы Марии Александровны заставила отнести это открытие на 2 июня, а какое-то недоразумение при вторичном докладе о том председателя комиссии по сооружению памятника, принца Петра Георгиевича Ольденбургского, вызвало новую отсрочку до 6 июня».³⁰

Все это создавало определенные трудности для желающих приехать в Москву из других городов, в том числе и для Тургенева, который хотел побыстрее вернуться в Буживаль. В преддверии торжеств он писал: «Если сохранится хорошая погода, праздник будет

---

²⁹ Русские ведомости. 1879, № 62, 21 марта.

³⁰ Кони А.Ф. Из книги «На жизненном пути. И.С. Тургенев» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2. М., 1983 С. 129.

великолепен, люди приезжают отовсюду. В первый раз в России будут вот так чествовать простого литератора».³¹

Летопись передает последовательность событий и участие в них Тургенева, которому адресовалась значительная часть внимания и восторженного поклонения присутствующих на торжествах.

6/18 июня в 2 часа дня Тургенев присутствует на посвященном Пушкину торжественном заседании в актовом зале Московского университета. Тургенев вместе с Я.К. Гротом и П.В. Анненковым избирается в почетные члены университета

7/19 июня в зале Благородного собрания состоялось первое публичное заседание Общества любителей российской словесности, посвященное Пушкину. Были зачитаны приветственные письма В. Гюго, Б. Ауэрбаха, А. Теннисона. Затем Тургенев выступил с «Речью о Пушкине».

8/20 июня на втором заседании Общества любителей российской словесности с речью о Пушкине выступает Ф.М. Достоевский. Об успехе своей речи он писал А.Г. Достоевской: «Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. Вы гений, вы более чем гений! – говорили они мне оба».³²

В 21 ч. вечера – заключительный литературный вечер в зале Благородного собрания. В первом отделении Достоевский прочел отрывок из «Песен западных славян» и «Сказку о медведихе»; во втором отделении – «Пророк». Тургенев читает «Зиму» и отрывок из пушкинских «Цыган». Тургеневу устроили «шумные овации и поднесли такой же венок, которым утром был увенчан Достоевский».

Завершается вечер повторением «апофеоза» – шествием писателей, во время которого Тургенев опустил только что поднесенный ему венок к подножию пушкинского бюста, а Достоевский другим венком увенчал голову поэта».³³

Внимание к торжествам проявляла и власть. Этой теме посвящена статья Н.Ф. Бельчикова «Пушкинские торжества в Москве в 1880 г. в освещении III отделения», содержащая донесения агента III

---

³¹ Летопись (1876-1883). С. 339.

³² Летопись (1876-1883). С. 343.

³³ Летопись (1876-1883). С. 343.

отделения А.П. Мельшинского, – который участвовал в торжествах в качестве делегата и представителя реакционной газеты «Берег».³⁴ Н.Ф. Бельчиков писал: «Дело III отделения канцелярии 3-ей экспедиции 1880 № 630 («О праздновании открытия памятника Пушкину в Москве») открывается двумя небезынтересными агентурными записками, пытающимися навлечь подозрение III отделения и втянуть в орбиту его наблюдения писателя Салтыкова-Щедрина и публициста Шелгунова.

В первой, датированной 2 мая 1880 года, за № 688 читаем:

«<...> Было бы весьма полезно, чтобы все учено-литературные манифестации в честь Пушкина перенесены были в Москву, где празднествами будут распоряжаться люди умеренного образа мыслей (“Общество любителей российской словесности”), а в Петербурге не допущено было никакого публичного обеда по приглашению каких-либо литературных кружков или Комитета кем-либо уполномоченных литераторов. Достаточно, если празднества ограничатся стенами учебных заведений, где не будет места известного рода ораторским увлечениям».³⁵

Само собой разумеется, что этим указаниям следовали строго; на самом деле так все и происходило: в Москве было публичное празднество большого размаха, а в Петербурге прошло лишь одно заседание.

Надзор за всем происходящим был нешуточный. Начальник Московского жандармского управления получил предписания, определяющие линию поведения в дни торжеств. Уже 20 мая III отделение учредило секретное наблюдение не только там, где непосредственно проходили торжества, но и во всех местах стечения публики, чтобы иметь совершенно верные сведения как о представителях литературы и почитателях поэта, так и обо всем, что во время празднеств будет происходить в собраниях литераторов и других местах.

Агент III отделения А.П. Мельшинский исправно направлял каждый день подробные донесения обо всем, что происходило в эти дни в Москве, они были затем обобщены и представлены в статье Н.Ф. Бельчикова в «Кратком отчете о праздновании в Москве

---

³⁴ Октябрь, 1937. № 1. С. 271-282.

³⁵ Там же. С. 271.

открытия памятника Пушкину» и в «Письмах о праздновании открытия памятника Пушкину».³⁶

Первое письмо агента освещает прием 5/11 июня в городской Думе, где присутствовали «депутаты от 104 обществ, учреждений, сословия дворян московской и петербургской губерний и московского купечества, а также от благоденствующего здесь, благодаря местной администрации, еврейского общества, произносили настолько краткие приветствия, что прием окончился в течение одного часа».³⁷ Подробно описывает агент Божественную литургию в церкви Страстного монастыря, вручение городскому голове акта о передаче в ведение города памятника, сооруженного трудами комитета. После этого «приглашенные лица, депутаты и власти направились в актовый зал в старом здании университета, украшенный растениями, где и расположились лицом к кафедре, имевшей по сторонам портреты государя Императора и Екатерины II, а посредине портрет Александра Благословленного. Министр народного просвещения заставил себя долго ждать и вошел лишь через полчаса, уже после того, как все заняли места, не исключая в том числе и его высочества принца Ольденбургского». Ректор университета Н. Тихонравов сделал важное объявление о том, что «Московский университет, желая достойным образом почтить память поэта, постановил ежегодно торжественным актом праздновать день открытия в Москве памятника Пушкину и избрал в почетные члены университета: 1) академика Грота, оказавшего важные услуги русской речи своими трудами по грамматике, 2) Анненкова, издателя сочинений Пушкина, усердного и добросовестного собирателя сведений, относящихся к биографии поэта и 3) И.С. Тургенева, как писателя, талантливо владеющего пушкинским слогом».³⁸

Выделим интересный штрих, отмеченный агентом: «Провозглашения всех этих трех имен были встречены рукоплесканиями присутствующих; особенно громки и как бы единодушны были овации, оказанные присутствующими Тургеневу. Вероятно, под впечатлением всеобщего восторга, Его Высочество, после вторич-

---

³⁶ Там же

³⁷ Там же. С. 275.

³⁸ Там же.

ного взрыва рукоплесканий, изволил встать с своего места и, сделав несколько шагов по направлению к Тургеневу, протянул руку романисту». ³⁹ После университетского акта был дан обед в Благородном собрании и там же прошел литературный вечер. На литературном вечере Тургенев читал стихотворение Пушкина «Опять на родине», которое было встречено шумной и продолжительной овацией. Его вызывали, по крайней мере, раз восемь. Других наших литературных известностей встречали с гораздо большим спокойствием». ⁴⁰

8 июня заседало Общество любителей российской словесности, в письмах агента представлены два заседания ОЛРС, когда с большой речью выступил И.С. Тургенев.

* * *

В дни подготовки пушкинских торжеств у Тургенева было много деловых и дружеских встреч. Одна из них - встреча с Л.Н. Толстым. «Мне хочется свидеться и потолковать с Вами», - писал он Толстому, предваряя свою поездку в Ясную Поляну, чтобы от имени оргкомитета уговорить великого писателя принять участие в празднике. Л.Н. Толстой, был рад ему, гость провел в Ясной Поляне 2 /14 и 3 /15 мая, они прекрасно провели время, много общались, но, получить согласие Толстого не удалось: «Отец решительно отказался. Он не любил публично выступать и вообще не любил торжеств и праздников, хотя бы и в честь Пушкина», - объяснил позже позицию Толстого его сын. ⁴¹ Тургенев сожалел и был разочарован отказом.

Через много лет, в письме в редакцию «Русских ведомостей» от 5 марта /6 апреля 1908 года. Л. Н. Толстой писал об этой встрече: «Вспоминаю, как давно уже, около тридцати [лет] тому назад, во время чествования Пушкина и поставления ему памятника, милый Тургенев заехал ко мне, прося меня ехать с ним на этот праздник. Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гения Пушкина, я отказался... потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным – и не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям».

---

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 277.

⁴¹ Толстой С.Л. Тургенев в Ясной Поляне // С.Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956. С. 312

К вопросу об интересе И.С. Тургенева к творчеству Н.И. Костомарова

Предлагаемая тема построена на материалах из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева и позволяет нам обратиться к недостаточно исследованному вопросу.

Так, в процессе комментирования журнальной части книжного собрания И.С. Тургенева мы обратили внимание на 10 томов журнала «Основа» за 1861 год, к счастью, представленного в тургеневском книжной коллекции довольно полно.

«Основа» – украинский литературно-учёный вестник, издававшийся ежемесячно с января 1861 по сентябрь 1862 года; издателем журнала был П.А. Кулиш, редактором – В.М. Белозерский.

Но главными деятелями «Основы» были Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Т.Г. Шевченко.

И.С. Тургенев сознавал значение этого издания, обогащающего и развивающего украинскую культуру, а также способствующего её единению с русской культурой.

В №№ 1 и 7 журнала за 1861 год опубликованы статьи историка Н.И. Костомарова «Мысли о федеративном начале в Древней Руси» и «Гетманство Выговского». Судя по количеству разрезанных страниц в 10-ти книгах «Основы» Тургенев, надо думать, обратил особо пристальное внимание именно на статьи Н.И. Костомарова, имевшие значительное влияние на несколько поколений отечественной интеллигенции. Интерес Тургенева к этим материалам не случаен: удивительный провидческий дар писателя во многом опирался на прекрасное знание им отечественной и зарубежной истории, которое он непрерывно пополнял.

Нам показалось уместным приоткрыть некоторые страницы личных взаимоотношений известного историка и великого романиста, могущие помочь в понимании интереса Тургенева к определенным периодам русской истории и как бы спроецировать их на современный Тургеневу мир.

Никто из мемуаристов и исследователей биографий Костомарова и Тургенева не называет точной даты их знакомства. В «Автобиогра-

фии» Костомаров пишет: «Осенью 1858 года приехал в Петербург Шевченко. <...> у меня были и тогда назначены вторники <...>¹

Именно поздней осенью 1858 года Тургенев пребывал сначала в Москве, затем в Петербурге.

Украинские исследователи Е. Шаблиовский и Н. Гнатюк отмечают: «Тургенев особенно выделял видного украинского и русского историка и писателя Н.И. Костомарова. Он бывал у него на званых “вторниках” в Петербурге».²

Доказательством встреч историка и писателя служат также воспоминания Н. Макарова – племянника знакомой И.С. Тургенева В.Я. Карташевской; кроме того – воспоминания Н.А. Белозерской (супруги В.М. Белозерского – С.С.), которая с 1868 года была личным секретарем Н.И. Костомарова. На литературных и музыкальных вечерах в Петербурге, на ул. Малой Московской в доме Карташевских часто бывали представители русской культуры, в числе которых был и И.С. Тургенев.

В 1860 г. он писал Я.П. Полонскому из Петербурга: «<...> тотчас после обеда спор Погодина с Костомаровым <...>»³

Диспут Погодина и Костомарова, на котором присутствовал Тургенев, был посвящен происхождению Руси.

Не только нетрадиционность исторических взглядов Костомарова, но и сама достаточно экстравагантная личность историка не могли не занимать Тургенева.

Н.И. Костомаров родился в 1817 году в Воронежской губернии. Отец его был помещиком, мать – крепостной крестьянкой. «Старый Костомар», как его называли крестьяне, был сыном своего времени: жестоким, бессердечным помещиком, невольно напоминающим братьев Лутовиновых, а также предка Федора Лаврецкого из романа «Дворянское гнездо», вешавшего мужиков за ребра. Его убили крестьяне, и маленький Николенька остался сиротой. К счастью, ему удалось получить хорошее образование в Воронежском пансионе, а затем в Московском университете в то самое время, когда там учился и Тургенев.

---

¹ Костомаров Н.И. Автобиография // Русская мысль. 1885. Кн. 5. С. 221.

² [Электронный ресурс] // Режим доступа: mega-book.ru/article/Шаблиовски-Евгений-20Степанович.

³ Тургенев И.С. ПСС и П (2). Письма. Т. 4. М., 1987. С. 175.

Костомаров, как и Тургенев, был удивительно талантливым человеком, обладавшим феноменальной памятью, обширными знаниями в области литературы и истории и знавшим многие языки.

К сожалению, его первая диссертация об унии в Западной России была сожжена по приказу министра народного просвещения С.С. Уварова и по рекомендации профессора С.-Петербургского университета Н.Г. Устрялова, что было само по себе из ряда вон выходящим событием. Неутомимый историк создает новый труд: «Об эстетическом значении русской народной поэзии». И таким образом, он в своем творчестве объединил историю и литературу, что станет особенностью его дальнейшего творчества.

В бытность свою профессором Киевского университета в 1846-47 годах. Н.И. Костомаров задумал Кирилло-Мефодиевское братство, благородной целью которого было единение славянских народов на основе федерации. Арест «братчиков» и ведение дела самим Л.В. Дубельтом придало этой истории особую огласку в обществе.

Год историк провел в Петропавловской крепости, почти 10 лет – в саратовской ссылке, где близко сошелся с Н.Г. Чернышевским. По возвращении из Саратова в 1857 году он занял кафедру истории уже С.-Петербургского университета. Его лекции пользовались огромным успехом, но преподавательская деятельность Костомарова прервалась в 1861 году из-за его неосторожного выступления по поводу основания вольного университета в год фактического закрытия С.-Петербургского университета из-за студенческих беспорядков.

Запрет журнала «Основа» был еще одним тяжелым ударом для Костомарова. Он, по словам одного знакомого, перешел исключительно к кабинетной работе.

Именно в эти годы Тургенев проявляет несомненный интерес к историческим трудам Костомарова.

Писатель с «великим удовольствием»⁴ прочел статью историка «Смутное время Московского государства» (1866).

Чрезмерная склонность к фантастическим построениям (речь идет исключительно о беллетристике – С.С.), по ироническому замечанию Н.Г. Чернышевского, иногда давала повод для насмешек и даже преследований Костомарова в печати.

---

⁴Тургенев И.С. ПСС и П. Письма. Т. VI. М.-Л, 1966. С. 64.

Но если бы не богатое творческое воображение Костомарова, не его упорный труд по исследованию летописей и мемуаров на русском, украинском и польском языках, сомнительным был бы факт появления в печати замечательных работ историка о падении Новгорода, бунтах в России, многочисленных самозванцах, образы которых, по выражению Костомарова, волновали его, как образ любовницы. Этот интерес ко времени смут и бунтов был общим у историка и писателя.

Надо добавить, что у Тургенева в его личной библиотеке сложилась целая коллекция книг о самозванцах.⁵ Некоторые из них сохранили пометы Тургенева. Именно «Смутное время Московского государства» «с великим удовольствием» прочел Тургенев в 1866 году в журнале «Вестник Европы».

Живость изображения, соблюдение исторической истины – вот то главное, что привлекало Тургенева, который, по всей видимости, интересовался вопросом начала становления государственности на Руси и спецификой первоначальной российской демократии, о которой мы мечтаем и поныне.

7/19 октября 1871 года И.С. Тургенев писал П.В. Анненкову: «Антокольский [известный скульптор – С.С.] со своим “Иваном Грозным” наводит мои мысли на Костомарова, превосходную статью которого об И. Грозном в “Вестнике Евр<опы>” я прочел с великим удовольствием – а от Костомарова моя мысль, естественно, переходит к Пыпину и к избранию академическому. Я нахожу, что это избрание не делает чести ни Академии, ни Пыпину, которого я, впрочем, уважаю, как весьма дельного писателя, но с Костомаровым и с Соловьевым ему соперничать не следовало».⁶

Вот прямое признание заслуг Н.И. Костомарова-историка и косвенно выраженная оценка статьи об И. Грозном.

Мы намеренно дали пространную выдержку из письма Тургенева, так как речь идет об одной из самых интересных работ известного русского историка.

Костомаров неоднократно обращался к личности Ивана Грозного: в речи о Константине Аксакове (1861), в «Ливонской войне» (1864), в «Начале единоподержавия в Древней Руси» (1870), наконец,

---

⁵ Балыкова Л.А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1. Орел, 1994. С. 189.

⁶ Тургенев И.С. ПСС и П. Письма. Т. IX. М.-Л, 1965. С. 147.

в фундаментальной статье «Личность царя Ивана Васильевича Грозного» (1871).

В противовес профессору К.Н. Бестужеву-Рюмину, идеализировавшему Грозного в своей речи в Славянском комитете и ставившему данную личность на один уровень с реформатором Петром I, Н.И. Костомаров считает, что разорение государства, унижение народа – явления не великие, а преступные.

Как продолжатель славной традиции великого Карамзина, Костомаров блистательно разрешил поставленную перед собой задачу: поразительная логика изложения, доказательность, несомненная художественная ценность, изящество стиля при глубоком научном анализе исторических фактов – главные отличия статьи Костомарова.

Именно этот царь, по мнению исследователя, «задался убеждением, что самодержец царь может делать, что ему вздумается, что не должно быть на земле права, которое могло бы поставить преграды его произволу или даже осуждать его деяния, как бы они ни были безнравственны и неразумны».⁷

Так, Иван Грозный положил начало деспотическому произволу на Руси. Подобные умозаключения историка с большой долей вероятности были близки его современнику – автору знаменитых «Записок охотника».

Глубокий психологический анализ личности Ивана Грозного также отличает работу Костомарова. «Вычурность» и «театральность» злодеяний царя, по глубокому убеждению историка, сравнимы только со злодеяниями Нерона. Не вызывает сомнений, что интерес Тургенева привлекли страницы знаменитой работы, посвященные литературным занятиям Грозного. Исследователь рассматривает переписку царя с Курбским и находит в ней доказательства того, что «царь этот обладал недалёким умом»⁸ и письма его полны лживой риторики.

По мнению историка, Иван Грозный, прибегая к библейским примерам, извращает их в свою пользу. Костомаров, знавший Вет-

---

⁷ [Электронный ресурс]// Режим доступа: ricolor.org/history/mu/ivgr/grozy_kostomarov/

⁸ [Электронный ресурс] // Режим доступа: [Lugward.ru/ library/kostomarov/lichnost_cara_ivana_vasilevicha.html](http://Lugward.ru/library/kostomarov/lichnost_cara_ivana_vasilevicha.html)

хий и Новый заветы практически наизусть, человек глубоко верующий, замечает удивительную непоследовательность, алогичность и бездоказательность таких примеров в письмах тирана.

«Монастырское благочестие <...>, – пишет Костомаров, – было такой же забавой воображения, как для Нерона антическое художество».⁹

Историк отмечает чудовищное лицемерие Ивана IV в послании его в Кирилло-Белозерский монастырь, его фальшивое смирение в то время как он – человек, «умертвивший псковско-печерского игумена Корнилия, задушивший добродетельного митрополита Филиппа, перебивший и перемучивший монахов в Новгороде, грабивший монастыри, облитые кровью своих обитателей <...>».¹⁰

Восторженный отзыв Тургенева о статье Костомарова достаточно ясно и определенно свидетельствует о его интересе к самой личности и исторической роли Ивана Грозного.

Специально отметим, что том «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, посвященный царствованию Ивана IV, наиболее читан Тургеневым.¹¹

Страницы описанных Костомаровым гонений на русские монастыри не могли не вызвать сочувствия писателя, который начал свою литературную деятельность со статьи о русских монастырях. В его библиотеке сохранился двухтомник С.П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» с описанием монастырей, которые для Тургенева были хранилищем духовной культуры.

Поэтому Иван Грозный для писателя, как и для историка Костомарова, был образцом ненавистного узурпатора-тирана, а ненависть к тирании писатель со всей страстью выразил в фантазии «Призраки».

В перечне тем, которые вызывали особый интерес Тургенева-читателя Костомарова, нельзя не упомянуть «славянский вопрос».

В 1861 году историк написал блистательную речь о К.С. Аксакове для торжественного акта в Московском университете. Речь показана

---

⁹ [Электронный ресурс] // Режим доступа: Lugward.ru/library/kostomarov/lichnost_cara_ivana_vasilevicha.html

¹⁰ [Электронный ресурс] // Режим доступа: Lugward.ru/library/kostomarov/lichnost_cara_ivana_vasilevicha.html

¹¹ Балыкова Л.А. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1. Орел, 1994. С. 104.

ла его терпимость по отношению к старому славянофильству, но он всегда отделял себя от этой школы.

Религиозная нетерпимость новых славянофилов (группировавшихся вокруг Славянского Комитета – С.С.) вызывала раздражение историка, равно как и Тургенева.

В начале 70-х годов Костомаров уже анализировал общеславянскую идею, в отличие от своих убеждений 60-х годов, как невозможную, ибо собрать и привести в порядок своеобразное, национальное и заимствованное разными славянскими народами практически невозможно. В принципе, его взгляды на славянский вопрос отличались достаточной широтой и призывами к терпимости.

Но не так терпим был Костомаров в польском вопросе, зная, сколько бед принесли поляки южно-русскому казачеству.

Он тщательно исследует польские летописи и мемуары. Проблем с изучением первоисточников для него не существовало. Костомаров свободно читал и говорил по-польски.

И.С. Тургенев – постоянный сотрудник «Вестника Европы» – вне всякого сомнения, читал статьи Костомарова по польскому вопросу. Следил писатель и за полемикой по этой животрепещущей для всех русских теме. Он не только прочитал статью историка «Письмо к А. Градовскому», но и предполагался в качестве посредника в деле перевода и публикации статьи на французском языке.

Тургенев проявил свойственную ему дипломатичность, испытывая благожелательность к полякам и имея менее радикальную позицию в польско-русском вопросе.

В трактовке Костомаровым эпохальных исторических событий определяющим был «народный элемент».

И.С. Тургенев также воспринимал народ как творца истории, поэтому столь притягательными были для романиста сочинения Костомарова – автора более 200 монографий, исследований, заметок, рецензий, драматических произведений, хроник, стихотворений, – настоящего корифея исторической мысли XIX века.

Путь М. Н. Каткова к редакторской деятельности

В 1856 году в России начинает выходить журнал «Русский вестник» и сразу же становится, по характеристике С. А. Венгерова, изданием наиболее отзывчивым на потребности минуты «благодаря своему радостно-оптимистическому настроению». ¹ Именно на страницах этого журнала впервые увидели свет программные произведения большинства великих русских писателей второй половины XIX века: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, первые главы «Войны и мира» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Соборяне» Н.С. Лескова, «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Князь Серебряный» А.К. Толстого, «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» И.С. Тургенева.

Непростые взаимоотношения писателей с редактором этого журнала Михаилом Никифоровичем Катковым литературоведам хорошо известны. В настоящей статье речь идет о том пути, который Катков прошел, прежде чем стал издателем и редактором знаменитого «Русского вестника».

Примеры успешных редакторов-издателей в России убеждают, что хороший редактор должен иметь собственный успешный опыт писательства. Михаил Никифорович Катков в данном случае не исключение. Поэтому, говоря о его пути в редакторы, нужно начинать с его собственной публицистики. Известно, что юный Катков был самым молодым членом кружка Николая Владимировича Станкевича, и именно там приобретался им вкус к литературе. Начинал Катков как переводчик. «Юноша», как часто называл его в письмах Виссарион Григорьевич Белинский, был увлечен поэтами-романтиками.

По воспоминаниям Ивана Ивановича Панаева, именно в кружке Станкевича Катков впервые представил свой «прекрасный перевод гейневского “Французского гренадера”»:

---

¹ Венгеров С.А. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 50.

– Какое мне дело! Пускай поджидают...

Бросаю детей и жену,

Голодную смертью пускай умирают:

В плену император, в плену!..

Позднее, в 1840 году оно было опубликовано в «Отечественных записках». С «Отечественными записками» Катков стал сотрудничать благодаря Белинскому, с которым до этого вместе работал в энциклопедическом журнале «Московский наблюдатель». К работе в «Отечественных записках» Белинский был привлечен одним из активнейших сотрудников журнала Алексеем Дмитриевичем Галаховым, имевшим некоторые связи в цензурном комитете и соответственно доступ ко всем новым изданиям еще до выхода их на широкую публику. Ввиду того, что в «Наблюдателе» дела шли все хуже, Белинский стал подумывать о полном переходе в журнал Андрея Александровича Краевского, что вскоре и произошло.

В октябре 1839 года Белинский переехал в Петербург для более активного участия в издании «Отечественных записок», предложив А. Д. Галахову, остававшемуся в Москве, вместо себя Каткова для рецензирования книжных новинок. Катков в это время готовился к магистерскому экзамену. Галахов вспоминал, что его предложению о сотрудничестве обрадовались, и сам Михаил Катков, принял его «не только с удовольствием, но и с благодарностью», и его мать, «не имевшая обеспеченного состояния». Галахов неоднократно в своих мемуарах очень лестно отзывается о своем юном товарище: «Лучшего пособника нельзя было и желать. Катков работал скоро, но в каждой работе выказывал необычайную даровитость и редкое по летам научное знание. Как по мысли, так и по изложению критика его отличалась силою, меткостью и оригинальностью...».²

В «Отечественных записках» увидело свет первое самостоятельное произведение Каткова – предисловие к его же переводу литературоведческой статьи об А. С. Пушкине немецкого биографа и критика Варнгагена фон-Энзе (переведенной Катковым еще для «Наблюдателя», но не пропущенной московской цензурой). Следует отметить, что до Каткова перевод данной статьи уже был опублико-

---

² Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 166-167.

ван в России и сопровождается вступлением, в котором она оценивалась как весьма посредственная. Катков посчитал, что этот перевод неадекватен оригиналу, а отечественный критик не сумел оценить по достоинству содержание работы Варнгагена. Сделав новый перевод, Катков отправил его Краевскому с письмом, в котором с юношеской запальчивостью объяснял причины, по которым, по его мнению, крайне важно было дать хороший перевод этой статьи и новый комментарий к ней. Статья Варнгагена была опубликована в берлинском журнале, некогда основанном В. Г. Гегелем, и Катков полагал, что холодный прием русской общественностью этой статьи даст повод Германии, а за ней всей Европе «к укоризнам на нашу литературу». Катков просил предоставить ему возможность «к восстановлению прав истины, столь важной во многих отношениях для нас, русских». «Вспомните, что здесь дело идет о Пушкине, – почти взывал он к Краевскому, – о нашей родной славе, о нашей народной гордости».³

Другими наиболее заметными работами Каткова этого периода были опять же не самостоятельные произведения, а рецензии: «Стихотворения в прозе Сары Толстой» и «Песни русского народа, изданные Сахаровым». Однако, являясь по форме рецензиями, эти работы, достаточно большие по объему, по сути уже являются статьями, в которых Катков выражает свои собственные взгляды на ряд вопросов.

Окончив Московский университет, Катков решается поехать в Германию для продолжения обучения в Берлинском университете. Находясь в Германии, Катков некоторое время продолжал сотрудничество с «Отечественными записками», однако сложная финансовая ситуация журнала и связанные с этим невыплаты гонораров с одной стороны и перемены во взглядах Каткова – с другой свели на нет это сотрудничество. В 1841 году журнал поместил две статьи с его подписью, одна была посвящена обзору новой германской литературы, другая – новостям в германской науке. В 1842 году в «Отечественных записках» встречаются две анонимные статьи, автором кото-

---

³ Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. (По личным воспоминаниям) //Русский вестник. 1888. № 1. С. 28.

рых, с высокой степенью вероятности (учитывая тематику – лекции Ф. В. Шеллинга – и особенности стилистики), можно назвать Каткова. Известный в свое время исследователь русской литературы, сотрудничавший среди прочих журналов и в «Русском вестнике», Леонид Николаевич Майков, касаясь этого периода жизни Каткова, объяснял отказ от сотрудничества с «Отечественными записками» тем, что «он не мог принудить себя к мелкой компилятивной работе для журнала».⁴ По всей видимости, Каткова действительно останавливали не недостаток времени и сил (много работать и заниматься одновременно ему было не привыкать), а отсутствие желания. Указания на то, что работа в «Отечественных записках» при взгляде из Берлина стала казаться Каткову чем-то несерьезным, не достаточно важным, встречаются в воспоминаниях А. Д. Галахова.

По возвращении из Германии Катков окончательно отдаляется от бывших товарищей по кружку Н. В. Станкевича. Это отторжение было взаимным. Последние не приняли «нового» Каткова, Каткова-шеллингианца. В. Г. Белинский писал семейству Бакуниных: «Воротился г. Катков – то-то дрянь-то! Это воплощение раздутого самолюбия. Ну, да черт с ним – он не стоит, чтоб и говорить о нем».⁵ Сам Катков в письмах к одному из своих товарищей по Берлинскому университету В. А. Елагину вскоре по возвращении в Россию характеризовал рассуждения Белинского и его окружения как «детство», «игру в жизнь», «наивное обезьянство» европейской жизни.⁶

В 1843 году Катков, обремененный долгами (которые он раздавал последующие три года) и необходимостью содержать семью, решил искать места на государственной службе. Решение о смене литературной деятельности, не дававшей стабильных средств к существованию, на государственную службу пришло к Каткову еще за границей. «Максимум моих амбиций, – писал он А. А. Краевскому, – попасть к какому-нибудь тузу или тузику в особые поручения...»

---

⁴ Из переписки П. В. Анненкова с М. Н. Катковым в 1841 и 1842 годах //Русский вестник. 1896. № 12. С. 44.

⁵ Там же. С. 536.

⁶ Мещеряков В.П. Две судьбы. (В. В. Берви-Флеровский и М. Н. Катков в годы первой революционной ситуации в России) // Русская литература. 1979. № 3. С. 175..

Однако устройство на службу оказалось делом непростым. Выход из положения был найден при посредничестве С. Г. Строганова, который помог Каткову устроиться учителем в доме Голицыных, что давало ему и содержание и возможность научной работы.

Здесь Катков встретился с немецким поэтом Ф. Боденштедтом, его ровесником, приехавшим в 1840 году в Москву воспитателем к молодому князю Голицыну с целью изучения русского языка и славянской литературы. Впоследствии Боденштедт вспоминал о столь совершенном владении Катковым немецким языком, как разговорным, так и письменным, что в его немецкой речи никогда «не случилось подметить... какого-нибудь иностранного выражения».⁷

Немецкий литератор не замечал в то время у Каткова особых карьерных амбиций, что подтверждается и самим Катковым в письмах к А. Н. Попову. Однако амбиции иного характера, присутствовавшие у Каткова с ранней юности, сохранились в нем и по возвращении из-за границы. Катков умел ценить свои дарования и полагал, что они обязывают его посвятить свою жизнь «служению высшим целям». Именно подобного рода амбиции во многом определяли его отношение к окружающим и манеру поведения в обществе. Боденштедт указывал на некоторую отстраненность Каткова от окружавшего его общества, позицию молчаливого наблюдателя, граничившую с высокомерием.

Из воспоминаний Боденштедта можно составить некоторое представление об общественных взглядах Каткова того периода. Немецкий литератор отмечал, что «к народной массе Катков... относился всегда весьма сдержанно». Тем не менее, он полагал необходимым упразднение крепостного права, но сделать это должно было само правительство, которое, однако, как ему представлялось, не имело в этом вопросе «ясного убеждения». «Способствовать утверждению такого убеждения» должна была, по мысли Каткова, литература. Этот взгляд на призвание литературы Катков сохранил в дальнейшем и попытался воплотить на практике в первые годы редакторства в «Русском вестнике».

---

⁷ Боденштедт Ф. Воспоминания о его пребывании в России в 1841 – 1845 гг. // Русская старина. 1887. № 5. С. 432.

Нам неизвестно, какие взгляды высказывал Катков по отношению к западникам, но по отношению к славянофилам он продолжал оставаться довольно критично настроенным. По словам Боденштедта, Катков полагал, что «пока существует глубокое различие между славянскими народами, позаимствовавшими религию из Рима и Византии, возможно между славянами лишь одно сближение, а именно на литературном поле», куда все славяне должны «совместно нести плоды своей духовной деятельности, избегая взаимных задиричьств». Только такое «мирное соревнование» могло в будущем заложить основы действительного сближения славянских народов. И сам Катков, как отмечал Боденштедт, следовал своим положениям, стремясь «ближе ознакомиться с литературными сокровищами всех славянских народов, для того, чтобы обращать на них внимание своих соотечественников».⁸ Заметим, что позднее этот принцип был воплощен Катковым на страницах «Русского вестника».

Интересно отметить, что в описываемый нами период наибольшее внимание Каткова из всего изученного им наследия древних славян привлекла «песнь о приключениях Садка, богатого новгородского купца» из собрания Кириши Данилова. Пристрастие, бывшее непонятным для немецкого литератора, не видевшего в этом произведении ничего кроме «образности, доходящей до утомительных повторений», становится вполне объяснимым, исходя из последующей деятельности Каткова в качестве литературного редактора. Из всех произведений указанного сборника именно песнь о Садко представляла собой наиболее цельный художественный образ – то, что впоследствии Катков-редактор будет так ценить в произведениях современных авторов и чего будет от них добиваться всеми доступными ему средствами.

В 1845 году Катков защищает диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» и до 1850 года преподает в Московском университете на кафедре философии. В этот период он совершенно не занимается публицистической деятельностью, посвящая все вре-

---

⁸ Цит. по: Копылов А.Ф. Боденштедт и Катков // Русский вестник. 1889. № 8. С. 255.

мя новой работе. Преподавательская деятельность давалась Каткову с трудом, главным образом потому, что он от природы был плохим оратором. Это признавали даже такие его горячие поклонники, как Н. А. Любимов, отмечавший, что Михаил Никифорович впоследствии в бытность свою редактором «не любил и затруднялся говорить публично», когда же возникала такая необходимость, «говорил с заметным усилием, тоном, лишенным простоты и свободы».⁹

Дополнительной проблемой для преподавательской деятельности Каткова было его слабое здоровье, подорванное во время пребывания в Берлине. Тем не менее, Катков постепенно вживался в новую роль. Он активно изучал всю новую доступную ему литературу. С немецкой философии он основное внимание переключил на французскую. Помимо этого, Катков живо интересовался и отечественными новинками, в особенности славянофильскими сборниками, в которых печатались многие из тех, с кем он поддерживал в это время приятельские отношения. (В этот период его уже не раздражали даже такие «русопеты» как С. П. Шевырев и М. П. Погодин, о которых он язвительно отзывался, находясь за границей, и хотя к славянофилам он явно не примыкал, но был дистанцирован от них в меньшей степени, чем от западников). Познакомился он и с только что защищенной С. М. Соловьевым диссертацией по русской истории, найдя ее «чудесным трудом», в котором все «зрело, обдуманно и живо». Почти целиком занимавшая его история философии не сумела до конца заглушить в нем возникшего еще в ранней юности интереса к славянскому фольклору и, сообщая Попову о намерении Шевырева предпринять «поездку по некоторым губерниям... для своих разысканий», он восклицал: «Как бы хотел отправиться и я на такую поездку!».¹⁰

В 1847 году университетский штат пополнился новыми преподавателями, двое из которых – Петр Николаевич Кудрявцев и Павел Михайлович Леонтьев оказались поклонниками философии Шеллинга, что стало почвой для их сближения с Катковым, который по этому поводу писал: «Для меня утешительно, что около меня будут

---

⁹ Любимов Н.А. Указ. соч. С, 26.

¹⁰ Там же.

люди, с которыми я схожусь в этом пункте».¹¹ Эти знакомства имели далеко идущие последствия. Позднее Леонтьев стал «вторым я» Каткова, и неизвестно решился бы последний на самостоятельное издание без всесторонней поддержки друга-единомышленника. Немалую помощь в издании «Русского Вестника» оказал Каткову и Кудрявцев, ставший одним из его редакторов, ведя в нем политическое обозрение и публикуя различные статьи вплоть до своей кончины в 1858 году. В письме Галахову, сообщавшему об этом печальном событии, Катков, делясь своими переживаниями, признавался, что «к потере Петра Николаевича трудно привыкнуть. Многого с его смертью недосчитаем мы в нашем капитале. Мне он был особенно дорог, как нравственная поддержка, по сходству многих заветных убеждений».¹²

Катков, как мы видим, постепенно вживался в роль преподавателя и завел в университетской среде себе новых друзей. При этом он не порывал ни со многими старыми приятелями, ни со своими прежними увлечениями. Однако едва налаживающийся размеренный ход его жизни был прерван изданием нового положения, по которому кафедра философии должна была перейти к профессору богословия. Лишившись в 1850 году кафедры, Михаил Никифорович остался без средств к существованию. Он все еще был причислен к Московскому университету, но без должности и жалованья.

Но еще большей постигшей его бедой в том же году стала смерть матери, к которой он всегда питал взаимную любовь и уважение. В биографии, составленной лично Катковым для «Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета», он счел необходимым указать, что он «всем своим воспитанием и дальнейшим образованием обязан любви и самопожертвованию матери...».

Осиротевший Катков с братом, не имея возможности содержать даже ту скромную квартиру, которую они снимали до этого времени, перебираются в здание университетской обсерватории, где их приютил профессор астрономии Александр Николаевич Драшусов.

---

¹¹ Там же. С. 489.

¹² Галахов А.Д. Указ. соч. С. 180.

Начинаются долгие месяцы лихорадочного поиска службы. Положение его было настолько критическое, что он даже на крайней случай рассматривал какое-то место в Тифлисе.

Граф С. Г. Строганов, к тому времени уже не являвшийся попечителем Московского университета, вернувшись из поездки по своим заводам и узнав о ситуации, в которой оказался Катков, «возбудил» в нем «мысль искать место цензора», обещая в случае согласия хлопотать за него. И Катков уже начал предпринимать действия к получению такого места, когда случай предоставил ему возможность стать редактором университетской газеты.

Место это «освободилось» благодаря курьезному случаю. Зимой 1850- 1851 года в Москве гастролировала балерина Фанни Эльснер. По воспоминаниям И. И. Дроздова, «Москва приняла ее с радушием, расточала ей аплодисменты, цветы и множество бриллиантов».¹³ Среди прочих ее поклонников был и заведовавший в то время редакцией «Московских ведомостей» В. Хлопов, получивший эту должность явно не без протекции своего тестя – ректора Московского университета А. А. Альфонского. Хлопов позволил себе слишком рьяно ухаживать за танцовщицей и выражать свое восхищение ею, в том числе и на страницах «Московских ведомостей», что компрометировало его в глазах общественности и как редактора университетской газеты, и как семьянина. Окончательно его судьбу решила выходка после последнего представления балерины, когда ее поклонники запряглись в карету, которая должна была отвезти ее в гостиницу, а Хлопов, размахивая огромным букетом, забрался на козлы. В результате попечитель московского учебного округа Владимир Иванович Назимов отстранил Хлопова от должности, которая была предложена Каткову.

Принято считать научную деятельность Каткова незначительной, между тем есть вполне авторитетное противоположное мнение. Тимофей Николаевич Грановский по поводу перехода Каткова с преподавательской на редакторскую работу писал: «Из Каткова может выработаться отличный ученый; он уже отчасти доказал это своими трудами, но от журналиста требуется нечто другое, чего у

---

¹³ Дроздов И.И. Князь В. С. Голицын // Русский архив. 1887. № 7. С. 367.

него нет и в помине».¹⁴ Однако время показало, что относительно второго поприща Каткова Грановский ошибался.

За пять лет редакторства Каткова в «Московских ведомостях» объем газеты увеличился с 1,5-2 листов до 3,5-4, что повлекло увеличение ее стоимости в три раза. Это не только не отпугнуло подписчиков, но и увеличило их количество более чем вдвое, достигнув к моменту ухода Каткова с поста редактора в 1855 году пятнадцати тысяч. Катков был материально заинтересован в росте числа подписчиков, так как помимо казенной квартиры и жалования в две тысячи рублей, ему вскоре было назначено добавочное вознаграждение – по 25 копеек с каждого подписчика. В газете стали более активно сотрудничать профессора Московского университета и появился ряд новых авторов, приглашенных со стороны.

На новой работе открылся организаторский и редакторский талант Каткова. Следует отметить, что редакторские способности проявились в Каткове не вдруг. Еще В. Г. Белинский писал, что после бесед с ним, как бы тяжелы они иногда ни были, он начинал на многое смотреть по-новому. В письмах А. А. Краевскому из Берлина двадцатитрехлетний Катков дает весьма зрелые советы по ведению полемики с С.П. Шевыревым и М. П. Погодиным: «Ваше дело теперь стоять от них подальше, вести себя как можно политичнее, издали всеми средствами подзадоривая их, не давая им, однако, этого замечать».¹⁵

В частной дружеской переписке 1847 года с А.Н. Поповым мы находим уже настоящий редакторский разбор Катковым работы адресата «Черногория»: «Ваша книга, кроме других своих внутренних достоинств понравилась мне еще и тоном своим, умеренным и ровным. Тем неприятнее было мне встречать кое-где перерывы этого тона, как будто некоторую заносчивость.... Местами вы как будто изменяете себе, и иногда выходит нечто недосказанное, смутное и даже похожее на мечтание. Некоторые дельные вещи изложены вами как-то отрывисто: это вредит им... Наконец – маленький

---

¹⁴ За кулисами политики / Е.М. Феоктистов, В.Д. Новицкий, Ф. Лир, М.Э. Клейнмихель. М., 2001. С. 65.

¹⁵ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. С. 89.

совет: будьте немного порачительнее в литературном отношении. Многое писанное вами не производит должного действия единственно потому, что заметна в изложении какая-то небрежность и торопливость».¹⁶

С 1854 года Катков окончательно вышел из университетской корпорации и был назначен чиновником особых поручений шестого класса при министерстве народного просвещения. Все более вживаясь в новую роль, Катков постепенно начинает тяготиться зависимостью от университета и ограниченностью возможностей редактируемой им газеты. Не могли его не беспокоить и чисто технические условия печати университетской газеты, работавшей на изношенном оборудовании с небольшим типографским штатом. Ситуация осложнялась тем, что редакция газеты не имела никаких рычагов давления на типографию, на которой лежала так же обязанность рассылки газеты подписчикам, которую она выполняла не всегда добросовестно. При этом читатели, не зная внутренних тонкостей организации издания газеты, все свои претензии предъявляли ее редактору.

Во время Крымской войны Катков, понимая, с каким вниманием общество следит за военными действиями и ожидает новостей с театра войны, стал печатать особые прибавления к газете, в которых помещал известия, поступавшие в редакцию уже после выхода очередного номера. Однако подобная инициатива была пресечена руководством типографии, которое посчитало подобные меры недопустимой расточительностью.

Дополнительные сложности создавала и значительная ограниченность в средствах «при беспредельно возрастающей материальной ценности литературных произведений», из-за которой редакция не имела возможности «вознаградить прилично автора какой-либо статьи, которая, по суждению редакции, могла бы придать интерес ее изданию». Катков даже обращался к министру народного просвещения с просьбой об увеличении размеров гонораров для сотрудников «Московских ведомостей», но, несмотря на его благоприятный отзыв, дело так и не было решено.

---

¹⁶ Письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову. Публикация и примечания П. Бартенева // Русский архив. 1988. № 8. С. 486-487.

Вся вышеописанная ситуация подвигла Каткова к тому, что он стал задумываться о собственном издании. Его планы разделял друг и единомышленник П. М. Леонтьев, который до самой своей смерти оставался самым близким к Каткову человеком. Завязавшая между ним и Катковым дружба спаяла их на несколько десятилетий в столь тесный союз, в котором, по признанию Каткова, «нельзя заметить, где кончается один и начинается другой».

Первые попытки Каткова и Леонтьева начать собственное издание относятся к концу 1853 года, когда они намеревались купить «Сын отечества» у К. П. Масальского, а после отказа просили у М. П. Погодина его «Московитянин» в свое «полное заведывание», но также получили отказ. Затем была попытка получить разрешение на возобновление издания «Северного обозрения», но так же потерпевшая неудачу. Все эти действия были предприняты ввиду того, что открытие нового издания было сопряжено с гораздо большими хлопотами, нежели покупка или аренда уже существующего.

Не сумев добиться желаемого, менее чем через два месяца после смерти Николая I Катков через цензора Александра Васильевича Никитенко, с которым он был знаком еще со времени сотрудничества в «Отечественных записках», пытается выяснить, подходящая ли теперь обстановка для того, чтобы «начать хлопотать» о новом журнале. Получив благоприятные сведения, в конце мая он подает пространную докладную записку министру народного просвещения Аврааму Сергеевичу Норову с прошением о разрешении на повременное издание – «Русский летописец». В ней он подробно излагает причины, по которым желает издавать собственный журнал, и программу будущего издания.

В начале докладной записки Катков высказывает «общие соображения» относительно современной ситуации в общественной и культурной жизни России, объясняя тем самым необходимость нового повременного издания, которое бы являлось частным органом, но издаваемым благонамеренными лицами. Он отмечает, что в последнее тридцатилетие в российском образовании «совершился многозначительный переворот» – оно из преимущественно заимствованного из-за рубежа превращается в подлинно национальное и, как следствие, русская культура начинает выступать на евро-

пейскую сцену полноправным участником. Данную тенденцию, по мнению Каткова, следует всячески поддерживать и целенаправленно развивать.

Далее Катков обращает внимание на тот факт, что, хотя повременных изданий в России уже насчитывается немало, но, «по случайным обстоятельствам, право издавать журналы и газеты стало какую-то исключительной привилегией некоторых лиц, и почти превратилось в монополию». Данное положение, по мнению Каткова, совершенно «не в видах правительства», которому было бы гораздо выгоднее, если бы круг издателей, состоящий в настоящее время преимущественно из лиц, «совершенно случайно» оказавшихся «благодетелями русского слова», складывался на основе свободной и широкой конкуренции, в ходе которой выявлялись бы действительно талантливые издатели, занимающиеся этой деятельностью по призванию. «Лишь при взаимодействии соревнующихся стремлений, – доказывал он, – возможна литература, не как слабый отпрыск иностранных литератур, но как коренное, своеземное, оригинальное развитие».¹⁷ Именно такой тип «своеземной» литературы, получившей международное признание, Катков и культивировал позднее на страницах «Русского вестника».

Помимо непосредственно журнала, периодичность которого была еще не определена, Катков непременно хотел издавать ежедневный «Листок», «в котором бы немедленно, по получении, печатались правительственные постановления и распоряжения, известия о военных действиях и событиях в политическом мире, краткие заметки, литературные и городские новости, объявления о выходе книг и т.п.», который планировал назвать «Текущие известия Русского летописца». Он полагал, что «без такого ежедневного сообщения известий, ожидаемых всеми с живым нетерпением и участием», новое издание в сложившихся условиях не будет иметь успеха. На основе сведений из «Листка» предполагалось делать летописный обзор в самом журнале, который будет представлять только последовательное изложение фактов, «избегая всяких суждений».

---

¹⁷ Любимов Н.А. Указ. соч. С. 3-4.

Литературный отдел журнала, по мнению его будущего редактора, должны были составить, помимо собственно литературных произведений, критики и библиографии, статьи о достижениях науки, искусства и промышленности (здесь он рассчитывал, и не без основания, на сотрудничество «прежних товарищей своих» – преподавателей московского университета), обозрение русских и иностранных журналов, корреспонденцию с мест, «разного рода заметки, смесь». Именно в литературном отделе, по мнению Каткова, «открывается для редакции обширное поприще служить средством к распространению здравых понятий и полезных сведений, содействовать очищению и образованию вкуса, плодотворному направлению дарований». ¹⁸

В своих научных статьях новый журнал, по мысли Каткова, должен был служить своеобразным посредником между миром науки и русским образованным обществом, с одной стороны, популяризируя научные знания, с другой – поощряя молодых ученых для новых исследований:

Относительно современной литературной критики, которой так же отводилось место в предполагаемом издании, Катков был весьма невысокого мнения: «Критика в настоящее время есть одна из слабых сторон нашей литературы». Поэтому на данный жанр предполагалось обратить «бдительное внимание редакции», которая не будет допускать, «чтобы люди, едва знакомые с предметом, брались за оценку умственных трудов». Здесь, по всей видимости, сказался ранний критический опыт самого Каткова, которым он сам был не слишком доволен. И недовольство это определялось не столько неуверенностью в своей достаточной компетенции, сколько самой организацией работы по рецензированию в «Отечественных записках», которая в условиях недостатка сотрудников велась с большой поспешностью и без особой избирательности, использовалась больше для изложения своих взглядов на тот или иной предмет, чем для анализа рецензируемой работы (что было вполне объяснимо в николаевскую эпоху, когда других способов для изложения собственной позиции практически не было, но уже не годилось для новых условий) и была анонимной.

---

¹⁸ Там же.

Относительно собственно литературных произведений Катков так же имел уже определенную концепцию, полагая, что «журнал не может создавать таланты, но может вызывать их и давать им направление». Эта формула впоследствии действительно стала кредо Каткова как литературного редактора, представившего на страницах своего журнала новое литературное явление – русский психологический роман. В декларируемом им отказе от «дагерротипного копирования ежедневных явлений, без глубины опыта, без животворной мысли» просматривается выступление против натурализма, требование создания обобщенных и более глобальных художественных образов. Уже в этой докладной записке Катков вполне представляет себе свою будущую деятельность: «Не всякому виден труд редактора, и только тот, кто смотрит глубже, поймет, как велика его обязанность и как много может зависеть от него и направление, и форма произведения. Цензор исключает, что находит противным уставу; редактор может более – он может действовать положительно на самые источники произведения».¹⁹

При этом Катков осознавал, что публикация достойных произведений как отечественной, так и переводной литературы требует и серьезного вложения денежных средств.

Помимо этого, Катков надеялся изыскать возможность иметь корреспондентов в крупных российских городах, чтобы освещать не только события, происходящие в Москве и Петербурге, но доводить до читателя «все замечательное, что представит русская земля».

В заключение своей обширной докладной записки, стремясь показать, что он осознает всю степень ответственности того предприятия, за которое он возьмется в случае положительного решения его дела, Катков писал: «Журнальное поприще не было произвольно избрано мною, меня вывело на него стечение обстоятельств, в которых я вижу некоторое для себя указание... Чувствую всю важность своего призвания, никогда не изменю своему долгу, и в своем служении усердно буду действовать, как следует искреннему христианину, верноподданному и русскому, глубоко убежденному в величии судеб своего отечества».²⁰

---

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 8

В июле Катков отправил А. С. Норову еще одну, более краткую записку, в которой резюмировал планы предполагаемого издания и приводил аргументы, доказывающие, что новое издание не только не повредило бы своей конкуренцией «Московским ведомостям», но, напротив, могло принести ему пользу через совместное издание планировавшегося при «Современном летописце» ежедневного «Листка».

Прошение и записки Каткова были перенаправлены А. С. Норовым к попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову на заключение. К официальным документам было приложено конфиденциальное письмо. В нем министр писал попечителю о том, что Катков «лично известен» ему «с весьма хорошей стороны», но вместе с тем, несмотря на уверения Каткова, он выражал опасение, не повредят ли «Московским ведомостям» отвлечение их редактора на новое издание и само появление такого издания. В связи с этим Норов предлагал Назимову потребовать от Каткова определенных гарантий на этот счет.

Назимов передал дело на рассмотрение Московского цензурного комитета, который, в свою очередь счел необходимым запросить мнение университетского правления. Правление высказалось против удовлетворения ходатайства Каткова, сомневаясь в том, что Каткову достанет «времени и сил» для создания нового издания с такими обширными планами «при множестве занятий, сопряженных с изданием «Ведомостей» и с возможным и постоянным их улучшением». К таким же выводам пришел и сам цензурный комитет. В результате, Назимов в ответе министру, признавая способности Каткова как редактора и пользу для общества, которую могло бы принести новое издание, отмечал при этом, что «дорожа выгодами и пользами подведомственного» ему Московского университета, он вынужден просить «признать просьбу Каткова не подлежащей удовлетворению в настоящем ее виде».²¹

После такого ответа министр народного просвещения, собиравшийся в поездку для осмотра московского учебного округа, отложил окончательное принятие решения до личной встречи с Кат-

---

²¹Там же. С. 11-12.

ковым. Последний, очевидно уже осведомленный о настроениях относительно его проекта, для встречи с министром подготовил еще одну записку, в которой просил отдельно рассматривать вопросы о разрешении на издание нового журнала и об издании ежедневного «Листка». Осознавая, что может быть поставлен перед выбором – либо собственное издание, либо служба на посту редактора университетской газеты – Катков давал понять, что, не колеблясь, выберет первое.

В результате к концу 1855 года Каткову удалось получить разрешение на ежемесячное, а не еженедельное издание, вследствие чего пришлось подавать еще одно прошение об изменении ранее заявленного названия на «Русский вестник». Прощение было удовлетворено, и так с 1856 года появился журнал, в котором Катков сумел собрать весь цвет русской литературы своего времени.

Тургенев в творческой судьбе Н.Н. Кнорринга

Николай Николаевич Кнорринг (1880–1967 гг.) – потомок обрусевших немецких дворян, выпускник Московского университета, автор научных работ по истории и педагогике. После окончания университета в 1907 году переехал в Харьков, где работал сначала заведующим, а позднее – директором гимназии «Общества Второй группы преподавателей в Харькове». В 1910-х годах Н.Н. Кнорринг вел активную общественно-педагогическую работу: выступил основателем и редактором журнала «Наука и школа», был председателем Педагогического отдела Историко-филологического Общества при Харьковском университете, одним из учредителей Профессионального Союза учителей средней школы. В период гражданской войны Кнорринг с семьей покинул Харьков в составе Харьковско-го учебного округа. После скитаний по югу России, примкнув к Морскому кадетскому корпусу в качестве преподавателя истории, в ноябре 1920 года на корабле «Генерал Алексеев» Н.Н. Кнорринг эвакуировался в Бизерту (Тунис). После расформирования русской эскадры в мае 1925 года переехал с семьей в Париж, работал в Русском народном университете, читал в провинции лекции, являлся автором статей по истории, литературе и музыке в различных изданиях русского зарубежья («Звено», «Встречи», «Последние новости», «Русские новости» и др.).

Творческое наследие И.С. Тургенева сыграло заметную роль в жизни Николая Кнорринга. В эмиграции деятельность педагога-изгнанника была связана с многолетней работой в Русской общественной библиотеке имени И.С. Тургенева, которая была создана в Париже при живом участии и материальной поддержке знаменитого писателя и являлась одной из крупнейших русскоязычных библиотек за пределами России. Как справедливо утверждал Н. Петровский, «1920-1930 годы, когда во Францию хлынула новая волна эмигрантов, выброшенных из России Октябрьской революцией, для «Тургеневки» оказались периодом расцвета. Она стала одним из главных культурных центров русского зарубежья, помогая лю-

дям переносить тяготы чужбины, сохранять верность историческим корням»¹.

Н.Н. Кнорринг работал в библиографическом отделе библиотеки с середины 1920-х годов (заведовал книжным фондом), в 1926-1940-х годах являлся членом правления и Административного Совета (в архиве Н.М. Черновой сохранилась справка-удостоверение, выданная в 1938 году). Позже он состоял в созданном при библиотеке «Русском литературном архиве» и был председателем Книжной комиссии с 1927 по 1940 год (из справки, выданной 28 сентября 1955 года Н. Кноррингу за подписью С. Луцкого).

В крупнейшем книжном хранилище Франции, «под сенью Тургенева», Николай Николаевич посвятил себя любимому делу – работе с книгами. В автобиографических «Записках историка, педагога и музыканта о России» Н.Н. Кнорринг многократно подчеркивал важную роль, которую книги занимали в его жизни: «Книги, книги... Они сделались спутниками всей моей жизни»². «Я читал много, охотно, с жадностью. С тех пор книга сделалась моим другом и сопровождала меня всю мою жизнь. И сделался „книжным человеком“, книга явилась для меня предметом получения знаний, а позднее – моим „рабочим верстаком“ и предметом маниакальной страсти библиофила. Начав собирать книги с детских подарочных экземпляров, я тщательно оберегал и сохранял их, как охотник – свое ружье, художник – краски, музыкант – свой инструмент. Я сроднился с книгами, собирая их всю жизнь <...>»³.

Н.Н. Кноррингу посчастливилось работать в богатейшем книжном собрании Западной Европы: к 1925 году фонд библиотеки включал около 60000 ценнейших книг и журналов, среди которых — первоиздания сочинений Вольтера, Ларошфуко, Карамзина, а также книги с автографами классиков и другие бесценные раритеты. Заведая книжным фондом библиотеки, он считал своим долгом способствовать реализации основной цели Тургеневской библиотеки, отраженной в уставе 1911 года: «<...> дать возможность проживающим в Париже русским поддерживать духовное общение с

---

¹ Петровский Н. По следам Тургеневской библиотеки // Эхо планеты. 2000. № 47 (17-23 ноября). С. 26-31.

² Кнорринг Н.Н. Записки историка, педагога и музыканта о России. М.: Кругъ, 2014. С. 39.

³ Там же. С. 59.

родиной и следить за развитием ее общественной жизни»⁴. Через различные печатные издания Н. Кнорринг информировал эмигрантов, какими богатствами располагал и какими новинками литературы пополнялся фонд библиотеки.

В настоящее время малоизученными являются материалы Н.Н. Кнорринга, опубликованные на страницах парижской газеты «Последние новости». Выступая как литературный обозреватель и музыкальный критик, автор небольшую часть статей подписывал полной фамилией «Н. Кнорринг», большая же часть вышла под сокращением «Н. К-г» и инициалами «Н.К.».

В газетном потоке выделяются публикации Николая Николаевича, которые связаны с именем И.С. Тургенева. Ряд статей посвящен различным аспектам работы Тургеневской библиотеки в Париже: «Среди книг у окошка», «Что читают в эмиграции», «Книжные жалобы», «Тургеневская библиотека», «Елка Тургеневской библиотеки». Следует отметить, что три статьи («Среди книг у окошка», «Что читают в эмиграции», «Книжные жалобы») связаны с именем И.С. Тургенева не только через название книжного хранилища, но и содержат дополнительные упоминания о писателе-орловце. В четырех статьях-рецензиях оним «Тургенев» вынесен в заглавие: «Герман Лопатин о Тургеневе», «Новое издание Тургенева», «Две книги о Тургеневе», «Родовое „гнездо“ И.С. Тургенева».

Рассмотрим публикации, связанные с работой Н.Н. Кнорринга в Тургеневской библиотеке и имеющие отсылки к писателю. В статье 1929 года «Среди книг у окошка» имя Тургенева встречается трижды. Представляя библиотечные издания в книгохранилище олицетворенными (то солдатами⁵, то пациентами⁶), Кнорринг отмечал,

---

⁴ Устав Общества Тургеневской библиотеки. Франция. Париж. 1911. ОГЛМТ. Ф. 49. Оп. 1. 7841/15 ОФ.

⁵ «Надеваю рабочий халат и прохожу мимо книжных рядов, как ротный перед солдатами. Вот они, старые друзья, и я быстро оглядываю свою команду; одного поглажу, другого хлопну по брюшку, поправлю, чтобы не высывался. Команда сборная: одни – в прошлом, другие – в настоящем. Некоторые еще сохранили остатки величия. Томики словаря Брокгауза и Ефрона похожи на потертые мундиры, шитые золотом; они, правда, постарели, но еще служат добросовестно»

⁶ «Я сижу за маленьким, хрупким столиком и тщательно, как доктор, осматриваю каждую книгу: в случаях мелкого повреждения – только кисточкой помажешь и готово, а иногда требуется серьезное хирургическое вмешательство...»

что «особенно рвутся книги в своем роде классические». Примечателен представленный перечень писателей: Толстой, Вербицкая, Лаппо-Данилевская, Тургенев, Нагродская. Думается, этот список построен с учетом частоты выдач книг и отражает популярность авторов среди читателей-эмигрантов начала XX века. В статье содержится яркая характеристика посетителей библиотеки, в которой есть аллюзия на произведения Тургенева: «Около книжного шкафа стоит некто с огромной шевелюрой, в косоворотке и сапогах. За столом читают газеты. Все мужчины похожи на Герцена. Но самое характерное – слева молодые девушки, они в двубортных пальто в талию, с отложным воротником и в низких шапочках, стриженные, в очках и папирской в зубах... это все – nihilists»⁷. Таким образом, термин «нигилист», ставший популярным в России благодаря роману «Отцы и дети», спустя десятилетия возникает в реальных образах посетителей библиотеки, не следующих идеалам и читательским вкусам «отцов».

Второе обращение к И.С. Тургеневу встречается в контексте размышлений Н. Кнорринга о порче книг. Стирая надписи (например, на издании Тургенева «беглая надпись: „Папочка, я пошла в кинематограф вместе с Катей и Ритой”») и, проклеивая переплеты, библиотекарь-эмигрант начинал видеть «в читателе личного врага» и заключал: «Хорошо, что я сижу там в уединении, вдали от читателей».

В заключительной части статьи «Среди книг у окошка» Н.Н. Кнорринг описывает анекдотичный случай из жизни парижской библиотеки, связанный с именем Тургенева: «В зале какое-то необычайное оживление, все начинают громко говорить, смеются. Я даже встаю и иду туда. Пришел почтальон с заказным письмом. Он, по-видимому, новичок и в первый раз здесь. Он недоволен распиской и требует, чтобы сам М-г Tourgueneff расписался. „Mais c' est impossible”! – говорят ему с разных сторон. „M-г Tourgueneff est mort il y a quarante ans”. Но он недоверчиво относится к этому объяснению, качает головой и медленно уходит, складывая книгу в сумку»⁸.

---

⁷ Кнорринг Н. Среди книг у окошка. // «Последние новости». 1929. 19 ноября. №3163.

⁸ Кнорринг Н. Среди книг у окошка. // «Последние новости». 1929. 19 ноября. №3163.

«Книжные жалобы» (1934 г.) Н. Кнорринга посвящены вопросу краж и различных случаев порчи книжного богатства Тургеневской библиотеки. Автор размышлял о мотивах и психологии книжных вредителей. Следует отметить, что случай порчи книги о Тургеневе Кнорринг способен понять и даже простить: «Мы можем понять малодушное отчаяние школьника или школьницы, которые в Тургеневской библиотеке из книги И.И. Иванова „Тургенев” вырезали (очевидно для экзаменационной работы) страницы о Рудине и Базарове»⁹, - в то время как злодею, вырвавшему из лени страницы из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, по мнению Кнорринга, прощения нет. Заведующий книжным фондом с горечью заключал, что «дурное обращение с книгами – явление общее». Для борьбы с библиотечными вандалами библиотекари разработали свои рекомендации, способствовавшие воспитанию читателя.

В течение нескольких лет (1931-1933 годы) Н.Н. Кнорринг опубликовал серию статей под единым названием «Что читают в эмиграции. Цифры Тургеневской библиотеки». В основе этих публикаций содержались сведения о движении книг в хранилище. В октябре 1930 года были введены карточки учета выданных книг, которые не только помогали определять местонахождение издания, но и отражали вкусы читателей библиотеки. Первоначально были обработаны данные по кварталам, позже удалось сделать обобщение за год. Спустя десятилетия, приведенные цифры служат штрихами к портрету эмигрантского читателя 30-х годов XX века. Примечательно, что из 17903 выданных в 1932 году книг, две трети выдачи пришлось на русские книги. Заведующим книжным фондом был выделен ряд авторов, к которым читатели русского зарубежья обращались постоянно. Самыми востребованными в 1932 году были М.А. Алданов, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. В списке наиболее часто выдаваемых книг И.С. Тургенев занимал 15-е место (89 выдач), опередив других писателей-орловцев (Н.С. Лесков-74, И.А. Бунин - 48, Б.К. Зайцев - 37, М.М. Пришвин -31)¹⁰.

---

⁹ Кнорринг Н. Книжные жалобы. // «Последние новости». 1934. 19 мая. № 4804.

¹⁰ Кнорринг Н. Что читают в эмиграции. Цифры Тургеневской библиотеки. // Последние новости. 1933. 9 марта. № 4369.

В творческом наследии Н.Н. Кнорринга выделяется ряд статей, содержащих в своем названии фамилию классика-земляка. Это краткие рецензии книжных новинок, посвященных И.С. Тургеневу. Под инициалами «Н. К-г» в 1927 году была опубликована заметка «Герман Лопатин о Тургеневе», в 1932 году – «Новое издание Тургенева», в 1934 году – «Две книги о Тургеневе». Следует отметить, что по содержанию рецензии неоднородны.

В первой из названных публикаций Кнорринг обратился к воспоминаниям Германа Александровича Лопатина (1845-1918), известного политического и общественного деятеля, впервые опубликованным в журнале «Красная Новь» в 1927 году. Указав, что мемуары представляли собой одобренную автором запись беседы Лопатина со слушательницей Петроградских Высших курсов Струминой-Петрашкевич, Кнорринг отметил на отсутствие литературной обработки материала («слишком слышна в них живая речь собеседника»¹¹). Публицист-эмигрант, обильно цитируя высказывания Лопатина, подчеркивал, что в них основное внимание уделено политическим пристрастиям Тургенева («политические вопросы преобладали в разговорах Лопатина с Тургеневым»). Примечательно, что в первый и последний абзац статьи Кнорринг включил цитаты, посвященные м-м Виардо. Опустив портретное описание, критик акцентировал внимание на ее отношении к эмигрантам («смотрела на эмигрантскую публику косо»). Заключает статью Н.Н. Кнорринга цитата Лопатина об отрицательном влиянии Виардо на литературное наследие писателя: «Для русских очень заметна разница в произведениях Тургенев до встречи его с ней и после неё. До – у него был народ, а после – уже нет»¹². Таким образом, в рецензии Кнорринга, знакомящей эмигрантского читателя с новыми материалами о Тургеневе, затрагивались актуальные для современников вопросы отношения европейцев к изгнанникам из России.

На страницах русской эмигрантской периодики Н.Н. Кнорринг высказывал свое мнение о собрании сочинений И.С. Тургенева, вышедшем в 1932 году. В 1934 году Н.Н. Кнорринг опубликовал за-

---

¹¹ К-г Н. Герман Лопатин о Тургеневе // «Последние новости». 1927. 6 октября. № 2388.

¹² Там же.

метку «Две книги о Тургеневе». Рассуждая о причинах возмущавшего интереса в советской России к классической литературе и, в частности, к Тургеневу, библиограф справедливо отмечал стремление новой власти к прочтению литературы «в свете марксистско-ленинской правды». Применение такого трафарета при изучении творчества Тургенева, по мнению критика-эмигранта, сделало статьи сборника о Тургеневе «однообразными и скучными», «хотя в частности и разбросано много любопытных соображений»¹³. Критическое отношение к книжным новинкам, выпускаемым в Советской России, было характерно для Кнорринга-библиофила: «Большая Советская Энциклопедия – крикливая, аляповатая, как красное сукно на ярмарочных балаганах». И далее: «Советскую книгу узнаешь за сто верст – она нарядна и густо напомажена; когда их перебираешь одну за другой, то кажется, что находишься на рынке – кричит, себя предлагает»¹⁴. Однако констатация падения уровня издательского дела пронизана болью и горечью за родную землю («часто под сусальной внешностью можно найти хорошую душу: такова она, книжная, современная Россия»).

Характеристика книги М.К. Клемана «Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева» лаконична (один абзац) и основана на сведениях из статьи редактора Н. Пиксанова. Отметив наличие итинерария в книге и указав на неполноту использованных источников, Кнорринг сдержанно заключал: «<...> книга Клемана для всякого, занимающегося Тургеневым, необходима»¹⁵.

Интерес представляет статья Н. Кнорринга «Родовое „гнездо“ И.С. Тургенева», опубликованная в «Последних новостях» в 1933 году. Позднее этот материал вошел в папку материалов о писателе-классике, собранную «Союзом ревнителей чистоты русского языка в Югославии»¹⁶. Утверждение Н.Н. Кнорринга о существенной значимости родовой усадьбы в жизни и творчестве Тургенева

---

¹³ К-г Н. Две книги о Тургеневе. // «Последние новости». 1934. № 4886. 9 августа.

¹⁴ Кнорринг Н. Среди книг у окошка // Последние новости. 1929. 19 ноября. № 3163.

¹⁵ К-г Н. Две книги о Тургеневе // «Последние новости». 1934. 9 августа. № 4886.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2481. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии. Оп.1, е.х. 45, л. 77-79.

сопровождается описанием реалий быта Спасского-Лутовинова. Думается, обращение библиографа-эмигранта к теме «родового гнезда» не случайно. Эта тема была близка Кноррингу: он пережил ужас утраты семейных реликвий и имущества при пожаре, произошедшем в имении Кноррингов в 1905 году, разлуку с Родиной. Спустя десятилетия боль потери осознавалась острой и невосполнимой: «Я со странным, не совсем понятным чувством смотрю на фотографии пустого места, где стоял наш дом. Картины, связанные с ним, до сих пор снятся мне по ночам. И я просыпаюсь всегда с щемящим чувством невознаградимой потери»¹⁷.

Литературный критик раскрывал для читателей-эмигрантов судьбу тургеневских реликвий после пожара 1905 года: «<...> вся обстановка, вместе в библиотекой, была перевезена частью в Клейменово, частью в Орёл, на Садовую улицу, в дом наследницы Тургенева, О.В. Галаховой. Там, с 1918 года и устроен Тургеневский музей». Несомненно, дальнейшие сведения об экспонатах орловского музея основаны на книге «Тургениана: статьи и библиография»¹⁸, подготовленной М.В. Португаловым – товарищем Кнорринга по гимназии. Примечательно, что библиофил-эмигрант в своей статье, описывая книги из библиотеки И.С. Тургенева, справедливо заключал, что издания способны отражать не только художественные вкусы владельцев, но «целые эпохи в интеллектуальном развитии».

Таким образом, примечателен постоянный и пристальный интерес Н.Н. Кнорринга к судьбе творческого наследия писателя-классика. В публикациях ведущего сотрудника парижской библиотеки И.С. Тургенев, как представитель русской классической литературы, выступал неким образцом и мерилom уровня культуры читательской эмигрантской среды 1920-30-х годов. Кроме того, в «Автобиографии» Н. Кнорринг подчеркивал личностную значимость многолетней работы «под сенью Тургенева». Парижская библиотека давала автору газетных статей, одному из ревностных хранителей ее богатств «возможность культурно не отрываться от родины,

---

¹⁷ Кнорринг Н.Н. Записки историка, педагога и музыканта о России. М.: Круг, 2014. С. 148-149.

¹⁸ Португалов М.В. Тургениана. Статьи и библиография. 1922. ОГЛМТ. Ф.1. Оп. 1.192. 21579/4 ОФ.

следить за ее процессами, особенно в области близкой мне науки, литературы и искусства...»¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кнорринг Н.Н. Записки историка, педагога и музыканта о России. – М.: Кругъ, 2014.
2. Кнорринг Н.Н. Среди книг у окошка. // Последние новости. 1929. 19 ноября.
3. Кнорринг Н.Н. Тургеневская библиотека. // Последние новости. 1930. 13 июня.
4. Кнорринг Н.Н. Книжные жалобы // Последние новости. 1934. 19 мая.
5. Кнорринг Н.Н. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии. РГАЛИ. Ф. 2481. Оп.1, ед.хр. 45, л. 77-79.
6. Автобиография Николая Николаевича Кнорринга. (Для предоставления в Консульство). 1950-е гг. Машинописная копия. Личный архив Кноррингов-Софиевых (Алматы).

---

¹⁹ Кнорринг Н.Н. Автобиография. (Для предоставления в Консульство). 1950-е гг. Машинописная копия. Личный архив Кноррингов-Софиевых (Алматы).

Н.С. Лесков и В.С. Соловьёв (к истории взаимоотношений)

Личность религиозного философа и поэта Вл.С. Соловьёва всегда интересовала Н.С. Лескова. Он часто упоминал его в письмах и беседах, иногда противопоставляя его Л.Н. Толстому, иногда сближая их имена.

В письме к М.О. Меньшикову от 15 февраля 1894 года писатель так охарактеризовал Соловьёва: «Это душа возвышенная и благородная: он может пойти в темницу и на смерть; он не оболжёт врага и не пойдёт на сделку с совестью, но он невероятно детствен <...>. Вторая злая вещь есть его церковничество, на которой он и расходится со Львом Николаевичем, и где я его тоже покидаю...»¹

Иногда, сетуя на отсутствие творчества в русской литературе, Николай Семёнович взволнованно заключал: «Ну и времечко настало для литературы... пять-шесть калек, и вся она тут... Правильнее сказать, Лев Николаевич да Владимир Соловьёв и могут ещё “делать литературу” и привлекать внимание общества, воспитывать вкусы этого общества, вести его за собою. Прочие ничего не говорят ни своего, ни замечательного. Творчества вовсе не стало в русской литературе, за исключением опять-таки Толстого и Соловьёва. А новые писатели... Альбов, Короленко, Чехов, Гаршин, Потапенко, Величко? Лучшие из них те, которые ещё равнодушны к идеалам, а другие и пошлость пишут пушкинским стихом».²

А.Н. Лесков, сын писателя, также считает, что отношение Н.С. Лескова к философу и поэту В.С. Соловьёву было двойственным, неоднозначным.

В конце 80-х – начале 90-х годов они часто встречались в кружке М.Г. Муратовой (жены поэта В.Л. Величко), да и жили они в эти годы по соседству на улице Фурштатской (Соловьёв: дом 47, кв. 11, а Лесков: дом 50, кв. 4 – с осени 1887 года).

---

¹ Неизданный Лесков. ЛН. Т. 101, кн. 2 М., 2000. С. 233.

² Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным и несемейным записям и памятям. Т. II. М., 1984. С. 440.

Соловьёв помог Лескову с публикацией острого, антицерковного художественного памфлета «Полунощники». А.Н. Лесков также подтверждает, что в письмах и в устных высказываниях Лесков часто ставил рядом имена Вл. Соловьёва и Льва Толстого как наиболее оригинальных и острых мыслителей современности, но не менее часто и противопоставлял их друг другу, отдавая предпочтение Толстому.

Андрей Николаевич сообщает, что наибольшие возражения у Лескова вызывали религиозные концепции Соловьёва – его «церковность», догматизм. Постепенно эти поначалу разрозненные и как бы частные полемические упрёки перерастали в серьёзное концептуальное неприятие «догмы» Вл. Соловьёва. В этом смысле примечательны исполненные иронии слова Лескова о выступлении Вл. Соловьёва на тему «Чтения о благочеловечестве»: «Эти лекции у него были бредом сумасшедшего, и чем менее они были понятны, тем более имели успех... Сидят старики, почтенные люди и слушают, как мальчик с длинными волосами, в белом галстуке несёт вздор, и слушают внимательно, серьёзно».³

В последние годы своей жизни Лесков подружился с Соловьёвым, который высоко ценил лесковский «яркий и своеобразный талант», постоянно ощущал в нём внутренние бури, которые нелегко было обуздать и смирить.

Он так описывал Лескова: «Николай Семенович поражал прежде всего страстностью своей натуры; в преклонных уже годах он при внешнем бездействии сохранял постоянно кипение душевной жизни. Требовалась с его стороны немалая умственная сила, чтобы сдерживать эту страстность в должных пределах...»⁴

Многие современники отмечают, что отношения между Лесковым и Вл. Соловьёвым на протяжении нескольких лет с обеих сторон были, безусловно, дружескими и духовно насыщенными, но по многим причинам отнюдь не простыми. Оценивая их, современный исследователь пишет: «Близкими друзьями или даже единомышленниками они, однако, никогда не были: рационалистический, морализующий “протестантский” дух Лескова был глубоко чужд ми-

³ Семёнов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М., 1981. С. 278-279.

⁴ Гроссман Л. Н.С. Лесков. М., 1945. С. 123.

стическим и “таинственным” намерениям Соловьёва, но он высоко ценил ум, независимость и мужество Соловьёва».⁵

Любопытно свидетельство современника, имевшего возможность близко наблюдать обоих писателей в самой разнообразной обстановке. Рассказывая об одном из званых вечеров у себя, поэт В.Л. Величко писал: «Он (Соловьёв – С.Т.) был в тот день необычайно в ударе... – и потому, что в числе гостей был Н.С. Лесков, остроумие которого действовало на него зажигательно. Вообще эти два человека, столь похожие между собой по-видимости, всегда оживлялись при встрече и удивительно умели давать друг другу реплику, сверкающую остроумием. Людям, видевшим это, кажется, что высший род смеха исчез после того как нельзя уже на земле возобновить встречу этих двух глубоких и серьёзных умов, которым была столь свойственна тонкая шутка...»⁶

Когда Лесков с удовольствием читал статьи Вл. Соловьёва с критикой Л.Н. Толстого («Идеалы и идолы», «Нравственные основы общества» и др.), то говорил: «Вот приятно читать того и другого по одним и тем же вопросам. Есть у кого поучиться, чем духу жить».⁷

Как известно, в самом начале своей деятельности Лесков-публицист отстаивал равноправие евреев («Северная Пчела», 1862, № 79), а когда в 1-й половине 80-х годов была создана правительственная комиссия для решения еврейского вопроса, то пяти писателям было поручено составить докладные записки. Долго живший в Юго-Западном крае и много писавший об обычаях, воззрениях евреев, Лесков взялся написать очерк о быте и правах современного еврейства. В 1884 году им была написана анонимная записка «Еврей в России, несколько замечаний по еврейскому вопросу». Вл. Соловьёв высоко оценил этот труд Николая Семеновича и 28 марта 1890 года (6 лет спустя) писал автору: «С благодарностью возвращаю Вам Ваши книжки, которые прочёл с великим удовольствием. “Еврей в России” по живости, полноте, и силе аргументации есть лучший по этому предмету трактат, который я только знал».⁸

---

⁵ В мире Лескова. //Сб. статей. М., 1983. С. 358.

⁶ Величко В.Л. Вл. Соловьёв. Жизнь и творение. СПб., 1902. С. 149-150.

⁷ Фаресов А.И. Против течений!.. СПб., 1904. С. 314.

⁸ Лесков Н.С. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным и несемейным записям и памятям. Т. II. М., 1984. С. 227.

Н.С. Лесков также радуется успехам В.С. Соловьёва. Совершенным восторгом исполняется он от смелого, широкого публичного выступления этого философа в зале С.-Петербургского общества взаимного кредита на площади Александринского театра 28 марта 1890 года. «На этот раз, – вспоминает А.Н. Лесков, – блестящий молодой учёный высказался о совершенной несовместимости смертной казни с исповеданием всей страной христианской религии и прямо апеллировал к помилованию фактически уже приговорённых подсудимых».⁹

В 1892 году Лесков обратился к Соловьёву с просьбой помочь опубликовать свою заметку «Сошествие во Ад». 20 мая он писал ему: «Иконографическая заметка теперь очень кстати ввиду возни французов с русскою иконографиею, в которой они ничего не смыслят. Я хотел только, чтобы Вы прочитали эту заметку, и не думал возлагать на Вас хлопоты о её помещении, но если можно её как-нибудь приспособить «К вопросам философии», то дайте её туда. В других изданиях она, я думаю, не пройдёт... По крайней мере, мне так кажется, а я бы очень хотел видеть её напечатанною».¹⁰

Заметка «Сошествие во Ад» была напечатана в итоге «Петербургской газете» в 16 апреля 1894 года.

До прихода в литературу в 1857 году, находясь в с. Райском Пензенской губернии, Лесков занимался вопросами переселения крестьян, а в 1893 году он опубликовал свой рассказ «Продукт природы» в научно-литературном сборнике в пользу Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам «Путь-дорога» (изд. К.М. Сибирякова, СПб., 1893), куда вошли и произведения Вл. С. Соловьёва.

Таким образом, в 90-х годах В. Соловьёв вошёл в близкое окружение писателя, привлёк его к участию в «Вестнике Европы», но он всегда критически оценивал религиозную мистику Соловьёва, писал о нём так: «... думаю, что он человек высокой честности, и всякий его поступок имеет себе оправдание».¹¹

---

⁹ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным и семейным и несемейным записям и памятям. Т. II. М., 1984. С. 144.

¹⁰ Лесков Н.С. Из неизданной переписки // Публикация К.П. Богаевской «В мире отечественной классики». М., 1964. С. 383.

¹¹ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. Т. II. М., 1984. С. 450.

Ценил Лесков Вл. Соловьёва и как замечательного поэта. Неслучайно в мемориальной библиотеке писателя хранится изящно изданный томик стихотворений Владимира Соловьёва, выпущенный в 1891 году в Москве в Университетской типографии на Страстном бульваре.¹²

На авантитуле автограф философа, написанный чёрными чернилами: «Глубокоуважаемому Николаю Семёновичу Лескову от искреннего почитателя и приятеля. В. Соловьёв».

В книге найдено лишь несколько помет в тексте, выполненных рукой Н.С. Лескова графитным карандашом, а на странице 31 вложена шёлковая закладка голубого цвета.

Соловьёв был глубоко опечален смертью Н.С. Лескова. Он присутствовал на погребении Николая Семеновича вместе со своим братом Всеволодом и посвятил его памяти статью «Н.С. Лесков», которая была опубликована 26 февраля 1895 года в газете «Неделя» (№ 9). Это довольно сдержанная характеристика скончавшегося товарища: «В произведениях Лескова чувствуется страстное беспокойное отношение к изображаемым предметам, которое при таланте менее крупном перешло бы в явную тенденцию: у Лескова же как сильного художника оно ослаблено, переведено в скрытое состояние, хотя некоторая тенденциозность в ту или другую сторону остаётся всё-таки и в его произведениях...»

Это короткое прощальное слово выдающегося русского поэта и философа было перепечатано тогда многими газетами.

---

¹² ОГЛМТ. Ф. 4. 610/194 оф.

Л. Андреев и С. Нилус: два писателя, две жизни – одна судьба

Творчество известных писателей начала 20 века Леонида Андреева и Сергея Нилуса можно сравнить с двумя параллельными мирами, существующими в одно и то же время и никогда не пересекающимися. Но всем известно, что знак равенства есть не что иное, как небольшой отрезок двух параллельных прямых. Познакомившись поближе с жизнью и творчеством этих необычайно талантливых и неординарных людей, между ними можно найти много общего.

Сергей Александрович Нилус родился 28 августа 1862 года в семье отставного титулярного советника Александра Петровича Нилуса, орловского помещика, имевшего в Мценском уезде небольшое имение (с. Золотарево). Мать писателя - Наталья Дмитриевна, урожденная Карпова – приходилась дальней родственницей отцу Леонида Николаевича Андреева.

В юношеском дневнике Леонид Андреев пишет, что отец: «<...> был незаконнорожденным сыном некоего Карпова, представлявшего собой чистейший тип русского большого барина и хлебосола, <...>».¹ Семейство Карповых было известно на Орловщине своими прогрессивными взглядами. Братьев Карповых, Николая и Аркадия, называли первыми орловскими нигилистами. С ними был близко знаком И.С. Тургенев. Карповы даже считались дальними родственниками Тургенева.

15 июня 1853 года И.С. Тургенев писал П.В. Анненкову: «Я только третьего дня вернулся в Спасское. Ездил на свадьбу одной моей кузины и совершенно неожиданно попал в шаферы к одному мне лично неизвестному, но, впрочем, довольно известному человеку – а именно к Нилусу, игроку, который женился на девице Карповой»².

С. Нилус так же как и Л. Андреев в свое время окончил курс юридического факультета Московского университета. Позже он

---

¹ Андреев Л. Дневник. Часть первая. 12 марта 1890-30 июня 1890; 21 сентября 1898 // РАЛ. MS. 606. Е.1. Л. 53.

² Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т. 2. М., 1982. С. 241.

напишет: «Чего только не совершалось в мое время в Москве пьяным угаром былого студенчества! И сам я - подумать и вспомнить страшно! – принимал когда-то участие во всех его отвратительных оргиях, в которых человек не только теряет образ Божий, но и свой человеческий меняет на образ грязнейшего из животных...».³

Типичным представителем московского студенчества был и Л. Андреев. Кутежи, выпивки, необеспеченность и неуверенность в завтрашнем дне – характерные черты студенческой жизни 90-х годов XIX столетия.

Брат Андреева, Павел, вспоминал: «Студенчество в массе жило тогда очень беспорядочной и пьяной жизнью. Работали только в кружках, да в землячествах, остальное время пили, пили до потери сознания. Часто на улицах Москвы можно было ночью встретить целые процессии пьяных студентов, расппевающих «вечную память» над мертвецки пьяным же товарищем, которого они на одеялах, а то и просто на простынях носили по городу».⁴

В духовном отношении оба будущих писателя, как и большинство «просвещенных» людей того времени, были равнодушны к вере и церкви.

С. Нилус писал, что он получил «<...> воспитание в духе равнодушия к вере, даже безверия, которым отличались шестидесятые годы <...>»⁵ 19 столетия. Процесс же формирования личности молодого Андреева проходил в годы, получившие название эпохи «безвременья и реакции».

В юношеском дневнике Л. Андреев оставляет запись: «В Бога, т.е. в Иисуса Христа, откровение и прочее я не верю, - но существование какой-то высшей силы признаю <...>. Другими словами, в отношении религии я полнейший индифферентист». Позже Андреев скажет, что отрицательное решение вопроса о Боге было сделано им под влиянием книг «с мальчишеской самоуверенностью и безапелляционностью»⁶.

³Нилус С. На берегу Божьей реки. С.-Петербург, 1997. С. 34.

⁴Андреев П.Н. Воспоминания о Леониде Андрееве//Литературная мысль. Л., 1925. С. 163.

⁵Нилус С. Указ. соч. С. 451.

⁶Кен Л.Н. и Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 23-24.

Сын Л. Андреева, Валентин, в статье «Леонид Андреев – мой отец» писал: «Леонид Андреев никогда не был верующим человеком, и жестоко страдал от этого. Его всегда занимали вопросы веры и Бога, но, будучи неверующим, он не находил на них ответы, всегда при этом относясь с глубоким уважением и даже восхищением к вере других, и, может быть, желая тоже обрести ее»⁷.

Глубокий внутренний перелом в мировоззрении С. Нилуса произошёл благодаря встречам с ныне канонизированными священниками: Георгием Коссовым и Иоанном Кронштадтским. В книге «На берегу Божьей реки» Нилус напишет: «1900-й год, когда я впервые посетил Саров и Дивеев, был годом великого внутреннего перелома всего, казалось, крепко установившегося на либеральных устоях 60-х и 70-х годов строя моей внутренней духовной жизни:

*Я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился тому, что сжигал»⁸.*

Начало 20-го века стало для обоих писателей временем наиболее полного творческого расцвета, временем поиска истины.

Г.И. Чулков писал: «Личность Андреева определительна для своей эпохи, для своего времени. У него есть своя страница не только в истории русской повести, но – что не менее важно – в истории нашей духовной отчизны.

<...> он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы»⁹.

Эти слова в полной мере можно отнести и к Нилусу. Критики и так называемая «просвещенная» общественность считали С. Нилуса мрачным проповедником конца мира, а Л. Андреева – мрачным писателем, мистиком, рассуждающим о смерти.

Леонид Николаевич писал: «<...> критические статьи в целом носят по отношению ко мне очень определенный характер... Это сплошное недружелюбие.

<...> И смысл каждой статейки сводится к двум положениям, исключаящим друг друга: “Андреева нужно читать, Андреева прихо-

---

⁷ Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. Орел, 2011. С. 106.

⁸ Нилус С. Указ.. соч. С, 473.

⁹ Письма Леонида Андреева. Предисловие и послесловие Г. Чулкова. Л., 1924. С. 34.

дится читать, Андреева нельзя не читать, но ... черт бы побрал этого самого Андреева!"

<...> Я тревожу людей! Тревожу...»¹⁰.

В своих произведениях Л. Андреев задает вопросы, на которые пока не может ответить сам, но он пытается «взбудоражить» общественность, заставить ее действовать. Многие известные писатели, вслед за Андреевым тоже пытались задать читателю эти «проклятые» (как их называл Леонид Николаевич) вопросы. А вот ответы на них, на наш взгляд, дал С. Нилус:

«В дни разгрома тысячелетнего здания православно-русского духа, в грозные дни нами переживаемые, дух неверия, вольнодумства, нового язычества, дух антихриста, грядущего в мир, употребляет тысячи всевозможных средств для торжества своей пропаганды: печать во всех ее видах; различные общества и союзы; и, наконец, забастовки всех видов и именовании – все это непроницаемой тучей, вырвавшейся из преисподней, охватило самое дыхание русского православного человека, грозя задушить его насмерть.

Очевидно, что против такой силы недостаточно просто научных доказательств или обращения к смыслу пережитой нами тысячелетней истории, обнажающей всю гибельность того пути, на котором нас насильно и стремительно толкают в пропасть, из глубины которой нам нет и не может быть возврата»¹¹.

Новую жизненную основу С. Нилус находит в Евангелии. Из мятущегося интеллигента постепенно формируется настоящий христианин, сумевший победить в себе «ветхого» человека. В стенах величайших русских обителей происходит обращение «православного лишь по крещению» в православную веру. Долгие годы главное место в жизни Нилуса занимала Оптина Пустынь – место уединения и единения с Богом и Природой, место плодотворной работы писателя и его «духовная родина».

Для Андреева таким местом стал Дом на Черной речке в так называемой «русской» Финляндии, куда он сбежал из пыльного города, чтобы спокойно жить и работать, чтобы быть ближе к природе, которую бесконечно любил.

¹⁰ Леонид Андреев о своем читателе// «Огонек». СПб., 1908. 25 мая.

¹¹ Нилус С. Указ. соч. С. 542.

Переселение писателей в эти благословенные места произошло практически в одно и то же время. Строительство дома Андреева было начато в 1907 году. Осенью того же года Нилус получил предложение поработать в монастырском архиве святой обители и заняться издательством «Оптинских листков». Общение со старцами изменило не только духовный мир писателя, но и его внешний облик, на котором запечатлелось спокойствие, благообразие и молитвенная доброта.

В поисках веры и Бога каждый идет своим путем, и великое счастье выпадает тому, кто встретит на этом пути человека, знающего верную дорогу. К сожалению, на пути Л. Андреева такого человека не оказалось.

Известный критик Д.С. Мережковский писал: *«Развитие Андреева идет не по прямой или волнообразной, а по остро изломанной линии»*¹².

*«<...> как хотелось бы, чтобы он, первый в русской революционной общественности вспомнивший о Христе, первый же и пришел ко Христу»*¹³.

Возможно, что это бы произошло. В мае 1918 года в дневнике Л. Андреева появляется запись: *«Сейчас захотелось молиться. Но как? Но кому? Какими словами?»*¹⁴.

Вадим Андреев, сын писателя, вспоминал: *«Всю жизнь отец носил Россию в себе, как верующий носит бога, но когда Россия открылась ему в Октябре, он не узнал ее в этом облике, и все распалось – хаос с головой захлестнул его»*¹⁵.

*«Воспевая революцию и революционеров, – писал Леонид Николаевич, – я был подобен человеку, который восторгается бурей, сидя на берегу, – теперь я в самом море, среди волн и гибели, и хочу сохранить если не жизнь, то голову и свое свободное отношение к урагану»*¹⁶.

---

¹² Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 41.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 46.

¹⁵ Андреев В.Л. Детство. М., 1962. С. 202.

¹⁶ Андреев Л. S.O.S: Дневник (1914-1919); Письма (19917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919)/Вступит. статья, сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.-СПб., 1994. С. 33.

Вместе с уходящей Россией и ее (по определению С. Нилуса) «великим отступлением от христианства» погибал и великий русский писатель Л. Андреев. «Революция задела его чрезвычайно, – писал в своих воспоминаниях Б.К. Зайцев. – Пережить ее ему не удалось. Сколько его я знал, он был индивидуалистом, индивидуалистом и ушел, писателем, за письменным столом, скончавшимся от разрыва сердца. Много волновалось ведь оно и в тихие времена; бури уже не вынесло»¹⁷.

Эту бурю, задолго до революционных событий 1917 года, предсказал С. Нилус: «Мы накануне мировой катастрофы политической и социальной. К этому все подготавливается, и всякий мало-мальски вдумчивый наблюдатель эту катастрофу если не предвидит, то предчувствует и к ней готовится, каждый – по своему, конечно...»¹⁸.

«<...> я не только предугадываю гибель, но я ее знаю, откуда она идет, от кого происходит, что в близком будущем ждет всех нас, если только не преклонится к нам милость Господня и, ... помочь ничем не могу: голосу правды никто не внимлет. И оком видят, и слухом слышат – и не разумеют»¹⁹.

Через несколько лет Л. Андреев, практически слово в слово, повторит: «Нужно совсем не иметь Разума, чтобы не понять простых и ясных поступков, действий и вожделений большевизма.

Надо не иметь глаз, как слепому, – или иметь глаза, но ничего ими не видеть, <...>.

Надо совсем не иметь ушей, – или иметь, но ничего ими не слышать, <...>²⁰»

Одиноким, покинутым друзьями и товарищами, непризнанным революционным правительством, Л. Андреев продолжал отстаивать идеалы свободы совести. Публицистическая деятельность стала основной в его творчестве. Вслед за Нилусом он пишет о страшных днях России: «<...> потеря всех верований в человеческую и божескую справедливость, безнаказанное попрание всех высших свойств человеческой души есть страдание большее и горшее не-

---

¹⁷ Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания. Пг., 1922. С. 89.

¹⁸ Нилус С. Указ. соч. С. 124.

¹⁹ Нилус С. Указ. соч. С.549.

²⁰ Андреев Л. Указ. соч. С. 337.

сравненно, нежели все физические муки в большевистских застенках. Оттого мы все почти сумасшедшие, оттого наиболее стойких из нас лишь тонкая грань отделяет от последнего отчаяния и самоубийства»²¹.

С. Нилус писал об этом еще в 1909 году: «<...> в народе вера пала, а на верхах международного общества развилось такое суеверие, что приди завтра со знаменьями и чудесами ложными новый кандидат в антихристы, он будет принят с распростертыми объятиями всем, так называемым, образованным миром»²².

Эти слова сбылись в октябре 1917 года.

«Всемирная война, внутренняя усобица, вот – почва готова для оцарения и обоготворения дарующему мир миру, особенно если мир этот обещан им будет вместе с общей сытостью и даровыми развлеченьями. Rapet et circenses! Хлеба и зрелищ!

А зрелищ будет много. Мы этих зрелищ и теперь еще и без антихриста много видим, а что будет при нем, с его знаменьями и чудесами ложными?! Хватит ли только на всех хлеба?»²³.

В статье «Veni, Creator!» Л. Андреев продолжит эту тему и предскажет появление в России еще более жестокого преемника: «Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо?

Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

- Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым. Идущий за мною сильнее меня.

<...> И мне страшно, о Господи! Где моя Россия? Сердце не хочет биться, кровь не хочет течь, жизнь не хочет жить»²⁴.

Тяжелые испытания выпали на долю двух выдающихся русских писателей. Какие только обвинения им не предъявляли, даже пытались объявить душевнобольными. Долгие годы в России их творчество было под запретом. «Святыня под спудом», - так называлась

---

²¹ Там же. С. 345.

²² Нилус С. Указ. соч. С.124.

²³ Там же.

²⁴ Андреев Л. Далекие. Близкие. М., 2011. С. 247.

одна из книг С. Нилуса. Только в последние годы его духовное наследие стало доступно широкому кругу читателей. В 20-х годах 20-го века за чтение и хранение книг Нилуса расстреливали на месте. Сам писатель трижды подвергался обыскам и тюремному заключению, чудом избежал расстрела, но до самой своей кончины Сергей Александрович продолжал писать о Святой Руси, о государе-мученике и о спасительной силе покаяния. Умер С. Нилус так же как и Л. Андреев от разрыва сердца. Это случилось в начале 1929 года. Похоронили писателя в с. Крутец, Владимирской области.

По воспоминаниям современников, Сергей Александрович был сильной личностью, талантливым художником, очень любил музыку. Говорил он необыкновенно интересно, взгляды его были глубоки и оригинальны. Его чисто русская душа — нараспашку, с восторженным, искренно открытым сердцем, была готова любить всякого. При почти постоянном безденежье он умудрялся проявлять самую широкую щедрость. Все эти черты были присущи и Леониду Николаевичу Андрееву.

Судьбы этих родных по духу писателей удивительно схожи. Забвение, которое длилось многие десятилетия, заканчивается, и их творчество, яркое и самобытное, по праву занимает достойное место не только в отечественной, но и в мировой литературе.

Гимназические друзья Л. Андреева. Семья Араловых

Основная часть документов, представленных в этой статье, была передана в музей Леонида Андреева Марией Николаевной Головачевой. Она приходится родственницей семье Араловых. Мы знаем, что с Леонидом Андреевым в Орловской гимназии учились братья Араловы – Иван, Игнатий, Прокопий и Ипполит. Игнатий Аралов приходится прадедом М.Н. Головачевой.

В фондах ОГЛМТ (Ф.12, №17189) хранится фотография большой семьи Араловых; ранее она экспонировалась в одном из залов Дома Леонида Андреева. На фотографии изображены братья – Иван, Игнатий, Прокопий и Ипполит Араловы - друзья Леонида Андреева по орловской гимназии и университету, а так же – Феодосий (1874 г. р.), Зосима (1876 г. р.), Петр (1877 г. р.), Надежда (1878), Вера (1880 г. р.), в 1885 г. родилась дочь Анна, о чем в метрической книге Александро-Невской церкви Орловского реального училища имеется следующая запись:

«6 декабря 1885 года родилась Анна (крещена 29 декабря), родители: инспектирующий учитель Александровского Орловского реального училища, статский советник Онисим Прокофьевич (так в документе – Е. К.) Аралов и законная жена его Анна Игнатьевна, оба православные.

Восприемники: сын статского советника ученика 3 класса Орловской классической гимназии Иван Онисимович Аралов и окончившая курс Санкт – Петербургской императорской консерватории Елизавета Игнатьевна Есьманович» (так в документе – Е. К.).¹

О смерти Анны имеется запись в метрической книге Александро-Невской церкви:

«16 января 1886 года умерла Анна, дочь инспектирующего учителя Александровского Орловского реального училища статского советника Онисима Прокофьевича (так в документе – Е. К.) Аралова, в возрасте

---

¹ ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 4202. Л. 1 об.-2.

1 месяца 10 дней “от осы”, похоронена 16 января того же года на Орловском Крестительском кладбище».²

Все они (кроме Анны) 13 марта 1884 года были внесены в 3-ю часть Орловской дворянской родословной книги. В протоколе Орловского дворянского депутатского собрания о дворянстве Аралова О.П. от 29 марта 1884 года указано, что: «13 марта 1884 года Орловское дворянское депутатское собрание слушало дело по прошению статского советника и кавалера Онисима Прокопьевича (так в документе – Е. К.) Аралова о внесении его с женой Анной Игнатьевной и детьми Игнатием, Прокопием, Ипполитом, Иваном, Феодосием, Зосимой, Петром, Надеждой и Верой в дворянскую родословную книгу и выдаче документов о дворянстве».

Далее записано, что «из документов, представленных О.П. Араловым (формулярного списка и грамоты Капитула Российских императорских и царских орденов от 14 июня и 8 декабря 1883 года), следовало следующее:

Онисим Прокопиевич Аралов «по окончании курса наук в Вологодской гимназии с правом на чин XIV класса и по выдержании испытания в Московском университете удостоен степени кандидата 19 сентября 1864 г., назначен старшим учителем в Новгородскую гимназию 25 мая 1865 года, указом Правительствующего Сената от 11 декабря 1869 г. за № 185 произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством с 25 мая 1865 г., и, продолжая службу по порядку чинов до статского советника включительно, Всемилостивейше пожалован кавалером орденов: Святого Станислава 2-й степени в 1873 г., Святой Анны 2-й степени в 1878 г. и Святого Владимира 4-й степени в 1883 г.».

Указано также, «что Аралов О.П. представил метрические свидетельства – Минской, Литовской, Полоцкой и Орловской духовных консисторий и Главного священника Гвардии и Гренадер –, свидетельствующие о браке Онисима Прокопьевича Аралова с Анной Игнатьевной Есьманович (так в документе – Е. К.), совершенном 20 апреля 1866 г., от которого родились дети: Игнатий – 28 марта 1868 г.,

Прокопий – 17 апреля 1870 г., Ипполит – 30 июля 1871 г., Иван – 23 сентября 1872г., Феодосий – 14 августа 1874 г., Зосима – 4 апреля

---

² ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 4203. Л. 9 об.-10.

1876 г., Петр – 28 июня 1877 г., Надежда – 30 сентября 1878г., Вера – 23 сентября 1880 г. Орловское дворянское депутатское собрание определило: признать статского советника и кавалера Аралова О.П. с указанными женой и детьми “сочленами благородного сословия дворянства Орловской губернии”, внести их в 3 часть дворянской родословной книги, выдать Аралову О.П. грамоту о дворянстве, сыновьям – копии с настоящего протокола, дочерям – свидетельства о дворянстве. Протокол Орловского дворянского депутатского собрания утвержден указом Правительствующего Сената от 31 мая 1884 г. № 2605».³

Онисим Прокопьевич Аралов (1838-1902), отец братьев Араловых, родился в г. Великий Устюг. В архивном фонде Вологодской духовной консистории в метрической книге Ильинской церкви города Устюга за 1839 год значится Онисим, родился 15 (крещен 16) февраля (по старому стилю – Е.К.).

Родители: отец – Прокопий Яковлевич Оралов «первого стана пристав, коллежский регистратор, мать – Тагиана Адрианова. Восприемниками при крещении были Илия Максимов Попов, “устужский стряпчий, титулярный советник” и Мария Васильева, жена Виссариона Матфиева Дьякова, “устужского штабс-лекаря, надворного советника, кавалера”. Имеется пометка: «Свидет. Выдано 1849 года в августе».⁴

Онисим Прокопьевич Аралов окончил Вологодскую гимназию. В 1860 году он поступил в Московский императорский университет. В фондах университета имеется «Дело о принятии в число студентов Онисима Аралова».⁵ К делу прилагается свидетельство о том, что Онисим Аралов «признается вполне способным к Университетскому учению».⁶

Кроме того в фондах Московского императорского университета в деле «О допущении разных лиц к испытанию на степень кандидата» имеется прошение «от бывшего студента университе-

³ ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 46. Л. 6-7 об.

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп.7. Д. 86, т.5, л.2 об, ф.453. Оп.1. Д. 2. Л. 3.

⁵ Центральный Государственный Архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 29. Д.147.

⁶ Там же. Л. 6.

та Онисима Аралова» от 5 марта 1864 года с просьбой допустить его к установленному испытанию,⁷ а в деле «О выдаче аттестатов на звание кандидата и действительного студента» имеется аттестат, выданный коллежскому регистратору Онисиму Аралову в октябре 1864 года, об утверждении его в степени кандидата «в физико-математическом факультете по отделу естественных наук».⁸

20 апреля 1866 года Онисим Прокопьевич женится на Анне Игнатьевне Есьманович, о чем уже было сказано выше. Однако место жительства в адрес-календаре до 1891 года не указано (1893 год – место жительства – при реальном училище). И в окладной книге за 1887 год Аралов О. П. не числится, в 51 квартале указан только один дом, который предположительно купил позднее О.П. Аралов: «дом – низ каменный, верх деревянный и сарай», владелец – «несостоятельное Орловское общество взаимного кредита».

И только в окладной книге о налогах с владельцев недвижимого имущества 1-й части г. Орла (ныне Заводской район) за 1895 год значится в квартале № 51 «смешанный дом и сарай». Владелец – статский советник Онисим Прокопьевич Аралов, ценность имущества 810 руб., «государственный налог» – 7 руб. 70 коп., «земский сбор» – 3 руб. 97 коп., «оценочный сбор» – 8 руб. 10 коп.⁹

В фондах Отдела местного хозяйства Орловского губисполкома имеется «Описание муниципализированного домовладения наследников Аралова по ул. 3-ья Посадская, д. № 25, в 51 квартале 1-й части г. Орла» от 17 июля 1918 года.

В документе указывается дом «наследников Аралова», одноэтажный, «смешанный», с полуподвалом.

«В полуподвале размещалась квартира, в которой проживала семья Жданова Никандра Петровича – состав семьи 8 чел.; на 1 этаже деревянном (так в документе – Е. К.) было две квартиры, в которых проживали семьи Лисецкого Владимира (отчество не указано – Е.К.), чиновника Государственного банка, состав семьи 6 чел., и семья Малина Сергея (отчество не указано – Е.К.), помощник бухгалтера, состав семьи, 7 чел.;

---

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 33. Д.17. Л. 51.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 33. Д. 731. Л. 234.

⁹ ГАОО Ф. 593. Оп. 1. Д. 893. Л. 93 об.; Д. 759. Л. 92. об.

на 2 этаже (так в документе – Е.К.) проживала семья Никитина Андрея Андреевича, служащего в крестьянском банке, состав семьи 11 чел».¹⁰ Однако о родственном отношении лиц, проживающих в доме, к бывшему владельцу дома Аралову не сообщается. Дом этот сохранился до настоящего времени – ул. Панчука, № 25.

Когда Леонид Андреев учился в Орловской мужской гимназии, инспектором Александровского реального училища был Онисим Прокопьевич Аралов, отец братьев Араловых. Он был преподавателем истории. Умер в Орле в 1902 году и похоронен на Крестительском кладбище. Его отец Прокопий Яковлевич Аралов (1810-1890), так же похоронен на Крестительском кладбище.

Братья Араловы (Иван, Игнатий, Прокопий и Ипполит) учились вместе с Леонидом Андреевым. А именно: Игнатий во 2 классе Орловской мужской гимназии, Ипполит в 5 и 6 классах, Иван вместе с Андреевым окончил Московский Университет. Прокопий – одноклассник Л. Андреева в 4, 6, 7, 8 классах гимназии и на последних курсах юридического факультета Московского Университета; он же – автор воспоминаний о писателе, которые хранятся в фондах ОГЛМТ.

Прокопий Аралов – сын Онисима Прокопьевича и Анны Игнатьевны Араловых (от первого его брака). В гимназии учился 11 лет, усердно занимался всеми предметам, поведение «5». Кончил гимназию в 1891 году. Собирался поступить в Петербургскую Академию Художеств на архитектурный факультет.

Окончил полный курс наук в Императорском Московском университете по юридическому факультету. 31 мая 1897 года удостоен диплома второй степени. С ним вместе окончил юридический факультет Московского университета его брат Иван и другие выпускники Орловской гимназии (в том числе, Михаил Покровский – дядя Михаила Афанасьевича Булгакова, Леонид Андреев).

По окончании университета братья Араловы (Иван и Прокопий) и другие выпускники факультета (кроме Л. Андреева) были зачислены в Орловский окружной суд младшими кандидатами на судебные должности и служили помощниками секретарей отделе-

---

¹⁰ ГАОО.Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 2410. Л. 1-4.

ний суда. В кратких формулярных списках о службе лиц «по округу Орловского окружного суда» на 1 октября 1897 года, «прилагаемых к представлениям о производстве в чины», имеются сведения:

«Аралов Иван (отчество не указано – Е.К.) – младший кандидат на судебные должности при Орловском окружном суде, дата назначения на должность кандидата 17 июня 1897 года, окончил полный курс наук юридического факультета Московского императорского университета, по результатам экзамена, проведенного юридической испытательной комиссией университета 31 мая 1897 года, удостоен диплома второй степени. Согласно прошению приказом старшего председателя Харьковской судебной Палаты от 17 июня 1897 года зачислен младшим кандидатом на судебные должности при Орловском окружном суде. Приказом председателя Орловского окружного суда от 1 июля 1897 года «командирован для занятий в гражданское отделение суда». Представляется «к производству в соответствующий чин по диплому второй степени».¹¹

Аналогичная запись имеется и о Прокопии Онисимовиче Аралове.

С 20 октября 1899 года Прокопий Аралов стал сверхштатным чиновником особых поручений Орловской Казенной палаты, а с 1900 года был назначен помощником, а затем служил податным инспектором Чембарского уезда Пензенской губернии, Пензы, Бессарабской губернии и др. С 17 марта 1912 года он был перемещен из Пензенской губернии на должность податного инспектора Карачевского уезда Орловской губернии. Он – надворный советник, был награжден орденами: Св. Анны 3-й степени и Станислава 2-й степени. До 1921 года он служил в бывшей Орловской Казенной палате, жил в Карачеве, на улицах Соборная (1913), Большая Дворянская (1914), Тургеневская, д.78. (адрес-календарь Орловской губернии за 1913-1917 годы). В 1921 году получил должность финансового инспектора Карачевского уезда вновь образованной Брянской губернии, в 1923 году был назначен губернским финансовым инспектором, а уволен со службы по сокращению штатов с 15 ноября 1924 года. В 1925 году подал прошение в Губфо о выдаче ему справки о службе для получения пенсии и получил ее 20 ноября 1925 года.

---

¹¹ ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 126. Л. 5 об.-6 об.

В карачевской школе 5 лет издавался журнал «Весенние обещания», в котором 15 июля 1926 года (№4) были помещены воспоминания Прокопия Онисимовича о Леониде Андрееве. Это одно из последних воспоминаний 20-х годов о писателе:

«Леонид Николаевич Андреев, – вспоминал Аралов, – начал пробовать свои литературные силы, будучи мальчиком 14-15 лет <...>. Еще учась в гимназии, Л. Андреев проявил и писательский талант: его классные сочинения были одними из лучших; тем не менее, учителя не видели в нем задатков будущего писателя <...>.

В материальном отношении Андрееву жилось в студенческие годы очень плохо, и улучшилось его материальное положение только после окончания университета, когда он поступил помощником поверенного и начал сотрудничать в некоторых московских газетах. А вскоре Андреев бросил адвокатуру и всецело отдался литературе».

Будучи студентом, Андреев продолжал свои литературные опыты и многие из них давал Аралову для «товарищеской критики». Критические замечания Аралова Андреев внимательно выслушивал и в ответ на замечания приятеля говорил: *«Надо будет написать что-нибудь на другую тему»*.¹²

Отношения между приятелями были довольно тесными. Влюбленный в Надежду Антонову,¹³ студент Андреев в своем дневнике вспоминал, как *«без заранее обдуманного намерения, но и не совсем случайно попал <...> на Пречистенский бульвар»*, где ожидал Антонову. *«Погулявши, возвращаясь, – продолжал он запись, – с Араловым – и, подойдя к концу бульвара, вижу Н. А., идущую <...> в ту же сторону, как и мы. До сих пор совестно вспоминать те глупости, которые я посмел сказать Аралову за те две минуты, пока мы шли сзади Н.А., и я не то решал вопрос, пойти ли мне за нею, не то просто впал в невинное обалдение. Промычавши Аралову последнюю глупость, я оставил его и пустился вдогонку...»*.¹⁴

Вспоминал Аралова Андреев и на другой странице дневника, в котором не так уж часто встречаются имена орловцев. Последняя

---

¹² ОГЛИМТ. Ф.12. Оп.1. Ед. хр. 208.

¹³ Надежда Антонова (1877-1947) – юношеская любовь Л.Н. Андреева, впоследствии актриса театра Корша в Москве.

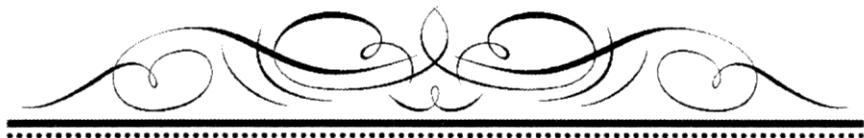
¹⁴ Л.Н. Андреев Дневник 1897-1901. М., 2009. С. 63.

встреча приятелей состоялась в феврале 1902 года. Прокопий приехал в Москву, где широко известный « < ... > писатель Л. Андреев радушно принимал Аралова, много рассказывал о себе, показал целую кипу вырезок из газет с произведениями Леонида Николаевича <...>. При прощании Андреев пригласил Аралова на другой день к себе в гости, так как у него должны были быть Горький и Шаляпин, а затем подарил на память свою фотографическую карточку и книжку своих рассказов».¹⁵

Возможно, что Прокопий Аралов, как и его однокашники, стал прообразом какого-либо литературного героя в произведениях Леонида Андреева. Во всяком случае, не такое уж частое имя Прокопий, Андреев дал одному из героев своего рассказа «Большой шлем», который был подарен писателем орловскому приятелю – Прокопию Аралову.

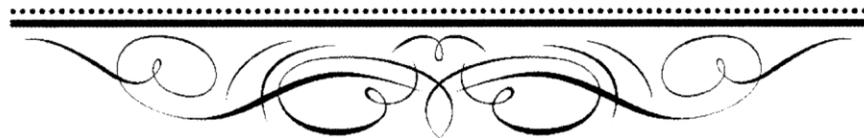
---

¹⁵ ОГЛМТ. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 208 .

II

Мургенев
в мире книг

Табличка Тургеневской библиотеки в Париже

Библиотека – читальня им. И.С. Тургенева в Москве

Эпизоды войны 1812 года в журнале «Сын отечества» из мемориальной библиотеки И.С. Тургенева

Совсем недавно в нашем музее мы отмечали 200-летие окончания Отечественной войны 1812 года, в которой принимал участие отец Тургенева, Сергей Николаевич Тургенев. Тогда мы обратились к истории той войны, к биографиям сослуживцев С.Н. Тургенева, к изданиям того времени из мемориальной библиотеки писателя.

Среди прочего до нас дошел лучший журнал тех лет – «Сын отечества». Многолетний издатель его Н.И. Греч (1787-1867), рассказывая о рождении журнала, писал и о личных причинах, побудивших его взяться за это дело. В августе 1812 года он получил известие от служившего в армии брата, который писал: «Сражение при Смоленске было кровопролитное и ужасное. Подле меня убит друг мой, Ольхин. Чувствую, что не переживу другого сражения. Ты спрашиваешь, не нужно ли мне чего-нибудь. Пришли, сделай милость, хорошую зрительную трубку, чтоб я мог лучше различать неприятеля и наводить орудие. Умру – но умру как истинный сын отечества!»¹

Письмо это побудило Греча искать случай внести свою лепту в дело победы над захватчиком: «Что бы, думал я, теперь затеять русский журнал, в котором бы чувства, помыслы и надежды России нашли верный отголосок <...>».² Случай представился. Тогдашний министр народного просвещения С.С. Уваров позволил издание политического журнала. Редактирование было поручено Гречу. Он же придумал название: «Слова из письма моего брата мелькнули у меня в уме. – “Сын отечества”, – произнес я».³

Первые номера журнала субсидировались правительством.

Просматривая сохранившиеся книжки журнала, мы обратили внимание на статью Ф.Н. Глинки «Рассуждение о необходимости иметь Историю Отечественной войны 1812 года».

---

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. Начало «Сына отечества». М., 1990. С. 183.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 185.

Ф.Н. Глинка (1786-1880), поэт, военный писатель, журналист был участником обеих войн с Наполеоном. Будучи адъютантом суворовского генерала М.А. Милорадовича, Глинка совершает заграничный поход, участвует в сражениях (в т.ч. при Аустерлице). В 1806 году Глинка выходит в отставку, но в 1812-м, с началом Отечественной войны, возвращается на службу. Видит оборону Смоленска, Бородинскую битву. Вновь зачисленный адъютантом к Милорадовичу, сражается при Тарутине, Малом Ярославце, Вязьме; проходит Польшу, Силезию, Саксонию, участвует в генеральном сражении при Бауцене. В 1814 году был награжден золотой саблей «За храбрость». Известный мемуарист М.А. Дмитриев, познакомившийся с Глинкой в 1818 году, вспоминал: «Он был в адъютантском мундире и обвешан крестами, и русскими, и иностранными. У него был *Pour le mérite* (прусский орден «За заслуги» – С.Ж.) и *Legion d'Honneur* (французский орден Почетного легиона – С.Ж.), и, кажется, шведский. <...> Глинка издал уже тогда восемь томов «Писем русского офицера» и три тома «Писем к другу»».⁴

«Письма к другу» Глинка предварил небольшим вступлением: «Вот разные статьи и отрывки мои, напечатанные в разных временных изданиях. Я собрал, одноко ж, только те, которые имели счастье обратить на себя особенное внимание просвещенных читателей. <...> Вот один из важнейших по содержанию своему: “О необходимости иметь историю Отечественной 1812 года войны” – начнем с него».⁵

По семейному преданию, «Письма к другу» были подарены автором С.Н. Тургеневу,⁶ который с указанной статьей мог познакомиться ещё по публикации в «Сыне отечества». В журнале статья сопровождается полустёршимися читательскими пометами, возможно, принадлежащими отцу или дяде писателя, Н.Н. Тургеневу, тоже участнику войны 1812 года.

Глинка, называвший войну 1812 года священной, считал, что право писать о ней имеет только «воин, самовидец и русский».

---

⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни// Новое литературное обозрение. 1998. С. 145.

⁵ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. Письма к другу. М., 2009. С. 359.

⁶ Библиотека И.С. Тургенева. Орел, 1994. С. 72.

Только воин способен с тем же бесстрашием, с каким смотрел смерти в глаза, поведать миру правду о прошедшей войне. Историк-самовидец должен обладать незаурядным даром художника, чтобы читатель в деталях мог увидеть живую картину войны. По мнению Глинки, «историк Отечественной войны должен быть русским по рождению, поступкам, воспитанию, делам и душе». Ибо «говоря о величии России, иноземец, родившийся в каком-либо из тесных царств Европы, невольно будет прилагать ко всему свой уменьшенный размер».⁷ Этот отрывок подчеркнут. На полях помета: «Выражение достойное истинно русского». Далее Глинка продолжал: «Невольно не вспомнит он, на сколь великом пространстве шара земного опочивает могущественная Россия. Вся угрюмость Севера и все прелести Юга заключены в пределах ея. Обширные моря на ее великом протяжении кажутся озерами. Ее столицы – суть области, ее области – суть царства!» Этот отрывок также выделен читателем. На полях надпись: «Никто, кроме прямо русского, не сказал бы сей убедительной истины».⁸

Эти пометы характеризуют не только авторский текст, но и самого читателя, который видится нам сегодня горячим патриотом, восхищенным подвигом русских воинов, величием родной земли.

Думается, не мог оставить равнодушным нашего читателя и следующий патетический призыв автора статьи к будущему историку войны 1812 года:

«<...> ты должен оживотворить для потомства тех, которые пострадали смертью за отечество! Твоя история должна вмещать в себя подвиги великих и малых <...>. Да будет книга твоя памятною книгою усопших на полях битв. <...> Утешьтесь, тени падших на полях Бородинских, в битвах под стенами Смоленска, на берегах Двины, при Тарутине, Малом Ярославце, Вязьме и Красном! Вы, погребенные в дремучих лесах польских, и вы, опочившие под чуждыми снегами в пределах дальних стран – Скоро, скоро пробудит вас глас повествователя, и вы оживете в истории Отечественной войны».⁹

---

⁷ «Сын отечества», 1816 г., № 4. С. 149.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Там же. С. 153, 155-156.

Не забывает автор статьи и мирных жителей, беженцев, говоря нынешним языком, которые, казалось бы, не прославили себя ратными подвигами: «<...> не забудь еще о тех страдальцах, которые, принеся все на алтарь отечества, бежали от мест своего рождения, <...> взяв только домашние иконы и грудных младенцев. Многие сжигали собственные жилища свои, чтобы не дать в них гнездиться злодеям. И всякий лучше хотел быть изгнанником, нежели остаться заложником».¹⁰

Публикации «Сына Отечества» давали читателям многочисленные примеры самоотвержения и сплоченности русских людей в годину испытаний. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на письмо, в котором сообщается о благородном поступке князя Льва Александровича Шаховского и его жены – будущих родителей княжны Екатерины Львовны Шаховской, ставшей впоследствии прообразом княжны Зинаиды Засекиной, героини повести Тургенева «Первая любовь»: «Будучи движим чувством благодарности, Смоленский помещик Богдан Николаевич Воронеж, долгом себе поставляет сообщить во всеобщее известие человеколюбивый поступок Князя Льва Александровича Шаховского и супруги его Катерины Ефимовны.

Во время вторжения французской армии в его владение, состоящее в Красненском уезде, принужден он был искать с семейством своим и родственниками, всего 12 человек, спасения в скором удалении от своего жилища. Не зная, где найти пристанище, не ведал куда преклонить бедную свою голову. Но Бог, покровитель несчастных, указал ему путь в Кашинский уезд и послал на сретение почтеннейшего князя Шаховского. Благодетельный сей человек, с восторгом истинной добродетели растворил ему свой дом, поместил все его семейство в своё жилище, и, имея сам только 60 душ, состояние также весьма бедное, питал их до самого того времени, как всеобщие обстоятельства переменились. Три месяца пользовались они его попечением; три месяца разделял он с ними остаток своего имущества, или лучше сказать, разделял сердце свое с каждым несчастливцем, и три месяца услаждал их горечь своею любезно-

---

¹⁰ «Сын отечества», 1816 г. № 4 С. 156-157

стию и ласкою. Они забыли и свою потерю, и своё разорение, и своё бедствие. Толико вспомоществование его было сладостно! Толико беседа была утешительна! Помещик Воронеж желал бы возблагодарить его за такую добродетель, но чем? - Признательностью: он её объявляет всем своим соотчичам. (Из Смоленска)».¹¹

На современного читателя слог письма производит сильное впечатление, автор не поскупился на выражения благодарности и наполнил письмо красотами, которые сделали бы честь самому Карамзину.

Письмо проливает свет на материальные обстоятельства семьи Шаховских в годы войны и позволяет сопоставить эти обстоятельства с обстановкой в доме Засекиных в повести «Первая любовь».

Полагаем, что чтение журналов времен Отечественной войны способствовало формированию патриотических убеждений у поколения Тургенева, который 27ноября/9 декабря 1853 года писал П.В. Анненкову из Спасского: «Я в последнее время много занимался перечитыванием старых русских журналов. Оказалось, что все можно читать и во многом можно еще принимать интерес <...>»¹²

Позволим себе повторить эту мысль Тургенева.

---

¹¹ «Сын отечества», 1813, № 16. С. 194-195.

¹² Тургенев И.С. ПСС и П (2). П. Т. 2. С. 282.

Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева в Париже. Страницы истории

Среди библиотек, носящих имя нашего великого земляка И.С. Тургенева, есть совершенно особенная библиотека с удивительной историей.

Она была создана в Париже в 1875 году при непосредственном участии самого Ивана Сергеевича и её часто называют «сердцем русского Парижа».

Эта библиотека поистине уникальна. Её вклад в дело сохранения русской культуры, языка, образа России, сбережения духовных уз с Родиной невозможно переоценить.

Инициаторами создания библиотеки были представители русской политической эмиграции, жившие довольно тесной семьёй, встречавшиеся на собраниях «русской колонии».

Одним из главных «объединителей» парижской колонии был знаменитый революционер Герман Александрович Лопатин, который всячески содействовал консолидации эмиграции. Нахлынувшая в начале 1870-х годов в Париж русская учащаяся молодежь остро нуждалась в русских книгах и журналах.

Тургенев, живший тогда в Париже, горячо любил молодежь. Он был постоянным жертвователем в «Русскую Академическую Читальню» в Гейдельберге (Германия). Он также постоянно поддерживал русскую библиотеку в Цюрихе.

Естественно, что именно к Тургеневу обратились инициаторы устройства русской библиотеки для учащейся молодежи в Париже. Наряду с Лопатиным, главным инициатором учреждения библиотеки стал другой эмигрант, полковник генерального штаба, автор романа «Отщепенцы» Николай Васильевич Соколов. Он потом много поработал и для её устройства.

Тургенев откликнулся на обращение Лопатина и дал для библиотеки большое количество книг, главным образом, своих собственных произведений. Эти книги, а так же пожертвования самих эмигрантов, послужили основным фондом библиотеки.

Затем Тургенев стал выписывать для библиотеки из России журналы и газеты.

Для сбора средств на содержание библиотеки писатель устроил у себя в доме музыкально-литературное утро, которое состоялось 15(27) февраля 1875 года. На нём Тургенев читал свой рассказ «Ходатай», пела Полина Виардо, читали Глеб Успенский и поэт Курочкин; играли скрипач Галкин и пианистка Есипова. Среди гостей-жертвователей были: Г.Н. Вырубов, посол кн. Орлов и другие лица. Собрано было 2000 франков. На эти деньги была нанята квартира (на 3-м этаже д. № 4 по ул. Victor Cousin). Читальня работала с 10 часов утра до 8 часов вечера. Председателем правления был Г.А. Лопатин. Среди членов правления было довольно много женщин, живших тогда в Париже, а также русские художники: И. Репин, В. Поленов, К. Маковский, Н. Дмитриев-Оренбургский.

Ис. Павловский в одном из очерков 80-х годов писал: «Никто из русских, кроме Тургенева, не занимался библиотекой, а между тем – как она была полезна!.. В ней всегда было много читателей. С утра и до самого вечера можно было с уверенностью найти в ней с десяток человек».

Периодически у библиотеки возникали проблемы с наймом помещения (за время своего существования библиотека не раз меняла адрес). Когда возникала угроза продажи книг с публичного торга для уплаты долга домовладельцу, экстренное собрание читателей принимало решение: «Принимая во внимание отсутствие денег в кассе – обратиться к Тургеневу...»

«Подобно банкиру, Тургенев уплачивал всегда необходимую сумму. Он делал это потому, что считал полезным существование библиотеки, куда, впрочем, он сам не ходил» (Павловский).

Тургенев намеревался вновь организовать благотворительную акцию в пользу библиотеки, но болезнь и смерть помешали этому намерению осуществиться.

После кончины писателя на общем собрании было принято решение присвоить библиотеке его имя (1883).

Среди заведующих библиотекой в первые десятилетия её существования были представители русской эмиграции: Н.П. Цакни (?), Аркадский, Черепухин, Чепурин, Илья Рубанович (был дольше всех).

В начале 1880-х годов Тургеневская библиотека была единственным видным центром русской колонии.

Новый этап в жизни библиотеки начался с 1918-19 годов, когда в Париж хлынула волна новой эмиграции из России. В это время в библиотеке часто ночевали люди, не имевшие другого пристанища. «Парижская библиотека находится в самом жалком виде и служит больше пристанищем бездомных, чем читателей» (Рубанович).

В 1913 году книжный фонд библиотеки составлял 11 850 единиц, а в 1925 – 30400 единиц.

Возвращаясь к новой волне русской эмиграции, следует сказать, что в 1920-е годы вокруг библиотеки сгруппировалась литературная элита.

Престижное собрание в эмигрантских условиях превратилось в нечто большее, чем библиотека. Это был клуб, ассоциация, землячество, колония.

Посетителей библиотеки, людей разных политических взглядов, объединяло одно – почитание культуры.

В число активистов входили: Марк Алданов, Михаил Осоргин (ставший заведующим библиотекой), Людмила Шейнис-Чехова, Гайто Газданов, Ник. Кнорринг, Борис Зайцев, Иван Бунин.

Борис Константинович Зайцев был постоянным читателем библиотеки. Материалами библиотеки он пользовался при создании своих «житийных» книг о Тургеневе, Чехове и Жуковском. На протяжении многих лет он входил в состав Правления библиотеки.

21 ноября 1925 года в амфитеатре Ригилье Парижского Университета (Сорбонна) состоялось торжественное и многолюдное празднование 50-летия Тургеневской библиотеки, на котором присутствовали как русская публика, так и французские друзья русской культуры. Открыл торжественное собрание проф. Оман блестящей речью, посвященной характеристике творчества Тургенева. После выступлений Милюкова, Палчевского, Сватикова и других состоялся концерт, в котором приняли участие: певица Азрова, пианист Плотников и внучка Полины Виардо Алиса Виардо-Гарсия (из сообщения газ. «Последние новости» от 24 ноября 1925 г.).

Библиотека им. И.С. Тургенева, помимо своих основных функций, вела большую работу в плане объединения русских в Париже.

1-го января 1927 года состоялась Детская новогодняя ёлка, на которой была представлена программа: дивертисмент, танцы, игры. На афише значилось: «Каждый детский билет даёт право на подарок». Для такого же праздника в 1930 году Саша Чёрный написал специальную пьесу.

13 марта 1937 года был организован «Вечер чтения», на котором свои произведения должны были читать И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин, А.М. Ремизов. В действительности вместо заболевшего Бунина выступила Н.А. Тэффи.

К 25-летию смерти Л.Н. Толстого была организована выставка изданий произведений Толстого, книг о Толстом, фотографий, гравюр и портретов. На выставке были представлены письма, фотографии, автографы из собрания французского переводчика Толстого И.Д. Гальперина-Каминского.

В библиотеке читались лекции, работали кружки для детей.

В феврале 1938 года библиотека стала формировать свой архивный отдел. Русский литературный архив в Париже должен был начать работу по «собираанию материалов, отражающих литературно-культурную жизнь русского зарубежья». Для руководства архивом создали временный комитет во главе с И.А. Буниным. В состав комитета вошли М.А. Алданов, И.И. Бунаков-Фондаминский, П.Н. Милюков, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв и другие известные писатели и деятели культуры. Первые материалы поступили от Бунина.

Такой Парижская библиотека им. И.С. Тургенева подошла к трагическому 1940-му году.

Поистине драматическая страница в истории библиотеки связана с периодом Второй Мировой войны.

После занятия Парижа немцами (1940) по приказу Альфреда Розенберга деятельность библиотеки была прекращена, книги упакованы в ящики (по свидетельству очевидцев было более 900 огромных ящичков) и вывезены в неизвестном направлении.

Долгое время считалось, что уникальное собрание погибло в 1945 году в окрестностях Берлина. Тем не менее, уже в 1950-е годы то в одном, то другом месте стали обнаруживаться книги со штампом Тургеневской парижской библиотеки. Многие исследователи предпри-

нимали попытки разыскать следы библиотеки в Германии, СССР, Польше, Белоруссии, Прибалтике и даже на Дальнем Востоке.

Наиболее подробно и последовательно военная история библиотеки излагается в статье Патриции Гримстед Кеннеди (американский историк-архивист, специалист по архивам СССР. Гарвардский университет) «Тургеневская библиотека в Париже: книги как жертвы и трофеи войны».

Какое-то время после войны часть фонда «Тургеневки» находилась в польском городе Легница, откуда многое было вывезено на территорию Советского Союза. В зашифрованном сообщении один из руководителей трофейной бригады подтвердил, что «парижская Тургеневская библиотека находится в клубе офицеров в Легнице под командованием начальника ГПУ Северной группы войск генерал-лейтенанта Огорокова». Ещё позднее сказали, что фаворитные книжки, принадлежавшие Тургеневской библиотеке, переданы майором Б. Шиперовичем в Ленинскую библиотеку в Москве. Сейчас книги из «Тургеневки» есть в Национальной библиотеке Беларуси, возможно, в библиотеке Минского государственного лингвистического университета, в Президентской библиотеке. Нельзя исключить факта, что книги из «Тургеневки» до сих пор могут находиться и в каких-либо частных собраниях, ибо в 1945 году, когда трофейные команды свозили оставленное немцами имущество, в том числе до 5 тысяч ящиков с книгами, книги стали расхищаться.

Стоит отметить, что в букинистических магазинах также можно было встретить книги со штампом Тургеневской библиотеки. Возможно, их сдавали бывшие солдаты, привезшие тома из Польши, Германии или Прибалтики. Практически строгого учёта привезённых книг не было, и их брали в личную библиотеку, а потом сдавали букинистам.

Таким образом, историю поисков фондов Тургеневской общественной библиотеки в Париже считать исчерпанной нельзя, и в этих поисках могут ожидать неожиданные открытия.

После войны верные идеям библиотеки сотрудники вели большую работу по восстановлению этого уникального культурного центра. Активно работали участники Ассоциации друзей Библиотеки.

В декабре 1957 года на общем собрании Тургеневской библиотеки было избрано Правление, в которое вошли: Зайцев, Ерухманов, Кнорринг, Луцкий, Татьяна Осоргина-Бакунина, Людмила Владимировна Шейнис (председатель). Библиотека возродилась, и к середине 1959 года почти всё было готово к её открытию. Частично удалось восстановить фонды. Тургеневская библиотека открыла свои двери для посетителей.

Нелишне вспомнить, что в газете «Русская мысль» от 17 декабря 1964 года была опубликована статья Б.К. Зайцева «Тургеневская библиотека», которая завершается призывом к русской эмиграции «посильно поддерживать библиотеку», дабы не дать «заглохнуть мирному и просветительскому делу».

Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина (1904-1995). Более 3-х десятилетий беззаветного служения Тургеневской библиотеке. Её отец – племянник Михаила Бакунина. (Её родители – врачи имели в 20-е годы свою больницу, которую реквизировали за то, что в ней лечили тяжелобольного патриарха Тихона). Она умерла в возрасте 91 года. Проводить её на кладбище Сент-Женевьев де Буа пришли не только русские, но и немало французов, для которых русский язык, русская культура стали близки.

В настоящее время Генеральным секретарём Административного совета Русской публичной Тургеневской библиотеки в Париже является Елена (Элен) Микотина-Каплан – дочь известного историка Венедикта Александровича Микотина и родственница адмирала Макарова.

Фонд библиотеки насчитывает более 50000 томов. Она занимает одну из квартир в жилом доме № 11 на rue de Valanc.

Вот как пишет журналистка Тамара Калиберова о посещении «Тургеневки»:

«По узкой и довольно крутой лестнице поднимаюсь на второй этаж (по французским понятиям – первый), не без волнения толкаю тяжелую дверь. Навстречу из-за книжной стойки выходит миловидная женщина. Знакомимся. Татьяна Львовна Гладкова работает здесь библиотекарем больше четверти века. В России она известна как авторитетный библиограф эмигрантской литературы.»

Не успели мы сказать и несколько слов, как снова запищал звонок. На пороге – очередной посетитель: седовласый старичок с бронзовым загаром, в шортах, с книжкой в руках (оказалось, бывший ученый-физик, эмигрировал из России в конце 70-х годов прошлого века).

Пока Татьяна Львовна занималась читателем, я с разрешения хозяйки отправилась осматривать «апартаменты». Они не очень велики (около 150 кв. м). Узкий коридорчик-прихожая. Справа – рабочая комната с компьютером, факсом – полным набором оргтехники. На столах – стопки книг, только что доставленных из России. Рядом старенькие растрепанные томики, приготовленные для реставрации.

Налево – крохотная комнатка, на два столика, на стене – бюст Тургенева: это читальный зал. Самое большое помещение тесно заставлено металлическими стеллажами, до отказа заполненными книгами. Сейчас библиотечный фонд тургеневки насчитывает около 40 тысяч томов. Можно было бы иметь и больше, но места нет, теснотища...

В коридоре взгляд невольно задерживается на доске объявлений. «Cours de Russe». Экскурсии по Парижу... Молодой русский адвокат, 35 лет, ищет комнату для проживания. Возможен уход за больным. Обучение английскому языку... Продам скрипку известного мастера.... Радио «Либертер». Русскоязычная передача. Выходит по воскресеньям, с 8 до 10 час... Вареники, пирожки, пельмени. Валентина, Марина... 37-летний художник, поэт, бард. Оформляю витрины магазинов. Знаю такую оздоровительную гимнастику, которая вернет к жизни любого... «Под зеленой лампой» – литературно-художественный вечер писательницы Ларисы Черниковой...

Воистину, сегодняшняя Тургеневка не изменяет старым традициям, когда она “как близкий друг, утешала многие поколения русских эмигрантов в их участи, помогала в работе, благословляла их досуг”.

– Кто ваш сегодняшний читатель? – едва успеваю вклиниться с вопросом перед очередным посетителем.

– Русские, которые приезжают из России работать по контракту, эмигранты, иностранцы, интересующиеся языком. В большинстве

своём – это люди среднего возраста и чуть старше. В списках – около тысячи книголюбцев. У многих – приличный “стаж”. Недавно был любопытный случай – читатель вернул книгу, которую брал в Тургеневской библиотеке еще до войны.

– Что ж, отличная память у человека. А вообще, что сейчас читают на русском в Париже?

– Историческую литературу, мемуары, книги по искусству, культуре, периодику. И конечно классику: русскую, зарубежную. Правда, если раньше спрашивали Л. Толстого, Достоевского. Алданова, Фондаминского – то теперь Пелевина, Веллера.

Укрепляются связи парижской «Тургеневки» с Россией: Культурный фонд «Петербург и зарубежье» в 2012 году переиздал сборник статей 1987 (Париж) «Русская общественная библиотека в Париже. Сотрудники, друзья, читатели».

В 2013 году там же прошла научная конференция с участием российских и французских исследователей. А в 2014 году по материалам конференции был издан сборник «Русская общественная библиотека им. Тургенева – перекрёсток духовной жизни России и Франции».

В экспозиции Музея И.С. Тургенева в Орле можно увидеть подлинную табличку библиотеки (на двух языках), сбитую фашистами. В 1966 году эту табличку передал в Музей И.С. Тургенева И.А. Лопатинский, который в годы войны был самым юным (ему было 10 лет) участником движения Сопротивления во Франции.

Источники текста

1. Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева – перекрёсток духовной жизни России и Франции [культурный фонд «Петербург и зарубежье» Ред. Н.Я. Олесич. СПб., 2014].

2. Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева. Сотрудники – Друзья – Почитатели: Сб. статей/Ред. Т.Л. Гладкова, Т.А. Осоргина. Париж, 1987.

3. Бюллетень Общества Ивана Тургенева, Полины Виардо, Марии Малибран. Париж, 1977, № 2.

Через призму времени

*«Пока жива библиотека – жив народ,
умрет она – умрет наше прошлое и будущее»*
Д.С. Лихачёв

Мценская межпоселенческая районная библиотека им. И.С. Тургенева – одна из старейших и крупнейших библиотек Орловской области.

Её история, как первой в городе «народной библиотеки-читальни», связана с именем великого писателя - земляка Ивана Сергеевича Тургенева. Библиотека была открыта 22 августа 1913 года в день 30-летия со дня смерти писателя и названа общественной библиотекой им. И.С. Тургенева.

В открытии библиотеки приняли активное участие городские власти, земство, жители города и уезда. Книгоиздатели Москвы, Санкт-Петербурга, других городов прислали в подарок книги, главным образом произведения классиков русской и зарубежной литературы. Библиотека содержалась на членские взносы, плату за чтение и сборы с публичных лекций, концертов, спектаклей, а также на добровольные пожертвования. Председатель общества публичной библиотеки П.И. Протопопов зачитал приветственные телеграммы, выразил надежду, что горожане не только станут активными читателями библиотеки, но и будут оказывать ей всестороннюю помощь.

В канун первой годовщины октября библиотека им. И. С. Тургенева стала именоваться центральной библиотекой города Мценска.

В мае 1920 года Библиотечный совет единогласно постановил восстановить библиотеке прежнее наименование и впредь называть ее «Мценская центральная библиотека им. И.С. Тургенева», «ввиду того, что И.С. Тургенев по происхождению дворянин, тем не менее, не является классовым дворянским писателем, а напротив – в своих произведениях становится борцом за освобождение крестьян («Записки охотника») и вообще низших классов («Пунин и Бабурин»,

«Новь» и др.), дворянство же изображает как класс «лишних людей» («Рудин» и др.) и поет отходную «дворянским гнездам». В её фондах в первые революционные годы хранилось много ценных книг. Одно время здесь находились издания библиотеки родового имени И.С. Тургенева – Спасское-Лутовиново. В 1918 году 2 500 экземпляров книг были отправлены в г. Орёл, где по сей день хранятся в музее писателя.

В 1923 году Мценск торжественно отметил десятилетие библиотеки. Первый хранитель Тургеневского мемориального музея в г. Орле М.В. Португалов в этот день в мценской библиотеке им. И.С. Тургенева прочитал лекцию «И.С. Тургенев как художник и общественный деятель».

В эти годы (1919-1925) заведующей библиотекой работала Е.П. Фурсова – большая энтузиастка библиотечного дела. Позже она станет профессором, много лет будет работать в Москве в библиотеке Академии наук СССР.

В годы Великой Отечественной войны здание библиотеки сильно пострадало, большая часть книжного фонда была уничтожена, погибли архивные материалы за предвоенные годы. В послевоенный период наряду с восстановлением объектов народного хозяйства возрождаются учреждения культуры. «Мценская правда» (1944, декабрь) писала:

«... в течение 45-го года восстановить помещения всех Домов культуры, клубов, библиотек с тем, чтобы обеспечить все культурно-просветительные учреждения собственными помещениями».

В послевоенные годы здание библиотеки было восстановлено, теперь здесь находится детское отделение районной библиотеки.

Большая роль в организации работы в те годы принадлежит специалисту с библиотечным образованием Т.А. Августовой.

С 1953 года заведующей библиотекой становится Варвара Георгиевна Соловьева – человек высокой культуры, большой эрудиции. Она посвятила библиотеке около 30 лет своей жизни. За годы ее работы фонд библиотеки вырос вдвое - 60 тысяч экземпляров. Вместе с ней долгое время работали библиотечные энтузиасты: И.Я. Жаворонкова, Е.М. Теплова, Р.П. Ковалева, Л.Ф. Ермакова, Н.С. Кофанова, З.И. Сапронова, Н.В. Шацкая, Е.М. Сазонова, Л.Ф. Самойлова, Л.П. Антонова.

В 60-е годы библиотека – центр культурной жизни г. Мценска и Мценского района. При библиотеке действовала литературная группа. В ее состав входили: Г. Соловьев, И. Александров, И. Сошников, Н. Понитков, А. Савельев, А. Стефаров, Л. Потанин и др. Тогда был издан первый рукописный литературно-краеведческий журнал «Зуша».

Централизованная библиотечная система города и района, созданная в 1978 году, объединила районную библиотеку им. И. С. Тургенева, две детские библиотеки, три городские библиотеки для взрослых и двадцать семь сельских библиотек. Ежегодно в фонд поступало около тридцати тысяч экземпляров литературы. Значительно расширились функции центральной библиотеки им. И.С. Тургенева. Она становится методическим центром для массовых библиотек города и района.

В 1981-2004 годы директором централизованной библиотечной системы была Калиничева Валентина Алексеевна. Под ее руководством Центральная районная библиотека им. И.С. Тургенева неоднократно награждалась почетными дипломами и грамотами Управления культуры и искусств администрации Орловской области.

В 2006 году, в период руководства Абаничевой Анны Леонидовны, учреждение становится юридическим лицом и получает название – «Муниципальное учреждение Мценская межпоселенческая районная библиотека», к сожалению, потеряв имя великого писателя. Сельские библиотеки-филиалы становятся структурными подразделениями социально-культурных центров, новых юридических лиц, созданных в 14 сельских поселениях района.

В 2011 году, во время руководства библиотекой Татьяны Фёдоровны Максимовой (2007-2014) – профессионала своего дела, районной библиотеке возвращается имя писателя.

С 2014 года районную библиотеку им. И.С. Тургенева возглавляет Ольга Павловна Дидковская.

С 1 января 2015 года 27 библиотек сельских поселений вошли в состав муниципального бюджетного учреждения «Мценская межпоселенческая районная библиотека им. И.С. Тургенева» и вновь стали его структурными подразделениями, как «сельские библиотеки - филиалы».

Благодаря главе Мценского района и депутатам районного Совета, развитию библиотечного дела в районе уделяется большое внимание.

Сегодня библиотечная сеть Мценского района – одна из самых крупных в Орловской области. Библиотека им. И.С.Тургенева в настоящее время – большое информационно-образовательное и культурно-просветительское учреждение района, предоставляющее своим пользователям документы различных видов по всем отраслям знаний. Мценский район занимает одно из первых мест в области по объёму денежных средств, направляемых на пополнение и обновление библиотечных документных ресурсов. Библиотека располагает универсальным документным фондом, насчитывающим около 300 тыс. экз.

Районная библиотека с её структурными подразделениями, как никакая другая, может порадовать своих читателей разнообразием периодических изданий. На подписку газет и журналов администрацией района ежегодно выделяется более 380 тыс. рублей.

Мы тесно сотрудничаем с орловскими издательствами - «Вешние воды», «Картуш», «Издательство Александра Воробьёва». Сформирован и продолжает активно пополняться и обновляться фонд краеведческой литературы.

Сегодня мы ежегодно обслуживаем 15,5 тыс. пользователей. Общая книговыдача составляет 348 тыс. экземпляров документов. Основным количественным показателем исполнения муниципальной услуги является показатель посещаемости библиотеки, который составляет уже на протяжении нескольких лет более 138 тысячч.

При районной библиотеке с 2004 года работает информационно-библиотечный центр, который имеет сертификат ПЦПИ (публичный центр правовой информации) в рамках программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Он является самым крупным информационно-библиотечным центром города и района, оперативно предоставляющим информацию всем категориям пользователей.

Сотрудниками библиотеки созданы и постоянно пополняются собственные базы данных: электронный каталог, электронная краеведческая картотека, фактографические банки данных (юридические и правозащитные организации, воинские захоронения и памятные места г. Мценска и Мценского района, памятники природы

Мценского края, храмы г. Мценска). Созданные электронные продукты активно используются в работе библиотеки.

Вся культурно- досуговая и просветительская деятельность библиотек района строится по основным направлениям работы, целевым областным и районным программам, памятным и значимым событиям года.

Наши читатели: учащиеся школ, средних специальных учебных заведений, студенты высших учебных заведений, рабочие, служащие, пенсионеры.

Активно сотрудничают с нами: образовательные и социально-досуговые учреждения города и района.

Библиотека работает в содружестве с районным центром дополнительного образования детей, Мценским техникумом агробизнеса и сервиса, с городским и районным центрами социального обслуживания.

Мы традиционно и тесно сотрудничаем с районным Домом культуры, социально-культурными центрами сельских поселений. Проводимые мероприятия (акции, конкурсы, мониторинги) содействуют повышению имиджа библиотеки, продвижению книги и чтения, привлечению новых пользователей, укреплению связи с различными структурами района и города.

Патриотическое воспитание и краеведение – ведущие направления в деятельности районной библиотеки им. И.С. Тургенева. Работа ведется комплексно - проводятся краеведческие часы, уроки, собирается материал по истории сел и деревень. Исторические краеведческие темы совмещаются с современными проблемами родного края. Пять мемориалов и воинских захоронений с Вечными огнями в д. Аниканово, Башкатово, Высокое, Лисица, с. Тельче переданы нам в оперативное управление.

Библиотека заботится о состоянии трех Поклонных крестов, которые установлены и освящены на местах массовых захоронений советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны и перезахороненных позднее в братские могилы в д. Богородицкое, Меркулово и п. Красный Октябрь.

Наши сотрудники совместно с администрациями Мценского района, сельских поселений проводят мероприятия по благоустройству воинских захоронений на территории района. В рамках 70-ле-

тия Победы мы подготовили: информационный буклет «Вечные огни – вечная память», рассказывающий об истории Вечных огней на территории Мценского района, дайджест «Мценский край в период Великой Отечественной войны» по материалам газет «Мценская правда», «Ленинский путь», «Мценский край» за 1951 – 2003 гг.

Районная библиотека является центром краеведческой информации для администрации и жителей Мценского района, выполняются аналитические справки по персоналиям, связанным с историей края, истории населенных пунктов района. В год 70-летия Победы увеличилось количество запросов по поиску родственников – участников Великой Отечественной войны.

В Мценском районе большое внимание уделяется выявлению творческих, инициативных и талантливых специалистов библиотечного дела, поддержке и поощрению их профессиональной деятельности, изучению и распространению инновационного библиотечного опыта. Специалисты библиотеки являются участниками конкурсов профессионального мастерства, осваивают новые технологии в Школе компьютерной грамотности, занимаются по программе непрерывного образования сельских библиотекарей «Учение длиною в жизнь».

Районная библиотека им. И.С. Тургенева с её структурными подразделениями неоднократно отмечены Дипломами и Почетными грамотами Управления культуры и архивного дела Орловской области, Орловской областной научной универсальной публичной библиотеки им. И.А. Бунина «за значительный вклад библиотек района в сохранении культурных и духовных традиций края, инновационный подход в библиотечной работе и высокий уровень библиотечно-информационного обслуживания населения».

Впрочем, библиотекарь – это не должность, это призвание. И несмотря ни на какие жизненные сложности мы несли, и будем нести свет знаний людям.

Источники текста:

В статье использованы документальные материалы мценского краеведа А.И. Макашова.

**К истории взаимоотношений Л.Н. Афонина
и Г.Н. Карноухова
(по материалам архива Библиотеки-читальни
им. И.С. Тургенева)**

В архиве Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева хранится папка с документами под названием «Переписка с Орлом» (Ф. 1 Оп. 1 Ед. хр. 852; 1960-1963 годы). В ней содержатся документы, раскрывающие достаточно тесные связи библиотеки и музея Тургенева в Орле: переписка директоров музея и читальни Леонида Николаевича Афонина и Георгия Николаевича Карноухова, переписка с Галиной Борисовной Курляндской, программа Тургеневских чтений, организованных Орловским музеем в 1961 году.

Переписку прекрасно дополнили отчеты о работе читальни им. И.С. Тургенева за 1959–1963 годы. Отчеты составлены Георгием Николаевичем Карноуховым и, надо отметить, написаны ярко, интересно и читаются, как говорила одна из сотрудниц библиотеки, как роман. Это, безусловно, свидетельствует о таланте человека, их составлявшего.

Хочется сказать несколько слов о Георгии Николаевиче, тем более, что именно благодаря ему Библиотека-читальня имеет такой богатый архив документов по своей истории.

Георгий Николаевич Карноухов родился в 1901 году в Самаре. Семнадцати лет он был мобилизован в Красную армию, в оркестр Белорецкого стрелкового полка (молодой боец прекрасно играл на флейте – самоучкой). После демобилизации в 1922 году Георгий Николаевич с семьей перебрался в Москву, где ему пришлось сменить несколько профессий, в том числе и библиотечную.

В 1941 году он снова был мобилизован и, как и в Гражданскую войну, проходил службу в военном оркестре. После демобилизации в 1945 году Г.Н. Карноухов вскоре устроился на работу в читальню им. И.С. Тургенева сначала библиотекарем, затем занимал должность заведующего читальным залом, а с июля 1957 года – директо-

ра библиотеки. В этой должности он работал более 20 лет. Период его директорства – расцвет послевоенной работы читальни: еженедельно проводятся литературные вечера, так называемые «тургеневские вторники», формируется архив по истории библиотеки, получает дальнейшее развитие тургеневская тема: формируется фонд тургенианы, начинают проводиться Тургеневские чтения. Именно в этот период завязываются тесные связи читальни с музеем И.С. Тургенева в Орле.

Время начала дружбы читальни с музеем я смогла установить по отчету о работе библиотеки за 1958 год (до этого времени музей не упоминается в документах читальни). В сентябре 1958 года читальня, как говорится в отчете, организовала цикл «Тургеневских чтений». «С Государственным музеем Тургенева в Орле в эти юбилейные дни (в 1958 году отмечалось 140 лет со дня рождения И.С. Тургенева и 75 лет со дня его смерти) мы установили самую тесную связь».¹

В отчете за 1960 год есть уже целый раздел «В гости к орловцам». Этот год – юбилейный для читальни: исполнилось 75 лет со дня ее основания. Как пишет директор Г.Н. Карноухов, «коллектив читальни держит крепкую дружбу и связь с работниками музея И.С. Тургенева в Орле. Мы обмениваемся материалами, планами работ по пропаганде творчества Тургенева, опытом своей деятельности. Поэтому нами с радостью было принято предложение директора орловского музея приехать в Орел в связи с 75-летием читальни и рассказать орловской общественности о юбиляре».²

Встреча состоялась 21 февраля 1960 года. В этот день в Государственном музее И.С. Тургенева в Орле силами сотрудников Тургеневки был организован вечер, посвященный 75-летию читальни. Собрались представители общественности, педагоги, библиотекари Орла. Была сделана выставка из материалов, привезенных сотрудниками читальни: фотографии, листовки с кратким рассказом о библиотеке, стенограммы Тургеневских чтений (эти стенограммы будут неоднократно упоминаться в переписке директоров читальни и музея) и др.

---

¹ Отчет о работе читальни им. И.С. Тургенева за 1959 г. (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 946. Л. 24).

² Ф. 1. Оп. 1 Ед. хр. 947. Лл. 36-37.

На вечере выступали: директор читальни Г.Н. Карноухов – об истории библиотеки, главный библиограф А.Д. Иерусалимский – о пропаганде сотрудниками читальни творчества И.С. Тургенева. Заведующая орловской библиотекой им. И.С. Тургенева Рустамова рассказала о создании библиотеки и спасении ее фондов в годы Великой Отечественной войны. Выступление директора музея Л.Н. Афонина завершило вечер.

Однако на этом связь читальни и музея не прервалась. Из письма Г.Н. Карноухова к Л.Н. Афонину от 30.11.1960 года: «Многоуважаемый Леонид Николаевич! Что-то наша переписка с Вами несколько ослабла. Вы собирались, как писали, побывать в Москве, и поэтому я все ждал личной встречи, но не дождался. Накопились некоторые вопросы, поэтому пишу:

1. Напоминаю Вам о взятых Вами стенограммах, они нам нужны. Постарайтесь выслать их почтой.

2. В газете «Вечерняя Москва» за 20.08.1960 г. опубликовано неизвестное письмо И.С. Тургенева Н.П. Макарову – автору многих словарей и председателю Пушкинского собрания.

3. В журнале «Советская музыка» № 8 за 1960 г. опубликованы «Письма Полины Виардо к русским знакомым», стр. 89-99. Некоторые из них связаны с именем И.С. Тургенева.

4. Мы хотели бы для наших читателей организовать лекцию «Тургенев и Толстой». Очень прошу Вас связаться с Г.Б. Курляндской. Не смогла ли бы она прочесть эту лекцию? Как Вам, вероятно, известно, она – доцент Орловского пединститута. Ее домашний адрес: ул. Сталина, д. 29, кв. 17. Мы, конечно, могли бы и не беспокоить лично Вас по этому вопросу, но, может быть, она прислушается к Вашей просьбе. Ведь это довольно сложное дело – жить в Орле, прочесть лекцию в Москве. Если она бывает в Москве, - мы могли бы приурочить эту лекцию именно к этому времени.

Вот как будто и все вопросы. Передайте Вашим работникам привет тургеневцев-москвичей и пожелание здоровья и успехов в работе³.

В ответ на письмо Карноухова Леонид Николаевич пишет: «Многоуважаемый Георгий Николаевич! Винюсь перед Вами за долгое

---

³ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 852. Л. 21.

молчание. В Москве бывал, но все урывками. Думаю, в начале 61-го года приехать в столицу и тогда уже основательно поговорить с Вами. Стенограммы отпечатаны и дня через два-три будут высланы Вам. Простите, что столь их задержали – по-видимому, обещав их прислать очень скоро, мы явно переоценили наши машинописные возможности.

Спасибо за сообщение о публикациях тургеневских материалов.

С Г.Б. Курляндской я вчера разговаривал. Она не возражает выступить в тургеневской читальне. В Москву она собирается в январе. Более точно дату своей поездки она обещала заранее сообщить мне, а я уж извещу Вас.

Дел всяких много, дорогой Георгий Николаевич, суедемся, суедемся и не всегда с толком. Желаю Вам всего доброго. Уважающий Вас Л. Афонин. Привет всем сотрудникам дорогой и близкой для нас тургеневской читальни»⁴.

Из сохранившихся архивных документов мы узнаем, что выступление в читальне Г.Б. Курляндской на тему «Л.Н. Толстой и И.С. Тургенев» состоялось 14 февраля 1961 года в рамках очередных Тургеневских чтений. По традиции, заведенной Георгием Николаевичем, к этому мероприятию были выпущены афиши и приглашительные билеты. На последних, кроме приглашения на мероприятие, был отпечатан библиографический указатель литературы по теме лекции, присланный Галиной Борисовной по просьбе Карноухова.

Мероприятие прошло с большим успехом. Об этом пишет Георгий Николаевич в отчете библиотеки за 1961 год: «В связи с 50-летием со дня смерти Л.Н. Толстого мы связались с Орловским пединститутом и пригласили кандидата филологических наук Г.Б. Курляндскую приехать в Москву и прочитать читателям лекцию «Л.Н. Толстой и И.С. Тургенев». Зал был переполнен. Очень квалифицированная и содержательная лекция. <...> В художественном отделении вечера отрывки из произведений Толстого и Тургенева читали Д. Журавлев и К. Еланская»⁵.

Надо отметить, что в течение всего 1961 года переписка между Г.Н. Карноуховым и Л.Н. Афоным была интенсивной. Часто Ге-

---

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 964. Л. 53.

оргий Николаевич обращается к Леониду Николаевичу с различными просьбами. Так, в мае 1961 года он просит Афонина организовать экскурсию по музею И.С. Тургенева для читателей библиотеки.

В одном из писем от 25 июня 1961 года Георгий Николаевич пишет о сборнике статей «И.С. Тургенев (1818-1958)» под редакцией академика М.П. Алексеева: «Тираж книги небольшой, поэтому боимся, что в Москве эту очень нужную для нас книгу не сумеем приобрести. Просим выслать в наш адрес два экземпляра»⁶.

Причем переписка между Карноуховым и Афониним с этого времени приобретает все больше дружески-неформальный характер. Так, в том же письме по поводу сборника Георгий Николаевич обращается к адресату: «Пишите, какие новости, как Ваше здоровье, какие перспективы на будущее в отношении публикации документов и материалов по Тургеневу. Привет и лучшие пожелания Вам и Вашему коллективу».

16-18 декабря 1961 года Государственный музей И.С. Тургенева совместно с Орловским педагогическим институтом проводили научную Тургеневскую конференцию (в архиве читальни хранится программа конференции). Список участников впечатляет. На конференции были представлены ведущие научные центры страны: Институт русской литературы АН СССР «Пушкинский дом», МГУ (к. фил. н. П.Г. Пустовойт), ЛГУ (А.Б. Муратов, тогда еще студент), Одесский университет (к. фил. н. А.В. Недзведский), а также педагогические институты Новосибирска, Тамбова и Новозыбкова. Л.Н. Афонин делает доклад «Творчество И.С. Тургенева в оценке Н.С. Лескова».

На эту конференцию был приглашен и директор читальни Г.Н. Карноухов, но по каким-то причинам он не смог приехать, однако очень заинтересовался темой доклада Леонида Николаевича и даже пригласил его выступить в библиотеке на Тургеневских чтениях.

В 1962 году плодотворное сотрудничество и, соответственно, переписка продолжается. Из нее можно почерпнуть много интересного о работе самого музея. Письмо Л.Н. Афонина от 24 апреля 1962 года: «Многоуважаемый Георгий Николаевич! Отвечаю на Ваше

---

⁶ Ф. 1. Оп. 1 Ед. хр. 852. Л. 22.

письмо. Выставка, посвященная А.И. Герцену, открыта в филиале нашего музея – музее писателей-орловцев, т.е. в доме, где родился и жил Т.Н. Грановский. Этим самым мы как бы напоминаем о дружбе А.И. Герцена и нашего земляка Грановского. Выставка посвящена Герцену, на ней представлены общие материалы, характеризующие его творческую и общественную деятельность. Однако мы старались показать и связь А. Герцена с Орловским краем. Поэтому на выставке есть материалы о крепостном театре графа Каменского, о котором Герцен писал в «Сороке-воровке», «Колокол» с герценовскими статьями о злодействах орловских помещиков и т.д.

Представлены книги Герцена и издания «Вольной русской типографии» в Лондоне, находившиеся в библиотеке Тургенева, Лескова. Есть книга с автографом Герцена, находившаяся в библиотеке В.Г. Белинского, факсимиле письма Герцена Тургеневу. Такова (в общих чертах) наша герценовская выставка.

Среди преподавателей Орловского пединститута тему «Герцен и Тургенев», к сожалению, никто не разрабатывал. У нас в юбилейные дни было расширенное заседание музейного совета, где сделаны сообщения: «А.И. Герцен и Т.Н. Грановский» (преподаватель истории Е.И. Чапкевич), «Орловская крепостная актриса Кузьмина – прообраз героини повести «Сорока-воровка» (Л.Н. Афонин), «А.И. Герцен и Орловский край» (зам. директора музея В.А. Громов). Все это, конечно, не может заинтересовать московскую публику»⁷.

Еще одно письмо Леонида Николаевича от 10 августа того же года: «<...> У нас в этом году весьма многолюдно – и в Орле, и в Спасском. Много бывает и зарубежных гостей. В Москве буду только осенью. Тогда обязательно загляну к Вам»⁸.

Вероятно, именно в эту встречу было решено, что Л.Н. Афонин примет участие в Тургеневских чтениях в библиотеке в 1963 году. На эту тему между директорами ведется интенсивная переписка. Письмо Леонида Николаевича от 10 сентября 1963 года: «Многоуважаемый Георгий Николаевич! <...> Если Ваши планы относительно моего выступления по программе «Тургеневских чтений»

---

⁷ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 852. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 7.

не изменились, убедительно прошу сообщить мне. Воскресные дни октября-ноября, когда я не смогу покинуть Орел, следующие: 19-ое октября – сессия, посв. 100-летию школы в Спасском-Лутовиново, 10-ое ноября (вечер, посв. 10-летию со дня смерти И.А. Бунина) и 24-ое ноября (145 лет со дня рождения И.С. Тургенева и 45 лет нашему музею). В Тургеневской библиотеке-читальне я мог бы, если это представит интерес, рассказать о деятельности нашего музея, а также выступить с докладом «Творчество И.С. Тургенева в оценке Н.С. Лескова (по неопубликованным и малоизвестным материалам)». Буду рад, если смогу оказаться полезным в Вашей работе»⁹.

В своем ответе на это письмо Г.Н. Карноухов пишет: «Ориентировочно мы установили (сообразуясь с названными Вами занятыми числами), что первое чтение состоится во вторник 12 ноября. Тема его примерно такая: «И.С. Тургенев и музыка». <...> Второй вечер намечается на 19 ноября. Здесь в его первой части главную скрипку играет Вы. <...> Ваше 45-летие (точнее 45-летие музея) хотелось бы «подать» как можно солиднее. Здесь уже Вам козыри в руки. Хотелось, чтобы наши читатели не только слышали от Вас о работе музея, но и почувствовали его в этот день в стенах нашей читальни. Я не знаю, что бы Вы могли привезти из экспонатов музея для демонстрации на этом вечере (конечно, желательно не на один день. Ведь экспонаты в этот день посмотрит только ограниченное число гостей вечера, а главный осмотр будет происходить в последующие дни).

Не зная музейных законов и порядков, я не собираюсь рекомендовать что-то Вам, но хотелось бы, чтобы музей пожаловал в гости к читателям «Тургеневки», и они это почувствовали бы. <...>

Что же касается Вашего доклада на тему «Творчество И.С. Тургенева в оценке Н.С. Лескова», то этому, мне кажется, нужно отвести специальный день. <...> Поэтому желательно было бы Вашим докладом о лесковской оценке творчества Тургенева начать новый 1964 год»¹⁰.

---

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Ф. 1. Оп. 1 Ед. хр. 852. Лл. 4-5

Забегаю вперед, отмечу, что такое чтение состоялось в феврале 1964 года.

В своем ответе на письмо Г.Н. Карноухова (это последний документ из архива переписки) Леонид Николаевич подробно отвечает на все вопросы и предложения: «Многоуважаемый Георгий Николаевич! Получил Ваше письмо. Спешу ответить. Меня, как теперь принято говорить, вполне устраивает намеченная Вами для моего выступления дата – вторник, 19-ое ноября. Я думаю, что больше 40 – 45 мин. говорить не буду. Постараюсь, чтобы это был не сухой отчет, а живой рассказ о родине Тургенева, о нашем музее, о нашей работе. Втроем или даже вдвоем с кем-либо из научных сотрудников музея я выехать не смогу. Экспонаты музея подлинные. Мы из Орла увезти не имеем права. Но постараемся сделать небольшую фотовыставку, рассказывающую о музее. <...>

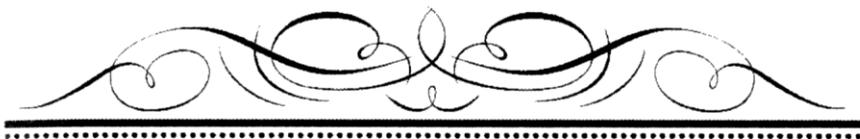
Думаю, что мы договоримся при личной встрече и о других выступлениях наших товарищей в будущем году. <...> А 19-го давайте уж начинать мною... Как назвать мое выступление? Несколько названий на выбор: «Музею И.С. Тургенева – 45 лет», «На родине И.С. Тургенева сегодня», «Гос. музей И.С. Тургенева за 45 лет». Может быть, Вы придумаете что-либо более волнующее. Мой титул: Л.Н. Афонин, директор Гос. музея И.С. Тургенева, член Союза Писателей СССР.

Официальное письмо можно писать сейчас. Адрес для такого письма: Орел, Московская ул., 17, Управление культуры промышленного облисполкома, начальнику Управления Сопову Александру Дмитриевичу. <...> Желаю Вам, дорогой Георгий Николаевич, и всему коллективу тургеневцев всего доброго. До скорой встречи. С уважением, Л. Афонин (Орел, 21.X.63)»¹¹.

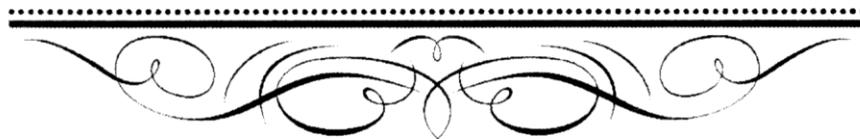
¹¹ Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 852. Лл. 1-2.

III

Вокруг
Мургеневской
энциклопедии

К.Ф. Рылев

Л.Ф. Нелидова (Маклакова)

«Судьба меня уж обрекла»

13 июля 2016 года исполнится 190 лет со дня казни поэта-декабриста Кондратия Федоровича Рылеева (1795-1826).

Хотя сочинения Рылеева в России были запрещены, Тургенев, несомненно, знал их. Не случайно именно к нему обратился А. И. Герцен с «запросом» о каком-то стихе из «Войнаровского» (Тургенев И.С. ПСС и П (2). П. Т. 3, с. 529). В письмах к П.В. Анненкову от 15/27 марта 1874 года и 10/22 января 1877 года Тургенев цитирует начальную строку стихотворения Рылеева «Стансы (А. А. Бестужева)»: «Не сбылись, мой друг, пророчества...».

Тургенев считал Рылеева, как и Николая Ивановича Тургенева, одним из самых замечательных русских людей и проявлял особое внимание к его биографии. Как следует из письма Герцену от 14/26 марта 1861 года, он с большим интересом прочел «Воспоминания о Кондратье Федоровиче Рылееве» П.А. Бестужева в «Полярной звезде» (1861, кн.6).

4/16 февраля 1876 года Тургенев обратился к П.В. Анненкову, жившему в Баден-Бадене, с просьбой купить «заграничное издание Рылеева (“Думы, Войнаровский”))» и прислать к нему в Париж. «Здесь этого ничего достать нельзя – а мне нужно» (Тургенев И.С. ПСС и П (2). П. Т. 15, кн. 1, с 37).

Издание Рылеева, по-видимому, понадобилось Тургеневу для работы над статьей, которой он думал отметить приближающееся 50-летие со дня казни декабристов. 12/24 мая 1876 года Тургенев прислал редактору радикальной французской газеты «Le Rappel» Огюсту Вакери статью о Рылееве, к которой приложил «рекомендательное» письмо:

«Сударь.

Прилагаемая рукопись содержит биографический и литературный очерк о Рылееве – революционере, казненном в 1825 году, одной из самых благородных и симпатичных личностей нашего отечества. Этот очерк написан одним из моих соотечественников – и я ручаюсь за точность изложенных в нем фактов, как и за верность перевода. <...> Если этот очерк появится в «Le Rappel», он должен

остаться анонимным. Это уже история, но русское правительство пока *того не признает – как и правду – потому что это правда*». (Тургенев И.С. ПСС и П (2). П. Т. 15, кн. 1, с. 306).

Об этой же статье упоминается в дневнике Ф.Н. Тургеневой от 6 июня 1876 года: «Он <Тургенев - С. Ж.> говорил, чтобы поместить статью о Рылееве в “Le Rappel” (Тургенев в дневниках Ф.Н. Тургеневой. ЛН т. 76, с. 387).

Статья о Рылееве, которую, возможно, написал или перевел сам Тургенев, так и не появилась в «Le Rappel». Позднее Тургенев, вероятно, познакомил с нею Александра Васильевича Головнина. Отвечая на недошедшее до нас письмо Головнина, в котором тот, вероятно, высказывался о Рылееве, Тургенев 25 февраля/9 марта 1877 года писал: «Ваш комментарий на стихотворение Рылеева поразителен: на этот раз поэт был точно пророком – vates». В обоих академических изданиях в комментариях к письму предполагается, что речь идет о думе Рылеева «Рогнеда» (Тургенев И.С. ПСС и П(1). П. Т. XII, кн. 1, с. 551; Тургенев И.С. ПСС и П(2). П. Т. 15, кн. 2, с. 494). Однако, в думе «Рогнеда» (1822) речь идет о мести оскорбленной женщины, и мотив предвидения отсутствует, а вот в поэме Рылеева «Наливай-ко» (1825) действительно имеются строки, которые можно назвать пророческими для самого автора:

*Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, –
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!*

Об этом же писал и П.А. Вяземский: «Известный стих его: *Меня судьба уж обрекла* был искренний стих, глубоко им прочувствованный и для него самого пророческий» (Вяземский П.А. Воспоминания. Записные книжки. По поводу бумаг Жуковского. Два письма к издателю русского архива. М., 1988. С. 311-312).

Переводчики вокруг Тургенева

«Внимание И.С. Тургенева к теории и практике искусства перевода известно. Оно проявилось уже с первых шагов его литературной деятельности – в 1830-е годы – в пору подлинного расцвета переводческого искусства», связанного с «торжеством романтиков».¹

В 1840-е годы, когда начинается процесс осмысления «русской школы» перевода, Тургенев, уже имевший опыт работы в этом жанре, активно включается в обсуждение этой темы, как видно, не без влияния В.Г. Белинского.²

Внимательно следя за работами авторов-современников, писатель свои теоретические рассуждения выстраивал в рецензиях на конкретные переводы. Весьма подробно своё представление о художественном переводе Тургенев изложил в рецензии на перевод «Фауста» Гёте, выполненный В.П. Вронченко. Особый акцент в этой статье Тургенев сделал на качества дарования переводчика: «Их (истинно хороших переводчиков) нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другими...

Чтобы хорошо переводить, нужно духовное родство, которое основано как на душевной, так и на эстетической близости к тому, что переводится».³

В своей рецензии Тургенев обращает внимание на нюансы эстетического восприятия перевода и рядовым и искушенным читателем: «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метафора...»⁴

---

¹ Эткинд Е. Французская поэзия в зеркале русской литературы//Французские стихи в переводе русских поэтов XIX-XX вв. М., 1969. С. 11.

² О значении Белинского в обращении к теории перевода см.: Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 97-104.

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. Т. 1. М., 1978. С. 227-228.

⁴ Там же. С. 228-229.

Как замечает канадский тургеновед Н. Жекулин, Тургенев много переводил «для себя». По мнению учёного, «для Тургенева было важно попробовать себя в переводе на русский язык произведения (или его части), которое чем-то в конкретный момент его заинтересовало... Он начал переводить Уолта Уитмена без очевидного намерения напечатать свои переводы».⁵ Исследователь полагает, что скорее «исключением из правила может показаться перевод на русский язык “Contes des fées” («Волшебные сказки») Шарля Перро».⁶

Не следует, впрочем, забывать о собственно предназначенных для печати переводах Тургенева (таких, как переводы повестей Г. Флобера «Иродиада» и «Легенда о св. Юлиане Милостивом»), где русский язык «вступил в схватку» с иноземным – труд, которым остался доволен сам взыскательный переводчик.⁷ Равно как не только прикладное значение имели переводы на русский язык стихотворений для романсов Полины Виардо и т.д.⁸

Всестороннее исследование проблемы «Тургенев-переводчик», на отсутствие которого в своё время сетовал М.П. Алексеев,⁹ и предпринятое ныне Н. Жекулиным,¹⁰ думается, будет неполным без учёта работ переводчиков, которые входили в орбиту творческих интересов Тургенева. В этих заметках мы попытаемся, по возможности, представить некоторые материалы на указанную тему.

---

⁵ Жекулин Н. Тургенев-переводчик: вопросы теории и практики//И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы/Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. I. М.-СПб., 2009. С. 52-53.

⁶ Там же. С. 52-53.

⁷ В письме М.М. Стасюлевичу от 29 марта (10 апреля) 1877 г. Тургенев писал: «<...> изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью – как на этот перевод».

⁸ О значении стихотворений для романсов Полины Виардо в переводческой практике Тургенева см.: Доманский В.А. Тургенев – соавтор «немецкого альбома» Полины Виардо//И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. II. М.-СПб., 2011. С. 188-196.

⁹ Алексеев М.П. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе//Алексеев М.П. Русская литература и её мировое значение. Л., 1989. С. 213.

¹⁰ Жекулин Н. Указ соч. С 48.

Михаил Александрович Дмитриев родился 23 мая (3 июня) 1796 года в селе Богородицкое Сызранского уезда Симбирской губернии. Племянник поэта И.И. Дмитриева, Михаил Александрович был от природы литературно одарённым человеком. Будущий поэт, критик, переводчик, мемуарист рано осиротел, воспитывался родственниками в Симбирске. Учился в Московском университетском благородном пансионе, затем на словесном факультете Московского университета. В 1811 году был зачислен в Московский архив Коллегии иностранных дел. Живя с 1815 по 1820 годы в доме И.И. Дмитриева, он познакомился с В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, Д.А. Давыдовым, А.Ф. Востоковым, В.Л. Пушкиным.

М.А. Дмитриев организовал в подражание литературному обществу «Арзамас» литературное «Общество громкого смеха» (1816-1820). Дебютировал в печати переводом с французского языка жизнеописания «Младший Плинит» в сборнике «В удовольствие и пользу». Стихи и статьи публиковал в «Трудах общества любителей российской словесности» и журнале «Сын отечества», участвовал в альманахах А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева «Полярная звезда». С конца 20-х годов элегии, оды, басни, псалмы, эпиграммы, а также рецензии и статьи на религиозно-философские темы печатал в журналах «Московский вестник», «Атеней», «Москвитянин».

Дмитриев был известен как литературный противник В.Г. Белинского и объект критики Н.А. Добролюбова.

Творческими удачами Дмитриева-переводчика считаются переводы Горация «Наука поэзии, или послание к Пизонам» (1853) и «Сатиры Квинта Горация Флакка» (1858).

Книга мемуаров Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» даёт ценную и оригинальную картину московского литературного быта первой трети XIX века.

Общее отношение критики к творчеству Дмитриева носило противоречивый характер. В этом пришлось убедиться совсем юному И.С. Тургеневу, который в письме к дяде Н.Н. Тургеневу от 27-30 марта (8-11 апреля) 1831 года поведал о своём открытии: «Я начал читать “Телескоп”, журнал, которого взял от студента Никанор и нам дал. Я сличил его с “Телеграфом”. Смешно видеть, как один хвалит то, что другой порицает. Вот пример:

О Дмитриеве, Михаиле

«Телеграф»

«Телескоп»

Принужденно, вяло, сухо

Чисто, сильно, без принуждения

Посуди, чему верить?»¹¹

Много лет спустя, Тургенева-читателя, как видно, привлекло одно из стихотворений Дмитриева. В 3-м номере журнала «Сын отечества» за 1822 год (комплект этого журнала сохранился в книжном собрании Тургенева) имеется карандашная запись на странице с публикацией стихотворения поэта. Это начальная буква имени и две буквы фамилии – А. Со<?>. Литерами отмечены следующие строки:

Так, нежный друг мой! Я стыдился

И думать, чтобы мысль порочная была

В душе, которая любить тебя могла.

Читатель подчёркивает слово «тебя», явно ассоциируя «А. Со<?>...» с героиней, а себя – с героем стихотворения.

Лирический герой намерен принести «в заочный сердца дар» девушке, чья душа исполнена веры, «не вздохи страстные, не исступленья жар», но дела благородные и «усердные моления» в храме. Таким образом, благоговейная любовь к юной христианке обращает лирического героя к Богу и храму. Сюжет, в чём-то близкий коллизии романа «Дворянское гнездо».¹²

Интересно, что те же инициалы встречаются в титуле стихотворения Тургенева «К А.С.» (1843). Это стихотворение, как предположила Л.В. Иванова, могло быть посвящено орловской дворянке Александре Тимофеевне Соколовой. Девушка приняла постриг в начале 1850-х годов и стала впоследствии игуменией Орловского Свято-Введенского женского монастыря под именем Антонии. В её келии хранились фотография Тургенева с его автографом и вид Спасского-Лутовинова. Возможно, инициалы «А. Со<?>» на полях стихотворения Дмитриева скрывают некую тайную историю в жизни писателя.¹³

Умер М.А. Дмитриев в 1866 году.

¹¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. П. Т. 1. М., 1987. С. 151.

¹² Балыкова Л.А. Периодические издания мемориальной библиотеки И.С. Тургенева (1754-1825)//И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы/Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. Вып. I. М.-СПб, 2009. С. 35.

¹³ Там же. С. 35

В 1865 году вышел двухтомник «Стихотворения М.А. Дмитриева», но, безусловно, наибольшую известность получили мемуарные труды писателя.

Надо сказать, что среди давно признанных классических образцов этого жанра («Записок» Ф.Ф. Вигеля, «Литературных и театральные воспоминаний» Аксакова, «Записок студента» С.П. Жихарева, «Записок моей жизни» Н. Греча) «Главы из воспоминаний моей жизни» М.А. Дмитриева, опубликованные в 1998 году, по праву занимают своё место.

Александр Гаврилович Ротчев [1806 (1807)-1873] – русский поэт, переводчик, путешественник.

В середине 20-х годов поступил в Московский университет, где был постоянным участником общественно-литературного кружка профессора С.Е. Раича. Кружок посещали также А.И. Кошелев, М.П. Погодин, М.А. Максимович, С.Д. Полторацкий.

Литературный дебют Ротчева состоялся в альманахе «Уrania»: были опубликованы лирические стихотворения и перевод пьесы Ж.-Б. Мольера «Мнимый рогоносец». Ротчев становится постоянным автором журналов «Северная лира», «Театральный альманах», «Невский альманах», «Московский телеграф». Среди его переводов на русский язык несколько трагедий: «Вильгельм Телль» и «Мессинская невеста» Ф. Шиллера, «Макбет» Шекспира, «Гернани, или кастильская честь» В. Гюго. Переводы «Макбета» и «Гернани» рецензировались журналами «Телеграф» (1830, № 21) и «Телескоп» (1831, № 1).

Юный Тургенев в письме дяде от 27-30 марта (8-11 апреля) 1831 года сообщал о разночтениях в оценке переводов Ротчева в указанных изданиях (см. предыдущую статью).

Внимание Ротчева-переводчика привлекали произведения знаменитого английского романиста Вальтера Скотта. Среди публикаций журнала «Московский телеграф» за 1831 (№ 8) (сохранился в мемориальной библиотеке Тургенева) можно видеть перевод Ротчева из «Шотландских песен, собранных В. Скоттом». Это баллада «Два ворона», передающая драматический сюжет из шотландского средневековья:

Слышу, в поле чёрный вран
Громко врану прокричал:
– Где обед нам будет дан,
Ты, товарищ, не узнал?
– Видишь: старая стена,
В землю села уж она –
Мёртвый рыцарь там лежит.
Пёс да сокол, да жена
Знают, кем он был убит!

<...>

В доме новый господин!
Он с женой его один!
– Ты на белой груди сядь,
Я же сяду на главу,
Очи чёрные клевать;
Кудри чёрные сорву;
Из кудрей его вдвоём
Мы гнездо себе совьём,
И толпа его друзей станет труп его искать
Не найдёт, и ветер полей
Станет кости обвевать.

Примечательно, что мотив супружеской неверности и мести возникает у Тургенева в романе «Дворянское гнездо»¹⁴ в связи с балладой Шиллера «Фридолин» (гл. XXII) и ещё раньше в «Балладе» Тургенева (1841), где жестокая казнь разбойника становится также и мезтью за его связь с женой воеводы. Возможно, «Шотландская песня» в переводе Ротчева явилась одним из творческих истоков «Баллады» Тургенева.¹⁵

В 1829 году за перевод трагедий Шиллера Ротчев был избран действительным членом Общества любителей Российской словесности. 20 августа 1873 года Ротчев скончался. На надгробной плите его была выбита эпитафия, избранная им самим: «Он был человек, и как человек – заблуждался».

¹⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 6. С. 68.

¹⁵ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 1. С. 13.

**«Пишите горячо, серьёзно, просто и страстно...»
И. С. Тургенев - Л. Ф. Нелидовой**

Современники Тургенева иногда обвиняли его в предвзятом отношении к молодым, начинающим писателям, в преувеличении их литературных дарований. Была распространена острота: «Тургенева во сне видеть – найти талант там, где его нет».

Взаимоотношения писателя с Л.Ф. Нелидовой, автором многочисленных публикаций в конце 1880-х начале 1870-х годов в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Современном мире» свидетельствуют об очень тонкой, объективной оценке их творчества, о духовном аристократизме И.С. Тургенева, джентльменском отношении к женщине.

Нелидова (псевд.) Лилия Филипповна, рождённая Королёва, в первом браке Ломовская, во втором Маклакова (1851-1936), писательница.

Нелидова – дочь директора Петровско-Разумовской академии Ф.Н. Королёва. В начале семидесятых годов больше года жила в Швейцарии в семье видного представителя «молодой эмиграции» и даровитого учёного-географа Л.И. Мечникова, где общалась с деятелями русской революционной эмиграции. Большое влияние на формирование характера Нелидовой оказал писатель-демократ В.А. Слепцов, чьей гражданской женой она была в 1875-78. Он первый угадал в ней творческие задатки.

Была знакома с крупнейшими представителями русской литературы, искусства и науки: Н.А. Некрасовым, И.А. Гончаровым, Г. Успенским, А.П. Чеховым, М. Горьким, А.П. Рубинштейном, В.О. Ключевским, К.А. Тимирязевым. Среди адресатов Нелидовой были В.Г. Короленко, П.Д. Боборыкин, Н.Н. Златовратский, А.Н. Сумбатов-Южин, К.И. Чуковский.

Перу Нелидовой принадлежат многочисленные рассказы и очерки из деревенской жизни, статьи, фельетоны, воспоминания о личных встречах с Некрасовым, Г.А. Лопатиным, А.Н. Эртелем,

П.А. Стрепетовой, которые публиковались, начиная с 1879 года, в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Современном мире» и других журналах и газетах.

Нелидова была членом Московского женского клуба, во время мировой войны – сестрой милосердия в учреждённой в Москве при её содействии Никольской общине. После Октябрьской революции одно время работала в Наркомпросе вместе с Н.К. Крупской, с первого дня возникновения Всероссийского союза писателей была членом его московского отделения.

Тургенев высоко оценил повесть Нелидовой «Полоса», которую он прочёл в октябрьском номере «Вестника Европы» за 1879 год, увидев в авторе «сильный и свежий талант» (Письмо от 8/20 октября 1879 года М.М. Стасюлевичу).

По всей вероятности, над своей повестью Нелидова работала вместе со Слепцовым, не случайно Тургеневу в этой повести почудилась мужская рука.

Знакомство Нелидовой с Тургеневым произошло по инициативе писателя в конце января 1880 года в Петербурге при содействии А.В. Топорова. Нелидова часто встречалась с Тургеневым в первой половине февраля 1880 года, во время его болезни в Петербурге и передала писателю сведения о своём знакомстве с певицей Е.П. Кадминой и молодым учёным В.Д. Аленицыным, чья посмертная влюблённость в актрису легла в основу повести «Клара Милич».

Писательница часто обращалась к Тургеневу за литературными советами, в частности, по поводу задуманного ею в начале 1880 года биографического романа о В.А. Слепцове «На малой земле». Роман, начатый в конце 1880 и законченный в начале 1930-х годов, не был опубликован.

В письме к Нелидовой 14/25 мая 1880 года Тургенев критически отозвался о её «Письмах из Феодосии», опубликованных в майском номере «Вестника Европы» за 1880 год, найдя в них «умные общие места», «сто раз повторённые словечки», «леденящий холод». «Помню, что Тургенев остался недоволен моими “Крымскими очерками” (“Письма из Феодосии” - Л.А.), главным образом,

языком. – Это всё у вас гончаровщина, – говорил он, упрекая меня за слишком большую вылощенность периодов и округлость фраз. “Пишите горячо, серьёзно, просто и страстно. Пишите, а не описывайте, как бы поэтично это у вас не выходило”. Это был его драгоценный завет, написанный в одном из писем его ко мне”.

Тургенев подарил Нелидовой собрание своих сочинений в издании братьев Салаевых с дарственной надписью: «Лидии Филипповне Ломовской от И.С. Тургенева, начинающему писателю от кончившего, с самыми искренними напутственными пожеланиями. СПб., февраль 1860». (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, № 3).

В 1880 году Тургенев по просьбе Нелидовой достал ей билеты на торжественное заседание Общества любителей российской словесности по случаю пушкинских торжеств и на открытие памятника А.С. Пушкину.

Последняя встреча Нелидовой с Тургеневым состоялась в Москве в июне 1880 года после пушкинских тожеств перед отъездом писателя в Спасское-Лутовиново на квартире И.И. Маслова на Пречистенском бульваре в присутствии Д.В. Григоровича и П.В. Анненкова.

Нелидова – автор «Воспоминаний об И.С. Тургеневе» («Русские ведомости», 1884, № 238, 239), в которых приведены три устных рассказа Тургенева, записанные ею с его слов и названные «Музей», «Прощание», «Поцелуй», воспоминаний «Памяти И.С. Тургенева» («Вестник Европы», 1909, № 9, с. 207-241), а также воспоминаний о Гончарове и Тургеневе «О милых спутниках», которые могут быть отнесены к 1920-м годам, и в которых она писала: «Какие удивительные вечера я проводила у неуклюжего дивана с деревянной спинкой, в обществе верного Топорова или ещё кого-нибудь из его друзей и посетителей».

Случалось, что Иван Сергеевич бывал не в духе, нога болела, и он слишком страдал, но если боль проходила, он весь оживлялся и разговор блистал и искрился, как фейерверк. Мне жаль, что я не сумела с точностью записать тогда же счастливые выражения, интересные рассказы и сравнения, которые так легко и свободно

вырывались у него и, видимо, не стоили ему ни малейшего напряжения мысли».

Опубликовано 5 писем Тургенева к Нелидовой (1880, 1883).
Письма Нелидовой к Тургеневу неизвестны.

IV

По Мурганевским местам

*О.Н. Галахова (Трубникова,
Вырубова). Фото 1915-1916 гг.*

*На магиле О.Н. Галаховой.
Село с.Сергиевское*

В церкви села Клейменово

Из истории села Сергиевского. Храм во имя преподобного Сергия Радонежского

8 октября – день памяти величайшего подвижника земли Русской преподобного Сергия Радонежского. Историк В.О. Ключевский писал: «При имени преподобного Сергия народ вспоминает своё нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка». По всей Руси Великой на протяжении почти 700 лет строились храмы в память о Радонежском чудотворце.

В 1638 (1639) году в Мценске стрельцами был срублен деревянный храм во имя св. Сергия. Перестроен в 1759 году на средства купца Филиппа Иноземцева. Новый храм был каменный с «таковою же колокольнею».

В середине XVIII века образовался приход Сергиевского храма в селе Сергиевском Мценского уезда (ныне территория Воинского сельского поселения). Село Сергиевское, что в Лопухине, с церковью Св. Сергия Радонежского чудотворца значится в списке церквей города Орла и его уезда по ведомости 1755 года.¹ Время не сохранило имя строителей сельского храма, не пощадило и сам храм. Он был небольшой, однопрестольный, некоторое время был приписан к Михайловскому храму села Архангельского, что под Мокрым. В 1842 году храм был возобновлен приходскими помещиками Сафоновыми.²

Село Сергиевское упоминается в «Путешественных записках Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году»: «... За 7 верст не доезжая следующей станции, увидели мы в правой сто-

---

¹ Неделин В.М. Орел изначальный. История. Архитектура. Жизнь и быт., 2001. С.248.

² ГАОО, Ф.453, Оп.1, Т.2, Д.86, Л.3-4об.

роне реку Оку, не широкую и не в очень просторной и глубокой долине. Здешние места не ниже тех, что в Сергиевском...».³

В XIX веке село входило в состав Мценского уезда. В камеральном описании Мценского уезда 1832 года значится «Сельцо Сергиевское что было селом, сельцом и древнею Железниками». Здесь находился «каменный дом действительного статского советника Николая Ардамовича Лопухина с регулярным садом и оранжереею», ему принадлежали 25 дворов, 147 мужчин и 145 женщин. Сельцо было общего владения. Совладельцами были: Новосильцевы, Веселовы, Оловенниковы, Гурьевы, Коковинские. На реке Большой Воин стояла мельница о двух поставах.⁴ Дочь Н.А. Лопухина Надежда получила имение в Сергиевском в приданое, а после ее смерти владельцем стал муж Василий Африканович Сафонов – статский советник, орловский и тверской помещик, владелец имений в Мценском и Карачевском уездах Орловской губернии.

Далеко за пределами Мценского уезда славилось Сергиевское своими певцами. 19 августа 1838 года в село приезжал послушать сергиевских певцов известный композитор Михаил Иванович Глинка.⁵ Рядом с селом расположена небольшая деревушка Колотовка, где, по мнению некоторых краеведов, происходит действие рассказа И.С. Тургенева «Певцы»: «...Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом».

У своего «старинного приятеля» Африкана Васильевича Сафонова (1822-1889) в Орле бывал И.С. Тургенев. Оба они страстные поклонники русской забавы – давние сотоварищи по охоте.

А.В. Сафонов в середине прошлого века жил большей частью в губернском городе Орле, занимал видное положение окружного

---

³ Зуев В. Путешественные записки // Ленинский путь. 1990. №114.

⁴ Камеральное описание Генеральному плану города Мценска и его уезда, с означением всех межевых дач, кому оныя принадлежат, сколько в котором селении дворов, и по последней 7-ой ревизии мужеска и женска пола душ, также удобной и неудобной земли, а при каких урочищах те дачи положение свое имеют и какия в оных состоят заведения и прочие экономические примечания; Сочинено Мценским уездным землемером и Кавалером Погорельским Октября 1832-го года» [копия, Мценский краеведческий музей]. - Л. 107об. -108об.

⁵ Ильина О. В деревню // Истории русской провинции. Т.9. Орел. С.88-89.

начальника Палаты государственных имуществ, являлся гласным Мценского земства, принимал самое деятельное участие в подготовке и проведении земельной реформы в Орловской губернии. Впоследствии служил в Орле агентом Харьковского земельного банка.

Африкан Васильевич имел дом и флигель в Москве и в разное время несколько домов в Орле. В марте 1859 года, после публикации романа Тургенева «Дворянское гнездо», приобрел усадьбу на Верхне-Дворянской улице (ныне дом № 1 по ул. Октябрьской – «дом Лизы Калитиной»), которой владел до середины 1880-х годов.⁶

Ряд фактов биографии Сафонова дают основание предположить, что он мог послужить Тургеневу прообразом одного из героев романа «Дворянское гнездо», а именно Паншина, светского молодого человека, знатока лошадей и отличного наездника, неплохого поэта, композитора, художника-дилетанта, командированного в «губернский город О...» Министерством внутренних дел в качестве чиновника особых поручений.

Редкое имя Африкан передавалось в семье Сафоновых из поколения в поколение. В семье сохранилось предание, что известный поэт и большой остролов А.Н. Апухтин, который бывал в доме Сафоновых, придумал для них «ботаническое» название – «*Saphonica Africonica*».

Н.М. Чернов в книге «Дворянские гнезда вокруг Тургенева»⁷ в статье «Сафонов – старинный приятель и сосед Галаховых» пишет, что женат Африкан Васильевич был на Юлии Петровне Масловой. «Дети Сафоновых: Анна Африкановна (р. 1861), Сергей Африканович (р. 1864), Надежда (р. 1868), Ольга (р. 1881), Василий (р. 1866), Африкан (р. 1872), Пётр (р. 1877). У Сергея дети – Зинаида и Николай...

Ольга Африкановна Сафонова была замужем за Дмитрием Николаевичем Матвеевым, сыном мценского предводителя дворянства. Старшая – Анна Африкановна – незамужняя, пребывала в молитвенном послушании. Умерла в Москве в преклонном возрасте уже

---

⁶ Ашихмина Е.Н. В Орле, на дворянском гнезде // Новый Орел. 2010. №56-57. С.56-57.

⁷ Чернов Н.М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Спасское-Лутовиново, 2003. С. 137-141.

после Великой Отечественной войны. Она была хорошо знакома с патриархом Алексием I (Симанским), главой Русской православной церкви, выдающимся духовным деятелем. Патриарх с большим почтением относился к Анне Африкановне...».

В статье не сказано о дочери А.В. Сафонова – Зинаиде Африкановне Сафоновой, которая была начальницей Николаевской женской гимназии в Орле. «Гроза всех: не только учениц, но и педагогов. Высокообразованная, говорящая на иностранных языках, требовательная, она держала гимназию в 700 человек. Боялись ее, как огня, особенно мы, родные племянницы. К моему удивлению и радости, потом никто не вспоминал ее плохо – только с благодарностью за все, что было нам дано», – вспоминала о ней племянница Вера Африкановна Табульская.⁸

Ежегодно 25 сентября (по новому стилю 8 октября) в день памяти Сергия Радонежского чудотворца большая семья Сафоновых собиралась в своем приходском храме.

В 1865 году в храме села Сергиевского был рукоположен в сан священника Стефан Павлович Комягинский (1841, с. Дурнево-Карпово, Мценский уезд – 1918). Отец Стефан родился в семье сельского священника, окончил Орловскую духовную семинарию (1862). В 1871 году, согласно его прошению, был перемещен в с. Старцево, Лепешкино тож, Орловского уезда. В 1913 году был удостоен звания протоиерея. Последние годы служил в с. Литовки Севского уезда.⁹

В 1860-е годы в селе Сергиевском (Лопухине) было дворов – 31, душ мужского пола – 158, женского – 151.

В 1868 году церковным старостой Сергиевского храма был утвержден 50-летний московский (по другим сведениям – орловский) мещанин Я.М. Борсуков. В 1877 году Якову Михайловичу «... за примерное и усердное прохождение должности церковного старосты и за пожертвования из собственных средств в пользу приходской церкви изъявлена признательность Епархиального Начальства с выдачею свидетельства».¹⁰

---

⁸ Гольцова А.В. Сохраним ли связь времен? // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 81-82.

⁹ Орловские епархиальные ведомости. 1916, №5. С.151-156.

¹⁰ Известия // Орловские епархиальные ведомости. 1877. №20. С.1178.

Согласно церковной ведомости 1896 года, храм был деревянный, покрыт железом «с таковою же колокольней». Приход состоял из самого села Сергиевского и деревни Каменево. Дворов в приходе было 71, прихожан мужского пола – 238, женского - 218. С 1872 года храм не имел своего причта и был приписан к храму Михаила Архангела, который находился на расстоянии 3-х верст в селе Архангельском под Мокрым. Церковная земля (36 десятин) была во владении церковно-священнослужителей храма Михаила Архангела.¹¹

Обозревая церкви Болховского и Мценского уездов, 6 июня 1893 года в селах Архангельском под Мокрым и Сергиевском побывал Преосвященнейший епископ Орловско-Севской епархии Мисаил (Крылов).¹² «Орловские епархиальные ведомости» опубликовали сведения о храмах и приходах, которые посетил Владыка: «Село Архангельское под Мокрым. Архиерея не было 25 лет. Приходских душ больше 1000, причт 3-членный налицо. Священник и диакон – престарелые, первому около 80 лет, а второму свыше 70 лет... Есть приписная церковь Сергиевская, небольшая деревянная однопрестольная; она построена неизвестно когда, а возобновлена в 1842 г., крепка. Земли при обоих церквах до 80 десятин, в том числе неудобной 25 дес...».¹³

Из отчетов о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895-99, 1902 учебные годы следует, что из-за бедности местных жителей, не имеющих средств на открытие и содержание школы, отсутствия церковного причта, члены которого могли бы бесплатно обучать детей, в приходе с. Сергиевского не было открыто ни одной школы.¹⁴

Среди прихожан храма приходские помещики пользовались большим уважением. Члены семьи Сафоновых не раз избирались церковными старостами. 20 марта 1898 года в должности церковного старосты церкви с. Сергиевского утвержден на трехлетие землевладелец дворянин Василий Африканович Сафонов.¹⁵ 15 декабря 1902 года утвержден в должности церковного старосты при церкви

---

¹¹ ГАОО, Ф.453, Оп.1, Д.94, Л.4-4об.

¹² Орловские епархиальные ведомости. 1893. №20-21. С.674.

¹³ Орловские епархиальные ведомости. 1895. №23. С.642.

¹⁴ Орловские епархиальные ведомости. 1897. №2-3. С.47-48; 1898. №19. - С.651.

¹⁵ Орловские епархиальные ведомости. 1898. №13-14. С.498.

с. Сергиевского поручик запаса армии Петр Сафонов.¹⁶ В 1905 году церковным старостой избирают Африкана Африкановича Сафонова (утвержден 22 декабря).¹⁷ Родился в 1872 году, образование получил в Орловском Бахтина кадетском корпусе (1889) и Павловском военном училище (1891), вышел подпрапорщиком в Севастопольский пехотный крепостной батальон. Скончался в 1942 году. В 1912 году в должности церковного старосты был утвержден дворянин Василий Сафонов,¹⁸ а в 1916 году – Петр Африканович Сафонов.¹⁹

Известно, что после революции, в 1926-27 годы, православная община Сергиевской церкви застраховала храм в Воинской Волостной милиции на сумму 1468 рублей.²⁰

В 1930 году газета «Мценская правда» опубликовала заметку: «В д. Сергиевское Воинского сельсовета проживает гр. Фирсов И.Н., который служит ктитором церкви и каким-то образом ухитряется получать пенсию. Этот самый Фирсов занимается скупкой хлеба и картофеля, а также откармливает свиней и продает мясо по спекулятивным ценам. За такие художества его надо привлечь к ответственности. Деревенский».

В начале 1930-х годов XX столетия храм был закрыт, а затем и разрушен. На погосте села Сергиевского, недалеко от места, где стоял сельский храм, сохранилась могила с надгробной плитой О.Н. Вырубовой. Ольга Николаевна – дочь ближайших соседей Сафоновых по имению Галаховых, родственников А.А. Фета и И.С. Тургенева. После революции ее семью приютили у себя Сафоновы. Она работала учительницей в сельской школе, но заболела тифом и вскоре умерла.²¹

В настоящее время на усадьбе Сафоновых расположен детский оздоровительный лагерь «Орловские зори». В детском центре оформлен музей «К истокам нашей гордости и славы». Его экспозиция знакомит с прошлым и настоящим с. Сергиевского и его окрестностей. До наших дней сохранился и гостеприимный дом прежних владельцев, к сожалению, в очень плачевном состоянии.

---

¹⁶ Орловские епархиальные ведомости. - 1902. - №51. - С.1982.

¹⁷ Орловские епархиальные ведомости. - 1906. - №2. - С.11.

¹⁸ Орловские епархиальные ведомости. - 1912. - №13-14.

¹⁹ Орловские епархиальные ведомости. - 1916. - №30-31. - С.399.

²⁰ ГАОО, Ф. Р-79, Оп.1, Д.90, Л.560б.

²¹ Чернов Н.М. Мансуровы и Галаховы – наследники Спасского-Лутовинова // Спасский вестник / ред.-состав. Е.Н. Левина. №9. Тула, 2002. С.130.

По следам Тургенева, Фета и их потомков (литературное путешествие)

Давно ожидаемая поездка в старинное орловское село Сергиевское наконец-то состоялась. Большая группа музейщиков и действительных членов Тургеневского общества направилась в места, связанные с именами Фета, Тургенева, с историей литературного музея Тургенева и Дворянского гнезда в Орле. Наша поездка как-то сразу приняла мемориальный характер. Накануне (18 августа) исполнилось бы 88 лет Ксении Александровне Седойкиной, исследователю истории орловского края, энтузиасту, до последнего вздоха отстаивавшей культурное наследие отечества. Сколько дорог исколесили мы вместе по родной Орловщине! К.А. Седойкиной и другим, ушедшим от нас «милым спутникам» – В.А. Громову, О.Н. Попову, Ю.В. Семеняке, С.И. Федорову – их памяти посвятили мы эту экспедицию.

Да, Сергиевское, в старину славившееся своими певцами, уже давно привлекало нас. Ранее принадлежавшее семейству Лопухиных, к середине XIX века оно обрело новых хозяев – Сафоновых, тех самых, что в Орле известны как владельцы усадьбы на берегу Орлика, именуемой в народе Дворянским гнездом. Оказывается, Африкан Васильевич Сафонов был «старинным приятелем» Тургенева, а его потомки дружили с Галаховыми – наследниками Фета и Тургенева. Именно у Сафоновых в Сергиевском семья Галаховых нашла приют во время революции, когда в одночасье они остались без крыши над головой: их дом на Садовой в Орле был национализирован и отдан под музей. Никакой компенсации не полагалось...

Итак, мы отъезжаем от того особняка, где некогда жили Галаховы, где в 1918 году был открыт Музей-библиотека им. И.С. Тургенева, а теперь находится Музей писателей-орловцев, и направляемся по Московскому шоссе в сторону Мценска. По дороге надо непременно заехать в Клейменово, родовое гнездо Шеншиных – поклониться могилам А.А. Фета и его жены М.П. Шеншиной. Нынешний год для Фета – юбилейный. Поэту исполнилось 195 лет. Почти два столетия

скоро, а соотечественники едва-едва приближаются к постижению сложной судьбы поэта и исполненного философской глубины его творческого наследия. Сколько домислов было на счет Фета! Один из расхожих: он-де женился по расчёту, из-за денег. Теперь специалисты доказывают, сколь велико было заблуждение. Отношения Афанасия Афанасьевича с женой были исполнены нежности и трогательной заботы. Они, поистине, дорожили друг другом. Тургенев, бывший шафером на свадьбе Фета, писал ему: «Ваше счастье цвета спелой ржи...» Когда в 1870 году Мария Петровна серьезно заболела, Фет не отходил от нее, а по выздоровлении жены написал одно из лучших своих стихотворений «После бури», выразив в нем испытанные им тревогу, облегчение и радость, когда «буря миновала». Эти стихи мы прочли над могилой Фета и его жены. Священник Клейменовской Свято-Покровской церкви о. Сергей отслужил панихиду по отошедшим в мир иной Шеншиным, по их почившим потомкам. Вспомнили похороненную в этих местах внучатую племянницу Фета Ольгу Николаевну Галахову и ее сына, героя Второй Мировой войны Николая Васильевича Вырубова, которому исполнилось бы в этом году 100 лет...

Ныне здравствующие представители этой старинной дворянской фамилии, живущие во Франции, вложили немалые средства, чтобы восстановить храм, построенный племянницей Фета Ольгой Васильевной Галаховой в конце XIX века. В советское время церковь неуклонно разрушалась, одно время здесь был склад, а склеп, где упокоились поэт и его жена, был приспособлен под хранилище картошки... Слушаешь и ушам своим не веришь. Слава Богу, ныне всякий может положить цветы на дорогие могилы.

Восстановленный Клейменовский храм очень красив – и снаружи и внутри. Во многом это заслуга о. Сергия, который, как настоящий деревенский батюшка, умеет все – и душу словом отогреть и, если случится, отопление починить. Поминальная служба в Покровской церкви и слово пастыря тронули многих.

Село Сергиевское находится неподалеку от Клейменова. Мы едем по живописнейшим местам Орловщины, «прямо русским людом любимые» лесостепные края. Небо, как на заказ, пленяет ровной голубизной, небольшие, будто вырезанные искусным мастером,

облачка, словно лодочки плывут по этой глади. Разбросанные тут и там деревеньки едва проглядывают сквозь густую зелень рощиц. Нельзя не заметить: дома большей частью здесь новенькие, глядят весело. Теперь о них уже не скажешь: «Эти бедные селенья...»

Неподалёку возвышается Отрадинский сахарный завод. Вид индустриальный. Теперь мало кто помнит, что на этом месте располагалось село Колотовка, о котором некоторые краеведы говорят, будто это та самая Колотовка, что описал Тургенев в рассказе «Певцы». Когда-то М.И. Глинка советовал любителям пения заехать сюда, чтобы насладиться исполнением русских песен. Да, пейзаж ныне не тот, однако что-то от прежнего все же осталось: какая-то особая ширь, прозрачность, чистота, благоволение ко всякому сюда входящему. Впрочем, чего не покажется горожанину, истосковавшемуся по деревенской воле.

В Сергиевском нас уже ждали. В летнем лагере «Орловские зори» директор и ангел-хранитель этого детского острова Марина Владимировна Соколова встретила нас по-царски – нас ожидало обильное угощение: стол был уставлен свежевыпеченными пирогами, плюшками, ватрушками, разнообразными сладостями. Чаепитие, вполне заменившее обед, порадовало путешественников и пищей иного рода – рассказом известного краеведа Е.Н. Ашихминой об истории села Сергиевского и его владельцев.

Визит в небольшую, но весьма продуманную экспозицию местного краеведческого музея привлек нас ранее неизвестными документами и фотографиями семьи Сафоновых, обитавших в этом живописном уголке срединной России в XIX – начале XX века. Когда-то старший Сафонов – Африкан Васильевич – охотился с Тургеневым, встречал его в своем доме на Дворянском гнезде, передавал свежие новости о ходе крестьянской реформы, а младшие Сафоновы укрыли в своей деревенской усадьбе его внучатую племянницу с дочерью и внуками.

Мы осматриваем обветшавший необитаемый усадебный дом, весьма похожий на знаменитый Дом Калитиных в Орле. Спускаемся по старинной липовой аллее, что чудом уцелела среди войн и революций, поднимаемся по главной улице – мимо бывшей школы, где, как утверждает здешний краевед Александр Васильевич Губа-

нов, и должны были с 1919-го по 1921-й годы жить Галаховы. Там, стало быть, и учительствовала младшая дочь Галаховых Ольга Николаевна. Здесь и жила со своим семейством. О деревенской горнице, в которой они поселились тогда – бывший орловский вице-губернатор Николай Павлович Галахов, его жена Ольга Васильевна Галахова, их дочь Ольга Николаевна с тремя маленькими детьми и няней – вспоминал потом Николай – младший из этих детей, обреченных на раннюю жизнь в изгнании.

Поднимаемся дальше – на вершину холма, к сельскому кладбищу, ухоженному, чистенькому, к темному кресту-распятию над чугунной плитой. В 1921 году на этом кладбище похоронили Галаховы свою красавицу-дочь, так нелепо умершую от небрежно сделанного укола. Видим мысленным взором стоящих на этом холме двух стариков и трех малышей, вдруг ставших сиротами. Ответственность за их судьбы возьмет на себя старшая сестра Ольги – Кира Николаевна, сама тогда только пережившая личную трагедию: ее жених, граф И.Л. Татищев, не пожелавший оставить государя и его семью, был расстрелян 10 июля 1918 года в Екатеринбурге.

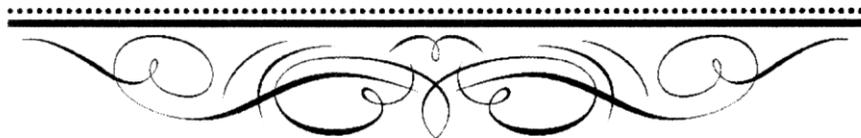
Вскоре Галаховы покинут Россию, и Кира Николаевна сделает все, чтобы выжить, не потерять достоинства. Младший из внуков Ольги Васильевны Галаховой выучится в Оксфорде, во время войны станет в ряды генерала де Голля, проявит чудеса храбрости и получит высшую награду Франции – крест за Освобождение, который он передаст в Орел, в бывший дом на Садовой, вместе с другими семейными реликвиями. Всю жизнь он будет носить под сердцем память о той войне – немецкую пулю. Ныне, в юбилей освобождения, ему, герою великой войны, воздают почести и Россия, и Франция.

Мы положили цветы к распятию на кладбище, где покоится его мать, произнесли слова молитвы. Долго стояли на холме, размышляя о хрупкости жизни и о превратностях нашей истории. И крест, у которого мы стояли, крест, поставленный недавно правнуком О.В. Галаховой Ю.А. Трубниковым, показался нам знаком, указанием на то, что две ветви русских людей, родных по крови, должны, наконец, простить старые обиды и объединиться в служении тому, «что одно неизменно, что выше всех сомнений», – нашему общему Отечеству.

V

Наши
публикации

Абрамцево. Дом – музей Аксаковых

*Фрагмент экспозиции Музея писателей-орловцев,
посвященный семье Галаховых*

*Сотрудники музея И.С. Тургенева возле строящегося усадебного дома в
Спасском-Лутовино. 1970 г.*

Тургенев в Абрамцево (1878): Забытые воспоминания С. С. Мамонтова

В середине XIX века Абрамцево — подмосковное имение семьи Аксаковых, владевших им около тридцати лет (1843–1870) — стало одним из центров общественной и культурной жизни России, своеобразным литературным гнездом, где в разное время гостили, встречались, спорили, читали свои произведения Н. В. Гоголь,¹ М. Н. Загоскин, Ф. И. Тютчев, Т. Н. Грановский, М. П. Погодин, М. С. Щепкин, А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, Ю. Ф. Самарин, А. Ф. и И. Ф. Гильфердинги и др. В 1850-х годах несколько раз приезжал в Абрамцево и Тургенев, навещая главу дома С. Т. Аксакова (1791–1859), его сыновей Константина (1817–1860) и Ивана (1823–1886), с которыми его связывали теплые дружеские отноше-

---

¹ Семью Аксаковых и Гоголя связывали долгие отношения и близкая дружба. Эти отношения подробно изложены С. Т. Аксаковым в «Истории моего знакомства с Гоголем», к написанию которых он приступил сразу же после смерти боготворимого им писателя. По воспоминаниям хозяина усадьбы, Гоголь впервые приехал в Абрамцево 14 августа ст. ст. 1849 г. «Много гулял и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой. <...> По вечерам читал с большим одушевлением переводы Мерзлякова древних, особенно гимны Гомера ему нравились. Так шли вечера до 18 числа. Но 18-го вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал:

— Да не прочесть ли нам главу “Мертвых душ”?

Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе “Мертвых душ”. <...>

— Нет, уж я вам прочту из второго, — и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь. / <...> С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, — и пришел в совершенный восторг»; в 1851 г. «Гоголь был у нас в деревне три раза...» (Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Изд. подг. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М., 1960. С. 199, 213, 277–278 (сер. «Лит. памятники»); впервые опубликовано полностью: Русский архив. 1890. Кн. 2). По мнению С. Н. Дурылина, «воздух аксаковской семьи был благоприятен Гоголю-писателю и Гоголю-человеку, нуждавшемуся в беспритязательном покое и сердечном тепле» (Дурылин С. Гоголь и Аксаковы (С тремя неизданными записками Гоголя) // Звенья. Т. III–IV. М.; Л., 1934. С. 350–351).

ния, не лишённые, однако, полемического противостояния.² Одно из посещений писателя — 25–27 января (6–8 февраля) 1855 года,³ — присутствовавшего среди прочих гостей (А. С. Хомяков, отец и сын Гильфердинги, М. С. Щепкин, Ю. А. и А. А. Оболенские) и членов семьи на чтении главы из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, подробно описано в дневнике дочери Сергея Тимофеевича Веры Аксаковой (1819–1864), пристрастного наблюдателя.⁴

² У С. Т. Аксакова и его жены Ольги Семеновны (урожд. Заплата; 1793–1878) было тринадцать детей. Ближе Тургенев был знаком и состоял в переписке с Константином и Иваном. — Подробнее см.: Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2001. С. 294–301. Впервые к теме взаимоотношений Тургенева и Аксаковых обратился один из первых биографов писателя Н. М. Гутьяр, опубликовавший в 1898 г. в «Оренбургской газете» статью «Тургенев и семья Аксаковых» (№ 304, 307), а также рецензию на книгу В. Д. Смирнова «Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность» (М., 1895) в газете «Петербургский листок» (1896. 21 января. № 3). Эти статьи Гутьяра не вошли в его сборник: Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. — Подробнее см.: Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Оренбургский литературовед Н. М. Гутьяр о взаимоотношениях И. С. Тургенева и Аксаковых // Третьи Аксаковские чтения. Материалы конференции. Ульяновск, 2011. С. 189–198. См. также: Матвеев П. Тургенев и славянофилы // Русская старина. 1904. № 4. С. 181–192.

³ В Летописи Тургенева ошибочно датой этого пребывания указано: «Около 20 января (1 февраля)» 1855 г. — См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858). СПб., 1995. С. 282.

⁴ 25 января ст. ст. 1855 г. В. С. Аксакова записала в своем дневнике: «...приехал перед обедом Тургенев со Щепкиным <...>. Тургенев — огромного роста, с высокими плечами, огромной головой, чертами чрезвычайно крупными; волосы почти седые <...> вероятно, многие его находят даже красивым, но выражение лица его, особенно глаз, бывает иногда так противно»; он «мне решительно не понравился», это «человек кроме того что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это — человек, способный только испытывать физические ощущения, все его впечатление проходит через нервы, духовной стороны предмета он не в состоянии ни понять, ни почувствовать»; у Тургенева «мысль есть плод его чисто земных ощущений». У «него есть какие-то стремления» к «какой-то душевности, но не духовному, он весь — человек впечатлений, ощущений» (Аксакова В. Дневники. Письма / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. СПб., 2013. С. 119–121). На следующий день (26 января) после завтрака Константин Аксаков читал «Женитьбу молодого Багрова» из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова. Все, вспоминала Вера Аксакова, «были, разумеется, в восхищении», Тургенев, «хотя и восхищался, но сделал несколько замечаний»; после обеда «было опять чтение» нового отрывка «Михайла Максимовича Куролесова». Чтение «возбудило, разумеется, много толков о подобного рода жестоких помещиках», Тургенев «расходился, пришел в неистовство, нервы его раздражились и он жалел», что Куролесов «не был наказан» (там же. С. 123–124). На другой день (27 января) Тургенев вместе с Щепкиным уехал в Москву; перед отъездом он «высказал именно некоторые свои мысли, которые привели в негодование Константина, и он сильно выразил его»; Тургенев, «прощаясь с маменькой, сказал “Вы, по крайней мере, не отчаиваетесь во мне, как Ваш сын”, и повторил обещание быть у обедни в будущее воскресенье» (там же. С. 126).

Именно в Абрамцеве С. Т. Аксаков написал лучшие свои произведения: «Записки об уженье рыбы» (М., 1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (М., 1852), автобиографические повести «Семейная хроника и Воспоминания» (М., 1856) и «Детские годы Багрова-внука» (М., 1858), сказку «Аленький цветочек» (М., 1858). Тургенев высоко ценил творчество С. Т. Аксакова,⁵ дорожил его критическими высказываниями о своих произведениях и учитывал их при последующих изданиях. После смерти С. Т. Аксакова, а вскоре и его старшего сына Константина, дочерей Ольги (1821–1861), Веры (1819–1864), Любви (1830–1867) и Надежды (1829–1869) Абрамцево опустело.

Весной 1870 года успешный промышленник, человек иного склада, Савва Иванович Мамонтов⁶ и его жена Елизавета Григорьевна⁷ приобрели имение у дочери С. Т. Аксакова Софьи Сергеевны (1835–

Отношения между «славянофилами» Аксаковыми и «западником» Тургеневым не были простыми, что, безусловно, нашло отражение в очерке под названием «Семейство Аксаковых и славянофилы», писавшемся для цикла «Литературных и житейских воспоминаний», который однако не был опубликован и дошел до нас лишь в небольших фрагментах (см.: Тургенев И. С. ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 286; см. также: Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы> (публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева) // Русская литература. 1995. № 4. С. 146–156; Кошелев В. А. Ненайденный очерк Тургенева // Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. С. 292–301).

⁵ На протяжении всего знакомства с семьей Аксаковых прочные дружеские и творческие отношения у Тургенева сложились с С. Т. Аксаковым. На «Записки ружейного охотника...» Тургенев откликнулся восторженным отзывом в январской книжке «Современника» за 1853 г. (№ 1. Отд. 3. С. 33–44; Тургенев И. С. ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 509–522; см. также заметку Тургенева <О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова>, опубликованную в апрельской книжке «Современника» за 1852 г. (№ 4. Отд. 6. С. 325–331; ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 500–508). Прочитав только что вышедшую «Семейную хронику», он в восхищении писал автору 22 января (3 февраля) 1856 г.: «Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя. Вот он настоящий тон и стиль — вот русская жизнь, вот зачатки будущего русского романа» (Тургенев И. С. ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 79).

⁶ Мамонтов Савва Иванович (1841–1918), купец, известный предприниматель в железнодорожном строительстве, меценат, организатор художественного кружка (Мамонтовский художественный кружок), основатель частной оперы в Москве.

⁷ Мамонтова Елизавета Григорьевна (урожд. Сапожникова; 1847–1908), жена С. И. Мамонтова, собирательница предметов народного искусства. В семье Мамонтовых было пятеро детей, названных по буквам имени отца: Сергей (1867–1915), Андрей (1869–1891), Всеволод (1870–1951), Вера (1875–1907) и Александра (1878–1952).

1885) и владели им вплоть до начала XX века.⁸ По выражению Тургенева, тут «на старом аксаковском пепелище водворились новые люди, новая жизнь...». В усадьбе многое изменилось, но сохранился «дух старика Аксакова», с любовью оберегаемый новыми обитателями. Оставленные прежними хозяевами вещи, принадлежавшие Сергею Тимофеевичу (письменный стол, кресло, подсвечник, зонтик для глаз), с чувством благоговения к культуре русского прошлого продолжали сохраняться в его кабинете, восстановленном Е. Г. Мамонтовой в его первоначальном виде. Старый слуга Аксаковых Ефим Максимович, оставшийся служить у Мамонтовых, помог воссоздать прежний вид комнаты Сергея Тимофеевича.⁹

При новых владельцах Абрамцево вновь оказалось одним из центров культурной жизни России. Здесь гостили и работали: И. Е. Репин, М. М. Антокольский, В. М. и А. М. Васнецовы, Е. Д. и В. Д. Поленовы, И. С. Остроухов, П. П. Трубецкой, К. А. Коровин, Н. В. Неврев, М. А. Врубель, М. В. Нестеров, И. И. Левитан, Ф. И. Шаляпин, А. В. и М. В. Праховы, а также Тургенев, посетивший в начале августа 1878 года имение, знакомое ему с молодости, и с которым было связано так много воспоминаний о бурной литературной и общественной жизни России 1850-х годов. К концу 1870-х годов эта подмосковная усадьба стала местом деятельности получившего широкую известность «Мамонтовского художественного кружка», члены которого композиторы, художники, актеры, исповедовали стремление к возрождению русского искусства, бережное отношение к памятникам национальной старины, их изучение и музейное коллекционирование.¹⁰

---

⁸ Музей-заповедник в усадьбе был открыт после ее национализации в 1919 г. Первым его директором стала младшая дочь Мамонтовых Александра Саввишна (1878–1952). В настоящее время Абрамцево (современный адрес: Московская обл., Сергиево-Посадский муниципальный район, городское поселение Хотьково, с. Абрамцево, ул. Музейная, д. 1) является музеем-заповедником, экспозиции которого посвящены жизни и творчеству ее бывших владельцев, а также знаменитых гостей, включая Тургенева.

⁹ См.: Прахов Н. А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. Абрамцево, 2007. С. 16; Муратова О. Абрамцево // Литературное Подмосковье. М., 1950. С. 72.

¹⁰ В настоящее время собранная Е. Г. Мамонтовой богатая коллекция народного искусства является частью фондов музея-заповедника «Абрамцево».

Сохранилось несколько воспоминаний очевидцев о пребывании Тургенева в Абрамцево 6 (18) августа 1878 года. Наиболее подробное оставила писательница Е. И. Бларамберг (в замужестве Апрелева; псевдоним «Ардов»; 1846–1923), которая вспоминала, как в тот день они вместе с Тургеневым поехали в Абрамцево, к «т-же Мамонтовой, с которою он желал познакомиться <...>. / В Абрамцево Тургенев бывал в молодости у Сергея Тимофеевича Аксакова,¹¹ и ему хотелось вновь увидеть ту узкую извилистую речку, на берегу которой он с автором “Семейной хроники” предавался ужению рыбы, тот дом, где проживала тесно сплоченная, дружная, патриархальная семья, где он вступал в горячие споры с Константином Аксаковым, с одной стороны приводившим его, молодого западника, в негодование ультраславянофильским мировоззрением, а с другой — в умиление перед сыновним культом престарелого отца, “и где на старом аксаковском пепелище водворились новые люди, новая жизнь...” / Об Аксаковых, отце и сыновьях, Константине и Иване Сергеевичах, заговорил он снова, когда поздно вечером, после блестящего приема и не менее блестящих проводов, устроенных ему владельцами Абрамцева, мы остались одни в вагоне, и, как всегда, едва намеченными образами вызывал целые картины пережитых им впечатлений и яркие характеристики сошедших в могилу лиц...».¹²

В этот день в гостеприимном Абрамцево пребывали И. Е. Репин с семьей, М. В. Прахов, художник А. П. Боголюбов. Репин писал В. В. Стасову 7 (19) августа 1878 года: «...вчера нежданно-негаданно привалил к нам Иван Тургенев <...> с госпожою Бларамберг; очень был в хорошем духе, много рассказывал и нашу публику очень одолжил <...>».¹³ Гостивший все лето 1878 года у Мамонтовых Мстислав Викторович Прахов (1840–1879), филолог, профессор Дерптского университета, переводчик Хафиза и Гейне, старший брат археолога и историка искусств Адриана Викторовича Прахова, в письме к ма-

---

¹¹ При Аксаковых Тургенев приезжал в Абрамцево несколько раз: в мае 1854 г., январе 1855 г. и июле 1858 г.

¹² См.: Воспоминания Е. И. Бларамберг (Апрелева-Ардов). С. 731; впервые: Ардов Е. (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // Русские ведомости. 1904. 4, 15, 18, 22, 25 января.

¹³ См.: Письма И. Е. Репина: В 2 т. Т. 2: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка / Под ред. А. К. Лебедева. М.; Л., 1949. С. 35, 248 — примеч. А. К. Лебедева и Г. К. Буровой.

тери от 25 сентября 1878 года отметил «большое событие в жизни Абрамцева»: «Шестого августа был у нас интересный и приятный гость — И. С. Тургенев. Был очень внимателен ко мне».¹⁴ Письмо это процитировал в своих воспоминаниях сын А. В. Прахова художник и искусствовед Николай Адрианович Прахов (1873–1956), добавивший от себя: «Он (М. В. Прахов. — С. И.) знал, что доставит удовольствие матери таким сообщением».¹⁵ Припомнил этот визит писателя и младший сын Мамонтовых Всеволод Саввич (1870–1951), ставший после Отечественной войны хранителем музея-усадыбы «Абрамцево»: «Лето 1878 года. Абрамцево. <...> за чайным столом сидят отец, мать и незнакомый нам (детям. — С. И.) крупный, величавый старик с белой седой бородой; на коленях у него уютно примостилась наша двухлетняя сестра Вера (1875–1907. — С. И.) и, видимо, чувствует себя, как дома, на руках этого страшного нам старца. / Отец представляет нас своему гостю, тот ласково приятным и тонким для своей величавости голосом говорит нам несколько приветственных слов <...>. / Таким образом удалось мне единственный раз в жизни видеть И. С. Тургенева. / Навсегда запечатлелись у меня в зрительной памяти его рослая могучая фигура,

---

¹⁴ Цит. по: Прахов Н. А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. С. 71. Окружавшие отмечали необыкновенную эрудицию и абсолютный идеализм М. В. Прахова — качества, которые, вероятно, могли привлечь Тургенева в нем; в 1879 г. неожиданно для всех М. В. Прахов покончил с собой. Следует заметить, что в архиве ученого, хранящемся в Абрамцево (Фонд рукописей), имеются рукописи его статей о Тургеневе (шифр: КП). Карандашный портрет М. В. Прахова, выполненный Репиным за несколько дней до приезда Тургенева (1 августа ст. ст. 1878 г.), находится в экспозиции Абрамцева (воспроизведен в кн.: Прахов Н. А. Старое Абрамцево. Илл. XV.)

¹⁵ См.: Там же. С. 71. В своих воспоминаниях, писавшихся в 1938–1953 гг., Н. А. Прахов, которому в 1878 г. было 5 лет, приводит любопытное высказывание Тургенева, вероятно, услышанное им от кого-то из обитателей Абрамцева: «В 70–80-х годах прошлого XIX столетия различных кружков в Москве было так много, что приехавший из Парижа на родину Иван Сергеевич Тургенев, пародируя “Колокол” Шиллера, однажды воскликнул:

Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist „кружок“ in die Stadt Moskau!»

В примечании: У И. Ф. Шиллера: «Jedoch der schrecklichste der Schrecken, / Das ist der Mensch in seinem wahn» (нем.) — «Но всех ужасней — в исступленье, / В своем безумье — человек!» (пер. Вс. Рождественского). У Тургенева изменен конец двустихия: «...кружок в городе Москве!» (см.: Прахов Н. А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. С. 73; примеч. ред. Н. Майсурян).

его ясный, добрый взгляд и белые, белые волосы. / В те детские годы своей жизни мы, мальчики, еще не были знакомы с произведениями Тургенева и потому, конечно, своевременно не оценили этой встречи».¹⁶

Вероятно, знакомство писателя с семьей Мамонтовых состоялось в Париже в конце марта — середине апреля ст. ст. 1874 года. Прямого свидетельства не обнаружено, однако известно, что в Париже в конце марта Мамонтовы познакомились с давно известными писателю В. С. Серовой (и ее сыном Валентином, будущим известным художником), В. Д. Поленовым и И. Е. Репиным.¹⁷ Последних, как академических пенсионеров в Париже, опекал А. П. Боголюбов, чей салон, по воспоминаниям Серовой об этом периоде, «служил центром всему русскому миру в Париже».¹⁸ В это время (около 22 марта (3 апреля) — 13 (25) апреля 1874 года) Тургенев позировал Репину для портрета, заказанного художнику П. М. Третьяковым для своей галереи; готовый портрет был показан художникам, скорее всего, в середине апреля ст. ст. на одном из «боголюбовских» вторников, на котором присутствовал и Тургенев,¹⁹ и, вероятно, чета Мамонтовых. Подтверждает именно эту дату знакомства и биограф С. И. Мамонтова, работавший с обширной и сложной рукописью его «Дневника»²⁰: «В салоне Боголюбова Мамонтовы познакомились с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Это было, пожалуй, самое волнующее знакомство. Тургенев находился тогда в зените славы./ Тургенев, узнав, что Мамонтовы — владельцы Абрамцева, предал-

---

¹⁶ Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. 2-ое изд. М., 1951. С. 13–14. Вера Мамонтова вошла в историю русской живописи как «Девочка с персиками» с картины В. А. Серова (1887; ГТГ).

¹⁷ «Илья Ефимович Репин, — вспоминал Всеволод Мамонтов, — познакомился с моими родителями <...> в 1874 году — в Париже» (См.: Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. С. 33). «Весной 1874 года Мамонтовы проездом из Рима в Россию посетили Париж. Тут они познакомились с Валентиной Семеновной Серовой и ее 9-тилетним сыном Валентином, будущим талантливым художником, и с И. Е. Репиным» (Поленова Н. В. Абрамцево. Воспоминания. М., 1922. С. 26).

¹⁸ Серова В. С. Как рос мой сын / Сост., ред. И. С. Зильберштейн. Л., 1968. С. 77.

¹⁹ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871–1875). СПб., 1998. С. 182, 188.

²⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. № 11.

ся воспоминаниям. Он впервые попал в Абрамцево двадцать лет назад, когда жив еще был Сергей Тимофеевич. И Константин Сергеевич был жив. И сам он был молод... Как же, как же, при первой возможности он обязательно придет в Абрамцево... Он живо все помнит: и дом, и лес, и эту чудесную чистую Ворю... / Прожив в Париже недели две, Мамонтовы уехали домой и, не задерживаясь в Москве, 1 мая прибыли в Абрамцево».²¹

Другой современный биограф С. И. Мамонтова В. А. Бахревский, вероятно, работавший с тем же архивным источником, также приводит описание этого знакомства, состоявшегося в Париже в присутствии А. П. Боголюбова и Репина, живописуя его излишними беллетристическими подробностями: «У Алексея Петровича, жившего в Париже барином, Мамонтовы познакомились с Тургеневым», который «смутился перед незнакомыми людьми»; выяснилось: «Мамонтовы — владельцы Абрамцева»; после восторгов и воспоминаний об Аксаковых «разговор зашел о новой книге Тургенева, выход которой был объявлен в Париже», о Гоголе, об отношении писателя к русской живописи, о политике; «когда пришла пора расходиться», Мамонтовы пригласили Тургенева в Абрамцево, на что он ответил «твердо: — Я буду в Абрамцеве».²² Следует иметь в виду, однако, что, по воспоминаниям Блаرامберг, Тургенев в начале августа 1878 года предпринял поездку к «г-же Мамонтовой, с которой он желал познакомиться»; это сообщение мемуаристки как-то не вяжется с фактом, утвердившимся в литературе о Мамонтовых, что датой их вероятного знакомства является весна 1874 года; возможно, речь шла о более близком знакомстве, состоявшемся все-таки в Париже в конце марта — середине апреля 1874 года.

Портрет писателя работы Репина (1874), как известно, Третьякова не удовлетворил, и художник, забрав его в конце 1877 года из галереи, продал известному книгоиздателю и коллекционеру картин К. Т. Солдатёнкову, у которого, в свою очередь, портрет приобрел С. И. Мамонтов (вероятно, в память о знакомстве с Тургеневым в Париже) и повесил его в Абрамцеве, но уже после приезда Турге-

---

²¹ Копшицер М. И. Савва Мамонтов. М., 1972. С. 40 (сер. «Жизнь в искусстве»).

²² См.: Бахревский В. А. Савва Мамонтов. М., 2000. С. 133–135 (сер. «Жизнь замечательных людей»); описание визита Тургенева в августе 1878 г. см.: С. 186–195.

нева в августе 1878 года (как не вспомнить висящий в Абрамцеве портрет Гоголя — копию с работы Ф. А. Моллера, — заказанный С. Т. Аксаковым в память о писателе). В 1883 году (скорее всего, осенью, на подъеме гражданских чувств в связи с похоронами писателя) Мамонтов подарил портрет Румянцевскому музею, откуда в 1924 году все картины русской школы живописи поступили в Третьяковскую галерею, где портрет Тургенева находится и поныне. И. С. Зильберштейн, проследивший историю передвижения картины, пишет: «Таким образом, портрет этот возвратился на свое первоначальное место почти через пятьдесят лет».²³

Возможно, общение писателя с Мамонтовыми после его визита в Абрамцево в августе 1878 года имело продолжение. Из письма Тургенева к Бларамберг от 6 (18) марта 1879 года известно, что, находясь в Москве, он намеревался встретиться с Е. Г. Мамонтовой:

«Любезнейшая Елена Ивановна,

Мне самому весьма хотелось видиться с Елизаветой Григорьевной — и я собирался ее навестить; но если она желает ко мне пожаловать, то я буду ждать ее и Вас завтра (в среду) — между 3 и 5-ю часами. Я уезжаю в 8 в Петербург — и потому никто нам не помешает».²⁴

Неизвестно, состоялась ли эта встреча 7 (19) марта 1879 года.

Когда в Абрамцеве узнали о смерти Тургенева, Елизавета Григорьевна, пишет В. А. Бахревский, «попросила священника отслужить в Абрамцевском храме панихиду по усопшему», Савва Иванович, Васнецов, Поленов, Остроухов «устроили тургеневские чтения», декламировали стихи, стихи в прозе, Савва Иванович читал «Порог».²⁵

Таким образом, говоря обо всех возможных встречах Тургенева с Мамонтовыми, с уверенностью можно утверждать лишь об их общении в Абрамцеве 6 (18) августа 1878 года. Имеющиеся сведения об этом посещении дополняют непосредственные детские впе-

---

²³ Зильберштейн И. З. Репин и Тургенев. М.; Л., 1945. С. 97, 149.

²⁴ См.: Тургенев И. С. ПССИП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 43. Писатель пригласил Бларамберг и Е. Г. Мамонтову к себе, т. е. в квартиру Удельной канторы И. И. Маслова, где он остановился.

²⁵ См.: Бахревский В. А. Савва Мамонтов. С. 263.

чатления одиннадцатилетнего подростка, отразившиеся в забытых воспоминаниях старшего сына Мамонтовых Сергея Саввича (1867–1915), ставшего впоследствии литератором. Приведу вкратце его биографию: учился в московской частной гимназии, окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, оставил военную службу в чине поручика запаса; в годы русско-японской и Первой мировой войн был военным корреспондентом; драматург, поэт, переводчик, театральный критик; выставлял свои мозаичные произведения на выставке Союза русских художников. Автор нескольких книг: «Стихотворения» (М., 1896), «Были и сны. Рассказы и стихи» (М., 1902); воспоминаний о В. А. Серове (Известия общества преподавателей графических искусств. 1911. № 10); в соавторстве с отцом написал пьесу «Царь Саул»; пьесы «1812» и «Ценою крови» шли в московских театрах. В 1915 году погиб на фронте в Тарнополе (Тернополь, Украина); похоронен в Москве.

Публикуемые воспоминания С. С. Мамонтова, напечатанные в начале XX века в малоизвестном иллюстрированном журнале «Родник», ныне малодоступном, оказались забытыми и таким образом изъятыми из научного обихода; именно это обстоятельство и обусловило необходимость их републикации.

Воспоминания воспроизводятся по тексту первой публикации: Мамонтов С. С. Тургенев (Воспоминание дальних лет) // Родник. 1911. № 8. С. 139–141. Фрагмент опубликован в сб.: И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Вып. 4. М.; СПб., 2016. С. 686–687 (Воспоминания Е. И. Бламберг (Апрелева-Ардов) / Публикация С. А. Ипатовой).

ТУРГЕНЕВ (Воспоминание дальних лет)

Ивана Сергеевича Тургенева видел я один раз в жизни, когда он приехал на открытие памятника Пушкину.²⁶ Я был тогда совсем юнцом и, кажется, даже еще не поступал в гимназию. Ивану Сергеевичу хотелось побывать в Абрамцево, имении моей матери, которое принадлежало прежде Сергею Тимофеевичу Аксакову, написавшему в нем свою семейную хронику.²⁷ Там подолгу гащивал у Аксаковых Николай Васильевич Гоголь.²⁸

Гоголевская комната, в мезонине старого Абрамцево, пользовалась особым почетом, на стене висел большой портрет писателя²⁹ и карандашный рисунок, изображавший молодую, стройную даму, кормившую лебедя. Рисунок этот, по местному преданию, был сделан рукой Гоголя.³⁰

---

²⁶ Память подвела мемуариста: впервые он увидел Тургенева в Абрамцево 6 (18) августа 1878 г. Не исключено, что писатель мог или намеревался побывать у Мамонтовых до Пушкинского праздника (в периоды своего нахождения в Москве с 18 (30) апреля по 1 (13) мая 1880 г. и с 27 мая (8 июня) по 4 (16) июня 1880 г.) или после Пушкинских торжеств, что и вызвало aberrацию памяти. Более вероятно предположение, что визит в Абрамцево (второй после августа 1878 г.) мог состояться до праздника, однако нет никаких сведений, подтверждающих это. Маловероятно предположение, что Тургенев успел побывать в Абрамцево после завершения Пушкинских празднеств 8 (20) июня и отъездом из Москвы в Спасское 10 (22) июня 1880 г., покинув которое 17 (29) июня, писатель уехал в Петербург, откуда выехал за границу 25 июня (7 июля) 1880 г. — См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)*. СПб., 2003. С. 329, 332, 339–340, 343–346.

²⁷ Имеется в виду автобиографическая повесть С. Т. Аксакова «Семейная хроника и Воспоминания» (М., 1856). См. также примеч. 4.

²⁸ См. примеч. 1.

²⁹ Речь идет о копии с его портрета Ф. А. Моллера (1841), написавшего в 1840–1841 гг. в Риме несколько портретов писателя. Еще при жизни Гоголя С. Т. Аксаков считал, что писатель «схвачен» на портрете Моллера — таким «бывает он в счастливые минуты творчества» (письмо С. Т. Аксакову сыну Ивану от 3 марта 1850 г. — См.: Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 206 (сер. «Лит. памятники»). В настоящее время копия, выполненная Верой Сергеевной Аксаковой и висевшая в «гоголевской» комнате при Мамонтовых, хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом).

³⁰ О принадлежности Гоголю рисунка с таким сюжетом ничего не известно.

Тургенев приехал с утренним поездом,³¹ и к часу его приезда ученики местной сельской школы собрались во дворе усадьбы. Им было объяснено, что сегодня они увидят Тургенева, великого писателя земли русской. Впрочем, это выражение тогда еще не было произнесено тем же Иваном Сергеевичем в его прощальном письме Льву Толстому.³²

Был солнечный летний день. Белое пушистое облако тихо плыло на западной стороне горизонта, ярко рисуясь на темно-голубой глади неба. Мы ждали, столпившись у крыльца, и когда слышали звон бубенцов тройки, наши подготовленные к великому событию детские сердца охватил своего рода священный трепет.

Подъехавший Тургенев поразил больше всего мое детское воображение своими белыми волосами и бородой, которые показались мне похожими на пушистое облако, стоящее в то время на горизонте.

Остался у меня в памяти высокий рост Ивана Сергеевича. Он казался на целую голову выше всех встречавших его людей. При такой фигуре странно было слышать теноровый голос, несколько носового тембра, которым писатель ласково поздоровался со встречавшими его ребятами.

Что было потом, как Тургенев обедал, как он гулял по парку, как он заходил в гоголевскую комнату, я, по малолетству своему, не помню.

Помню только его отъезд. Были мобилизованы, кажется, все экипажи, имевшиеся в имении; даже школьная учительница и приходский батюшка, престарелый о. Иоанн, провожали Ивана Сергеевича в стареньком тарантасе.

Я, с великой гордостью, верхом на маленькой лошадке галопировал у крыла коляски, в которой сидел Тургенев. Мы тогда, с дере-

---

³¹ Станция Хотьково (по Ярославской железной дороге), находящаяся в 60 км. от Москвы, была открыта в 1862 г.; до Абрамцева (около 5 км.) гости добирались в хозяйских экипажах. См. также примеч. 8.

³² Речь идет о последнем письме смертельно больного Тургенева к Л. Н. Толстому от 29 июня (11 июля) 1883 г. из Буживаля: «Долго Вам не писал, ибо был и есмь, говоря прямо, на смертном одре. <...> Пишу же я Вам собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником — и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! <...> Друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе! (Тургенев И. С. ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 180).

венскими мальчишками, каждый праздник играли в войну, изображая эпизоды недавней Турецкой кампании. На мне была красная военная фуражка, которой я очень гордился.

— А молодой человек-то метит в гусары, — сказал Иван Сергеевич с ласковой улыбкой.

Предсказание его оправдалось. Впоследствии я, действительно, четыре года прослужил именно в гусарском полку и думаю, что влечению моему к гусарам способствовали отчасти врезавшиеся в детскую память слова Тургенева.

На маленькой станции,³³ на которую приехали мы чуть ли не за час до поезда, Тургенева провели в дамскую комнату. Очевидно, начальник станции не был чужд литературе. Комната наполнилась народом. Не понимаю до сих пор, откуда и как набралось такое множество людей, жадными глазами смотревшего на знаменитого писателя и ловивших каждое его слово. А Тургенев грузно сидел в станционном клеенчатом кресле и говорил об охоте. Ему очень понравились окрестные леса, и он сказал:

— Вот, если весной буду в Москве, непременно приеду к вам на тягу.³⁴

Намерению его не суждено было сбыться: Иван Сергеевич уехал в Париж³⁵ и больше не видел ни белых березок, ни кудрявых лип, ни наших уездных непролазных проселков.

Когда Тургенев вышел на платформу, толпа еще увеличилась. Станционный сторож с особенным усердием прокладывал ему до-

---

³³ Сын одного из участников Мамонтовского художественного кружка, археолога, историка искусства и художественного критика А. В. Прахова Николай Адрианович Прахов (1873–1956), выросший в Абрамцево, оставил описание станции Хотьково, с которой провожали Тургенева: «...маленькая, невзрачная станция Хотьково. Длинная-предлинная деревянная платформа, только средняя часть которой защищена от солнца и дождя навесом. <...> / Направо от выхода — багажная кладовка весовщика, налево — лестница на мезонин, где находится квартира начальника станции. <...> / На кругу перед станцией — коновязь, несколько одноконных извозчиков с разбитыми пролетками <...> и один или два хозяйских экипажа, высланных в Хотьково за почтой и на станцию — на всякий случай: а вдруг кто-нибудь в гости придет» (Прахов Н. А. Старое Абрамцево. Воспоминания детства. С. 7–8).

³⁴ Тяга — название токового полета вальдшнепов-самцов, весенняя охота на вальдшнепа на тяге является одним из популярных видов охоты на дичь.

³⁵ Тургенев выехал из Петербурга в Париж 6 (18) сентября 1878 г.

рогу. В сбжавшейся толпе дачников и дачных барышень, носивших в те времена мордовские костюмы, подавленным шепотом, из уст в уста, передавалось:

— Тургенев, Тургенев...

Впоследствии я узнал от старших, что Иван Сергеевич, гуляя по берегу исторической реки Вори,³⁶ вспоминал о том, как они уживали в ней с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым.³⁷ Даже места указывал, где они сидели с удочками, места, которые моя покойная мать знала и свято помнила, но которые теперь вряд ли кто сумеет указать.

В моей ребяческой памяти Тургенев остался седым красавцем-исполином и многие из школьников, ставших теперь седобородыми мужиками, тоже до сих пор помнят приезд Тургенева в наши края и так же, как и я, считают его чуть ли не мифическим богатырем.

---

³⁶ Вóря — река в Московской обл., левый приток Клязьмы.

³⁷ В своих воспоминаниях Бларамберг писала: «Припоминается мне эпизод со щукой... Иван Сергеевич с обычным юмором начал было рассказывать, как он в один из своих приездов в Абрамцево поймал большую щуку, как он волновался, хватая щуку, упавшую с лесой на траву и бившуюся в тщетных усилиях сорваться с крючка, и какое непритворное огорчение и зависть к удаче своего молодого товарища испытывал Сергей Тимофеевич — страстный рыболов, — у которого в этот день клевала только мелкая, ничтожная рыбешка...» (См.: Воспоминания Е. И. Бларамберг (Апрелева-Ардов). С. 731).

История моей семьи¹ II

Эти заметки написаны Ю.А. Трубниковым в качестве комментария к предполагаемой публикации орловского старожила, друга семьи Галаховых и их соседа С.А. Тинькова². Они составлены для внуков, мало знающих о России.

Этот рассказ о семье Галаховых основан на воспоминаниях некоего Сергея Афанасьевича Тинькова. Я получил их во время одного из моих приездов в Орел, куда я регулярно ездил с конца 80-х годов, и затем, ещё чаще, с 1993 по 1999 годы, которые я провел в России. Я познакомился с этой местностью благодаря работе, проведенной нами с целью изучения потенциала Орловщины в сфере туризма; мы работали над этой темой совместно с Жаном Сешресс, братом Катрин Жискар д'Эстен, крестной Алексея.³ Два или три раза мы прожили там целую неделю.

На самом деле первым из нашей семьи посетил Орел в 1981 году дядя Коля,⁴ которого сопровождали тогда его племянницы – Софья Вырубова из Аргентины и наша Карина.

Кто был этот Тиньков, я в точности не знаю. По-видимому, некто из светского общества Орла. Он был принят повсюду и знал всех. Заметим все же, что не следует искать в этих записках исторической достоверности: автор почти ничего не знал о судьбе Галаховых по-

---

¹ Продолжение; см. начало в сб. «Тургеневский ежегодник 2013 г.» Орел, 2014. С. 127-138.

² Тиньков Сергей Афанасьевич (1863-1937), земский начальник, помещик с. Башкатово Мценского уезда Орловской губ., сосед Галаховых по Клейменову, автор неизданных воспоминаний «Семья Галаховых (Из прошлого)», написанных в 1930-е гг. по заказу директора музея И.С. Тургенева Б.А. Ермака. Дружеские отношения с Галаховыми поддерживал на протяжении 40 лет. Неоднократно арестовывался ЧК и ГПУ. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

³ Алексей Юрьевич Трубников (р. 1970), сын автора.

⁴ Вырубов Николай Васильевич (1915-2009). См. о нем в ч. I Воспоминаний Ю.А. Трубникова, а также более подробно в кн.: Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., 2010. С. 413-417. О выставке, посвященной Н.В. Вырубову, см. статью И.Н. Тишиной в настоящем сборнике.

сле того, как потерял их из виду. Мы обнаружили в них некоторые ошибки. В сущности, это неважно, ибо перед нами живое повествование, и речь в нем идет о Галаховых, людях, близких мне по крови.

По ходу рассказа мы встретим немало имен собственных, не всем они знакомы. Я постараюсь в этих заметках дать к ним небольшие пояснения.

Заранее прошу читателя извинить меня, если помимо обещанных пояснений я позволю себе немного поболтать и предаться воспоминаниям. Что поделаешь, воспоминания – любимое занятие стариков.

Орел

Город, так сказать, средний по своему значению, хотя срединная планка для русских городов явно выше обычного в наши дни. Его можно сравнить с Маном или Орлеаном или, скорее, с Лиллем или Тулузой, несмотря на его 350000 жителей в конце XX века. Раньше он был центром губернии – у нас бы сказали – центром префектуры. Мой прадед Трубников в течение семи лет правил этой губернией, другой мой прадед – Галахов – был орловским вице-губернатором.

В последние годы XIX века Трубников основал здесь краеведческий музей.⁵ Главная улица города – Московская, где я останавливался в гостинице, до революции называлась Трубников бульвар. В городе есть музей Тургенева и музей писателей-орловцев (коих немало – недаром Орел считается третьей литературной столицей после Петербурга и Москвы); они были открыты в доме Галаховых, в котором родился дядя Коля Вырубов и где играли мой отец и тетя Оля.⁶ Подобно Льву Толстому, я косил траву на лужайке подле этого дома – большой косой, из тех, что еще можно видеть в музеях или в уменьшенном виде, на советских знаменах. Однажды, во время моего визита в Орел журналисты спросили меня о «серебре и драгоценностях, зарытых во дворе моей прабабушкой перед отъездом

---

⁵ Краеведческий музей в Орле был основан в 1897 г.

⁶ Ольга Георгиевна Трубникова, в замужестве фон Ден (1910, Клейменово – 1995, Лозанна, Швейцария); в 1991 г. приехала в Россию на освящение Покровской церкви с. Клейменова.

в 1918 году» (sic). В действительности можно было бы вести речь не об украшениях, но о серебряной посуде Вырубовых, некогда подаренной им Екатериной II. Но они покидали дом лишь со сковородками. А те не блестят.

Орел омывают воды Оки, которая в этих местах еще чуть больше ручейка, но дальше становится одной из главных рек России и впадает в Волгу в Нижнем Новгороде.

По дороге из Орла в Москву, то есть на север, проезжаем Клейменово, затем Сергиевское, далее – Мценск и, наконец, прежде чем добраться до Ясной Поляны, которая находится уже в Тульской области, попадаем в Спасское-Лутовиново, усадьбу Тургенева, которую после его смерти унаследовала моя прабабушка.

Галаховы

Она принадлежала к старинному дворянскому роду и была записана в VI части Дворянской родословной книги, той части, в которой находятся самые древние благородные фамилии. Однако она не состояла в числе богатейших землевладельцев. Один из ее предков, гвардейский капитан Преображенского полка Галахов привез Пугачева в Москву в 1774 году (чтобы узнать о Пугачеве побольше, почитайте Пушкина).

Более осведомленный Жак Ферран⁷, большой знаток нашего русского мира, опубликовал труд о роде графа Салтыкова. Галаховы, а равно и их потомки занимают в нем почетное место. По женской линии их генеалогическое древо восходит к Рюрику и Св. Александру Невскому. Знаменитый король англосаксов Гаролд I, погибший в битве при Гастингсе в 1066 году, был нашим предком <...>. Некий генерал Галахов был чем-то вроде префекта полиции в С.-Петербурге в начале XIX века.⁸ Николай Павлович Галахов, о котором мы упомянули выше, был губернатором Витебска после пребывания на

---

⁷ Ферран Жак (Jacques Ferrand; 1943-2007) – франц. генеалог, собиратель материалов о русском дворянстве. Автор Воспоминаний имеет в виду труд Феррана: Ferrand Jacques, Les descendants du comte Petr Sémenovitch Saltykov. Montreuil, 1976.

⁸ Галахов Алдександр Павлович (1802-1863) – С.-Петербургский обер-полицмейстер; женат на Софье Петровне Мятлевой. В 1852 г. по его указанию И.С. Тургенев был выслан из Петербурга в Спасское-Лутовиново.

посту вице-губернатора в Орле. Он окончил свой жизненный путь в Сен-Женевьев де Буа, где был похоронен. В его могиле также наши приют его жена, его дочь – тетя Кира, сын Александр с двумя детьми, дядя Николай и Додоса – княгиня Волконская с дочерью Марией Волконской по прозвищу Татам. Незадолго до смерти дядя Коля завещал мне ухаживать за этой могилой вместо него.

Я совсем не помню прадедушку: мне было всего несколько месяцев от роду, когда он умер; я даже не уверен, что он меня видел – в те времена добраться из Медона до Сен-Женевьев было нелегко. Дядя Коля отдал мне на сохранение портрет прадеда (с тем, чтобы впоследствии я передал его в Спасское-Лутовиново – что было сделано несколько лет тому назад), написанный Шалби – псевдоним Казем-Бека, отца основателя движения Младороссов 20-х – 30-х годов. Портрет датирован 1932 годом, был написан по случаю 50-й годовщины свадьбы. На фотографии моей прабабушки, о которой речь впереди, можно видеть этот портрет в её комнате, в 1940 году. <...>

Зато я помню мою прабабушку – мы ездили навещать её на Рождество и на Пасху. Мне было двенадцать лет, когда она умерла; тогда мне впервые позволили участвовать в чтении Псалтыря над гробом покойной, ночью, при свечах. Подобные воспоминания остаются в памяти на всю жизнь!

Теперь пришло время поговорить о Шеншиных – таково девичье имя моей прабабки.

Шеншины

Это ещё одна знаменитая орловская фамилия, вероятно, ещё более древняя, чем Галаховы, вписанная в Дворянскую книгу Тулы. Некто Артемий Шеншин отличился во время осадного сидения татар под Мценском в XVI веке. Усадьба Клейменово принадлежала им с петровских времен. Уже тогда, в начале XVIII века, Шеншины занимали важные должности при дворе, как сказали бы сегодня, в государственных структурах: прокурор в Сенате, генерал, флигель-адъютант при Государе Императоре. Один из них – Афанасий Шеншин, путешествуя (по Европе – ред.) повстречал юную немку по фамилии Фет (или Фёт), которая решила на развод, чтобы выйти за него замуж, однако этот брак, совершённый по лютеранско-

му обряду, тогда не был признан в России.

Их сын, знаменитый поэт, вынужден был большую часть жизни вести борьбу, чтобы вернуть себе имя отца. Что и удалось ему в конце концов. Это наш двоюродный пра-прадедушка.

Фет

Великий русский лирический поэт XIX века. Наподобие нашего Верлена или Ламартина. В России его стихи любят за их поразительную музыкальность. Не думаю, что существует множество его переводов, а жаль. Одно время он был опекуном своей рано осиротевшей племянницы⁹, которая, однако, покинула его, достигнув совершеннолетия. Сосед и друг Тургенева и Толстого, он был не только великим поэтом, но и хозяйственным помещиком, что нельзя считать несовместным, однако встречается редко.

Он похоронен в склепе Клейменовской церкви, построенной его племянницей О.В. Шеншиной, в замужестве Галаховой, Мы не раз ездили поклониться его могиле; Гектор, Владимир и Дариус¹⁰ возложили на неё цветы, которые мы нарвали в окрестных полях. Поэту понравились бы эти знаки внимания.

Тургенев

Я не стану докучать вам биографической заметкой о писателе. Довольно того, что мы состоим с ним в родстве. Наша прабабушка унаследовала его имение в Спасском-Лутовиново. Впервые я побывал там зимой, мы были в Спасском парке с главным хранителем музея; вдали увидели лошадь, запряженную в сани. Наша спутница позвала громким голосом: «Сюда, барин приехал». «Барин» – это я, и мы совершили тогда незабываемую прогулку по тургеневскому парку. С той поры многие из нас побывали в Спасском, так что однажды экскурсовод объявила, что в группе находится потомок Тургенева: «Вы не находите, что он похож на него» – сказала она, указав на голубоглазого блондина – Алексея Казина¹¹!

---

⁹ Наша прабабушка.

¹⁰ Гектор Меркадие (р. 1993), Владимир Делири (р. 1995), Дариус Меркадие (р. 1995) – внуки Ю.А. Трубникова.

¹¹ Алексей Казин – зять Ю.А. Трубникова.

Однажды мне позвонили из Спасского: во время реставрации дивана был обнаружен камергерский ключ Н.П. Галахова. «Поразительно, – воскликнул я, – это настоящее чудо!» Голос директора в ответ: «Чудо-то чудо, но чудо в том, что реставраторы не прибрали его к рукам».

Мой кабинет украшает вид – репродукция усадьбы с картины Полёнова.

Поезжайте в Спасское <...>, назовите ваше имя и вам гарантирован незабываемый прием. И не забудьте попросить, чтобы вам показали ключ.

Клейменово

Впервые я побывал в Клейменове чудесным июньским днем в конце 80-х годов. Имение, расположенное на вершине холма напротив деревни, было разрушено после революции. В густой траве я отыскал несколько кирпичей, изготовленных во Франции (здесь уже тогда были снобами), один я захватил с собой.

На другой стороне луга было кладбище, теперь несуществующее, и церковь, некогда построенная моей прабабкой в лютеранском стиле (м.б. в память двоюродной бабушки Фет?). В 1989 году в ней был склад вышедшей из строя сельскохозяйственной техники (при Советской власти ремонтировали мало, предпочитая покупать новое, а старое отправляли на склад – было бы куда!).

Несколько потомков Ольги Васильевны были приглашены на освящение церкви, когда, после 1991 года стало возможным совершение богослужений. В нашей группе присутствовала тетя Ольга (сестра моего отца), которую крестили в этой церкви. В те дни шли дожди, и когда мы прибыли в колхоз «Путь к коммунизму», нам пришлось взобраться в военный грузовик, иначе по такой дороге было не добраться до места. На мои шутки насчет трудных путей к коммунизму ответом были лишь натянутые улыбки. Затем приземление тети Ольги – местные жители набросали под грузовик земли, чтобы было приличнее, – в родственные руки Мани и Карины (вместо цепких гебистских объятий!). Но я уже рассказывал об этом в другом месте.

С тех пор мы много участвовали в восстановлении церкви. Появились настенные росписи – не Рублев, конечно, и не сестра Иоанна Ретлингер¹². Но написаны в местном духе и, по крайней мере, дело сделано. В храме есть настоятель и положено начало церковной общине. Мы установили колокола. Обустроилась церковь, появилась библиотека, которую мы подобрали и привезли в Клейменово.

Неподалеку от Клейменова расположено село Паслово, его восстанавливает наш друг Виктор Алексеевич Пикулин (мы провели у него в гостях в Клейменово две восхитительные недели). На некотором расстоянии от церкви обретен чудотворный источник. Там вырыли не купальню, а некое углубление для храбрецов, которые пожелают в него погрузиться (прочие, вроде нас, просто умывают лицо и руки).

В тот день мы отправились к колодцу в сопровождении дьякона. Сняв подрясник и другие одежды, он окунулся в воду, обнаружив впечатляющую татуировку. Портрет Ленина покрывал его спину. Церковное начальство позволило ему служить с этим несмываемым образом. Прошлое нельзя стереть, можно лишь сожалеть о нем или раскаиваться. Исповедь не стирает того, что было, она отпускает содеявшему его грехи, но это уже другая история.

Алексей Казин также окунулся в «святую купель», не поразив нас изяществом татуировки. Он искал свежести, а нашел благодать. Спустя несколько лет он принял православие!

Мценск

Административный центр на севере области. Город с пустующими заводами и проистекающей от того безработицей все же навевает воспоминания о великолепной опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» по мотивам повести Лескова. Её героиню Катерину Измайлову называли русской госпожой Бовари. Быть может, только шекспировский сюжет разворачивался в особенной атмосфере России. Советую послушать оперу, заодно прочесть повесть Лескова, а однажды взяв в руки его книгу, вы прочитаете и

---

¹² Иконописец. Ее иконы и стенные росписи можно видеть во многих православных церквях Парижа и во всей Франции. После войны стала «возвращенцем». Была сослана в Ташкент, где прожила до смерти. Икон больше не писала.

«Соборян», и «Левшу». В «Соборных» (это слово я не умею перевести на французский) описывается церковная среда в русской глубинке: читая Лескова, я мог наблюдать её у себя дома: в том же доме жил епископ, священник (мой отец) и протоиерей. Множество народу приходило к нам испросить благословения, нередко – чтобы посудачить. Это меня забавляло.

У Мценска есть еще одна особенность: кто из нас, услышав это название, способен написать его французскую транскрипцию с первого раза? Попробуйте.

Земство

В этом моем рассказе не раз упоминается земство. В 1864 году, после отмены крепостного права Александр II передал «социальные» функции в Империи в территориальное управление Земствам, ведавшим вопросами здравоохранения, образования, инфраструктурой, мировым судом... В 1915 году, во время войны, князь Львов,¹³ бывший тогда председателем Земского собрания, объединил Земство с администрацией Городов, создав, таким образом, Земгор. После революции он возродил Земгор в Париже с целью оказания помощи русским беженцам, рассеянным по всей Европе: открытие школ, больниц и поликлиник, содействие в поисках работы и т.д. Второй муж моей бабушки О.В. Галаховой, Василий Васильевич Вырубов, сыграл большую роль в деятельности Земгора, позже его сын Николай стал его Председателем. Я занимал эту должность более двадцати пяти лет.

Современное воспитание

В детстве Трубниковы, мой отец и тетя Ольга, судя по рассказам, воспитывались на «современный манер» – без пеленок... Не могу в этой связи не вспомнить историю, которую рассказывал мне великий князь Гавриил Константинович – каждый раз при встрече – в пору моего отрочества и юности. «Я обязан ему единственным в моей жизни днем, проведенным в тюрьме», – говорил он, указы-

---

¹³ Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925), князь, министр внутренних дел, Председатель Временного правительства (март-июнь 1917 г.). После Октябрьского переворота скрывался под чужой фамилией в Сибири, был арестован и несколько месяцев просидел в тюрьме в Екатеринбурге. Умер в Париже.

вая на моего отца. Он служил тогда в одном полку с моим дедом: гвардейский гусарский полк был расквартирован в Царском Селе. Отправившись на дежурство, он решил по пути зайти к молодым, чтобы поздравить их с рождением младенца и полюбоваться на малыша. Он, как водится, берет мальчика на руки и усаживает его на плечи – тут же пожалев, что в ту пору памперсы еще не были изобретены. Он возвращается домой, чтобы переодеться и является в казармы с пятиминутным опозданием. Корпусной командир вызывает его и объясняет, что факт принадлежности к царственной фамилии не избавляет его от необходимости подчиняться тем же правилам, что и остальных офицеров; приказ: «Двадцать четыре часа ареста».

Великая княгиня Ольга Александровна

Надо напомнить, что ежели Ольга Александровна приезжала в Орел, чтобы повидать своего брата, великого князя Михаила Александровича, брата Николая II, то причиной тому была опала, в которую он попал вследствие своего пикантного брака, заключенного им вопреки воле Государя. Великому князю удалось найти православного священника в Праге, бывшей тогда в составе Австро-Венгерской империи, который тайно обвенчал их. Таинство есть таинство, и император вынужден был смириться, однако предписал брату отправиться в Орловскую губернию, якобы в свадебное путешествие. Когда разразилась война 1914 года, великий князь Михаил Александрович попросил направить его на фронт: в 1915 году он командовал Юго-Западной армией, в которую входила знаменитая Дикая Дивизия: мой дедушка Трубников и брат моей бабушки Галаховой сражались в ее рядах.

Великая княгиня Ольга Александровна продолжала переписываться с Галаховыми, и отец мой, помня о её сердечном отношении к нашей семье, просил её стать моей крестной, на что она дала согласие. Он числился в списках гусарского Ахтырского полка,¹⁴ шэфом которого была великая княгиня.

---

¹⁴ В 1931 г. полк был скорее виртуальным; тем не менее, имя моего отца значилось в военных списках, и он встречался вместе с другими несколько раз в году: на церковной службе или дружеских обедах, весьма обильных. Во время второй мировой войны гастрономическое изобилие пришлось упразднить (прим. автора).

Совпадение: одна из главных церквей Орла – Ахтырская.

У меня хранится подаренная отцом икона Ахтырской Божией матери. У ней сложены на груди руки, а вместо младенца – распятый Христос!

Клеопатра

В наши дни это редкое и необычное имя. Однако оно присутствует, как видите, на нашем генеалогическом древе: некая Клеопатра Лутовинова вместе с нашей бабушкой унаследовала Спасское-Лутовиново.

Мы знавали одну даму по имени Клеопатра, принадлежавшую к нашей фамилии; мы звали её «тетя Капочка». Однажды мы поехали в Глион близ Лозанны, на виллу Рибопьер, где тетя Мима Кантакузена держала что-то вроде семейного пансиона для paying guests (постояльцев). Так или иначе, можно сказать, что мы в каком-то родстве со всем светом: в нашем роду был Столыпин, была некая Корсакова... да, и эта тетя Капочка, бывшая в свое время фрейлиной Египетской королевы. Зваться Клеопатрой в Египте – это поневоле наводит на воспоминания. Г-н Лапин не именовался Антонием, однако она вышла за него замуж. Впрочем, она была очаровательна.

Генеалогия

Как ни странно, но сегодня среди наших родственников не встречается фамилия Мансуровых. Однако есть отдаленное родство со стороны Хвостовых. Отец Дмитрий Хвостов был военным духовником в Алжире, где мне случалось встретиться с ним. Его дочь Наталья стала монахиней в Бюсси-ан-От¹⁵, где и умерла не так давно.

***

Мне осталось только пожелать читателю занимательного чтения и напомнить, что я остаюсь в вашем распоряжении, чтобы прояснить тот или иной пункт моего рассказа.

Перевод с французского Л.А. Балыковой; примечания Л.М. Маричевой.

---

¹⁵ Bussy-en-Othe: православный женский монастырь. В нем проживают около 50 монахинь. Много русских имеют дачу в поселке, так что мэр города говорит, что пора переименовать Bussy-en-Othe в Russie-en-Othe!

Главный усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Материалы к реставрации (публикация и предисловие В.П. Волчихиной)

Спасское дает понять и почувствовать во всей полноте решающую роль родного гнезда во всей духовной жизни Тургенева, в развитии его личности и его бытия.

И.М. Гревс.

Историческая справка «Главный усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове» была составлена в 70-е годы прошлого столетия научными сотрудниками Орловского Государственного музея И.С. Тургенева (сегодня – Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева), филиалом которого была в то время усадьба-заповедник И.С. Тургенева в селе Спасском-Лутовинове. Публикуемый текст является лишь одним из вариантов, сохранившимся в музее Спасского. Это – результат многолетней работы творческого коллектива музейных работников г. Орла: Р.М. Алексиной, Б.В. Богданова, И.А. Костомаровой, О.Н. Овсяниковой, Н.Т. Павловой.

Первая попытка восстановления Тургеневского дома была принята ещё в 30-е годы архитекторами В.А. Юрьевым и С.Ф. Кулагиным. Согласно разработанным проектам были восстановлены «Флигель изгнанника», здание богадельни и бани, отремонтированы конюшня, каретный двор, между ними – сбруйная, завезён материал для строительства дома писателя, сгоревшего в 1906 году.

Работы были прерваны войной. Под руководством директора Б.А. Ермака вещи, книги тургеневского дома были вывезены из Орла в Пензу, а затем возвращены.

В послевоенное время Спасское становится местом паломничества туристов, почитателей таланта писателя. В связи с тем, что вещи Тургеневского дома сохранились и находились в Орловском музее, возникла идея восстановления исторического здания, в котором сохранившиеся вещи заняли бы свои привычные места, вос-

создав обстановку дома Тургенева в его последний приезд на родину в 1881 году. Сотрудниками музея была проделана огромная работа по воссозданию плана дома писателя (архитекторы Дроздовская, Г.Е. Духанина). Необходимо было изучить все имеющиеся на то время материалы, разыскать недостающие сведения, найти замену навсегда утраченному. Всё это следовало свести воедино. Ни архитектура дома И.С. Тургенева, ни интерьеры не были выдержаны в одном стиле. Но в них в одно неповторимое целое слились элементы первоначального лутовиновского дома, пристройки, сделанные В.П. Тургеновой, а также изменения, внесённые писателем в последующие годы его жизни.

Такое сочетание тяжеловесной мебели начала века с венскими стульями, подсвечников и старинных люстр с новшеством тех лет, керосиновыми лампами, было и в интерьерах дома.

В последнее время участились случаи игнорирования исторической правды, привнесение в интерьеры дома Тургенева предметов, не имеющих к нему отношения (введение в столовую дома картины Ж. Грёза «Девушка с розовой лентой в волосах», которой там не было), случаи необоснованных перемещений вещей из одной комнаты в другую (дамский туалет В.П. Тургеновой перемещён в «Комнату Савиной» из «Девичьей»), нарушение внешнего вида зданий (богадельня).

Публикуемый документ не потерял своей исторической ценности, являя собой пример кропотливого исследования.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Главный дом Спасской усадьбы был выстроен двоюродным дедом И.С. Тургенева И.И. Лутовиновым в первом десятилетии XIX века.

Дом имел форму отлогой подковы.¹ В середине было деревянное двухэтажное здание с колоннами из цельного ясеня и центральным залом в «два света», «в первом этаже двенадцать покоев, а во втором девять покоев».² От центрального здания в обе стороны расходились полукругом одноэтажные каменные галереи, каждая из которых заканчивалась деревянным флигелем.

---

¹ См.: План Тургеновской усадьбы. Составил М.А. Щепкин. 1914 г.//«Исторический вестник», 1916, кн.2. С. 562.

² Дело о наследстве И.И. Лутовинова. ЦГАЛИ, ф. 500, е.х. 175, л. 25.

В 1813 году Спасское-Лутовиново унаследовала В.П. Тургенева, мать писателя. Ей принадлежали также дома в Орле и в Москве, но поскольку Спасское-Лутовиново оставалось центральной усадьбой её владений, вероятно, большая часть лутовиновской мебели сохранилась в Спасском, пополняясь лишь время от времени изделиями крепостных мастеров или мебелью, приобретенной в столицах. Так, например, в письме от января 1839 года В.П. Тургенева сообщает сыну: «Книги твои в библиотеке давно, шкапы, вновь поделаны, любо смотреть».³

1 мая 1839 года большая часть дома сгорела. От пожара уцелело лишь левое, юго-западное крыло дома, то есть каменная галерея с примыкающим к ней деревянным флигелем. В письме к сыну В.П. Тургенева рассказывала: «Вынесли всё, но! – всё перебито, остальное разокрали... Мы бедны движимым».⁴

Оставшийся после пожара левый флигель был капитально отремонтирован. В 1840-е годы к нему были сделаны две пристройки – «казино» и «библиотечная-биллиардная».

После всех перестроек уцелевшая часть лутовиновского дома стала служить главным домом усадьбы.

В 1843 году в усадьбе прибавилось выстроенное Н.Н. Тургеневым, дядей писателя, здание флигеля. Вероятно, в этот период во флигель стала постепенно переходить устаревшая лутовиновская мебель, а в главном доме стали появляться вещи, выполненные в новом вкусе.

С 1850 года Спасское-Лутовиново стало принадлежать И.С. Тургеневу. На протяжении многих лет Иван Сергеевич, живший в Спасском преимущественно наездами, не вносил радикальных изменений в устройство дома, однако при нем назначение комнат и соответственно меблировка в значительной степени изменились.

---

³ Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844)//И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. II. М.-СПб. 2001. С. 480.

⁴ Письмо В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу из Мценска 5-6 (17-18 мая) 1839 года// Кн. Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844). Тула, 2012. С. 200: «Что спасли спросишь ты?.. Деньги, вещи – и только, вынесли все, но! всё перебили, остальное разокрали, нас грабили просто. Мы бедны движимым, как беднейшие люди. И без пристанища».

При отсутствии должного надзора, по ветхости и в силу ряда других причин шла постоянная утечка мебели и вещей, первоначально находившихся в доме. Так, при разделе наследства после смерти матери, по свидетельству мемуариста, в руки брата писателя Николая перешли «бриллианты, жемчуг, золото, серебро, бронза, фарфор... дорогая мебель, зеркала, даже фамильные портреты».⁵

Ряд вещей вывез в свое имение из Спасского при разрыве с писателем в 1868 году его дядя Н.Н. Тургенев. В письме к брату Иван Сергеевич сообщает: «“злополучный старец”... деньгами, скотом, экипажами, мебелью и вещами жамкнул меня на 36500 руб.<...>»⁶ О шкафах карельской березы, утаенных от наследников Тургенева арендатором, говорит в своих воспоминаниях жена последнего управляющего Спасским С.Г. Щепкина.

С другой стороны, при Тургеневах шло также и пополнение обстановки, ремонт и перестройка дома. В 1854 году Тургенев перевозит в Спасское купленную им у вдовы критика библиотеку В.Г. Белинского, и она входит в состав родовой библиотеки писателя. В 1858 году Иван Сергеевич пишет дочери: «Вот я и дома <...> дом покрашен заново; мебель обита новой материей; теперь всё выглядит довольно чисто».⁷ В 1868 году в Спасское прибывает мебель из петербургской квартиры Тургенева. В 1879 году, после смерти Н.С. Тургенева, в Спасское возвращаются из московского дома фамильные портреты и часы.⁸

В последние годы жизни Тургенев стал уделять Спасскому все большее внимание, собираясь в нем жить подолгу. С весны 1880 года был начат не только капитальный ремонт, но и основательная перестройка дома. О большом внимании Тургенева к ходу ремонта дома свидетельствуют его письма к управляющему Спасским Н.А. Щепкину: «Что касается до издержек на дом, то я нисколько не буду

---

⁵ Щепкина С.Г. И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове//«Красный архив», № 3 (100). М., 1940. С. 224: «Анна Яковлевна забрала “себе все фамильные драгоценности: бриллианты, золото, серебро, фарфор, дорогую мебель, фамильные портреты, экипажи и т.п. ...”».

⁶ Тургенев И.С. ПСС и писем: в 28 т. Письма. Т. VII. М.-Л., 1964. С. 195. В дальнейшем Тургенев И.С. Письма. С указанием тома и страницы.

⁷ Тургенев И.С. Письма. Т. III. С. 419.

⁸ Тургенев И.С. Письма. Т. XII(2). С. 131.

жалеть о них, если он, как того надо ожидать, окажется прочным и теплым».⁹

В результате капитальных работ к лету 1881 года значительно изменился внешний облик дома, большие перемены произошли и в интерьере.

К библиотечной-бильярдной была сделана еще одна пристройка, переделана центральная веранда и устроен балкон в мезонине; сделана терраса к входу в «казино»; сменена обшивка дома. Внутри дома производилась перестилка полов, ремонт печей, оклейка комнат обоями, обивка мебели, покраска полов. Для дома дополнительно была закуплена мебель, сервизы, портьеры, шторы и дорожки. Галерея также была заново отделана и отремонтирована.

Последний приезд Тургенева в Спасское летом 1881 года служит датой, на которую окончательно сложился облик главного дома усадьбы. Как видно из его предшествующей истории, ни архитектура дома, ни его интерьеры не были выдержаны в одном стиле. В архитектурном облике дома в одно неповторимое целое слились элементы первоначального лутовиновского дома и пристройки В.П. Тургеневой и перемены, внесенные в последние годы жизни Тургенева. Такое же сочетание тяжеловесной мебели начала века с легкими венскими стульями; подсвечников и старинных люстр с новинкой тех лет – керосиновыми лампами, было и в интерьере дома.

Таким этот дом запечатлен на картинах, фотографиях, в планах, описаниях и воспоминаниях тех лиц, которые побывали в Спасском в этом и последующих годах.

3 сентября 1883 года Тургенев скончался в Буживале близ Парижа. Все своё имущество он завещал Полине Виардо. Однако, как выяснилось, Виардо не имела права наследовать родовое поместье. Наследницами Спасского-Лутовинова в 1885 году были утверждены О.В. Галахова и К.Д. Сухотина. После того как Галахова уплатила 30 000 руб. Полине Виардо за движимое имущество Тургенева и 65 тысяч руб. Сухотиной за её долю наследства, она стала единственной хозяйкой в Спасском-Лутовинове.

---

⁹Тургенев И.С. Письма. Т. XIII. С. 65.

После смерти Тургенева наступил период расхищения и гибели многих тургеневских реликвий. Мебель и вещи писателя были вывезены из усадебного дома частью в принадлежавший Галаховым дом в Орле, частью в поместье Клейменово.

На фотографиях 1903 года дом уже имеет нежилой, запущенный вид, окна в нем заколочены досками. Часть тургеневской мебели сохранялась еще во флигеле, где жили управляющие, и в доме на хуторе Петровском, где велось хозяйство Спасской усадьбы.

В ночь с 19 на 20 февраля 1906 года Спасский дом сгорел дотла. Причины пожара остались неизвестными, однако крестьяне Спасского-Лутовинова утверждали,¹⁰ что поджог был произведен по распоряжению арендатора с тем, чтобы получить страховую премию.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции был положен предел дальнейшему разрушению усадьбы и расхищению вещей, мебели и книг Тургенева.

24 ноября 1918 года в Орле, в доме, национализированном у Галаховых, был открыт музей И.С. Тургенева. Основу музея составили библиотека и мебель Тургенева, частью находившаяся у Галаховых в Орле, а частью вывезенная создателями музея из Спасского-Лутовинова и Клейменова.

Посуда, статуэтки, подсвечники и пр., находившиеся у Галаховых, были переданы в сентябре 1919 года в Орловский губернский музей.

В соответствии с декретом В.И. Ленина «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16 сентября 1921 года. Спасское-Лутовиново было объявлено Государственным заповедником. По решению Правительства с 1937 года в Заповеднике были начаты широкие восстановительные работы. В их числе было намечено и восстановление главного дома усадьбы. В 1940 году уже был полностью заложен фундамент и кирпичный цоколь дома, завезены строительные материалы. Эти работы были прерваны Отечествен-

---

¹⁰ Богданов Б.В. Спасское-Лутовиново после Тургенева//Спасский вестник. Вып. 4. Тула, 1997. С. 9: «В памяти крестьян Спасского сохранилась деятельность последнего из арендаторов. По их словам, это был выходец из Австро-Венгрии по фамилии Дубец, “черный и страшный по обличью”. ... Деревенская молва называла двух крестьян деревни Голоплёки, которым Дубец, якобы, дал по золотому за поджог дома».

ной войной. Летом 1941 года экспонаты музея были эвакуированы в Пензу. После освобождения Орла от фашистов в 1944 году музей вновь возвратился в свой город.

В послевоенные годы восстановительные работы в Спасском-Лутовинове были возобновлены и продолжены. После реставрации и восстановления основных служебных построек и учреждения в помещении флигеля литературного музея широкой общественностью был поднят вопрос о строительстве главного усадебного дома как центра мемориального комплекса Заповедника.

В 1968 году было принято решение о восстановлении главного усадебного дома в Спасском-Лутовинове и создании в нем мемориальной экспозиции.

II. характеристика источников

Настоящая работа является результатом исследования и обобщения историко-архивных данных, необходимых для проведения работ по реставрации усадебного дома.

Отсутствие основополагающих документов: архитектурного плана дома, описи вещей и мебели Тургенева – значительно усложнило задачи составителей и заставило обратиться к широкому кругу источников, которые условно можно разбить на ряд групп, характеристика которых дается ниже.

1. ПЛАНЫ:

Известно всего лишь два плана Тургеневского дома. Первый из них составлен М.А. Щепкиным.

М.А. Щепкин неоднократно бывал в усадьбе при жизни Тургенева и кроме непосредственных наблюдений, очевидно, имел доступ к хозяйственным документам и описям имущества, т.к. в момент смерти Тургенева его отец был арендатором Спасского-Литвинова, а брат управляющим поместьями <писателя>. Однако план был составлен в 1914 году, когда дом уже сторел. В плане отсутствуют размеры комнат, размещение вещей в комнатах в ряде случаев опровергается другими материалами. Второй план был составлен после 1916 года биографом И.С. Тургенева Н.М. Гутьяром, который в 1898

году обмерил дом Тургенева «с аршином в руках».¹¹ План был составлен с тем, чтобы выяснить неточности плана, опубликованного М.А. Щепкиным, этим же целям служат и примечания к плану.

План Гутьяра не содержит никаких сведений о расположении мебели, нет в нем и обмеров комнат в галерее и мезонине. Ни план Щепкина, ни план Гутьяра не дают сведений о количестве печей и их расположении.

2. ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ

Среди сравнительно небольшого числа изображений дома наибольшее значение имеют этюды маслом Я.П. Полонского. Они выполнены с натуры в 1881-1882 годах, причем Полонский стремился выполнить их с документальной точностью. Наравне с ними по степени документальности стоят фотографии В.А. Каррика, сделанные в 1883 году, вскоре после смерти писателя. Внешний облик дома и его остатки после пожара 1906 года наиболее полно документируют две серии фотографий К.А. Никифорова, сделанные в 1903 и 1908 годах, и фотографии П.А. Алпатова 1890-х годов. Менее достоверны отдельные фотографии и рисунки интерьеров дома, опубликованные в книгах и журналах 1900-х годов, во-первых, потому что интерьер уже мог быть нарушен новыми хозяевами или самими фотографами, произвольно компоновавшими вещи, для большей выразительности снимка; а во-вторых, потому, что рисунки могли делаться по памяти, что приводило также к нарушению документальности. Особенно большим количеством неточностей отличаются рисунки Сонни Кольман, опубликованные в книге Ж. Мурье.

В целом рисунки и фотографии дают довольно полное представление о внешнем облике и архитектурных деталях дома. Гораздо меньше сведений они сохранили об интерьерах. По фотографиям и рисункам можно установить рисунок обоев почти во всех экспозиционных комнатах, характер карнизов, форму штор, высоту дверей, они в ряде случаев документируют расстановку мебели. Однако количество изображений интерьеров очень невелико. На их основании нельзя создать развертки комнат. Ряд комнат вообще не имеют изображений.

---

¹¹ № 726. План дома И.С. Тургенева//Описание материалов Пушкинского Дома. Вып. IV. Тургенев/Редактор М.П. Алексеев. М.-Л., 1953. С. 154-156.

3. ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Имущественные документы представляют собой большую, но крайне разнородную и разрозненную группу архивных материалов по управлению хозяйством Спасского-Лутовинова.

Сохранилась опись имущества, оставшегося в доме после смерти И.И. Лутовинова. По этой описи можно судить и об истории некоторых сохранившихся вещей, о первоначальном расположении и назначении комнат дома и каменных галерей. Некоторые сведения о вещах и мебели, о перестройках дома содержатся в хозяйственных документах В.П. Тургеневой. Возвращение фамильных портретов из московского дома в Спасское-Лутовиново подтверждают материалы о наследстве после смерти И.С. Тургенева.

Наибольшую ценность для задач реставрации дома имеют отчеты управляющего о расходах по ремонту и содержанию дома в Спасском за 1867-1882 годы. Они содержат сведения о перестройках, ремонте дома, закупках мебели, характере освещения, имена поставщиков штор, обоев, обивке для мебели и т.п.

Ряд данных об общих размерах дома, количестве печей, окон, дверей содержит охранительная опись недвижимого имущества, составленная после смерти И.С. Тургенева.

К этой группе материалов следует отнести также первую инвентарную книгу музея Тургенева, по которой может устанавливаться принадлежность Тургеневу предметов, хранящихся в музее, и книгу поступлений от 1919 года Губернского музея, где по записи посуды, ваз, подсвечников, принятых от наследников Тургенева Галаховых, можно установить принадлежность их тургеневскому дому в Спасском.

4. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В эту группу источников входят, прежде всего, подлинные предметы обстановки Тургенева, хранящиеся в музее. Их изучение в сопоставлении с другими данными дает возможность реставрации и разыскания утраченных предметов обстановки идентичных сохранившимся в музее.

Так, например, в музее сохранился донник от книжного шкафа библиотечной-бильярдной. Используя этот донник и зарисовки

библиотечной, можно не только восстановить донник для второго шкафа, но и реставрировать утраченные книжные шкафы. Так же можно поступить и с креслами, стульями и некоторыми другими предметами обстановки.

Ряд важных данных о конфигурации дома, расположении его на местности, характере и месте печей дает изучение фундамента дома. Осколки изразцов, найденные при раскопках фундамента, позволяют установить форму и рисунок изразцовых печей.

Много интересного могли бы дать раскопки подвалов лутовиновского дома, засыпанных после пожара 1839 года.

5. СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА И.С. ТУРГЕНЕВА

Описания интерьеров помещичьих усадеб в произведениях Тургенева, естественно, нельзя отождествлять с подлинными интерьерами дома, где жил писатель.

Но вместе с тем известно, что Тургенев неоднократно вводил в свои произведения описания отдельных предметов обстановки своего дома. Мемуаристы указывают, что в ряде рассказов «Записок охотника», в рассказе «Три портрета» были описаны портреты и картины, находившиеся в Спасском-Лутовинове. В рассказе «Бригадир» описаны английские часы в виде башни, в романе «Накануне» – диван «самосон». Близко к действительности описание обстановки барского дома в очерке «Собственная господская контора». Кроме этого, описания Тургенева служат наиболее достоверным типологическим материалом при решении неясных и спорных вопросов в планировании интерьеров.

Еще более ценные сведения дают письма Тургенева. Они содержат распоряжения о перевозке мебели, перестройке дома. В них рассыпаны замечания о назначении комнат, отдельных предметах обстановки, истории вещей, о книгах библиотеки.

В одном из писем Флоберу Тургенев делает набросок фасада своего дома, в другом описывает обстановку кабинета.

Многие детали быта дома и усадьбы можно установить по письмам Тургенева к управляющим Спасским-Лутовиновым.

6. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

По отношению к предыдущим источникам мемуары имеют наименьшую степень достоверности. В них много смещений, неточностей, иногда приходится сталкиваться с очевидным вымыслом мемуариста. Однако мемуарная литература наиболее обширна по содержанию. В числе мемуаристов есть ряд лиц, которые близко знали Тургенева и быт Спасского-Лутовинова. Во многих случаях их свидетельства имеют решающее значение при детальной разработке интерьеров тургеневских комнат.

Среди мемуарных источников, прежде всего, следует назвать воспоминания о Спасском-Лутовинове Я.П. Полонского. Поэт вместе с семьей гостил у Тургенева в 1881 и 1882 годах. Он вел ежедневный дневник, поэтому воспоминания, написанные на основе дневниковых записей, отличаются высокой точностью. В воспоминаниях Полонского и примыкающих к ним записям воспоминаний М.Г. Савиной, переписке Полонского с женой воспроизводится та обстановка, в которой жил Тургенев в свой последний приезд в Спасское.

Воспоминания М.А. Щепкина и работа Ж. Мурье «И.С. Тургенев в Спасском» ставят своей задачей возможно полное описание расположения комнат, их назначения, расположения в них мебели; большое внимание описанию интерьеров дома уделяет также и жена управляющего Спасским-Лутовиновым С.Г. Щепкина. Но эти, а тем более последующие воспоминания написаны уже спустя много лет после смерти Тургенева. При этом авторы воспоминаний, разумеется, не имели ввиду задач реставрации дома, а приводили лишь те сведения, которые были интересны с их точки зрения.

Поэтому при изучении мемуарной литературы составители плана широко использовали метод «перекрестного допроса» мемуаров, отбрасывая свидетельства, не подтверждающиеся или опровергаемые другими материалами.

7. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

При составлении плана проводилось изучение быта помещичьих усадеб эпохи Тургенева. Для этой цели составители знакомились с интерьерами мемориальных музеев, типа Ясной Поляны и

Абрамцева, получали консультации специалистов по мебели и печам, собирали изображения интерьеров дворянских усадеб XIX века. Кроме этого, была обследована литература по истории и стилям мебели.

Все группы источников, указанные в настоящем обзоре, обследованы составителями с максимальной полнотой. Были учтены и скопированы все известные фотографии, рисунки и планы дома; сделаны выписки по академическому Собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, проработаны архивные материалы, хранящиеся в Государственном музее Тургенева, Орловском Госархиве и в других архивохранилищах страны; подробно изучена мемуарная литература. Помимо материалов, приведенных в настоящей работе, составители располагают картотекой, где собраны сведения о доме и его интерьерах, и альбомом всех известных изображений дома.

III. ВНЕШНИЙ ВИД ДОМА

Усадебный дом состоял как бы из двух частей: деревянного флигеля, где размещались основные жилые комнаты, и примыкающей к нему каменной галереи со служебными помещениями. И.П. Белоконский, бывавший в Спасском, так описывает дом: «...небольших размеров дом с мезонином. Половина его, обращенная к каменной церкви, находящейся недалеко от дома, с низеньким балконом, на который выходит много окон – деревянная, а другая половина – словно пристроенная сзади деревянного дома и идёт от него полукругом – кажется, каменная».¹²

Основной частью дома был деревянный флигель с мезонином и пристройками. «Вам хотелось бы представить себе вид моего жилища? – пишет Тургенев Г. Флоберу, – <...> это деревянный дом, очень старый, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет; спереди к нему пристроена веранда, увитая плющом; обе крыши <...> железные и выкрашены в зеленый цвет<...>».¹³

---

¹² Белоконский И.П. Деревенские впечатления. Рассказы. Т.1. Изд.. 2. СПб., 1909. С. 328-329.

¹³ Тургенев И.С. Письма. Т. XI. С. 413: «Вам хотелось бы представить вид моего жилища? <...> это деревянный дом, очень старый, обшитый тёсом, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет; спереди к дому пристроена веранда, увитая плющом; обе крыши (а и б) железные и выкрашены в зелёный цвет; верх нежилой <...>».

В «Охранительной описи», сделанной после смерти Тургенева, говорится: «Деревянный одноэтажный дом, крытый железом, мера его длины пятьдесят пять аршин (39м. 12см.) и ширины двадцать аршин (14 м. 22 см).¹⁴

Практически вход в дом был через террасу со стороны, обращенной к церкви. Судя по изображению дома в письме Тургенева к Г. Флоберу (1876 год) эта терраса к 1881 году была частично перестроена. На террасу вела лесенка в семь ступенек (в дом «можно проникнуть, поднявшись на 7 ступеней через широкий закрытый балкон».¹⁵ Это подтверждается и фотографией дома (см. фотографию № 1¹⁶). В результате ремонта 1880 года к мезонину над входом в дом был пристроен небольшой балкончик.

Со стороны «казино» в это же время была пристроена вторая терраса. М.А. Щепкин пишет: «Из “казино” вела дверь и маленькая лесенка в сад на юг; террасы перед “казино” раньше не было, она была выстроена, когда переделывали дом в ожидании летнего приезда Ивана Сергеевича в 1881 году».¹⁷ На эту террасу вела лесенка «из четырех ступенек»¹⁸(см. фото 2).

Террасы и балкон были «с деревянными колонками и резными балюстрадами»,¹⁹ окрашенными в белый цвет. К. Никифоров, бывавший в Спасском в 1903 году, отмечает, что «резьба вдоль карнизов, решетка и столбики террас, большой и маленькой были целы и еще довольно белы»,²⁰ об окраске стен дома он пишет: «В ясные солнечные дни он казался бледно-фиолетовым, как цветки сирени».²¹

---

¹⁴ Охранительная опись недвижимого имущества, принадлежащего умершему помещику И.С. Тургеневу, составленная и. д. судебного пристава 1 участка Мценского съезда мировых судей Е.И. Соколова на основании поручения Мирового судьи 1 участка Мценского уезда от 29 августа 1883 года за № 625, копия ГМТ № 328 л.: «Деревянный одноэтажный дом крытый железом, мера его длины пятьдесят пять аршин и ширины двадцать аршин ...».

¹⁵ Мурье Ж. И.С. Тургенев в Спасском. СПб., 1899. ГМТ. С. 110.

¹⁶ Фотографии не сохранились.

¹⁷ Щепкин М.А. Село Спасское-Лутовиново, усадьба И.С. Тургенева//«Исторический вестник», 1916, кн. 2. С. 554.

¹⁸ Мурье Ж. Указ. соч. С. 110.

¹⁹ Там же.

²⁰ К. Никифоров - В. Юрьеву (?). Архив В.А. Юрьева. Копия ГМТ.

²¹ Там же.

Пристройки, сделанные со стороны библиотечной, в результате ремонта 1880 года, не нарушали стиля всего дома, но были расположены ниже старых комнат.

Судя по фотографиям (см. фото 3) со стороны противоположной было два крыльца (одно с навесом, другое закрытое).

К основному деревянному дому присоединялась дугообразная каменная галерея. Эта галерея, бывшая составной частью большого усадебного дома, выстроенного еще при И.И. Лутовинове, упоминается в описи, составленной в 1813 году: «Галерея каменная в полуциркульном виде с левой стороны к дому примыкающая, в ней пять окон».²² Если судить по фотографии (см. фото 4), все названные пять окон видны с фасада, следовательно, можно считать, что задняя стена была глухой (см. также план Н.М. Гутьяра и фото 5). Как свидетельствует Мурье, галерея была окрашена «в жёлтый цвет, с нишами и колоннами, выбеленными известью».²³

В галерее было два крыльца, одно с фасада, с навесом (см. фото № 1), второе – с задней стороны (см. план М.А. Щепкина).

У водосточных труб стояли зеленые бочки по углам дома²⁴ для сбора дождевой воды.

Размеры галереи можно установить по остаткам старого фундамента.

---

²² По описи, составленной поверенным В.П. Лутовиновой Алексеем Тимофеевичем Головиным 24 декабря 1813 года, после смерти И.И. Лутовинова. ГМТ.

²³ Мурье Ж. Указ. соч. С. 111.

²⁴ Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. В кн.: На высотах спиритизма. СПб., 1889. С. 529-530

**Вера Леонидовна Андреева –
Леониду Николаевичу Афонину.
Неизданная переписка
(по материалам фондов ОГЛМТ)**

В фонды Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ) поступили письма В.Л. Андреевой, адресованные учёному, литературоведу Л.Н. Афонину. Количество писем составляет 87 единиц хранения. Все они были переданы музею правнуком писателя Леонидом Михайловичем Андреевым.

Письма датируются 1960-1963 годами. В эти годы Вера Леонидовна уже жила в России, в Москве.

Возникает вопрос: почему письма Веры Леонидовны остались в её квартире, ведь по логике их должны были передать в музей потомки Л.Н. Афолина?

Дело в том, что Вера Леонидовна сначала писала черновики. И вот эти черновики писем, написанные рукой дочери Леонида Андреева и оказались в музее благодаря правнуку писателя. Много лет назад вдова Л.Н. Афолина передала в музей его архив. Однако этих писем в нём не оказалось. Таким образом, тот факт, что Вера Андреева писала черновики, способствовал сохранению переписки.

Вера Леонидовна Андреева, в замужестве Рыжкова (1910-1986) – единственная дочь писателя. Автор книг «Дом на Чёрной речке» (М., 1974 и 1980) и «Эхо прошедшего» (1986).

Леонид Николаевич Афонин (1918-1975) – известный литературовед, автор первой в советское время монографии о Л.Н. Андрееве, многочисленных статей о творчестве И.А. Бунина, А.А. Фета, И.С. Тургенева и других орловских писателей.

Вера Леонидовна, живя за границей, старалась поддерживать связь с нашими известными учеными-литературоведами: В.Н. Чуваковым, Л.Н. Афолиным, главным хранителем музея И.С. Тургенева А.И. Понятовским. Когда пришло твёрдое решение приехать в Россию, то именно переписка с этими людьми повлияла на выбор

города. Орёл стал привлекателен не только потому, что это родина отца, но и потому, что в Орле жил Л.Н. Афонин, человек, так много сделавший для пропаганды и увековечения памяти Л.Н. Андреева. Окончательное решение поселиться именно в Орле возникло после выхода в свет книги Афонина «Леонид Андреев» (1959).

Будучи в Остраве (Чехословакия), Вера Леонидовна пишет (7.02. 1960): «Только что прочитала Вашу книгу «Леонид Андреев». Находясь под впечатлением этой правдивой и благородной повести о моём отце, мне захотелось выразить Вам <...> моё глубокое восхищение и искреннюю благодарность за то, что Вы сумели подойти к трагической и печальной судьбе моего отца с большим пониманием и глубокой бережливостью. Не могу даже выразить, как мне было отрадно прочесть после долгих лет забвения и неправильных мнений о творчестве и жизни Леонида Андреева Ваши правдивые, искренние строки, которые в надлежащем свете представили читающей публике жизнь писателя, его сомнения, искания и ошибки.

<...> Нечего и говорить, что мне бы очень хотелось лично познакомиться с Вами <...> (даже Ваше имя мне чрезвычайно симпатично!), поговорить о разных деталях Вашей книги, посмотреть собственными глазами те, бесконечно дорогие места, где родился и жил мой отец, взглянуть на улицу его имени...»

В июле 1960 года семья Веры Андреевой приехала в Орёл. В переулке Володарского, д. 13а им была предоставлена трёхкомнатная квартира. Огромную помощь и поддержку семье в переезде и обустройстве оказал Л.Н. Афонин. В Орле семья Веры прожила недолго. Случилась трагедия: муж Веры Леонидовны был по профессии строителем, и однажды его нашли мертвым в котловане. Похоронен Григорий Семёнович Рыжков на Крестительском кладбище. Оставаться в Орле стало тяжело, и Вера Андреева обратилась за помощью к К.Е. Ворошилову. Ирина Григорьевна Андреева (внучка писателя) в интервью газете «Московская неделя (Известия)» 14 мая 2010 года объяснила почему именно к Ворошилову: «Дело в том, что мой дед по линии отца, Семён Рыжков, был учителем Климента Ефремовича – еще до революции, в Луганске. Он научил его грамоте... После революции деду как-то не везло, его то красные ставили к стенке, то белые, и в результате он собрал детей и бежал в Крым, от-

туда в Турцию, затем оказался в Праге. Уже будучи в Чехии, дед долго переписывался с Ворошиловым, тот звал его в Советский Союз, но он не поехал – так и умер в Праге в оккупации в 1944-м.

<...> Ворошилов, хоть и был уже стар, помнил всех детей своего учителя. Знал, что мой отец Григорий Семёнович Рыжков женился на дочери писателя Андреева».

Очень скоро Вере Леонидовне дали трехкомнатную квартиру в Москве, на Кутузовском проспекте. Однако, Орёл, несмотря ни на что, остался в душе на всю жизнь.

Из письма от 10 июня 1961 года.

«Мой дорогой Орёл! Да, теперь в моих мыслях неотделим от него термин «мой», т.к. что-то невидимое, но необычайно крепкое связало меня с этим городом. Я никак не думала, что я буду вспоминать о нём с таким глубоким трепетным чувством. Много ли, долго ли я ходила по его улицам? И чем же объяснить ту нежность, которую я питаю к его мостам и улицам, к его тополям и берёзкам, к его заборам и домикам. Видимо то, что пришлось пережить там, в соединении с тем отцовским, что есть во мне и что тоже связано с Орлом, наконец-то родное, что я почувствовала в этом городе – навек связало меня с ним. И весь Кутузовский проспект с его «Украиной» и иностранцами я бы отдала за тихую Пушкарную улицу, где стоят покосившиеся домики и роются куры, или за пыльную Сакко и Ванцетти, где вдали на горке зеленеет Крестительское кладбище.

... Но вот вчера ... послышался звонок и, открыв дверь, я увидела на пороге маленькую фигурку моей дорогой Клавдии Стефановны <...> Так на меня пахнуло милым Орлом, чем-то непередаваемо родным и близким!.. Подождите, Леонид Николаевич, – когда Вы будете иметь неосторожность появиться вот так на моём пороге, – не избежать Вам серьёзных переломов костей в моих могучих объятиях!..»

Далее она пишет, что Клавдия Стефановна предложила забрать Ирину (дочь) в Орёл погостить.

«Вы подумайте: Ирка сможет жить у Клавдии Стефановны. <...> Ирка будет купаться, есть смородину и помидоры <...>

И, конечно, приедет к Вам в гости, дорогие мои Афонины и Ситниковы, т.к. мечта её жизни встретиться снова с Сашей, мимолёт-

ное знакомство с которым оставило в её душе неизгладимые следы. Вообще упоминание об Орле сейчас же вызывает на её лице сияющую улыбку – бедняга тоже по нему тоскует».

Комментарии:

1. «Украина» - гостиница на Кутузовском проспекте.

2. Клавдия Стефановна – установить фамилию не удалось. По словам сына Афонина – Александра Леонидовича, в семье Веры во время проживания в Орле была домработница. Но, вероятнее всего, она «приглядывала» за эмигрантами. В этом была её основная задача. Однако, судя по тону письма, отношения между ними сложились весьма теплые.

3. Саша – Александр Леонидович Афонин , сын Л.Н. Афонина.

***

В своих письмах Вера Леонидовна неоднократно говорила о том, как ей «симпатично» имя Афонина. В письме от 28 августа 1961 года она также скажет: «В связи с папиным днём рождения вспоминаем и Ваш, Леонид Николаевич! Будьте здоровы и благополучны еще многие и многие лета. Тин был потрясён, узнав, что Ваш день рождения приходится также на 21 день августа, в связи с одинаковым именем-отчеством, это связывает Вас, по нашему мнению, какой-то мистической нитью с личностью нашего отца».

В августе 1961 года в Орле отмечали 90-летие со дня рождения Л.Н. Андреева. Вера Леонидовна приезжала на этот праздник. Несколько позже, но тоже в 1961 году в Орёл приехал младший сын писателя, Валентин Андреев, с супругой. Валентин посетил музей писателей-орловцев, побывал в доме на 2-й Пушкирной, подарил подлинную печатную машинку «Ремингтон», портрет отца, который он сам написал с фотографии 1913 года (Бумага, уголь.1957). В настоящее время портрет и машинка экспонируются в Доме Леонида Андреева.

О своих впечатлениях от поездки в Орёл Вера Леонидовна пишет в письме от 16 сентября 1961 года:

«От моей поездки в Орёл у меня сохранилось такое светлое, трогательное ощущение <...> Мне было очень, очень хорошо и, несмо-

тря на мою печаль, мне было радостно и тепло. Я как-то по-новому взглянула на Орёл, на людей его населяющих, на необыкновенное радушие и ласку, которые эти люди проявили ко мне. <...> Как меня приласкали, как утешили! Много всего хочется сказать, но на бумаге все это выходит как-то грубо <...> Как можно говорить о том, что в Орле было сказано без слов, как можно говорить о такте, чтобы не показаться бестактной? Скажу только, что пребывание в Вашем доме, Ваша забота, радушие Ираиды Анатольевны, весь Ваш милый домик, – всё это останется у меня в душе воспоминанием светлым и радостным. Когда мне будет плохо, я всегда вспомню это, и мне обязательно станет легче.

<...> Тин приедет в Орел во вторник. <...> Гос. архив его везёт в машине прямо в Орёл, где у него уже и гостиница, и всё приготовлено.

<...> Мне бы хотелось, чтобы он побывал у Вас дома и познакомился с Ираидой Анатольевной и всем Вашим семейством. Я уверена, что Ваш милый дом, Ваши книги, Ваш садик, вся атмосфера Вашего житья-бытья произведёт на него глубокое впечатление и даст ему куда более верную картину жизни хорошей орловской семьи, чем самые длинные и учёные трактаты и осмотры <...> достопримечательностей.

Я не знаю, но портрет папы, висящий в Вашей комнате, даёт мне, а я уверена, что даст и Валентину, ощущение, что мы вошли в родной дом, дом близких родственников. Уверяю Вас, что десятки портретов папы в Вашем музее не произведут на него такого впечатления, что этот один в Вашей комнате».

Комментарии:

1. Тин – младший сын Л.Н. Андреева Валентин (1912-1988).
2. Ираида Анатольевна – жена Л.Н. Афонина. (Ситникова И.А. 1918-2001).

***

Поездка в Орёл произвела впечатление и на младшего сына писателя, о чём он не раз говорил своей сестре.

В конце 1961 года, 27 декабря, Л.Н. Афонин выступил на радио с рассказом о том, как прошли юбилейные дни, посвященные дню

рождения Леонида Андреева. Радиослушатели узнали также и о визите детей писателя на родину отца. Всё это тронуло Веру Андрееву. С чувством глубокой благодарности она пишет (28 декабря 1961г.):

«Сегодня получила Ваше письмо, а вчера Ваш симпатичный голос прозвучал в нашей радиоточке и приятно поразил мой слух. С большим удовольствием прослушала Ваши слова о родном орловском музее <...>

<...> Очень лестно сознавать, что кроме меня и моей младшей дочери их слышала вся Москва и чуть ли не весь Советский Союз. Таким образом сведения о папином стареньком Ремингтоне <...> стали достоянием очень многих людей. <...> Меня снова и снова трогает Ваша забота и хлопоты, неустанно направленные на увековечение памяти Леонида Андреева. <...>

...

Ваша жизнь, наполненная трудом и благородными деяниями во имя культуры, а что может быть выше такого труда? - является предметом моего восхищения и должна глубоко удовлетворять Вас».

Комментарии:

1. «Родной орловский музей» – музей писателей-орловцев, был открыт в 1957 году в доме по ул. 7-го Ноября. Ныне в этом историческом доме находится музей Т.Н. Грановского. С 1977 года музей писателей-орловцев располагается в Доме Галаховых (ул. Тургенева, 13).

***

В фондах ОГЛИМТ хранится текст выступления Валентина Леонидовича Андреева на премьере спектакля «Мысль», поставленном в парижском театре «Лютес» в 1961 году. Режиссёр спектакля и исполнитель роли доктора Керженцева – Лоран Терциев, французский актер русского происхождения. Работа Л. Терциева получила высокую оценку, а сам режиссер говорил, что и он, и весь его коллектив были поражены крайне современным звучанием темы пьесы.

Вскоре Валентин Андреев прислал программу спектакля Вере Леонидовне, поделился с нею своими впечатлениями.

12 июня 1962 год.

«<...> Валентин мне послал программу парижского театра., где от 27 апреля идет «Мысль».

Эту книжечку трудно назвать программой в нашем смысле этого слова, т.к. в ней имеются статьи, биографические данные, фотографии и довольно широкие оценки творчества Леонида Андреева. Всё это курьёзно читать, т.к. в оценках выражается сугубо французский взгляд, вплоть до сравнения Леонида Андреева с Эдгаром По. Но какой искренний восторг, какой успех! Тин хорошо познакомился с Лораном Терзиевым (так в тексте – Т.П.), исполнителем главной роли, о котором французы кричат, что он самый талантливый актёр современности. Тин от него без ума, просто влюблён в него и вполне обоснованно утверждает, что успех пьесы всецело обязан этому человеку. Терзиев получает массу предложений играть в других театрах и кино, но он отказывается, т.к. намерен исполнять только роли героев андреевских пьес. Подготавливается «Тот» и «Катерина Ивановна».

Комментарии:

1. «Тот» – пьеса Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины». Написана в 1915 году, опубликована в 1916 году. Имеет посвящение: «С любовью посвящаю моему другу Сергею Сергеевичу Голоушеву». С.С. Голоушев – публицист, критик, художник.

2. «Катерина Ивановна» – пьеса Л.Н. Андреева (1912).

***

Следует отметить, что переписка была очень активной. Судя по датам, корреспонденты писали друг другу еженедельно. Письмо Веры Андреевой от 10 ноября 1962 года начинается с извинений за молчание, тогда как предыдущее было отправлено девять дней назад.

«Вадим приехал перед самыми октябрьскими праздниками, но я его очень мало вижу. Он очень занят с издательством. Но дело у него очень продвинулось, т.к. его «Детство» скоро увидит свет.

Наконец и я его прочитала <...> И удивительная вещь – именно это чтение и дало моему воображению некий толчок и вдохновило на продолжение моей собственной зачахшей литературной деятельности. В данном случае исхожу, так сказать, из обратного: я

как-то увидела, что мои писания не хуже Вадимовых, а в некотором отношении даже чем-то лучше. Боюсь хвастать, но в его творчестве есть какая-то сухость, холодность, чего в себе я не замечаю.

Как на чей взгляд, конечно, но меня порадовало это открытие, и вот тут-то я и возгорелась создать кое-что более значительное, чем этот лепет о детстве под сенью андреевской атмосферы. Думаю переделать свою Чёрную речку, убрать оттуда всякое воспоминание об Андрееве – кто знает, пусть догадывается, конечно. Но не это мне нужно было! А главное – это будет только первая часть трилогии, в которой дальнейшие части будут называться: По дорогам Европы (или нечто вроде) и третья – Возвращение. Большой это будет труд и нелёгкий, но если захотелось, то мне кажется будет толк.

<...> Ваша статья «Андреев и кино» очень всем понравилась, а Вадим сказал любопытную вещь, что оказывается знаменитое выражение «великий немой» принадлежит тоже Леониду Андрееву. А Вы об этом не сказали...».

Комментарии:

1. Вадим – старший сын Л.Н. Андреева (1902-1976).

2. «Детство» – книга Вадима Андреева. Вышла в свет в 1963 году. (М., «Советский писатель»). Автор рассказал о своём детстве и о своём отце. Охвачен период жизни с 1907 по 1919 год.

3. «По дорогам Европы», «Возвращение» – из текста письма понятно, что Вера Леонидовна задумала трилогию. Однако, вышла в свет только первая книга «Дом на Чёрной речке» (М., 1974 и 1980).

4. «Великий немой» – на самом деле Андреев сказал «великий кинемо» («Письма о театре». 1912-1913 гг.). С «лёгкой руки» Леонида Андреева роль кинематографа в нашем быту неизменно сопровождают эпитетом «Великий». Андреевское выражение «Великий Ки-немо» в результате народной этимологии превратилось в «Великий Немой».

***

В данной работе представлено немного писем. Материал для исследования очень большой. Первое, на что хотелось обратить внимание, это то, что в письмах содержатся новые факты. Напри-

мер, известный поэт Андрей Вознесенский был увлечен внучкой Леонида Андреева – Ольгой Карлайл. Вера Леонидовна пишет (30 января 1963 г.): «Валентин <...> интересно рассказал о выступлении Андрея Вознесенского в Париже, – большой успех, представьте! Особенно понравился стих «Ольга», посвященный <...> нашей племяннице Ольге Вадимовне, которой Вознесенский, якобы, увлечён». (Вера Леонидовна ошиблась: стихотворение называется «Олененок» – Т.П.).

Целью работы было не только знакомство с текстами писем единственной дочери Л.Н. Андреева, но и желание показать какие дружеские, тёплые отношения связывали Веру Леонидовну и Леонида Николаевича. В этой связи особенно следует отметить активность Л.Н. Афонина, который, несмотря на большую занятость, находил время для переписки с множеством корреспондентов, о чём свидетельствует богатейший архив орловского ученого.

К 70- летию Великой Победы

Орел в 1941-1943 гг.

Фронтное письмо

Памятный знак на месте усадьбы А.А. Фета в с. Новоселки Мценского района

Фронтовые письма

Многолетняя дружба связывает Орловский музей И.С. Тургенева с Литературно-краеведческим музеем «Тургеневское Полесье», уже четверть века действующем в селе Ильинское Хотынецкого района. Один из разделов экспозиции музея посвящен событиям Великой Отечественной войны на Хотынецкой земле.

Особый трепет вызывают у посетителей письма земляков с фронта. Многие из них так и не вернулись домой. Сегодня мы публикуем несколько писем тех лет, сохранив орфографию и пунктуацию подлинников.

Все меньше остаётся тех, кто может рассказать, о чём думал, что видел, что чувствовал солдат, готовясь к атаке или выходя из боя.

Теперь, чтобы воссоздать обстановку незабываемых дней Великой Отечественной войны, мы всё чаще обращаемся к документам тех лет. И самые достоверные и откровенные из них – письма фронтовиков домой.

Письма с фронта – документы, над которыми время не властно. Тогда они были единственной ниточкой, соединившей людей. Это неиссякаемый источник мужества и веры в будущее. Это написанная кровью храбрых история войны.

Помимо известных нам треугольников выпускались открытки или «секретки», то есть конверты. Большинство из них имели какой-нибудь текст: «Смерть немецким оккупантам», «Воинское», «Письмо с фронта». Рисунки на них были на тему боевых действий и героического труда в тылу. Большинство писем писалось химическим карандашом – где им было взять ручку и чернила?

Как ждали писем с фронта! В деревнях выходили встречать почтальона за ворота, а то и за околицу. Далекое не простое было дело почтальона: ведь вместе с письмами от тех, кто бил врага, он должен нести в дом и страшные письма-похоронки, нести людям в

дом беду. Каково было видеть их боль утраты? Но если приходила похоронка – письма погибшего становились священной реликвией семьи.

У каждого письма своя история: счастливая или печальная. О чём думали наши славные воины? Что их больше всего волновало? О чём они писали в минуты затишья? Солдаты писали их под пулями, а под пулями люди не лгут.

Из писем некоторых наших земляков, призванных до войны, можно узнать, какая ситуация была перед войной в стране и в нашем селе, что творилось на фронте и в тылу.

***

Письма Ивана Михайловича Немолякина, которые хранила его мать, теперь хранит сестра Анна Михайловна Изотова. Когда началась война, Иван служил в армии.

Вот письмо, которое он писал 22 июня 1941 года.

22-06-41г. г. Ковров «Лагерь».

Здравствуйте, дорогие родители тятя, мама и сестренки Нюра и Поля. Во-первых я передаю вам свой Красноармейский привет и пожелаю наилучших успехов в вашей радостной и цветущей жизни. Тятя и мама, я в настоящее время жив и здоров, того и вам желаю. Живу я в том же городе, и по-прежнему учусь хорошо, за что вы должны гордиться мной. Тя[тя], жизнь моя пока ничего, хорошая, но в дальнейшем какая будет, это я еще не могу описать. Ибо сейчас очень напряженное время и потому можно думать о том, что не нынче-завтра я должен пойти на защиту нашей родины от наглых и подлых хичников это немецких фашистов, которые по-воровски напали на нашу священную родину, которая единственная в мире строить счастливую и радостную жизнь для всего Советского Народа, в том числе и для вас.

Поэтому дорогие родители я должен как верный сын Советского Народа и воспитанник Ленинского Комсомола с честью выполнять эту задачу, которую поставила перед нами наша правительства и партия большевиков во главе с товарищем Сталиным. Дорогие родители, если придется, то я клянусь вам, что я с честью буду

выполнять тот долг, который стоит перед нами и лично передо мной. Дорогие родители, ваши задачи состоять в том, чтоб вы там на мирном фронте всемерно боролись против Наглых Немецких фашистов и всемерно помогали нашей доблестной Непобедимой Красной армии. В чем именно ваша помощь – это честно расплачиваться с государством по всем видам платежей и честно работать на социалистических полях. Это в к-зе [колхозе – ред.], который носит название вождя т. Сталина. Тятя и мама, у меня настроение пока ничего, хорошее и я вспоминаю те твои рассказы, которые вы мне говорили о войне, в которой лично участвовал ты сам. Но эсли, тятя, потребуется, то мы вместе с тобой выступим и еще раз продемонстрируем волю и умение воевать с теми подлыми захватчиками, вместе мы с тобой будем честно защищать свою счастливую и радостную жизнь и нашу советскую страну от этих подлых фашистских захватчиков.

Вот дорогие родители, что я вам хотел описать о своей настоящей жизни. Не беспокойтесь, тятя и мама, победа будет за нами. Досвидания остаюсь жив здоров того и вам желаю. Будьте все здоровы а сестренкам желаю быстро расти и Ньюры хорошо учиться. Ваш сын Иван Михайлович. Передай привет Ивану Ильичу и его семейству, еще привет Гавриилу Вас. с его семейством. Привет брату Акиму Ивановичу Белобровкину, привет соседям Василию Ив. Минаеву и его всему семейству, еще привет Шарову Егору Ивановичу, моему воспитателю в деле механизации. Привет Андрею Дин. Немолякину. Хрестному Ильи Дм., Ганину Павлу Ник., Немолякину Федору И. и Немолякину Ал.Ив.

22.06.41г. Подпись

Письмо старшего лейтенанта, командира стрелкового взвода Ивана Александровича Кузнецова. У него остались дома мать, жена и четверо детей.

12 Декабря 1943 г.

Добрый день, Маня. Мой вам горячий привет с Полий, Шурой, Любой, Ремом и Мать. Желаю вам успеха в жизни. Маня, от нечего дела решил еще написать, скучно. Сейчас я значительно окреп, здо-

ровые стало хорошие. Ноги у меня зажили и я сейчас как и прежде чувствую себя превосходно. Снова не хожу, а просто бегая бегом как и раньше бегал. Если бы я знал что либо о вас как вы живете, было бы совсем хорошо. Иной раз бывает хорошо и настроение хорошие и смеешься и все как будто хорошо, а потом вспомнишь о вас как они там и невольно становится скучно и все противно досадно и обидно так со мной бывает часто. Я знаю, Маня, что вы остались без всего и у вас нет ничего и вам достать трудно, а помоч нет кому, вот это меня беспокоит, но, Маня, ведь это же гораздо лучше, что мы пережили и ты и дети и мать. Вы и я теперь свободны, главное свободны, и не ждем как раньше это было всяких издевательств и варварской смерти от каждой гадости и это, Маня, главное, и ты вспомни как ты когда-то говорила, пускай заберут все, только отдадут детей и пустят на свободу. Мы этого дождалась. И больше нам ничего ненадо. Вы теперь свободны и устраивайте жизнь как вам заблагорассудится, а я мой долг перед родиной как и всех что поручат, что доверят выполнять с честью о чем я тоже когда-то мечтал, и дождался, я со своими советскими людьми, и я доволен этим и меня больше ничего не волнует. О чем мы два года мечтали и ждали и ты и я, мать, дети, отец, вот только жалко, что погиб отец, он дождался, но не увидел того, что ждал. Жалко, но чтожь сделать. Вот так, Маня, все надо понимать, а что люди делают, грабят, воруют другу у друга, тащат, все захватывают больше и больше пускай. Этому не завидуй, это прах, чепуха. Ведь так было при немцу. Некоторые тоже наживались, вот теперь и нажились. Я тогда вам говорил об этом, так и сейчас пустота это, не завидуй этим людям дрянные это люди. Маня, я надеюсь, что ты и так проживешь, работать ты умеешь, только научись ценить свой труд. В деревне любят, чтоб за кусок хлеба целый день работал. Вот ты, Маня, цени свой труд, сделала что, уплати так что стоить, а не так что дашь, она тебе ничего не даст, а еще поглядить, нельзя ли чего у тебя взять. Вот, Маня, мой Совет, а прожить ты проживешь. Я надеюсь на тебя. Сама, Маня, смотри где выгодней, если выгодно работать на общественной работе, то работай, мне говорили, что в ревизионной комиссии работой, но если ты только болтаешься, то брось, у тебя 4 человека на иждивении, лутше шей, общим смотри сама. Вот все, обо мне не

беспокойся. Досвиданье жив здоров.

И. Кузнецов

Гомельская обл. Св... р-н д. Неглинки

Письмо Ивана Фроловича Худякова, 1924 года рождения.

Письмо 22 марта 1945 года.

Здравсуйте мои родные мама Поля Шура. Посылаю вам ково-
лерийский привет из далёкого края Чехословакии. Дорогая мама
письмо я ваше получил в госпитале. Только получил письмо и вы-
ехал в свою часть. А Володю отправили в другой госпиталь. Мама
ты спрашиваешь чем болел сама знаешь какое время и какие дни
в январе. Болели у меня ноги и пролежал в госпитале 1 м.[есяц] 3
недели, а теперь нахожусь в своей части. Я очень рад был когда по-
лучил от вас письмо и я узнал какая ваша жизнь. Дорогая мама от
фронта мы не далеко так что скоро должны вступить снова в бой с
фашиским зверем. Дорогая мама я бы прислал вам денег так что мы
получаем венгерские деньги они вам там бесполезны.

Мама буду жив вернусь домой с победой. И соберется вся наша
семья за стол и будим жить как жили раньше. Мама живи веселей
обо мне не думай, а вы мои сестры слушайте свою маму так что вре-
мя очень трудное. А я буду бить и мстить фашистам. Мама больше
новостей нету так что на этом письмо я заканчиваю остаюсь жив
здоров того и вам желаю в вашей жизни.

Передаю свой коволерийский привет мамы, Поли, Шуры, тети
Насти, брату Володи. Мама получишь мое письмо пиши скорей от-
вет.

Писал письмо сын Ваня.

На другом боку передайте брату Володи.

Посылаю на память сестры Поли часы.

1945 г.

Письмо Аексея Дмитриевича Лебедева из с. Льгов, которое он
писал 25 марта 1945 г

25/III Привет с Германии.

Здравствуйтесь дорогая жена и дети. Первым долгом шлю я вам свой фронтовой привет. Я нахожусь сейчас от берлина в 100 километрах, но скоро будем следовать дальше. Мы были в дороге 19 дней, выгрузились 25 числа. Здесь очень много новова, но всего не опишешь. До фронта ище идти километров 50. Но особо писать нечего что будет дальше затем. Досвидания сприветом ковсем. Передайте привет Кати, адрес мой полевая почта А №48573-Е

А. Лебедев. Писать полевая почта полностью.

А.Д. Лебедев без вести пропал на реке Одер.

Мы благодарны тем людям, которые сумели сохранить эти драгоценные свидетельства подлинной истории.

М.А. Дубровская

**Дневник из эпохи
Великой Отечественной войны
(из коллекции ОГЛМТ)
Публикация и предисловие А.Т. Молозевой**

Мария Александровна Дубровская родилась в Орле в 1891 году, в семье учителя реального училища А. Шумаева.

Мария Шумаева окончила орловскую гимназию с золотой медалью, а затем – Высшие Бестужевские курсы в Петербурге. После Октябрьской революции, вернувшись в Орел, работала библиотекарем в воинской части Красной Армии, закончила литературный факультет Орловского пединститута.

В 1930-е годы Мария Александровна заведует библиотекой им. А.С. Пушкина; преподаёт литературу в Орловской совпартшколе, печатается в журнале «Красный библиотекарь».

После образования Орловской области М.А. Дубровскую переводят заведовать методическим кабинетом областной библиотеки им. Н.К. Крупской, где и застало её начало войны. В августе 1941 года судьба подвергла Дубровскую тяжелому испытанию.

Вследствие конфликта с директором библиотеки она была сокращена с работы и, осталась с сыном без средств существования.

В отделе народного образования, куда она обратилась за помощью, ей предложили место учителя литературы в старших классах школы-десятилетки в селе Бакланово, расположенном в 30 км от Орла. Она приехала туда вместе с сыном Сергеем перед началом учебного 1941-42 года. Приступила к работе, написала планы занятий по литературе. «Жаль только не удалось мне работать. Два только урока». Школа прекратила работу.

Сохранилось несколько тонких школьных тетрадок с исписанными первыми страницами. Эти тетради будут заполняться записями «Дневника», который Мария Александровна начнёт вести в Бакланово, а закончит уже в освобождённом Орле. Первая запись была сделана 3 октября 1941 года – в тот день, когда они с сыном, выйдя из деревни, чтобы идти в Орёл, узнали от встреченных военных, что «Орёл в руках немцев. Идите обратно!»

«Дневник из эпохи Великой Отечественной войны», который Мария Александровна вела в течение 22 месяцев – именно столько продолжалась немецко-фашистская оккупация Орла, хранится в Рукописно-документальном фонде Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева. Он состоит из семи обыкновенных школьных тетрадей, исписанных простым карандашом.

Содержание 1-й тетради «Дневника» посвящено событиям, связанным с пребыванием в Бакланово с 3.X по 11.X.1941 года. Это очень короткий отрезок времени, но он так плотно населён людьми, событиями, наблюдениями за настроениями деревни: «А немец в деревне хорошо действует. Смотри: все хлеб получили, картошку, скот... Церкву велит открыть; говорит научу Богу молиться и по семь раз не жениться».

Замечает происходившие перемены: «В деревне настроение несколько ухудшилось. Ухудшилось потому, что стали приезжать немцы и забирать скот».

Мария Александровна записывает разговоры проходивших через деревни красноармейцев, гражданских лиц, местных учителей. Её записи отражают весь спектр, всю разнообразную гамму настро-

ений, надежд, ожиданий... «Я плохо разбираюсь в политике... Я пишу только так, как думаю. Но не ручаюсь за то, что выводы мои правильны. Факты и слова людей я записываю точно, а вот верны мои выводы – не знаю... А всё-таки думаю, что верны...»

Каким увидела М.А. Дубровская Орёл, захваченный фашистами, как удалось всё это пережить и выстоять, мы узнаем из последующих публикаций этого замечательного документа «из эпохи Великой Отечественной войны», оставленного нам простым библиотекарем М.А. Дубровской. «Я всё-таки надеюсь, что мои записки когда-нибудь будут опубликованы, т.к. они хотя бы частично, но рисуют замечательную эпоху, которую потом будут описывать и изучать».

После войны М.А. Дубровская была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Тетрадь первая

*Село Бакланово
Орл[овской] обл[асти]*

3.X.[1941]

Только вечером, случайно, от соседки, бедовой старухи с зычным голосом, узнали, что всем ребятам 23 года надо явиться в Орёл для прописки или ещё для чего... Просил узнать в [сельсовете]. Все неприятные дела он всегда просит делать меня. Что подделаешь? Я всегда безропотно делаю. Пошла... в сельсовете сказали, что верно, явиться нужно. «Неужели никто вас не известил?» Я рассказала про сообщение соседки.

«Да теперь уже, пожалуй, и поздно. А завтра рано утром, в темноте пойдём...» Председатель как-то странно переглянулся с присутствующими [нрзб.] «Завтра, пожалуй, поздно будет...»

Я ничего не понимала. «Разве явка [нрзб.] только один день? Всегда бывает несколько дней». Председатель ничего не ответил, потом сказал: «Вот разве вы пройдёте рано утром на Плещеево, тут не так далеко. Там завтра будут являться».

Сын был встревожен; мы с ним стояли среди дороги, не зная идти ли сейчас же на ночь или завтра утром. Один из учителей, проходивший тут же, тоже сказал как-то загадочно: «Да особенно не спешите. Может, завтра и вовсе не нужно будет являться».

Мы с Серёжей пошли, смущённые и растерянные, домой, в нашу маленькую хатку, чуть выделяющуюся среди засыхающих подсолнечников и еще зелёных ив.

«Как ты думаешь, что это значит?» – спрашивала я.

«Не знаю, одно только ясно, надо встать скорее утром, да идти в город».

Так мы и порешили.

Ночь почти не спала. Мне странно было думать, что я оставлю его где-то среди чужих людей, как взрослого – его, которого я привыкла считать своим мальчиком, для которого привыкла отдавать все свои силы, всё своё время. Неужели я вернусь сюда одна, без него. Я делала вид, что сплю. Сын также притворялся спящим.

4.X.[1941]

Рано утром, ещё в темноте, мы решили выступать в поход. Оделись, на спину повесили небольшие мешочки с калошами и одним куском хлеба, который выпросили у хозяйки. Грустно мне было, что ничего я не могла дать моему сыну, провожая его надолго, навсегда может быть... Он был озабочен, нахмурен, о еде ничего не хотел и думать. Вышли на дорогу, которая проходила прямо за нашей «спиной», т.е. за домом. Утро было тёплое. Ещё висел предутренний сумрак, но небо было чистым, день обещал быть не по-осеннему хорошим и ясным.

В грустном молчании зашагали мы по дороге, перешли мост; на встречу нам внезапно хлынула какая-то тёмная масса, движущаяся непрерывным потоком с горы по дороге; мы скоро встретились. Это шли наши военные части, меня поразило, что двигались они не стройно, не в порядке, а как-то вразброд, по 2-3 человека, какими-то небольшими кучками. Ещё больше поразило нас, что почти все встречающиеся с нами группы красноармейцев спрашивали: «Куда эта дорога идёт? Далеко ли от Орла?»

Как же так, не знают, куда идут?

Мы переглянулись с Серёжей. И ещё, и ещё спрашивают у нас о том же, и ещё, и ещё поспешно [?] группы людей. Мы так задумались, что вначале даже не обратили внимания, как нас окликает чей-то незнакомый голос:

«Паренёк, иди сюда, слышишь? Иди сюда».

Какой-то представительный человек [нрзб.] вида кивает головой моему сыну. Он пошёл в сторону незнакомца. Я, желая быть всюду с ним вместе, пошла туда же. Незнакомый человек в шапке, но не в военной форме, пристально смотрел [на нас].

«Вы куда идёте?»

Я удивилась ещё больше.

«В Орёл идём. Сыну нужно на приписку явиться».

Человек ещё внимательней посмотрел на нас.

«Вы, правда, туда движетесь?»

«Ну, конечно, а то шутим что ли?»

Он вдруг улыбнулся и, нагнувшись к моему лицу, внезапно спросил:

«А немцы где у вас тут вчера были?»

«Немцы? Какие? У нас никаких немцев не было».

«Верно это? Может, вы не знаете?»

«Да что вы, конечно, верно».

Незнакомец выпрямился с видимым облегчением.

«Ну, вот что, в Орёл вы больше не ходите. Являться теперь некуда. Орёл в руках немцев...»

Я должно быть чуть слышно охнула.

«Да не может быть. Ведь на нашем западном фронте всё было благополучно. Я только 5 дней тому назад была в Орле».

Незнакомец улыбнулся и махнул рукой: «Вот вам и пять дней». Идите обратно».

А серые массы всё двигались и двигались, обтекая нас со всех сторон. Мы постояли на дороге, сделали шаг вперёд, потом повернули за движущимся потоком и пошли с ними обратно к деревне. Мы молчали. Не было слов. Казалось нелепым, невозможным, чтобы наш город, наш Орёл, такой большой областной центр, так далеко находившийся от линии фронта, как мы пола[гали], вдруг в один день оказался в руках неприятеля.

«Серёжа, что же это? Верно ли?»

Спросили ещё проходящих быстрее нас красноармейцев. Два ничего не ответили, один обернулся и удивлённо посмотрел на нас...

«А как же? Сегодня ночью... Видите? Мы идём, а куда и сами не знаем».

Мы больше ничего не спрашивали. Обгонявший нас серый по-

ток договорил всё, что нам вначале было непонятно. Неужели действительно так сильна армия Гитлера? Неужели он в самом деле проводит «blitzkrieg», о котором так часто писали наши газеты? А радио? Почему-то ничего не говорило о близкой опасности. Что это? Полная неожиданность для наших или нарочитое молчание, чтобы не вызывать лишней паники. Да, а «зверства», «издевательства» над населением? Надо спросить, надо узнать. Но эти не скажут, им не до того.

Мы остановились на повороте к дому. Не хотелось идти в хату. Нужно было что-то обдумать, нужно было движение. Сын сказал: «Пойдём в Плещеево. Может «там» явлюсь. Двинулись в путь. Сумрак окончательно рассеялся. Мы шли наугад, по узенькой боковой тропинке по берегу реки. Перед нами открывались прекрасные виды – холмы, долина, зеленеющие поля озими, желтеющие – жнивья. Поднялось солнце, и стало удивительно похоже на весну. В маленьком лесочке, по дороге, закусили куском хлеба. Лес был жёлто-зелёный, торжественно красивый и пустой – нигде не было видно ни одного человека. Вышли опять на дорогу. Направление было взято правильно, как нам указывали накануне. [Нам хотелось] проверить, верно ли идём. Вот, наконец, навстречу две фигуры. Мужчины, кажется. Спросили. Один прошёл, не отвечая и не оборачиваясь. Другой остановился и начал рассказывать:

«Да, эта дорога на Болхов. Идёт с Орла. Ночью вышли. Что там было? А вы не знаете? Немец пришёл, вот что... Мы-то сами не орловские. Мы из Брянска. Привезли нас в тюрьму. А вечером вчера, как открыли все двери, да как закричат:

«Идите куда хотите, чтобы вашего духу тут не было...» Ну, мы, конечно, просить себя не заставили... Ушли, вот теперь будем окружными путями за Брянск пробираться...»

Он весело кивнул нам головой и пошёл дальше.

«Если так, нам с тобой лучше свернуть в сторону. По большой дороге можем прямо попасть на врага».

Мы свернули в поле, и пошли наугад по жнивью. Шли долго. Вот опять встречные. Спешат... Отмахиваются, некогда рассказывать. «Куда вы, в Плещеево? Идите назад. [Нрзб.] уже Плещеево. Немец уже по этой дороге из города поворотил – и по шоссе на Болхов и на Мценск. Вот быстро прёт... идите лучше обратно».

Мы опять свернули и, чтобы не быть настигнутыми, побрели прямо по жнивью подальше от дороги. Только к вечеру, усталые, измученные, вернулись в деревню. На мосту впереди – две учительницы. Они сообщили новость:

«Директор школы, завуч, учитель-орденоносец и председатель с/с [сельсовет] взяли колхозную лошадь и уехали неизвестно куда...»

Пожалела, что меня не было, я тоже могла бы с ними двинуться в путь на лошади, не пешком. Но кто знает? Может быть судьбе лучше знать, что делать: вдруг они не захотели бы меня с собой посадить. Я у них новый человек; это вполне понятно. А было бы очень обидно. Ну, всё равно, видно, остались «в кольце», что будет, то будет. Деревня ждёт «немца» сегодня ночью.

5.X.[1941]

Ночью меня разбудил испуганный голос хозяйки:

«Ты никак спишь? А я не раздевалась. Никто на деревне не спит. Слышишь? – немцы мимо нас по дороге идут. Многое-множество. Всё танки, танки, машины...»

У меня слегка забилося сердце. Не скрою, страх холодом пробежал по всему телу: «Ну, сейчас начнётся, как газеты писали, расправа над нами, с учителями, местной интеллигенцией». Я быстро оделась и выбежала в сени, откуда [приоткрыв] дверь смотрела хозяйка. Минуты проходили за минутами, танки ехали непрерывным потоком. Вдруг хозяйка радостно закричала:

«Да это наши. – Вон Сенька Баклановский. Сень – это ты?»

«Я. Не видишь, что ли?»

Мы ушли в хату. Это наши части уходят, оставляют город. Хозяйка уже успела, сбегала, спросила. Эти части не были в Орле, отступают откуда-то от Карачева или Брянска. А как их много, какие «мотомехчасти!» Неужели и они не могли дать отпор? Неужели так страшна сила неприятеля? Долго, [несколько] часов подряд шли наши танки, мотоциклы, шли в строгом молчании, не останавливаясь. Под утро заснула. Всё стихло. Ждём немцев...

7.X.[1941]

Проснулась ещё в темноте. Слышались чьи-то громкие голоса, топот ног. Я кинулась к окну. В предутреннем сумраке мелькали ка-

кие-то фигуры в капюшонах, с ружьями. Сыпал снег, завывал ветер, фигуры боролись с ветром и отчаянно стучали в окна и двери.

Я почему-то решила – партизаны – скрываются от немцев. Вспомнилась пьеса Катаева «Шёл солдат с фронта»¹. Такая же буря, такие же тёмные фигуры. Они – партизаны. Хозяйка уже отворяла дверь, скоро вся наша хата заполнилась людьми, которые ложились прямо на пол; скоро негде стало ложиться на полу и остальные садились на корточки:

«Вот хоть немного-то отогреемся. Две ночи и два дня не спали и не отдыхали, шли, шли... А куда – и сами не знаем. Начальники наши [нрзб.] то туда, то сюда – с ними, того и гляди, прямо к немцу в руки угодишь».

Оказалось – это не партизаны, а регулярные войска.

«Повезли нас почему-то почти к самому Брянску – а там всё горит, и немцы бомбят. Куда тут ехать. Да как наш поезд потянут назад... Словно раки пятились, пятились до Карачева. А тут говорят: «Пешие спасайтесь». В Орёл нельзя – мимо надо. Ходили, ходили – из сил выбились... Еды мало, кухни походной нет... Деревни кормят – только и спасенье. У вас будем, наверное, целый день. Колхоз баранов даёт, обедать».

Я испугалась и за них, и за себя, говорю: «Как же вы будете здесь целый день; ведь немцы в [нескольких верстах, налетят и вас тут нрзб.]»

Красноармейцы только усмехались, переглядываясь:

«Нет, он в деревне нас бить не будет. Он в деревне не трогает; вот, если пойдём – догонит и пойдёт садить. Мы говорили, надо бы малыми группами идти, а начальство всё нас в кучу стоняет».

И целый день пришлось нам провести стоя или сидя, как в самом тесном вагоне. Красноармейцы спали, затем сходили в колхоз за мясом и луком. Хозяйка энергично и весело работала – носила воду, варила картошку [нрзб.] чистили целые чугуны на 90 человек, варила мясо. А я волновалась, как бы не примчались немцы, и удивлялась их спокойствию и равнодушию.

---

¹ Имеется в виду кинофильм «Шёл солдат с фронта» (1939) по повести В.П. Катаева «Я сын трудового народа».

Отоспавшись, они весело разговаривали, шутили, с жадностью ели...

«Да придётся ли ещё так где-нибудь поесть. Хлопнет он нас дорогой».

«Да нет, мы поедем на своих, на двоих, а он на машинах катит. Он, небось, уже к Москве подкатил, а мы к встрече с ним не подоспеем».

«Никуда наша техника супротив его».

«Какая тебе техника – сказано при², куда тебе начальство велит».

«Ну, уж и начальники! [Бегут] все, куда подальше от врага».

«Да, видно, взял бы он нас в плен».

«А мучить тебя будут».

«Кто тебе сказал? Брехня одна. Никого он не мучает. Сожмёт ремень, возьмёт ружьё и скажет – ступай, куда хошь».

«Ну, нет, на работы возьмёт».

«А это [что плохо], кормить будет, а работать нам не привыкать».

Красноармейцы, видимо, не имели ни малейшего желания бороться, биться насмерть. Один из них с удовольствием сказал товарищам:

«А крестьяне-то здесь довольны – колхоз весь разобрать – и хлеб, и скот – все поделим».

Остальные только засмеялись.

Неужели всё это было ложью? Неужели все эти годы, вся эта напряжённая борьба за новое ничуть не была [нужна] народу; народ не хотел её, мечтал о жизни по-своему, по-старому. И всё, что мы делали в городах, также осталось чуждым и ненужным огромным массам деревень.

И вот сейчас... В городах тяжёлая [действительность]. Голод, отсутствие работы, безденежье... А деревня ничего не потеряла. Наоборот, наша деревня так даже выиграла от войны – если, конечно, не [будет здесь] боя. Крестьяне получили весь хлеб, картошку, ничего не дали государству. Не желают продавать за деньги, а давай им вещи, материал. И моё положение с Серёжей очень неважное. Деньги есть, но на них ничего купить нельзя. Придётся постепенно отдать все свои необходимые вещи, а потом налегке идти в го-

---

² Слово «при» употреблено в значении «иди».

род «сдаваться», если не убьют, то всё равно умереть с голоду, [так как] продавать будет нечего, а работу вряд ли дадут. Такова наша перспектива. Успели за день. Не было возможности даже прилечь. Вечером пришёл один из «молодых начальников» и сказал, что надо назначить 4-х дежурных на край деревни... Красноармейцы приняли это молча, с недоволь[ством] [нрзб.]

– «А зачем там торчать и сами не знают».

Они ещё и сами не знали, тут ли ночевать или [надо] идти. Через несколько минут пришел другой начальник и отдал приказ немедленно собираться в путь. 9-го и 10-го было тихо в деревне, прекратились выстрелы и звуки разрывающихся бомб. Говорят, что к сельсовету подъезжал легковой автомобиль с немцами. Что они делали, и верно ли это – не знаю. Крестьяне ходят весело – получили из колхоза последние запасы: просо, горох. Они убеждены, что «немец» скоро наладит и «торговлю», «все скоро будет».

Вечером растащили всё из лавки УДК и даже дверь и стёкла вырезали. Хотели поджечь, но раздумали.

Мне грустно – я не знаю, буду ли я работать. Как отнесётся ко мне [нрзб. власть]. Грустно, что приходится жить у «хозяина» из милости. Денег она брать не хочет... последний раз взяла за молоко 40 рублей и сказала, что это ни к чему – детям играть. Работаем с Серёжей на огороде у хозяина. Это не очень нравится, но когда мы работаем, она нас лучше кормит и бесплатно. Вчера даже сварили суп с бараниной. Особенно любит хозяин Серёжу: он и правда главный теперь работник, она без него ни шагу – шкаф перенести, замок открыть, ребят постричь. Сергей применяет все свои таланты – парикмахер, музыкант, «сапожник». Это последнее особенно поразило хозяйку; я слушала, как шепотом, с особым восхищением, говорила соседке, показывая башмаки сынишки, исправленные моим Сергеем. Он умеет и ребят занимать: они от него в восторге. Утром хозяйка сказала: «Слышишь, моя Нинка говорит: «Не хочу, чтоб они от нас уезжали, пускай всегда живут».

А меня, нет-нет да и потянет в Орёл, потянет так сильно, что, кажется, взяла бы узелок и пошла туда. Как там – живы ли сестра, мать. Мне бы хотелось взять сестру и привезти с собой, мне кажется – они там голодают: ведь если здесь денег не берут, то там и по-

давно. А пойти по деревням у них нет сил. Я помню, как мы ходили за картошкой в деревню. Это было в 1919 году. Страшный год! Но тогда я была молодая, и поэтому всё было интересно и хорошо. А теперь вся моя надежда на сына. Для него, а не для моего 22-х летнего труда, дают, дают нам еду и держат нас в тёплой квартире. Что ж, каждому своё. Я рада, что он теперь не пропадёт без меня. Теперь сможет прожить, если меня и не будет. И очень интересно знать, как устанавливается жизнь в городе.

11/X[1941].

Сегодня уже было ясно и [морозно]. Первый снег, солнце и голубое небо. Я не утерпела и пошла около парка; вдруг вдали мелькнуло несколько серых фигур: ближе, ближе. Остановились передо мной 5 красноармейцев с ружьями в руках.

«Тётка, скажи-ка нам, есть в деревне немцы?»

«Нет, говорят, приезжало несколько человек и уехали».

«А наши части стоят здесь или нет?»

«И наших нет».

«Никого? Верно знаешь? Значит пошли на Орёл».

«Да ведь там немцы... Куда вы...»

«А куда же нам теперь податься? Всё равно некуда... Пойдём прямо сдаваться».

Ушли. Осталась одна среди белого бесконечного поля. Было тихо, на сердце – смущение и растерянность. Бегут. Все бегут. Неужели это только здесь, у нас. А если это всюду? Что будет дальше? Дома, пока завтракали, пришла ко мне впервые учительница русского языка. Она у меня раньше не была. [Мне хотелось] узнать, что привело её ко мне. Симпатии ко мне она не чувствует. Да и вообще у меня никто ещё не был. Я здесь чужая. Всем чужая. Один месяц не дал меня сблизить с ними. Она спросила, что мы нового узнали, что думаешь делать.

«Ненавижу я наших деревенских – вот жадные, дикие. Колхоз весь растащили. Мой отец в колхоз лошадь, тёлку внёс, а теперь ему ничего – говорят, всё по трудовням. А он [нрзб.], какие у него трудовни? Вернуть наше должны были».

Посидела долго. О фронте ничего не слыхала, ведь мы сидим отрезанные от всего мира. По слухам сдан Ленинград, Москва горит. Неужели погибнут наши лучшие города!! А сколько людей! Лучше бы когда-нибудь закончить войну. Закончить совсем, чтобы долго-долго не было этого, избиения людей.

Как может наше прави[тельство] думать о победе? Я в городе тоже верила в это: «Наше дело правое, победа за нами». Но теперь, здесь, видя эти серые ряды и фигуры, я не могу поверить... Как, каким чудом, мы вдруг погоним немцев, когда теперь так далеко они зашли в нашу страну. И ещё хуже того – отношение к неприятелю совсем не враждебное – напротив, в словах красноармейцев и крестьян чувствуется что-то дружеское, уважительное: «Он, немец, не такой – даром по деревням бить не станет. Он нас заберёт в плен и ничего плохого не сделает – знаем мы, слыхали – только хлястик отрежет и ступай, куда хошь».

«Смотри, у него скоро всё будет – лавки торговать начнут, достанет и сахар, и керосин. А я – интеллигент. Я ничего не понимаю, не знаю...»

(Продолжение следует)

**Поэзия Фета зовёт молодёжь на подвиг.
Забывая пьеса 1942 года «Бессмертный»:
история создания и постановки,
орловские реалии, особенности военного
прочтения классики**

В первый год Великой Отечественной войны была написана и затем поставлена на столичной сцене пьеса, действие которой происходит осенью - зимой 1941 года на Орловщине, в бывшей усадьбе Афанасия Фета. Соавторами пьесы выступили начинающие, а в скором будущем весьма именитые драматурги Алексей Арбузов и Александр Gladков.

Первой по-настоящему успешной пьесой будущего лауреата Государственной премии СССР Алексея Николаевича Арбузова (1908-1986) была «Таня», написанная в 1939 году и в том же году поставленная в Театре Революции с Марией Бабановой в главной роли. В дальнейшем «Таня» ставилась едва ли не во всех театрах страны и принесла широкое признание автору.

В 1939 году Арбузов вместе с Валентином Плучеком организовал в Москве театральную студию, известную как «Арбузовская студия». С началом Великой Отечественной войны студия была эвакуирована в Среднюю Азию, но весной 1942 года студийцы вернулись в столицу, студия была реорганизована во «Фронтовой театр Дирекции фронтовых театров при Всесоюзном комитете по делам искусств». В Москве коллектив ждал большой успех, так как все столичные театры находились в эвакуации. Играли в опустевших помещениях театров «Ромэн» и ТЮЗа в Мамоновском переулке.

Сам Арбузов в эвакуации жил в Чистополе. Этот небольшой городок в Татарии с началом войны приютил многих известных поэтов: Анну Ахматову и Бориса Пастернака, Арсения Тарковского и Николая Асеева... В Чистополе Арбузов вместе с Александром Константиновичем Gladковым (1912-1976) работал над новой пьесой. Gladков стал известен как драматург в 1940 году, когда написал героическую комедию в стихах «Давным-давно» (первое

название — «Питомцы славы»). Её премьера состоялась 7 ноября 1941 года в осаждённом Ленинграде. Пьесу ставили многие фронтовые бригады и театры в тылу, а её постановка в 1943 году в Центральном театре Красной армии была отмечена Сталинской премией. В 1948 году Гладков был репрессирован, шесть лет провёл в лагерях. Он был «восстановлен в правах», по знаменитой пьесе в 1962 году был снят фильм «Гусарская баллада».

15 мая 1942 года¹ Арбузов с Гладковым привезли в Москву новую пьесу — «Бессмертный». К этому времени студийцы уже перешли в старое здание Театра сатиры и там начали репетиции...

Сюжет драмы (точнее, трагедии) был типичен для тех времён и подавался в соответствующем романтическом духе: бригада из двадцати пяти московских студентов (именно столько актёров насчитывалось в «Арбузовской студии»), у которых имелась бронь от призыва в армию, в конце лета 1941 года мобилизована в помощь совхозу «на картошку». Действие происходит «где-то на стыке Тульской и Орловской областей»², неподалёку от города Ценска (по условиям военного времени зашифрованное, но вполне соотносимое со Мценском название).

В начале спектакля взору зрителей представляли картофельное поле и полевой стан: «Здесь живёт бригада московских студентов. В стане пусто. Все на работе. Возле горячей печи сидит Леночка Москвина. Она сегодня дежурная, готовит ужин для бригады. В углу на одном из матрацев – спящая фигура. Поздний сентябрь. Однообразный и унылый шум мелкого осеннего дождя».³

Уже в октябре студенты оказались в тылу врага и вскоре стали партизанским отрядом, в который влился «отставший» от делегации иностранных журналистов 37-летний сотрудник американского газетного агентства «Атлантик-Пресс» Джек Уорнер. Название пьесе было дано по прозвищу студента Сельскохозяйственной академии, командира партизанского отряда Славки Станкевича –

---

¹ Галич: Новые статьи и материалы / Сост. А. Крылов. М., 2003. С. 227.

² Арбузов А. Бессмертный. Драма в 4-х действиях / А. Арбузов, А. Гладков. М., 1942. С. 4.

³ Там же. С. 5.

«Бессмертный». После того как он был тяжело ранен и пропал без вести, другой студент – Славин возглавил отряд и погиб вместе со всеми.

Одна из первых картин пьесы – начало общения студентов-партизан с Уорнером во время простецкого ужина. Здесь канва событий делает неожиданный поворот:

«Женя. Я предлагаю выпить... за Фета.

Уорнер. Скажите, а он ещё жив, этот мистер Фет?

Марина. Он умер пятьдесят лет назад. К сожалению, многие этого не понимают.

Женя (читает).

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:

Какой восторг - так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поём и славим,
И так живём, что нам нельзя не петь!

Сугробов. Неплохо!

Цветаев. Да здравствует старик Фет!».⁴

По замыслу авторов, Марине Китаевой 25 лет, она студентка 4-го курса Института философии, литературы и истории, собирает материал для диссертации о Фете.⁵ По-своему символично не только «воскрешение» в пьесе Афанасия Фета на фоне царивших прежде большевистских агиток в стиле Демьяна Бедного. Символичен и подбор героев – студенты консерватории, ИФЛИ, их командир – Станкевич (век тому назад именно с московского кружка Николая Станкевича началось рождение русской интеллигенции)...

---

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 62.

2-е действие – о начале партизанской борьбы («Середина октября 1941 года. Лес, раннее утро. Ночью выпал первый снег. Шалаш из берёзовых и сосновых веток. Потухший костёр»⁶). 3-е действие разворачивается непосредственно в бывшей усадьбе Фета, в доме, где после революции был музей.⁷ Зритель видит, что мемориальное здание подверглось разгрому: мебель поломана и разбросана, на пол сброшен портрет старика, всюду следы пожара.⁸

Хранительница музея 62-летняя Аглая Николаевна: «Я буду жаловаться генералу, командующему немецкой армией [...] Я написала подробную жалобу. Я требую строжайшего расследования». Другой герой пьесы – Дронов – поясняет: «Вот это директорша местного музея – Аглаей Николаевной её зовут. Хозяйкой она тут прежде была, а в девятнадцатом приезжал Луначарский и директоршей её сделал. Немцы здесь набезобразничали – вот она и поколебалась в спокойствии малость».⁹

Процитируем текст пьесы:

«Уорнер. Два-три снимка на фоне этого хаоса. Ручаюсь, что они облетят всю мировую прессу... Очевидно, этот камин сохранился с того времени, когда здесь жил великий поэт.

Аглая Николаевна. Да... У его огня сидели Лев Толстой, Тургенев...

Сугробов. Вам эти имена, вероятно, не знакомы, господин немецкий студент?

Вертер. Напротив, я изучал в Гейдельберге русскую литературу. Я читал романы Тургенева и Толстого. Это было скучным занятием, но я был терпелив».¹⁰

Вертер – 22-летний пленный обер-лейтенант, сын бывшего управляющего имением. Он не случайно попал в эти орловско-тульские места: хочет быстрее «вступить в наследство», стать здесь хозяином, поскольку после нескольких лет в роли управляющего его отец стал владельцем усадьбы. (Символично, что спустя какое-то

---

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 64.

время немецкий генерал-майор вообще выгнал Аглаю Николаевну из дома – здесь разместился штаб).¹¹

По иронии судьбы, в России немецкие захватчики ведут себя так же по-варварски, как вели (или пытались вести) некие революционные деятели 1917 года – не случайно Аглая Николаевна называет Вертера нигилистом.¹² И помещики, и советская власть в итоге подвергаются разрушительному нашествию, становятся «товарищами по несчастью», а это, как известно, примиряет.

«Аглая Николаевна. Этот дом помнит весёлые дни... Когда-то вся губерния съезжалась к нам на балы. Играла духовая музыка, в парке били фонтаны... Смех, любовь, безрассудная молодость».¹³

Марина Китаева, осознавая утраты, читает жизнеутверждающие строки Фета:

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.¹⁴

В словах одного из героев проскальзывает мысль о том, что будущая книга Марины Китаевой о Фете непременно будет удостоена Сталинской премии.¹⁵ Таким образом, зритель получал ясную и однозначную формулу необходимости возвращения старой культуры,

---

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 69.

¹⁵ Там же. С. 103.

старого искусства в новую, советскую жизнь: «Марина. Я напишу в ней [диссертации] о том, что поэзия, которая помогает любить и понимать природу родины, вкладывает людям оружие в руки, когда их родину топчут чужие сапоги».¹⁶

Помимо «реабилитации Фета» в пьесе немало моментов, обращающих на себя внимание даже спустя три четверти века после её создания. Например, тема назревшего «примирения» советской власти с Русской Православной Церковью (у дьякона скрывается раненый красный командир).¹⁷ Очевидна политическая злободневность – вопрос об открытии второго фронта.

«Комаровский. Скажите, мистер Уорнер, когда Америка вступит в войну?

Уорнер. Мой друг, мистер Франклин Рузвельт просил меня держать это в секрете».¹⁸

Пьеса перенасыщена географическими реалиями, например город Ценск упоминается больше десятка раз.¹⁹ В финале разворачивается панорама борьбы вокруг этого города – здесь высаживается советский десант, начинается решающее наступление Красной Армии. И на этом оптимистичном фоне – череда трагических картин: талантливый пианист отмораживает пальцы, Лена Москвина погибает как Зоя Космодемьянская.²⁰ Ещё смерти и смерти... В числе других погибает и Марина Китаева, так и не осуществив свою мечту о диссертации. В итоге в окружении журналист Уорнер остаётся один. Готовясь встретить в последней схватке врага, он вынужден сжечь рукопись будущей книги, которой позавидовал бы Стейнбек.

Судьба американского журналиста в пьесе созвучна с судьбой героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940): американец Роберт Джордан, добровольно участвующий в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, получает задание – взорвать мост... Мост взорван. Те, кто уцелел, торопятся отойти. Во время отступления снаряд разрывается рядом с лошадью Джорда-

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 88.

¹⁸ Там же. С. 26.

¹⁹ Там же. С. 53, 55, 88, 89, 97, 114, 115, 118, 121, 122 и др.

²⁰ Там же. С. 103.

на, та падает и придавливает всадника. У Джордана сломана нога, и он понимает, что не может ехать с остальными. Оставшись один, Джордан застывает перед пулемётом, ожидая врага...

На наш взгляд, «военная стилистика» пьесы во многом продиктована всё-таки ещё не событиями 1941 года, а реалиями трагедии, которая недавно была в центре внимания советских людей, — гражданской войной в Испании. Та же последняя сцена с Уорнером по патетике родственна не только роману Хемингуэя, но и эпизодам из повести К. Паустовского «Созвездие Гончих Псов» (1936). По повести Паустовским была написана одноименная пьеса о войне в Испании: в течение нескольких лет спектакль был в репертуаре многих театров СССР.

Однако финал «Бессмертного», конечно, намного мощнее и масштабнее, чем в двух предыдущих произведениях других авторов. Арбузов и Гладков в духе библейских притч патетически заявляют о победе над смертью. На борьбу с захватчиками поднимается неисчислимая народная масса: взорваны вражеские склады, о делах партизан узнаёт «большая земля» – одному из вчерашних студентов присвоено звание Героя Советского Союза. Имя погибшего Бессмертного берут другие бойцы (и готовы взять новые добровольцы, если потребуется). В отряд уходят подростки и даже дьякон. Победа неминуема.

Пьеса была привезена в Москву первоначально в виде некоего «короткометражного» сценария, композиции. Примечательно, что роль пианиста, по сути, главная роль, была написана специально для студийца Александра Галича (1918 – 1977), будущего известного поэта и сценариста, исполнителя собственных песен. Именно он играл своего ровесника, 24-летнего студента консерватории, пианиста Гехта (однако по указанию реперткома ему дали русскую фамилию «Славин»²¹). В финальной сцене первого варианта пьесы Галич срывающимся голосом произносил патетические слова, сидел за настоящий рояль и играл «Апассионату», «Лунную сонату» Бетховена и другие композиции.

---

²¹ Аронов М. Александр Галич. Полная биография. <http://proflib.com/chtenie/144512/mikhail-aronov-aleksandr-galich-polnaya-biografiya.php>.

Однако во втором, более полном варианте пьесы этот фрагмент был перенесён в конец второго действия. Финал стал иным, трагическим: погибают все персонажи...

Студийцы запомнили, как Александр Галич был расстроен тем, что ему не дали роль американца, которая досталась Леониду Аграновичу. Леонид Данилович Агранович (1915-2011) – родился на станции Змиёвка Орловской губернии. Кинорежиссёр, сценарист, драматург, член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии СССР. По воспоминаниям главного режиссёра Комсомольско-фронтowego театра ГИТИСа Бориса Голубовского, Агранович играл роль Уорнера с «излишней аффектацией и “заграничностью”».²²

Современный читатель, исследователь истории драматургии ныне может познакомиться с четырьмя вариантами пьесы «Бессмертный».

1. Уже упомянутый краткий сценарий в виде отдельных, истрепанных и наполовину выцветших листочков (хранится в РГАЛИ²³).

2. Тиражированный на стеклографе машинописный вариант: Арбузов А., Гладков А. Бессмертный. Драма в 4-х действиях. – М.: Всесоюзное управление по охране авторских прав, отдел распространения, 1942. – 55 с. (экземпляры хранятся в РГАЛИ²⁴ и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)). Указаны выходные данные: пьеса подписана в печать 18.9.42 г. разрешением ГУРК [Главного управления репертуарного контроля]. Отпечатана на стеклографе отделом распространения ВУОАП [Всесоюзного Управления по охране авторских прав] по госзаказу Управления по делам искусств при СНК РСФСР. Редактор З. Фельдман. Тираж 350 экз.

3. Пьеса, изданная отдельной книгой: Арбузов А., Гладков А. Бессмертный. Драма в 4-х действиях. – М.: Гос. издательство «Искусство», 1942. – 124 с. Редактор М. Горячкина. Разрешено ГУРК 26.8.42 г. Подписано в печать 26.10.42 г. Тираж 3 тыс. экз. (экземпляр хранится в РНБ). В данной статье цитаты из пьесы приводятся по этому изданию.

---

²² Голубовский Б. Большие маленькие театры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 310.

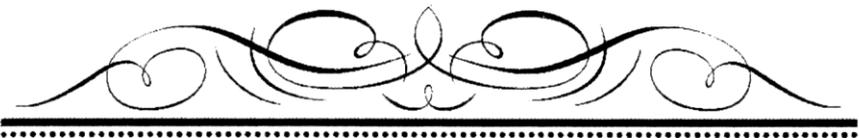
²³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 320.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 77

4. Размноженный на ротапринте текст: Арбузов А., Гладков А. Неожиданная осень (Бессмертный). Романтическая драма в 3-х частях (Новая редакция 1965 г.). – М.: Отдел распространения драматических произведений ВУОАП, 1965. – 89 л. 100 экз. (хранится в РНБ).

Драма «Бессмертный» – памятник событиям Великой Отечественной войны, героическим защитникам Родины. Для будущих поколений представляет особый смысл то, что в поиске истинных духовных ценностей в роковую для Отечества годину молодые драматурги обратились к поэзии А.А. Фета. Русская культура, искусство и литература были и всегда останутся важнейшими основами национального единения, сплочения общества, тем смыслом, который даёт людям силы для борьбы и преодоления невероятных тягот.

Не хотелось бы, чтобы эта пьеса была забыта в XXI веке. Вполне возможно возобновить её постановку на сценах Мценска или Орла. И, конечно, рассказ о драме «Бессмертный» должен занять достойное место в общем осмыслении того, как в Советском Союзе после многих лет нигилистического отношения к русской классике происходил поворот к реальной оценке значимости этого богатейшего наследия народа.

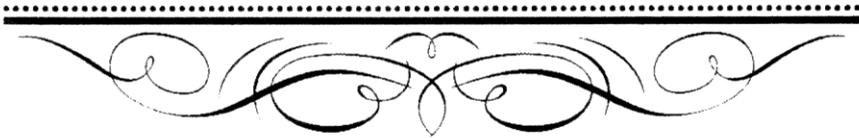

VI

Из собрания
Орловского объединённого
государственного
литературного музея
И.С. Мургенева

О.В. Галахова. 1880 г.

Н.В. Вырубов в форме офицера
французской армии

Другу моему, Ф.И. Тютчеву.

Моя душа, мой ум, мое сердце все полно твоим воспоминаньем —
Как будто гудит море — и море для меня утихло. ....
И скоро улетает — во мраке неба твой —
Полет твой, сладкий сон и полужизнь воссироты —

Волода Мад. 1868.

Ф.И. Тютчев

Авторграф Ф.И. Тютчева

Экспонаты рассказывают

Глава I

Как много может рассказать одна фотография (о фотографии О.В. Галаховой, племянницы А.А. Фета)

Фотография Ольги Васильевны Галаховой хорошо знакома всем, кто видел фетовскую экспозицию музея писателей-орловцев.¹

Это единственная сохранившаяся фотография племянницы и воспитанницы Фета в молодые годы, передающая образ той, которой повезло иметь родство и стать наследницей двух литературных знаменитостей – поэта Афанасия Афанасьевича Фета и писателя Ивана Сергеевича Тургенева. По линии отца Василия Афанасьевича Шеншина (1827-1858) она являлась родной племянницей бездетного Фета, а по линии матери Екатерины Дмитриевны Мансуровой (1834-1858) приходилась дальней родственницей Тургеневу (бабка Ольги Васильевны – Прасковья Алексеевна Мансурова, была троюродной сестрой писателя).

Фотография поступила в музей И.С. Тургенева в 1965 году из Государственного литературного музея (Москва).

На снимке Ольге Васильевне приблизительно 20 лет. Музейные экспонаты любят точность. Установить возраст племянницы Фета на этом изображении позволяют два письма: одно – неопубликованное письмо Ольги Васильевны к А.А. Фету; другое – опубликованное – А.А. Фета к Л.Н. Толстому.

В письме к А.А. Фету племянница писала:

«Милый дядя!

В день отъезда из Клеймёнова я получила твоё и тётينو письмо.

Не поверишь, как я сожалею, что по болезни не могла приехать в Воробьёвку, 5-го числа я заболела у Шёниг, где пролежала неделю, а затем по совету доктора уехала в Москву...

¹ Фото. О.В. Галахова (ур. Шеншина) ОГЛМТ 2735 оф.

Ты скоро уедешь за границу: я на днях буду сниматься и постараюсь прислать тебе карточки до твоего отъезда, т.к. ты желал взять мой портрет за границу.,.

Обнимаю и крепко целую тебя и тётю и остаюсь искренно любящей тебя О. Шеншина». Письмо без года, датировано 22 сентября.²

В письме А.А. Фета ко Л.Н. Толстому были проставлены число и год – 28 сентября 1880 года. Между прочим, он сообщал в нём, что «за границу до марта не поедет т.к. не по силам».³ Эти письма позволяют со всей определённостью установить возраст племянницы Фета на музейной фотографии. Ольга Шеншина снята в возрасте 22-х лет осенью 1880 года. Это был год её совершеннолетия, когда она вступила в свои наследственные права и стала полновластной хозяйкой всех имений, доставшихся ей от родителей.

У Ольги Васильевны была непростая судьба. В 1858 году, вскорости после рождения, она лишилась отца и матери, скончавшихся неожиданно один за другим. Воспитывалась в Москве, в пансионе мадам Эвениус. В четырнадцатилетнем возрасте поступила под опеку и на воспитание к своему дяде А.А. Фету и жила у него в орловском имении Степановка. В отношениях с племянницей А.А. Фет был требователен и строг, всерьёз занимался её образованием, стремясь закрыть пробелы в знаниях, которые оставил пансион. В книге «Воспоминаний» он пишет: «... в течение четырёх лет я день в день, за исключением праздников, задыхаясь, всходил по лестнице в классную и, отдохнувши, давал от часу и до полутора уроки истории и географии, причём, нимало не затрудняясь, клал толстый конец бревна на своё плечо, а тонкий на плечо девочки. Действовал я по собственному соображению, не прибегая ни к каким неведомым мне педагогическим руководствам. Но я должен с удовольствием сказать, что в конце четвёртого года все крупные исторические события были утверждены в памяти, и я полагаю, что у бывшей моей ученицы они и поныне сохранились в памяти гораздо лучше, чем в моей собственной».⁴

---

² ИМЛИ. Архив А.А. Фета. 20296
СХХХVІІІ614

³ Фет А.А. Соч. т.2, М.,1982, С.210.

⁴ Фет А.А. «Воспоминания». Т.2. Пушкин. 1992. С. 266.

В 1877 году Ольга оставила А.А. Фета, отказавшись вернуться в Степановку после поездки в Москву. А.А. Фет тяжело переживал разрыв с племянницей, что стало, по его словам, причиной продажи Степановки и покупки имения Воробьёвка Курской губернии. В год своего совершеннолетия Ольга делает шаг к примирению и приглашает дядю открыть бал в Дворянском Собрании, который давала орловскому обществу. «Бал, – писал А.А. Фет Толстому 16 января 1880 года, – начиная с прекрасной залы, фруктов и музыки и кончая весельем всех, начиная со Столыпина (Аркадий Дмитриевич, отец Петра Аркадьевича Столыпина – Л.М.), открывшего танцы с Олей вальсом, и, кончая любезностями всех дам и ящиком шампанского, прошёл благополучно...»⁵. Это письмо свидетельствует о том, что обида на неё была изжита.

Очевидно, в год своего совершеннолетия Ольга Васильевна заказала несколько таких фотографий. Одна из них в течении 60 лет хранилась в семье Сергея Афанасьевича Тинькова, офицера лейб-гвардии Литовского полка, бывшего земского начальника во Мценском уезде, соседа Галаховых по Клеймёнову.

В собрании музея есть никогда не публиковавшаяся полностью рукопись С.А. Тинькова «Воспоминания о семье Галаховых», написанная в 1930-е годы. В наши дни рукопись имеет большую ценность как документ истории, дающий правдивое и подробное описание жизни провинциальной дворянской России конца 19 начала 20 века. Упоминается в ней и фотография, подаренная ему О.В. Галаховой. Он пишет: «В один из моих отпусков я заболел сильно инфлюэнцей. Это было на Рождество, и Галаховы устроили у себя елку. Я был очень огорчен, что не попал на нее, так как среди молодежи там было весело и оживленно. Ольга Васильевна прислала мне подарок с елки, а на другой день, приехав к нам, навестила огорченного больного и подарила мне свой портрет. Я в это время выздоравливал, хотя был еще в постели».⁶

Сергей Афанасьевич находил Ольгу Васильевну «бойкой и интересной...».⁷

---

⁵ Лит. Наследство. А.А. Фет и его окружение, кн. 2-я. М., 2011. С. 83.

⁶ ОГЛМТ. Ф 5. 35179 оф.

⁷ Там же.

В 1940 году вдова Тинькова прислала директору Гослитмузея (Москва) Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу письмо, в котором писала о намерении передать фотографию в музей:

«Уважаемый г. Владимир Дмитриевич,

Обращаюсь к Вам, желая напомнить, что в бытность Вашу в 1936-37 гг. директором Госмузея муж мой Сергей Аф. Тиньков (по совету Бутовича Якова Ивановича, бывшего тогда представителем или агентом Музея в нашем городке) послал в музей книгу «Воспоминания» А.А. Фета, а также небольшие свои воспоминания, озаглавленные «А.А. Фет и его племянница». Теперь же, ликвидируя после моего покойного мужа его бумаги и портреты, я нашла фотокарточку племянницы Фета О.В. Шеншиной в замужестве Галаховой, о которой Аф.Аф. много пишет в своих «Воспоминаниях». Он был и опекуном, и заботился в детстве о её большом имуществе, доставшемся ей, как единственной наследнице и отпрыску рода Тургеневых. Теперь при случае эту фотокарточку посылаю на Ваше усмотрение и распоряжение для музея – её можно было бы приложить к тем или другим воспоминаниям о Аф.Аф. Фете. 9.11.1940 г. Мария Павловна Тинькова».⁸

Так, окольным путём фотография наследницы Тургенева и Фета оказалась в музее писателей-орловцев в Орле.

Судьба Сергея Афанасьевича Тинькова после революции сложилась трагично. Он был репрессирован, как и большинство «бывших», не покинувших Россию.

26 апреля 2006 года на запрос в комиссию по репрессированным из управления ФСБ по Орловской области был получен ответ:

«На Ваш запрос сообщаем, что в Управлении ФСБ РФ по орловской области хранится архивное уголовное дело №9663-п по обвинению Тинькова С.Аф.

Из анкетных материалов следует: Тиньков С. Аф., 1863 года рождения, уроженец села Башкатово, из дворян, в 1883 году окончил Александровское военное училище в г. Москве, без определённых занятий, место жительства – г. Мценск, ул. Амбарная, д. № 40. **В 1917, 1920, 1930 годах арестовывался органами ЧКа и ГПУ.**

---

⁸ ОГЛИМТ. Архив отдела фондов ОГЛИМТ. Акт от 30.10.1965.

Семейное положение – женат. Жена – Мария Павловна, 1867 г.р. Сестра – Наталья Афанасьевна Карцева, проживает в г. Малоархангельске в приюте. Племянница – Наталья Николаевна Герн, служит в Москве. Сестра – Тинькова Елизавета, монашка, проживает в Литве или Польше. Сестра – Марья Афанасьевна Тинькова, монашка».⁹

В протоколе допроса от 6 декабря 1930 года зафиксирован рассказ Тинькова о себе:

«Родился я в с. Башкатово Мценского уезда. Родители мои были помещики. В 1870 году поступил в кадетский корпус, проучился там 7 лет. Потом меня перевели в Александровское военное училище в Москву, проучился там 2 года и был выпущен подпоручиком армии. Через год подпоручиком гвардии, а через 5 лет поручиком гвардии. В 1892 году отец мой умер от тифа. Подал в отставку и принял хозяйство и семью. Мать моя пошла в монастырь. Хозяйство моё состояло из 2-х имений с хутором 550 десятин земли... В 1893 году был назначен земским начальником на 3 волости... Земским начальником я прослужил с 1893 по 1917 год с перерывом на 1 год. Во время Октябрьской революции я переехал во Мценск в свой дом, купленный мною до революции. По отношению к религии я бывал очень активен. Посещал все церковные собрания 6 лет непрерывно, был членом церковного Совета и также лет 6 был псаломщиком. Во время закрытия церквей я болел душой за них, что в престольные праздники даже некуда будет сходить помолиться».

13 июня 1937 года Тиньков был вновь арестован Мценским РО НКВД. Обвинялся в принадлежности к контрреволюционной церковно-фашистской террористической организации.

1 ноября 1937 года Особой тройкой при Управлении НКВД по Орловской области приговорён к расстрелу по ст. 58 п. 10 ч. 2, п. 11 УК РСФСР.

Приговор приведён в исполнение 5 ноября 1937 года в г. Орле.

Реабилитирован был прокуратурой Орловской области по ст. 1. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х начала 50-х годов».

---

⁹ Управление ФСБ по орловской области. Архив ФСБ.

О.В. Галахова прожила долгую жизнь, вспоминая годы своей счастливой молодости, и тех, кто остался в России. Умерла в 1947 году в Париже, куда выехала с семьёй после революции.

Глава II

Всего пять строк... «Другу моему Я.П. Полонскому»

Трудно переоценить историко-культурную ценность автографа большого писателя или поэта, особенно в наши дни, когда писать от руки почти все перестали. А если речь идёт о поэте 19 века, да ещё таком, как Тютчев!

В Орле в музее И.С. Тургенева хранится лишь один автограф этого поэта.¹⁰ Тютчев – орловец. Он родился в селе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии, поэтому приобретение его автографа было событием для музея.

Автограф поступил в фонды музея от Зинаиды Фёдоровны Бельчиковой в 1994 г. Хранился в коллекции её мужа чл.- корр. АН СССР, литературоведа и археографа Николая Фёдоровича Бельчикова (1890-1979), занимавшегося изучением источников по истории отечественной литературы. В круг внимания учёного входил целый ряд поэтов, среди них – А.С. Пушкин, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, Н.А. Плещеев, А.А. Голенищев-Кутузов, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев и др. Н.Ф. Бельчикову принадлежит датировка многих произведений и писем Ф.И. Тютчева. О плодотворности его интереса к творчеству Тютчева свидетельствуют альманахи «Урания» (Л., 1928) и Мурановский сборник «Мураново», (1928, вып.1.), посвящённые жизни и творчеству поэта.

При каких обстоятельствах и когда автограф Тютчева оказался в коллекции Бельчикова – неизвестно. Хранился долгие годы в рамке под витражным стеклом.

---

¹⁰ «Другу моему Я.П. Полонскому». ОГЛМТ Ф.3, 33673 оф.

Экспертиза на подлинность автографа была проведена в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В экспертном заключении было сказано следующее: «После извлечения документа из рамочного облачения, где благодаря витражному стеклянному щиту были созданы надёжные условия консервации и обеспечена хорошая сохранность документа, **сомнений в его подлинности не оставалось**».

Автограф Тютчева состоит всего из пяти строк: посвящения Я.П. Полонскому и одной строфы, но какой!

Другу моему Я.П. Полонскому

*Нет боле искр живых на голос твой приветный –
Во мне глухая ночь и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный –
Последний, скудный дым с потухшего костра.*

Под стихотворением стоит дата написания – 30 мая 1865 и подпись: Ф.Тчв.

Настроение стихотворения и почерк Тютчева передают тяжёлое состояние души поэта, в котором он пребывал, когда писал эти строки, что было отмечено экспертами: «Душевное состояние автора четверостишия «Другу моему Я.П. Полонскому» ощущается и в графическом изломе букв, их заострённости, и в усечённости подписи...».

Ключ к пониманию содержания автографа, его эмоциональной доминанты таится в личной жизни поэта, понятной тому, кому оно доверительно адресуется.

Поэт Яков Петрович Полонский ((1819-1898) был сослуживцем Ф.И. Тютчева по Комитету иностранной цензуры, другом семьи Тютчевых.

В тот день 30 мая 1865 года Я.П. Полонский пишет своей приятельнице – хозяйке литературно-художественного салона в Петербурге Екатерине Андреевне Штакеншнейдер (1836-1897) о визите к нему Тютчева:

«Нынче утром пью чай – звонок. Кто такой? Отворяется дверь, и, покачиваясь, входит Феденька Тютчев. – Обнял меня – лёг на диван, попросил чем-нибудь накрыться. Я накрыл его пледом, принёс подушку... –

Приехал ко мне бедный старик, – как видно, не зная, куда деться с тоски да с горя. – Ноги у него болят – едва их таскает...

Потом вспоминал он прошлый год, начало июня – свою поездку в Москву – как он прощался с Денисьевой, – как она плакала и уговаривала его не ездить, как дочь ее проводила его до железной дороги – и пр. и пр. “И никого из них теперь нет! – А год тому назад их исчезновение казалось мне таким же невозможным, как исчезновение солнца, луны и тому подобных благ”, – заключил он. Посидевши у меня с час, он опять пополз вниз по лестнице, сказавши мне на прощанье, что, вероятно, это его последний визит ко мне...»¹¹

Елена Александровна Денисьева (1826-1864), муза поэта, его последняя любовь, длившаяся четырнадцать лет. Вспыльчивая, экзальтированная и болезненная, Денисьева умерла от чахотки 1 августа 1864 года, оставив Тютчева в состоянии страшного отчаяния.

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг, мой милый, видишь ли меня?*

*Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

*Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души не витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

3 августа 1865 г.

---

¹¹ Тютчев Ф.И. День за днём. Брянск, 2003. С. 101.

В 1864 году вскорости после смерти Е.А. Денисьевой с Тютчевым встречался боготворивший его земляк – поэт Афанасий Афанасьевич Фет. Отношение к Тютчеву выражалось у Фета не просто в красивых словах, это было настоящее преклонение перед великим поэтом и человеком.

В своих «Воспоминаниях» Фет, как и Полонский, отмечает в это время угнетённое душевное состояние Тютчева. Перед отъездом Тютчева за границу Фет пришёл проститься с поэтом. Фет пишет: «Тютчев пригласил меня сесть рядом с диваном <...>, на котором он полулежал. Должно быть, его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий, так как он весь покрыт был с головою темно-серым пледом, из-под которого виднелось только одно изнемогающее лицо. Говорить в такое время нечего. Через несколько минут я пожал ему руку и тихо вышел...».¹²

За годы любви Тютчева и Денисьевой у них родились дочь Елена (1851-1865) и сыновья Фёдор (1860-1916) и Николай (1864-1865), записанные на фамилию поэта. В мае месяце, когда было создано стихотворное посвящение Полонскому, у Тютчева почти в одночасье умерли дочь Елена и сын Николай.

Как мы видим, в автографе поэта в пять строк скрыта трагедия любви Тютчева и Денисьевой.

При жизни Ф.И. Тютчева стихотворение было опубликовано.¹³

(Продолжение в следующем выпуске)

---

¹² Фет А.А. «Мои воспоминания» Ч.1. С. 4

¹³ Впервые: Полонский Я.П. Соч. в 3-х т. Т.2. 1869. С. 106-107.

Открытие выставки «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов»

15 июля 2015 года в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялось торжественное открытие выставки «Русский герой Франции - Николай Васильевич Вырубов», приуроченной к 70-летию Великой Победы и 100-летию со дня рождения Н.В. Вырубова.

Имя русского эмигранта первой волны, дворянина, общественного деятеля, мецената Николая Васильевича Вырубова работники нескольких десятков российских музеев произносят с неизменным почтением – настолько важен и интересен его вклад в сохранение и возвращение культурного наследия русской эмиграции в национальную сокровищницу. География музейных собраний, кои пополнились дарами Николая Васильевича, весьма широка, поскольку обширны и значимы его родственные и общественные связи в историко-культурном пространстве Отечества.

Однако не только заслугами в пополнении музейных коллекций знаменит потомок именитых дворянских и княжеских родов, наследник Ивана Сергеевича Тургенева и Афанасия Афанасьевича Фета. Николай Васильевич – настоящий герой Второй мировой войны, отмеченный орденом Почетного легиона и высшей наградой Франции – Крестом Освобождения.

Именно в год 70-летия Победы над гитлеровским нацизмом по инициативе директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина и при поддержке племянников Николая Васильевича – князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и Юрия Александровича Трубникова – в стенах ДРЗ открылась выставка, посвященная жизни и подвигу русского героя Франции.

Началась церемония открытия выставки с фрагмента документального фильма Эльдара Александровича Рязанова о Николае Вырубове из цикла «Парижские тайны». На экране – красивый пожилой мужчина: ясный взгляд, благородная осанка, особенная аристократическая простота и естественность... Николай Васильевич рассказывает о предках – Вырубовых, Галаховых, Шеншинных, Львовых, в

чьих жилах текла кровь и легендарных Рюриковичей, и татарских воинов. Внешне невозмутимый и полный внутреннего достоинства, он вспоминает свои ранние детские годы: первые годы Гражданской смуты, мытарства семьи, изгнанной из родного орловского дома, смерть матери, «дозволенную» жизнь на чердаке собственного дома в Петрограде и, наконец, эмиграцию и воссоединение с отцом, бывшим товарищем министра внутренних дел Временного правительства Василием Васильевичем Вырубовым. Встречу с Василием Васильевичем на перроне незнакомого чужого города – Парижа – он запомнит на всю свою жизнь: отец принес на вокзал душистую мягкую булку...

Николай Васильевич рассказал собеседнику и о том, как учился в Оксфорде, как без сомнения принял решение воевать с немецкими захватчиками в далеком 1940 году, как получил официальный отказ от французского командования, как добровольно вступил в армию генерала де Голля...

«Трудно говорить после Николая Васильевича», – продолжая церемонию открытия выставки, обратился к гостям вечера В.А. Москвин. Виктор Александрович вспоминал о встречах с Н.В. Вырубовым в его доме на рю де Йена в 90-х годах прошлого столетия, о том, как волновала хозяина прежде всего судьба России и ее будущее... «Мы гордимся тем, что были современниками Николая Вырубова – человека, вошедшего в историю нашей страны», – завершил свое выступление Виктор Александрович и поблагодарил Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева, Государственный музей А.С. Пушкина, Российский фонд культуры, Пензенский государственный краеведческий музей, Музей М.И. Цветаевой, Алексинский художественно-краеведческий музей, Е.Ю. Львову и М.В. Ковалева за предоставление выставочного материала.

Одним из «моторов» в организации выставки В.А. Москвин назвал Юрия Александровича Трубникова (Париж), после смерти Н.В. Вырубова занявшего пост председателя Земгора – Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Юрий Александрович, предоставивший на стенды экспозиции семейные фото и портрет матери Николая Васильевича – Ольги Николаевны Вырубовой (урожденной Галаховой), познакомил слушателей с деятельностью Земгора – одной из самых действенных и эффективных

организаций, оказывающих помощь и поддержку русским эмигрантам и их потомкам за рубежом. «С первых дней существования организации, – продолжил Ю.А. Трубников, его возглавил бывший глава Временного правительства князь Г.Е. Львов – родственник Вырубовых, и на том же посту в разное время находились Василий Васильевич и Николай Васильевич Вырубовы».

Юрий Александрович вспоминал о том, как в 2009 году Франция прощалась с добровольцем Николаем Вырубовым, чье имя выбито на мраморной доске в ансамбле Дома инвалидов в Париже, со всеми полагающимися ему военными почестями. «Похоронен же русский герой, – завершил свое выступление Ю.А. Трубников, – на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа...»

Военную тему своим участием в церемонии открытия продолжил военно-морской атташе посольства Франции в России, капитан 1-го ранга Александр де Лаперье. «Мы особенно чтим память Николая Васильевича Вырубова, – подчеркнул г-н капитан 1-го ранга, – который воевал в составе армии де Голля с 1940 по 1945 год. Не отрицая своего происхождения, он сумел защитить страну, которая его приняла...»

Выступления близких родственников Николая Васильевича продолжил известный коллекционер, меценат, общественный деятель – князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, которого пригласил на сцену соведущий В.А. Москвина, куратор и организатор выставки Виктор Владимирович Леонидов. Никита Дмитриевич, предоставивший для экспонирования несколько семейных фотографий и цветное изображение Василия Васильевича Вырубова в боярском костюме на балу у принцессы Ноайль, обратил внимание слушателей на проблему выбора, которая в начале Второй мировой войны отчасти разделила русскую эмиграцию на два лагеря: на тех, кто считал нацистов освободителями России от большевизма, и на тех, кто решил с Германией воевать – воевать за Россию, независимо от идеологических разногласий. «Молодой Вырубов, – продолжил Н.Д. Лобанов-Ростовский, – никогда не сомневался, на чьей стороне сражаться за свое Отечество, и, более того, просил французское командование перебросить его на территорию Советского Союза для продолжения борьбы с нацистами на родной земле».

Никита Дмитриевич вспоминал, как впервые очутившись в гостях у дяди, увидел в его комнате трофейный немецкий пистолет-пу-

лемет «Шмайсер» – более эффективное, по отзыву самого участника сражений, средство ведения боя по сравнению с винтовкой добровольцев. «Большую часть войны, – подытожил свое выступление Н.Д. Лобанов-Ростовский, –русский рядовой Николай Вырубов провёл в окопах, но закончил войну уже в чине младшего лейтенанта...»

По окончании речи князя в качестве сюрприза вечера молодой скульптор Дмитрий Астафьев вручил ему бронзовый бюст – возможное начало будущей Национальной портретной галереи, по замечанию В.А. Москвина, о создании которой в Москве вот уже несколько лет ратует Никита Дмитриевич.

Вечер, собравший большое количество гостей в конференц-зале ДРЗ, продолжили воспоминания о Н.В. Вырубове главного редактора журнала «Наше наследие» Владимира Петровича Енишерлова и директора Государственного музея А.С. Пушкина Евгения Анатольевича Богатырева. Евгений Анатольевич, обратившись к коллегам-музейщикам, предложил выпустить совместный каталог архивных и музейных предметов, переданных в дар музеям Николаем Васильевичем.

Одобрив предложение коллеги, В.А. Москвин поблагодарил и владельцев частных собраний, передавших предметы для выставки – представительницу рода Львовых Екатерину Юрьевну Львову, предоставившую герб Львовых, и исследователя из Саратова Михаила Ковалева – корреспондента Н.В. Вырубова.

Особую признательность В.А. Москвин и В.В. Леонидов выразили «нашим главным спасителям» – Орловскому объединённому государственному литературному музею И.С. Тургенева (ОГЛМТ), передавшему для выставки двенадцать подлинных музейных предметов, в том числе военные фотографии Н.В. Вырубова 1940-х годов, приказ о награждении Н.В. Вырубова Орденом Почетного легиона, цветную карту с изображением маршрута освободительной армии де Голля во время Второй мировой войны, Благодарственное письмо Шарля де Голля Н.В. Вырубову 1945 года и кульминационный мемориальный предмет выставки – Крест за освобождение Франции, которым молодой герой был награжден в 1944 году.

С поклона от культурной общественности Орла и от «того самого орловского дома», где в 1915 году родился Николай Васильевич Вырубов, начала свое выступление директор ОГЛМТ Вера Витальевна

Ефремова. «Хозяйку “дома на Садовой” – бабушку Коли Вырубова Ольгу Васильевну Галахову, – продолжила Вера Витальевна, – орловские экскурсоводы вспоминают ежедневно, именно при Ольге Васильевне сто лет назад началось комплектование фондов музея – старейшего среди музеев Ивана Сергеевича Тургенева в России. С этого момента, – добавила В.В. Ефремова, – в комментариях к музейным предметам появилась надпись: “Записано со слов Ольги Васильевны Галаховой”».

«Сегодня, – продолжила Вера Витальевна, – в доме Галаховых ведутся реставрационные работы, по окончании которых первый зал новой экспозиции будет посвящен этой удивительной семье, которая, в том числе, сохранила “в русских руках” тургеневское наследие из Спасского-Лутовинова».

Директор ОГЛМТ вручила В.А. Москвину Ежегодный тургеневский сборник с воспоминаниями Ю.А. Трубникова – большого друга тургеневского музея – о родословной Вырубовых.

Ведущий научный сотрудник ОГЛМТ Людмила Анатольевна Балыкова, продолжившая выступление коллеги, рассказала о своем давнем знакомстве с Н.В. Вырубовым, которое состоялось еще в 1981 году, после чего Николай Васильевич передал орловскому музею «пронзительные» документы семейного архива со словами: «Я хочу, чтобы эти вещи возвратились на свое место...» «С этого момента, – продолжила Людмила Анатольевна, – Галаховы, Трубниковы, Вырубовы перестали быть для музейщиков Орла “полумифическими персонажами”, – тогда же впервые в России появилась серия статей об “обитателях дома на Садовой”... После встречи в Париже, – добавила Л.А. Балыкова, – Николай Васильевич передал в музей свои военные реликвии, которые сегодня представлены и в стенах Дома русского зарубежья...»

Завершая теплый, насыщенный добрыми воспоминаниями вечер, В.А. Москвин поблагодарил организаторов выставки – В.В. Леонидова, С.Ю. Урбан и всех сотрудников ДРЗ, причастных к успешному и своевременному ее открытию...

Ровно месяц – до 15 августа – интереснейшая экспозиция встречала своих посетителей, которым представилась возможность прикоснуться к судьбе и эпохе удивительного человека, русского героя Николая Васильевича Вырубова...

Н.В. Кодрянская и её вклад в формирование бунинской коллекции в Орле

В 1991 году в Орле был открыт литературно-мемориальный музей И.А. Бунина. Путь к созданию музея был непростым. В 1957 году, спустя четыре года после смерти Бунина в Париже, в музее писателей-орловцев, филиале Государственного музея И.С. Тургенева, был открыт Бунинский зал. В первой экспозиции уже были представлены подлинные материалы, рассказывающие о жизни и творчестве писателя. С этого времени начались поиски новых бунинских реликвий. В последующие десятилетия в Орле была собрана уникальная бунинская коллекция, насчитывающая более шести тысяч подлинных единиц хранения. Всё это дало возможность открыть самостоятельный музей И.А. Бунина.¹

Самым уникальным местом в музее стал воссозданный с большой достоверностью парижский кабинет писателя с его подлинными вещами. Мебель из рабочего кабинета Бунина в Париже и некоторые его личные вещи передала в музей в 1973 году Н.В. Кодрянская.

Наталья Владимировна Кодрянская (1906-1983) – детская писательница, литературовед. В 1919 году вместе с родителями эмигрировала из Советской России. Жила в Париже и Нью-Йорке. Писала на русском языке. В 1940 году вышла её первая книга – «Сказки» с предисловием А.М. Ремизова и иллюстрациями Н. Гончаровой, затем сборники «Глобусный человек» (1954), «Золотой дар» (1964) с иллюстрациями Ю. Анненкова.

Книгу «Сказки» высоко оценил И.А. Бунин и рекомендовал издать её на французском и английском языках.²

Наталья Владимировна была долгие годы дружна с И.А. Буниным и его женой Верой Николаевной. В своих воспоминаниях она пишет: «С первой же встречи с Иваном Алексеевичем в 1937 году у

---

¹ См. подробно: Костомарова И.А. Окаянство // «Родные пенаты», 2015, апрель, с. 50-59.

² ЛН Т. 84. Кн. 2. Иван Бунин. М., 1973. С. 500.

нас установились дружеские, полушутливые отношения. Но это не мешало мне чуть-чуть побаиваться его, и при встрече с ним я часто робела.

Вера Николаевна не раз с улыбкой говорила мне: «Почему Вы боитесь Ивана Алексеевича? Он совсем не страшный – лучше устройте так, чтобы он Вас боялся». Но я никак не могла привыкнуть к резким переменам в его настроении. Было несколько Буниных: один простой в обращении, очаровывающий с первого слова, – таким я его любила. А надменный, резкий <...> – такой Иван Алексеевич был мне чужд. Но все ступшевывалось перед его душевной нежностью.³

Война нас разлучила на долгие годы. Мы жили в Америке. Вести о Буниных доходили до нас редко. И вести были печальные. По окончании войны мы снова стали бывать в Париже, где оставались порой довольно долго, и добрые наши отношения с Буниным укрепились».⁴

Вот как описывает Наталья Владимировна празднование 80-летнего юбилея И.А. Бунина.

«Приём начался с двух часов дня. Мало-помалу начали приходить делегации и поздравители. Иван Алексеевич принимал у себя в кабинете, в белоснежной рубашке, в халате, и вид у него был бодрый. Сидя на тахте, которая ему служила кроватью, он выслушивал адреса. <...> К четырём часам уже была невозможная теснота. <...>

Не привожу ни названий делегаций, пришедших поздравить Ивана Алексеевича, ни имен гостей, собравшихся у него в этот день, ни длинного списка статей на русском и иностранных языках, посвященных юбилею. <...>

У меня было чувство, что этот сравнительно скромный праздник всё же по-своему передал значение Бунина как одного из крупнейших русских писателей нашего века, гордости русской литературы. Чествовали мы Ивана Алексеевича от всей души, желая доставить ему возможно большее удовлетворение и, кажется, достигли цели.

К концу дня Бунин был утомлен, но явно рад был убедиться, какой он окружен любовью, каким признанием.

---

³ Кодрянская Н.В. Встречи с Буниным // ЛН. Т. 84, кн. 2. М., 1973. С. 342.

⁴ Там же. С. 347-348.

Для него наши приветствия были как бы приветствиями общерусскими, и он верил, что в этот день к этому празднику мысленно присоединяются на родине его друзья-читатели».⁵

Наверное, не случайно именно Н.В.Кодрянская сохранила некоторые вещи и часть мебели из квартиры Буниных.

В 1961 году после смерти жены Бунина Веры Николаевны весь архив и обстановку квартиры унаследовал писатель Л.Ф. Зуров, долгое время живший в семье Буниных. Он предложил Союзу писателей СССР за незначительную сумму купить архив Ивана Алексеевича Бунина.

Обстановку квартиры Бунина Л.Ф. Зуров хотел передать Орловскому литературному музею, считая, что именно в нашем городе должен быть музей Бунина. Леонид Федорович писал директору музея Л.Н. Афонину 27 декабря 1963 года: «А Вера Николаевна верила, что все вещи Ивана Алексеевича приобретут для музея. Она верила, что будет устроен бунинский музей».⁶

Активные действия по сохранению бунинского архива и мебели начали исследователь творчества писателя А.К. Бабореко и директор Государственного музея И.С. Тургенева Л.Н. Афонин.

С апреля 1961 года Леонид Николаевич пишет письма о содействии в приобретении архива и вещей из квартиры Буниных писателю Л.Н. Никулину, председателю Союза писателей СССР К.А. Федину, Министру культуры СССР Е.А. Фурцевой, начальнику отдела внешних сношений Министерства культуры СССР В.Т. Степанову и другим.

Подобная переписка с различными инстанциями длилась ещё не один год, но всё оказалось безрезультатно. Советскому правительству наследство писателя-эмигранта было не нужно.

В июле 1961 года Л.Ф. Зуров, за неимением средств, был вынужден съехать из квартиры, где долгие годы жили Иван Алексеевич и Вера Николаевна. С помощью академика М.П. Алексева, бывшего в то время в Париже, вещи Бунина были привезены на склад в Буживале, где хранились вместе с вещами Кодрянских.

---

⁵ ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, 5788/34 оф

⁶ ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, 5788 оф.

Архив И.А. Бунина приобрела Милица Эдуардовна Грин, профессор Эдинбургского университета (Великобритания).

Мебель и некоторые вещи Бунина со склада в Буживале выкупила Н.В. Кодрянская, которая сделала ещё одну попытку переправить их в Орёл. В архиве Орловского государственного музея И.С. Тургенева хранятся письма А.К. Бабореко, Л.Н. Афонина и Н.В. Кодрянской, из которых видно, что ими был разработан целый план по приобретению вещей музеем И.С. Тургенева.

Из письма А.К. Бабореко к Л.Н. Афонину от 26 июля 1966 года «Пишу об очень важном и спешном деле. Приехав из Орла, я нашел у себя две телеграммы Наталии Владимировны Кодрянской, приятельницы Веры Николаевны Буниной, автора книги о Ремизове. Она приглашала меня в гостиницу «Украина» для разговора. У Н.В. Кодрянской находятся вещи Ивана Алексеевича Бунина, предназначенные для музея. Л.Ф. Зуров держал их на складе, за хранение платить не мог, и платили другие, в том числе и Кодрянская. Наконец, не желая больше платить, она забрала эти вещи себе на сохранение (кажется, в каком-то загородном помещении держит).

И вот я договорился с Н.В. Кодрянской о продаже бунинских вещей вашему музею. До сих пор трудность была в том, что нужна была валюта. Я попросил Наталию Владимировну уплатить Зурову стоимость вещей долларами, а эти расходы будут возмещены ей нашими деньгами. Сделано это должно быть следующим образом: после того, как Н.В. Кодрянская уточнит у Зурова стоимость бунинских вещей, она напишет мне об этом. Государственный музей И.С. Тургенева уплатит сестре Н.В. Кодрянской – Татьяне Владимировне Котельниковой (Одесса, 14, ул. Кирова, д.2, кв. 8) требуемую сумму денег. Таким образом, решится в самом благополучном смысле проблема валюты. Примерная стоимость вещей Ивана Алексеевича - 700 рублей. Это будет:

- 1) Письменный стол И.А. Бунина.
- 2) Кресло, на котором Иван Алексеевич сидел у письменного стола.
- 3) Кушетка, на которой спали и умерли Иван Алексеевич и Вера Николаевна.
- 4) Пишущая машинка.
- 5) Картины, висевшие в кабинете Бунина.

В отношении машинки и картин, Кодрянская должна договориться с Зуровым, отдаст ли он их (они хранятся у Зурова). Но, как будто, и это будет передано музею.

Напишите, пожалуйста, спешно, может ли ваш музей получить и заплатить 700 рублей (или какую-нибудь иную сумму, возможно меньшую)? Кодрянская сказала: «Буду торговаться с Зуровым». Если исхлопотать деньги не удастся, то я надеюсь на то, что помогут приобрести мемориальные вещи Бунина писатели, – обращаюсь кое к кому, сделаем отчасти складчину, чтобы помочь музею.

Следует иметь в виду, что приобретение вещей облегчит покупку парижского архива Бунина, потому, что Зуров до их продажи не хочет разговаривать об архиве. Это соображение может быть одним из аргументов в инстанциях, ведающих деньгами. И 400-летие Орла кстати: к этой дате неплохо было бы расширить и обогатить бунинский раздел музея.

Это последний, единственный шанс купить вещи Бунина. Воспользуйтесь им. И шанс этот возможен лишь благодаря любезности Кодрянской. Мне очень хочется, чтобы Вы энергично взялись за это дело. Кодрянская говорит, что, должно быть, можно будет отправить вещи через посольство. Всё это надо будет выяснить. Надо выяснить, на всякий случай, и то, в какую сумму обойдется перевозка не через посольство, и как это делается. Заниматься этим делом и архивом лучше всего без шума - Никулины, Никулины не для добра живут на свете!»⁷

Письмо А.К. Бабореко Л.Н. Афонину от 31 июля 1966 года:

«Дорогой Леонид Николаевич!

Ваше письмо обрадовало меня несказанно. Только бы благополучно переправить бунинские вещи. По-моему, не следует впутывать в это дело никого – сам музей может все сделать. Если Кодрянской не удастся отправить вещи через посольство, то можно это сделать при посредстве наших торговых организаций. Конечно, Кодрянская должна будет в таком случае заплатить за перевозку груза, а музей с ней рассчитается. Это тоже будет что-то стоить. Посоветуйтесь с людьми; может быть, есть смысл поговорить в министерстве внешней торговли? <...>

---

⁷ Служебный архив ОГЛМТ. Переписка с иностранными корреспондентами за 1966 г. Л. 16-18.

Между прочим, Н.В. Кодрянская сказала, что можно уплатить деньги не все сразу. Так что в случае денежных затруднений при оплате перевозки вещей можно будет, по-видимому, какую-то сумму внести в будущем году.

Однако мне кажется, лучше с этим делом покончить, урезав другие статьи расходов – сразу не будет никаких дискуссий. <...>

Ясно, что если этот случай упустить, то навсегда мемориальные вещи Бунина погибнут для России. Как только музейные экспонаты будут приобретены, я возьмусь за архив Бунина».⁸

Леонид Николаевич сразу же пишет Н.В. Кодрянской.

«Многоуважаемая Наталья Владимировна!

Я получил письмо от А.К. Бабореко, в котором он пишет о своей встрече с Вами и довольно подробно излагает предложенный Вами план приобретения для нашего музея вещей И.А. Бунина. Стоит ли говорить о том, как я и мои коллеги по музею были обрадованы этим письмом. Я весьма признателен Вам, многоуважаемая Наталья Владимировна, за ваши заботы и хлопоты ради того, чтобы бунинские реликвии оказались, наконец, в том городе, где начиналась литературная деятельность Ивана Алексеевича, и где есть пока единственная в мире экспозиция, посвященная И. А. Бунину. Если вещи И.А. Бунина попадут в Орел, то тем самым будет выполнена и воля покойной Веры Николаевны, которая была добрым другом нашего музея. План приобретения бунинских вещей, предложенный Вами и обсужденный с А.К. Бабореко, в основном и главным для нас приемлем. Мы готовы выплатить ту сумму, которая будет Вами заплачена Л.Ф. Зурову и за доставку вещей в СССР. А.К. Бабореко в своем письме перечисляет вещи, о которых у Вас пойдет разговор с Л.Ф. Зуровым. Это: письменный стол Ивана Алексеевича, его кресло, кушетка, на которой скончались И.А. и Вера Николаевна, пишущая машинка и картины из кабинета И.А. Бунина. Но ведь как неотъемлемая принадлежность кабинета сохранились и такие вещи как, скажем, бунинские письменные принадлежности, фотографии писателя и его близких друзей, тот том сочинений А.П.

---

⁸ Служебный архив ОГЛМТ. Переписка с иностранными корреспондентами за 1966 г. Там же, л. 25.

Чехова, который читала Вера Николаевна Ивану Алексеевичу всего за несколько часов до его кончины. Всё это бесконечно дорого почитателям таланта Ивана Алексеевича на его родине. И всё это очень хотелось бы получить для нашего музея, может быть даже и как дар Леонида Федоровича, который очень хорошо относился и, я надеюсь, также хорошо и сейчас относится к нашему музею. <....>

Я буду Вам весьма признателен за ответ на моё письмо и очень прошу обо всех удачах и тяготах, которые возникнут при осуществлении Вашего плана прямо и откровенно писать мне. Этого требуют интересы большого патриотического дела, в успешном завершении которого, заинтересованы все, кому дорога память Ивана Алексеевича Бунина».⁹

К сожалению, Н.В. Кодрянская не смогла убедить Л.Ф. Зурова передать вещи Бунина в Орловский музей.

17 сентября она пишет Л.Н. Афонину:

«Многоуважаемый Леонид Николаевич, приблизительно месяц тому назад получила Ваше письмо от 5-го августа.

Очень была рада Вашему письму, сразу мой муж и я встретились с Л.Ф. Зуровым, чтобы поговорить насчет передачи вещей Ивана Алексеевича Бунина в Орловский музей. К сожалению, все наши переговоры ни к чему конкретному не привели, и мы убедились, что не приведут. Он каждый раз с чем-то не согласен. С ценой (хочет теперь больше чем раньше – 1600 руб.), не могла даже добиться точного списка вещей. Не согласен также с тем, что вещи временно перешли в собственность моей сестры и т.д.

Мы очень огорчены, что ничего не могли добиться, т.к. и нам очень хотелось, чтобы вещи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных, с которыми мы дружили и горячо любили, были в Орловском музее.

С самым сердечным приветом Нат. Кодрянская.

Р.8. Все письма к нам Ивана Алексеевича находятся в архиве Пушкинского дома, а письма Веры Николаевны мы отдали Ленинской библиотеке несколько лет тому назад».¹⁰

---

⁹ Служебный архив ОГЛМТ. Переписка с иностранными корреспондентами за 1966 г., л. 26-28.

¹⁰ Там же, л. 29.

Это последнее письмо Н.В. Кодрянской к Л.Н. Афонину. Четыре года от Натальи Владимировны не было известий. И вот, с 1970 года Наталья Владимировна вместе со своим мужем Исааком Вениаминовичем начинает через Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР передавать в Орловский Государственный музей И.С. Тургенева вещи Бунина, которые хранились в их семье.

В фондах нашего музея находится письмо директора ЦГАЛИ СССР Н.Б. Волковой к директору ОГЛМТ О.Н. Овсянниковой от 7 января 1970 года, в котором сообщается:

«Центральный Государственный архив СССР получил из Парижа от Исаака Вениаминовича Кодрянского для Вашего музея портфель И.А. Бунина.

Просим прислать в ЦГАЛИ Вашего сотрудника для передачи музею этого портфеля».

Л.Ф. Зуров писал И.В. Кодрянскому 22 октября 1964 года: «В нем (портфеле – Е.А.) Иван Алексеевич хранил свои документы, паспорта и наиболее ценные рукописи (манускрипты). Этот портфель он всегда держал в своей спальне, а во время путешествий не расставался с ним».¹¹

Портфель – это первая вещь, которую Кодрянские передали орловскому музею.

11 октября 1971 года Н.В. Кодрянская пишет Л.Н. Афонину:

«В августе 1966 года Вы мне писали о желании Вашего музея приобрести мемориальные вещи Ивана Алексеевича Бунина.

К сожалению, в то время мне так и не удалось по этому поводу поговорить с Л.Ф. Зуровым. Я думаю, Вы уже знаете о скоропостижной смерти Леонида Федоровича. Часть обстановки Буниных, которая годами была на хранении в нашем деревенском доме под Парижем, теперь перешла в мою собственность, и я решила эту мебель принести в дар Государственному музею И.С. Тургенева. <...>»¹²

Письмо от 15 ноября 1971 года:

«Многоуважаемая Ольга Николаевна,¹³ получила Ваше письмо. Спасибо большое. Буду очень рада, когда вещи Ивана Алексеевича, наконец, будут в Орле. В Музее И.С. Тургенева. Только что написа-

---

¹¹ ОГЛМТ, Приложение к акту № 1 от 8 февраля 1970 г.

¹² ОГЛМТ, там же.

¹³ Овсяникова О.Н. – директор ОГЛМТ с 1968 по 1973 гг.

ла письмо К.А. Федину, с которым я знакома, и послала ему список вещей, которые находились у меня на хранении. Такой же список посылаю и Вам. С приветом, искренне Ваша Нат. Кодрянская».¹⁴

И вот, наконец, в акте ОГЛИМТ от 28 апреля 1973 года мы читаем: «<...> Гос. музей И.С. Тургенева получил в дар от писательницы и литературоведа Н.В. Кодрянской, проживающей во Франции, мемориальные вещи из парижской квартиры известного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, у которого с Орловским краем связано детство, отрочество, юность и начало лит. деятельности.

Подлинные вещи писателя предназначаются для экспонирования в специальном зале Музея писателей-орловцев, посвященном жизни и творчеству И.А. Бунина».

Далее прилагается список вещей:

1. Дубовый прямоугольный письменный стол И.А. Бунина на две тумбы <...>. Л.Ф. Зуров писал: «Проживая в Париже, Иван Алексеевич работал по утрам за письменным столом. Здесь он написал ряд рассказов, свои воспоминания, делал заметки о Чехове».¹⁵

2. Дубовое кресло к письменному столу И. Бунина.

3. Секретер В.Н. Муромцевой-Буниной на четырех ножках, прямоугольный, из дуба.

Секретер Веры Николаевны покрыт был шотландским полотенцем, на нём стояла настольная лампа с красным абажуром, кожаный бювар с копиями писем и деловых бумаг, дорожные чернильницы Буниных. На секретере большая фотография Веры Николаевны в молодости, три фотографии в одной рамке <...>. Фото могилы Ивана Алексеевича, на бюваре лежит открытка, присланная Л. Зуровым из Изборска – на ней древний крест, послуживший моделью для памятника И.А. Бунину.¹⁶

4. Дубовый стул стандартной конструкции. Сиденье плетёное из тростника.

5. Столик для пишущей машинки «Ремингтон портабль» И.А. Бунина.

Столик, на нём пишущая машинка «Ремингтон портабль», на которой Вера Николаевна перепечатала все произведения Ивана

---

¹⁴ ОГЛИМТ, Приложение к акту № 1 от 8 февраля 1970 г.

¹⁵ ОГЛИМТ, ф. 14, 5786 оф.

¹⁶ Там же

Алексеевича. На этом же столе находились две подставки – одна для рукописей, <...> а другая, деревянная, для книг. На этом же столе лежала шотландская матерчатая сумочка Веры Николаевны для носовых платков, к ней пристёгнута шотландская брошка, которую Вера Николаевна любила носить на груди. В сумочке – ожерелье и вещи Веры Николаевны. На столе лежали и очки Веры Николаевны с очешником, черная кожаная сумка Веры Николаевны с её вещами. На этом столике находилась и пепельница Ивана Алексеевича – раковина – Сен Жак.

1. Полочка с двумя выдвижными ящичками.
2. Коричневое покрывало из драпировочной ткани, обшитое с трёх сторон полоской коричневого бархата <...>.
3. Розовое махровое покрывало. Покрывалось им сомье И.А. Бунина.
4. Два одинаковых медных ключа И.А. Бунина. Предположительно, от шкафа или ящичков комода».¹⁷

В этом же, 1973 году, И.В. Кодрянская передала музею 3 фотографии И.А. Бунина и В.Н. Буниной. В 1974 году она передаёт ещё 4 фотографии из архива Буниных, икону Иоанна Богослова, принадлежавшую Ивану Алексеевичу, и наливную ручку Бунина с позолоченным пером, которую он подарил В.И. Кодрянскому.

Л.Ф. Зуров писал:

«Новую ручку И.А. долго приспособлял для своих пальцев, жег сургуч, капал им на ручку и приминал сургуч до тех пор, пока ручка не станет удобной и приятной для его пальцев. Этими ручками он обычно писал свои большие произведения».¹⁸

Это были последние вещи, которые передала в музей Н.В. Кодрянская.

Безусловно, дар музею, сделанный Н.В. Кодрянской, сыграл неопределимую роль в создании бунинской экспозиции в Орле.

Парижский кабинет Бунина – душа музея. Возле него надолго останавливаются посетители. Кабинет передаёт атмосферу, в которой жил и работал Бунин, даёт возможность лучше понять этого талантливого писателя.

---

¹⁷ ОГЛМТ. Акт от 28 апреля 1973 г.

¹⁸ ОГЛМТ, РДФ, ф. 14, 5786 оф.

И.М. Пухальский – орловский коллекционер (по материалам коллекции ОГЛМТ)

История коллекционирования в России насчитывает не одно столетие. Традиционно развитие собирательской деятельности в русской среде связывается с именем Петра I. Разумеется, не стоит забывать, что и до Петра I в царских дворцах, в домах знати хранились, правильнее сказать, копились дорогие изделия художественного ремесла, родовые реликвии, подарки, предметы старины и отдельные диковины, а в ризницах монастырей и соборов – драгоценные церковные реликвии, пожертвования. Однако все эти предметы собирались в единую группу по случайному стечению обстоятельств, не изучались, а использовались, жили, бытовали. Ценились они, как правило, с точки зрения вложенного в них капитала. Понятий же «коллекция» или «коллекционирование» в допетровской России не существовало. Царь-реформатор, окунувшись в европейскую цивилизацию и познакомившись с образом жизни европейцев, с присущей ему страстностью увлекся идеей создания в своей стране собраний редкостей. Его огромная заслуга не только и не столько в том, что, увлекшись коллекционированием, он стал создавать и пополнять коллекции, но в его стремлении сделать их средствами для продвижения науки и искусства, и что особенно важно – сделать знакомство с ними общедоступным.

Понятно, что интерес Петра I сначала к редкостям и диковинам, затем к произведениям искусства, а, следовательно, и к аукционам, где их можно было приобрести, не остался незамеченным или безответным в среде его подданных. В России стали появляться частные собрания-коллекции, а коллекционирование, собирательство и связанное с этим приобретение разнообразных знаний постепенно оказывались важной частью культурного престижа. Началось формирование частных коллекций, владельцами которых были вельможи – государственные и культурные деятели, руководствовавшиеся в своем коллекционерстве идеями Просвещения.

В среду состоятельного русского общества, которое не могло похвастаться знатным происхождением, идея собирательства проникла в XIX веке. Именно в этот период начали составляться теперь всемирно известные коллекции: богатые купцы и промышленники предпринимали активные действия для приобретения и сохранения предметов искусства, а наиболее прогрессивные из них пришли к пониманию необходимости тесного содружества с государственными структурами для дальнейшей жизни их бесценных собраний, поскольку владельцы мечтали быть не только создателями, но и пропагандистами своих собраний.¹

Интересно, что многие зарубежные и русские писатели были страстными коллекционерами.² Известно собрание картин нашего великого земляка И.С. Тургенева, которое он собирал на протяжении ряда лет и с которым с большим сожалением расстался в Париже в конце 1870-х годов, а в орловском Доме-музее Н.С. Лескова посетители имеют возможность увидеть самые разнообразные предметы, которые собирал этот самобытный, оригинальный, истинно русский художник слова: это и книги, и часы, и минералы, и предметы живописи и графики.

---

¹ В качестве примера можно привести Государственную Третьяковскую галерею, имеющую одну из самых крупных в мире коллекций русского изобразительного искусства, основанную в 1856 году купцом и меценатом П.М. Третьяковым; Государственный центральный Театральный музей им. А.А. Бахрушина, основанный в 1894 году купцом, меценатом и благотворителем А.А. Бахрушиным; Русский музей, куда после смерти Александра III поступила его уникальная коллекция картин, графики, предметов декоративно-прикладного искусства, скульптур, переданная в память об отце Николаем II; московский Музей личных коллекций, открытый в 1994 году по инициативе известного московского собирателя, искусствоведа, литературоведа и общественного деятеля И.С. Зильберштейна, в который передано около 30 персональных коллекций.

² А.С. Пушкин незадолго до смерти увлекся собиранием газет. Н.А. Некрасов собрал 64 вида охотничьих ружей. Страстным собирателем курительных трубок был И. Эренбург; а М. Булгаков собирал билеты от всех спектаклей, которые он посетил. У Гете была крупнейшая коллекция минералов, В. Скотт собирал холодное оружие разных стран и народов. А. Франс владел крупнейшей коллекцией настольных колокольчиков. А. Конан-Дойль коллекционировал рекламные буклеты транспортных контор, пароходных кампаний и страховых агентств. Ж. Сименон собирал телефонные книги и черпал оттуда фамилии для своих героев и т.д.

В начале XX века коллекционирование в России продолжало активно развиваться, появились его демократические виды, доступные для небогатых людей: собирание марок, почтовых открыток; чрезвычайно популярным становилось книжное коллекционирование. На первый план постепенно выходил новый взгляд на этот вид деятельности: не столько финансовые вложения, сколько изучение, накопление и распространение знаний о собираемых предметах.

Из столиц собирательство распространилось в провинциальные города, охватило разные социальные группы, не стал исключением и город Орел.

В данной статье нам хотелось бы вспомнить и рассказать об орловце – интересном человеке и коллекционере – Иосифе Михайловиче Пухальском (1890-1951).

Коллекционеры, большей частью, были и остаются людьми закрытыми, непубличными. Даже хорошо известные в своей среде, среди единомышленников, они и их деятельность часто мало известны широкой публике, поэтому и выявлять факты их биографий не так просто. Однако об И.М. Пухальском имеются сведения в орловской краеведческой литературе, благодаря стараниям его земляков, таких же, как он, увлеченных людей – коллекционеров и общественных деятелей. Прежде всего, нам хотелось бы упомянуть Алексея Серафимовича Захарова (1944-1991). В своей публикации в 3-м выпуске машинописного альманаха «Орловский библиофил» (Орел, 1985) «Орловские библиофилы и книжники» он несколько страниц посвятил И.М. Пухальскому. Старшее поколение научных сотрудников Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ) хорошо помнит и самого А.С. Захарова, большого друга музея. Это был уникальный человек: любитель и ценитель редких книг, неутомимый их собиратель, составитель каталогов, указателей и других справочно-библиографических пособий, организатор книжных выставок из личных собраний, один из составителей машинописного альманаха «Орловский библиофил», с 1980 года – председатель клуба «Орловский библиофил». Он, много слышавший о библиотеке в собрании И.М. Пухальского, нашел возможность познакомиться с Варварой Михайловной

Шильганек, сестрой Пухальского, в те годы уже весьма немолодой женщиной, которая после смерти брата получила в наследство его коллекцию. Алексей Серафимович расспрашивал её о брате-коллекционере, мечтал поближе познакомиться с его книжным собранием, о котором в Орле ходили легенды. Увы, библиотеку Варвара Михайловна так ему и не показала, объяснив, что из-за тесноты она держит книги в сундуке, вынимая их для осмотра и просушки один раз в год. Но удача была в том, что Алексей Серафимович получил разрешение снять копию с «Описи книг И.М. Пухальского». Знакомство с Описью подтвердило, что в этой коллекции находилось немало библиофильских жемчужин и дало возможность определить состав и строение собрания.

Нельзя не упомянуть статью о Пухальском Виталия Георгиевича Сидорова (1930-2008), подвижника орловской культуры и краеведения, широко известного радетеля библиотечного дела, много лет возглавлявшего Орловскую областную библиотеку. В издании «Деятели книжной культуры Орловского края» (Орёл, издательский Дом «Орлик», 2003, с. 112-113), он обнародовал известные ему биографические факты жизни орловского библиофила, библиографа, краеведа И.М. Пухальского.

В художественной форме писал о коллекционере орловский поэт, краевед Василий Михайлович Катанов (род. 1930). В его книге «Друзья на всю жизнь» (Тула: Приокское книжное издательство, 1975, с. 14-18; 18-24) Пухальскому и его собранию посвящены две главы: «Вторая жизнь» и «Сундук со звоном».

Итак, собрав имеющуюся в печати информацию, узнаём, что Иосиф Михайлович Пухальский родился в Орле в семье архитектора. О его рождении есть запись в первой части метрической книги Богоявленской церкви г. Орла: «1890 года 18 октября (фактически, 18 сентября – Е.Ш.) рожден, а 4 ноября был крещен Иосиф Пухальский. Родители его Михаил Михайлович и Варвара Тихоновна». Отец, окончивший Белостокское реальное и Санкт-Петербургское строительные училища (1880–1885), был назначен младшим инженером, а с 1890 года – младшим архитектором в строительное отделение Орловской губернии.

В доме родителей Иосифа царил культ книги. Михаил Михайлович был страстным книголюбом, к своему увлечению приобщал

сына. Именно от отца перенял мальчик любовь к искусству, к книгам. В собрании Иосифа Пухальского сохранялся томик, подаренный ему в детстве. Это сочинение А. Н. Острогорского «По белу свету», 4-е издание, Санкт-Петербург, 1899.

И.М. Пухальский учился в Орловском реальном училище, затем в Императорском техническом училище в Москве (ныне Московский Государственный Технический Университет им. Н. Э. Баумана), получил звание инженера-механика, возвратился в Орёл, стал работать инженером на механическом, медно-котельном и машиностроительном заводе братьев Кале (в советское время завод носил имя Михаила Георгиевича Медведева³). С этим заводом связана вся его производственная жизнь. Однако увлечение техникой не мешало тяге и интересу к гуманитарным наукам. Инженер-технолог Пухальский был разносторонне одаренной личностью: страстный библиофил и коллекционер, библиограф и краевед. Он серьезно увлекался шахматами, был шахматистом-разрядником. В «Орловском шахматном словаре» А. Бельского (2007 г.) содержится любопытный факт его биографии: в 1914 г. Пухальский играл в Орле в шахматы с чемпионом мира Э. Ласкером, к сожалению, подробностей об их поединке не сообщается. Но главным увлечением, делом всей жизни было для Иосифа Михайловича пополнение унаследованной от отца библиотеки новыми раритетами. Их он приобретал в орловских и столичных букинистических магазинах, на так называемых «блошиных» рынках, покупал, выменивал у коллекционеров.

Собрание книг Пухальского насчитывало несколько тысяч единиц. По составу его можно разделить на четыре раздела: русская словесность (в основном XIX в.), библиография, история, краеведение. Им собрано немало прижизненных изданий И. Крылова, И. Козлова, В. Капниста, И. Богдановича, Е. Баратынского, И. Тургенева и многих других писателей. Большую подборку составляли труды русских библиографов В. С. Сопикова, Ю. Ю. Битовта, А. Ф. Смирдина, Я. Ф. Березина-Ширяева, Г. Н. Геннади, В. И. Межова, Н. М. Лисовского.

---

³ Медведев Михаил Георгиевич (1887-1919), революционер, большевик, участник гражданской войны на Орловщине, командир Первого Орловского Коммунистического рабочего полка, созданного для защиты города от белогвардейцев. По одной из версий, расстрелян белогвардейцами, по другой – погиб во время боя с ними.

В коллекции И.М. Пухальского были не только книги, но и другие редкости: картины, написанные маслом художниками XIX века, фарфоровые статуэтки, гравюры, предметы быта. К основным ценностям следует отнести старинные документы и рукописи. Иосиф Михайлович обладал глубокими знаниями и большой культурой, что необходимо для собирателя вообще, а для собирателя памятников древней письменности и старопечатных книг в особенности.

Приходится констатировать, что нередко частные коллекции после кончины их владельцев (не только в провинции, но и в столичных городах) распыляются, а то и вовсе уничтожаются не разбирающимися в их важности и ценности наследниками. Борис Викторович Богданов, старейший орловский музейщик, вспоминая о встречах с коллекционерами и их наследниками по заданию музея Тургенева, рассказывал, как на его глазах такого рода «наследница», разбирая доставшийся ей архив, «как ненужный хлам выбрасывала на пол старые конверты с бесценными марками <...>».⁴

К сожалению, не сохранилась в полном составе и коллекция Иосифа Михайловича. Его сестра-наследница, нуждаясь в деньгах, постепенно расставалась с книгами, продавая их коллекционерам, и не интересовалась их дальнейшей судьбой.

В музей попало немногое. Часть коллекции хранится в Орловском краеведческом музее. Коллекцию рукописных материалов И.М. Пухальского приобрел Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 24 рукописи XIV-XIX веков заняли законное место в собрании древнерусских рукописей в Санкт-Петербурге в крупнейшем научном учреждении страны, а портрет И.М. Пухальского, орловца-собирателя был помещен в ряду людей, обогативших фонды Пушкинского Дома материалами многолетних исканий.

В Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома на 1969 год. (Л.: «Наука», 1971) в статье «Новые поступления в Пушкинский фонд рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за 1958-1968 гг.» (автор – Римма Ефремовна Теребенина, много лет работавшая хранителем рукописей Пушкина) сооб-

---

⁴ См.: Богданов Б.В. Воспоминания о Спасском // Тургеневский ежегодник 2011-2012/ года. Орел, 2013. С. 199.

щалось: «От В. М. Шильганек (Орел) в составе собрания ее брата М. Пухальского поступила тетрадь Егора Петровича Соловьева (о нем см.: «Исторический вестник», 1881, № 4, стр. 944), на бумаге 1829 г., в основном со стихотворениями Пушкина 1814-1822 гг., большей частью не напечатанными при жизни поэта, с разночтениями, близкими к вариантам стихотворений в тетради А. В. Шереметева (в ее сохранившейся части); кроме пушкинских в тетради стихотворения А. А. Дельвига, А. Д. Илличевского и др.»

В Орловский тургеневский музей В.М. Шильганек обращалась с предложениями о продаже материалов из коллекции брата четыре раза: первый акт приема предметов на постоянное хранение от нее оформлен 15 сентября 1963 года. По этому акту приняты частично в дар, частично закуплены:

- Избирательные записки по Орловскому округу. Б/д. 5 ед. хр. Следует добавить, что по Избирательному округу № 3 проходил под № 5 Иван Егорович Вольнов (1885-1931), талантливый писатель из крестьянской среды, отмеченный Максимом Горьким, с которым он был лично знаком. Таким образом, к биографии Вольнова, активно занимавшимся на Орловщине политической и общественной деятельностью, прибавился еще один подтвержденный документально факт.

- 3 лубочные картинки, в том числе «Воевода» (к стихотворению А.С. Пушкина).

Прошло более десяти лет, и Варвара Михайловна снова предложила музею Тургенева предметы орловской тематики: негативы на стекле с видами г. Орла конца XIX века, фотографии Александра Тихоновича Щегловитова (1849-1915), орловского литератора, и письмо к нему его дочери Риммы Александровны.

Разумеется, фондово-закупочная комиссия музея с благодарностью приняла предложение, и вновь приобретенные материалы заняли место в единой коллекции ОГЛМТ. Тогда же у Шильганек были закуплены 5 лубочных листов и две картины (пейзажи) художника А. Скиргелло. К сожалению, ни о художнике, ни об истории бытования и приобретения братом этих картин Варвара Михайловна ничего сказать не смогла.

В 1979 году в документах архива отдела фондов ОГЛМТ фамилия Шильганек в качестве сдатчика появляется в последний раз – у нее

приобретена рукопись Пухальского, условно названная «Ильинка», вызвавшая большой интерес краеведов. Рукопись объемная – 48 лл., текст написан, частично, на светлых листах писчей бумаги, частично – на оборотных сторонах разрезанных листов чертежей инженерного оборудования, писался текст и в обычной ученической тетради. Иосиф Михайлович собрал многочисленные сведения об Ильинской площади, известной сейчас как Сквер Танкистов. Площадь, где размещались многочисленные лавки небогатых и средней руки купцов, дешевые питейные заведения, была местом весьма колоритным: со своим населением, своими правилами жизни, обычаями. Нравы на Ильинке царили достаточно жесткие, цель у многочисленных торговцев была одна – продать товар любой ценой, для этого в ход шло любого рода жульничество. И оно не только не осуждалось, но приветствовалось и вызывало зависть, если обман приносил прибыль.

Молодежь на Ильинке жаждала развлечений, но, с точки зрения современного человека, развлечения эти были весьма убоги. Например, приказчики любили пугать девиц, приходивших в лавки, помещая в красиво упакованные коробочки живых мышей и предлагая эти коробочки ничего не подозревавшим покупательницам. Можно представить, какой поднимался крик и визг, когда нежные девичьи ручки приподнимали крышки. Или еще один эпизод, описанный Пухальским: подвыпившие купцы высыпали в глубокие лужи у своих лавок целые пакеты мелких монет и затем с радостным хохотом наблюдали как мальчишки и нищие копаются в грязной жиже, пытаясь выловить денежки.

Но были и праздничные дни, когда орловские жители хотели и умели красиво повеселиться. «С наступлением святок – 25 декабря – вечером на улицах появлялись толпы “ряженных”, двигавшихся с песнями, игрою на балалайках, гармошках, с смехом, шутками, криком. Тут и колдун в бараньей шапке, в вывернутом мехом наружу тулупе, с большим горбом, с длинной из пеньки бородой, цыган, арап, с вымазанным сажей лицом, поп в ризе из рогожи, сваха с традиционной косынкой на голове и шалью на плечах, рыцарь в шлеме и латах с большим мечом и др. <...> Толпы рассыпались по домам,

трактирам, где и разыгрывали “комедийные действия” – обычай, дошедший к нам из глубокой старины и послуживший прообразом, из которого сложился современный театр и не только у нас».⁵

В 1988 году не стало В.М. Шильганек. Ее близкая подруга и наследница Александра Сергеевна Хлебтовская сочла правомерным передать в дар Орловскому музею И.С. Тургенева часть коллекции И.М. Пухальского, которая еще оставалась у его сестры. Надо сказать, что для музея там нашлось немало интересного: материалы о жизни и литературной деятельности орловского литератора А.Т. Щегловитова (1849-1916); около двадцати лубочных листов на исторические, религиозные темы; многочисленные предметы быта русского и иностранного производства; печати Орловского шахматного общества. Хранил Иосиф Михайлович и несколько номеров газеты «Медведевский рабочий», из которых можно почерпнуть любопытные сведения о производственной и общественной жизни орловского предприятия в 1930-е годы.

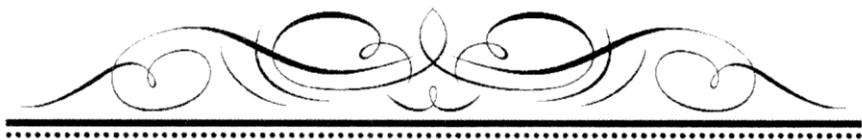
Но главное – в музей поступили книги и две печати «Из книг Иосифа Михайловича Пухальского», которые могли бы быть востребованными коллекционерами наших дней, заинтересованными в воссоздании его библиотеки. А такие люди в Орле есть. Об одном из них, В.Е. Лаврушине, с благодарностью говорили организаторы 271-го заседания орловского клуба «Библиофил» в Орловской областной библиотеке им. И.А. Бунина, представляя выставку, где экспонировалось около 100 уже выявленных и приобретенных им книжных раритетов, ранее принадлежавших Иосифу Михайловичу.

Возможно, в дальнейшем сотрудники Орловских музеев, объединив усилия с орловскими энтузиастами, смогут показать коллекцию, на создание которой отдал многие десятилетия жизни один из интереснейших орловцев – библиофил, краевед, коллекционер И.М. Пухальский.

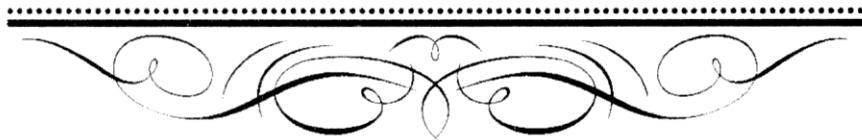
⁵ Полный текст рукописи «Ильинка» опубликован в 4-м выпуске машинописного альманаха «Орловский библиофил» (Орел, 1986, с. 67-104), сокращенный вариант - в литературно-публицистическом альманахе «Орловский край» (Орел, изд. Дом Орлик, 2003. С. 6-21)

VII

Мвопречтво
гьузей музейя

Г.Б. Курляндская на заседании Тургеневского общества. 1980 г.

Дети на празднике в музее И.С. Тургенева

Неповторимый сплав

Тургеневская осень нынешнего года ознаменована замечательным литературным событием. Вышла в свет давно ожидаемая книга доктора филологических наук, профессора ОГПИ Г. Б. Курляндской «Эстетический мир И.С. Тургенева». Труд этот представляет итог многолетних исследований и раздумий. Глубина мысли, классически выверенное точное слово составляют главные отличительные особенности авторского стиля. Галина Борисовна – признанный всем учёным мировым сообществом исследователь творчества И. С. Тургенева и других русских писателей. Поэтому каждая новая её работа вызывает неподдельный интерес филологов, особенно на родине И.С. Тургенева. С первых же страниц чтение напоминает захватывающее путешествие по плавно текущей реке. Это путешествие, проводником в котором служат мысль и слово автора, доставляет и умственное, и эстетическое наслаждение. Мысль читателя включается в непростой, но благородный труд постижения таинств литературного творчества. Воспитательная роль такого чтения несомненна. И, должно надеяться, что новая работа Галины Борисовны Курляндской (как было и с прежними) будет включена в учебные программы филологических факультетов вузов.

Главная мысль книги, пронизывающая всю её ткань, – выяснение тех особенностей мировоззрения и метода, которые образуют неповторимый сплав реалистических и романтических начал художественного мира И.С. Тургенева. Автор книги – один из тех учёных, которые на протяжении многих лет доказывали, что творческий метод создателя «Записок охотника», лирико-эпических романов и повестей не может определяться однолинейно, статично, а должен рассматриваться в его живом развитии и взаимодействии разных элементов. И реалистические, и романтические начала творческого метода И.С. Тургенева тесно переплетены, взаимно друг друга обогащают. Но, чтобы это доказать, мало общих заявлений. Надо владеть плодотворным методом анализа и обобщения. Он состоит в едином, стройном учении о содержании и форме. Исследователь,

рассматривая и философские, и психологические основы личности И.С. Тургенева, обращается и к анализу первоосновы писательского творчества: языку. Особая музыка тургеневского слова берёт своё начало в романтическом мировосприятии жизни.

Вот юноша Тургенев в разгар увлечения немецкой идеалистической философией и романтизмом. Лирическое ощущение жизни, свойственное молодости, подкрепляется философским сознанием единства человека и природы. Одухотворённость всего сущего наполняет жизнь мыслящего существа особым светом романтического озарения, приводит к чувству «святости жизни». Этот свет проливается и на любовь к женщине, и дружбу, и поэзию, и на тот нравственный идеал, который даёт оправдание существованию человека в его служении «истине, добру и красоте».

Однако Тургенев не был бы художником, если бы довольствовался только абстрактной философской истиной. Его всегда привлекала живая жизнь, очаровывали её поэтические проявления. При этом он знал, что «для раскрытия жизненной правды недостаточно одного таланта, необходимы знания и свобода от предвзятых и ложных теорий» (стр. 34). Прибавьте к этому щедрость природного лирического чувства, «тёплую симпатию ко всему живому», целомудренность и скромность – и перед вами почти весь Тургенев. Почти – потому что и эти благородные качества не исчерпывают широты и мощи его таланта, обнимавшего собой и светлые стороны души, и её тёмные пропасти. В изображении этих бурных, драматических, часто роковых столкновений несходных чувств и настроений потребны были иные средства, нежели при воссоздании тихих и безмятежных состояний. В книге прослеживается, как изменялись изобразительные приёмы писателя в соответствии с творческим замыслом.

Лирические элементы мироощущения вечного, непреходящего соединялись с живым, всегда текучим восприятием современности. Через преодоление романтического эгоцентризма двигался писатель к объективному и полному овладению чувством жизни.

Пожалуй, лучшими страницами книги являются те, в которых рассказывается об одушевляющих человека романтических чувствах тургеневских героев. Стиль автора обретает здесь особую проникновенность: читатель ощущает, как по строчкам переливает-

ся живая и горячая кровь человека, глубоко пережившего сущность того, что было близко героям Тургенева. Неподдельным волнением отзываются в душе те тургеневские сцены, где изображается слияние героев с миром поэтически воспринятой природы, уводящей от «низости и пошлости настоящего». Не надо бояться романтических чувств. Они очищают и исцеляют душу. «Пусть они возобладают над нашим духом, – напоминает учёный слова Тургенева, – В сильной натуре, одарённой тактом действительности, они уравновесятся в своё время с другой стороной нашего духа...»

Стремление к вечным идеалам совести, добра и красоты находил Тургенев в характере русского человека. Вот почему так созвучны его поэтические образы нашей душе, с её ещё не совсем исчезнувшей славянской чуткостью к поэтической стороне жизни природы и человека. В лирических картинах Тургенева природа проста, никогда «не пахнет духами» и, вместе с тем, обаятельна именно этой своей простотой, согласной с душой простого человека.

Известное утверждение о том, что Тургенев был психолог, но «тайный», находит подтверждение в анализе различных словесных средств, в том числе так называемых «слов-полутонов». Смутные, недосказанные чувства, выражаемые неопределёнными прилагательными, только намекают на движения души, но не определяют их прямо. Нежелание быть категоричным, произнести «последнее слово» стоит за этим приёмом писателя. Такое слово означает конец поиска, омертвление чувства и мысли. Вечный же поток жизни неопределим до конца и загадочен. Этим отчасти объясняется интерес Тургенева к таинственному в жизни, усиливавшему его тяготение к романтизму. Свидетельство тому его «таинственные повести».

Пользуясь приёмами романтической недосказанности, Тургенев не ограничивается передачей мимолётных ощущений. Его цель, подчёркивает исследователь, – передать всю полноту душевной жизни человека. Это достигается разнообразием, многокрасочностью стилистических средств. Точность тургеневского слова, подчёркивает Г.Б. Курляндская, не ограничивается названием. Сила этого слова – в его необычайном лирическом богатстве, многозначности.

Незнакомка или «Враг народа»¹

Я незнакомкой росла для отца
С тридцатых безумных лет,
Не знала начала, не знала конца
Его неоправданных бед...

Лишь только былое заговорит,
Как на глаза – туман,
И сдавится горло от слёз и обид,
Отцовских душевных ран...

Отца забирали кромешной ночью,
Со знанием дела,
Повадкой волчьей.
Перебудоражили мирный дом,
Перевернули всё кверху дном.

Мама стояла белее мела,
Папа держался уверенно, смело:
«Не плачьте, родные, во всём разберутся –
Мне будет позволено быстро вернуться».
А по дому не на кого не глядя,
В верхней одежде шныряли дяди.
Две девочки старшие, Зина и Мила,
Сжались в комочек и смотрят мимо,
А в глазёнках их страх и недоумение:

---

¹ Поэма «Незнакомка» или «Враг народа» написана автором на основе собственных жизненных воспоминаний: её отец А.Ф. Поляков в 1930-е гг. был арестован по ложному доносу. Мы публикуем отрывок из этого произведения.

«Что за ночное столпотворение?!
Что дяди искали? Чего они рыли? –
Какие противные наглые рыла».

Когда же отцу приказали одеться
У старших сестёр моих кончилось детство.
Не помнила я этих жутких минут:
В умишках младенцев они не живут.
Тогда для малышки весь мир был приятен,
С улыбкой ручонкой махала я папе –
И этот прощальный младенческий жест
Сквозь слёзы разлуки пронёс он, как крест.

Жена под ударом нахлынувших бед,
Подстреленной птицей метнулась вослед.
Один из конвойных ослабилась слабо:
«Стыдитесь истерик! Культурная баба!»

Фёдор Гаврилович Жикин – сосед –
Так долго бежал за пришельцами вслед:
«Кого ж вы увозите?! Остановите!
Одумайтесь: что вы такое творите?!»
Кричал исступлённо, бежал торопясь,
Пока ни уткнулся в дорожную грязь.

Заснула малышка на детской кроватке,
Во сне улыбаясь кому-то сладко.
А мама, прижав к себе среднюю дочь,
Со старшей проплакала чёрную ночь.
А старшая, ей лишь исполнилось семь,
Себя ощутила вдруг взрослой совсем.

Старые закладки

в книгах часто попадаются старые закладки:
открытка от бабушки («Золотой ключик»)
палочка эскимо («Судьба барабанщика»)
птичье перо («Алые паруса»)
пятёрка «червей» («Сонник»)
лотерейный билет («На Западном фронте без перемен»)
рентгеновский снимок («Братья Карамазовы»)
блистер из-под валидола («Телефонный справочник»)
календарик за 2000-ый год («Библия»)

Из Крылова

я помню кто
напяливал очки
куда попало не действуют никак
никак не вспомню
кто
послал вороне кусочек сыру

***

нет ничего
деликатнее
настенных часов
они начинают тикать
только когда проснёшься

1 сентября

поезда выцветают за лето,
словно волосы или футболки,
волнуюсь:
мне сейчас нести на руках
первоклашку с колокольчиком.

Новый год

в театральной гримёрке
на шпингалете промёрзшей форточки
висит прокуренная борода
деда мороза

Рождество

варежками на резинках
играет малыш
сидя на ступеньке
под иконой Богородицы

***

в боинге
перед взлётом
мама читает сыну
сказку «Гуси-лебеди».

***

всё было
хорошо у нас
пока он
не стал торговаться со старушкой
за букет полевых цветов

Мои первые строки

Николай Шорохов

г. Орел, школа № 24, 8-а класс

Загадочная ива

Предлагаемое вниманию читателей сочинение Николая Шорохова, ученика 8-го (теперь 9-го) класса средней школы им. И.С. Тургенева, было удостоено награды в состязаниях литературных Игр школяров 2015 года.

Николай стал пробовать писать стихи в возрасте 13-14 лет. Любит классическую поэзию, прежде всего, Пушкина и Лермонтова. Что не мешает ему заниматься спортом и мечтать о стезе военного.

В полночь, когда не слышно даже пения птиц, могучий в полумраке лес, кое-где озарявшийся лунными лучами, полон тайн и загадок. Его золотистые листья, изредка падая на землю, образовывали огненные вихри, переносимые ветерком с места на место. Вот уже и дорожка покрылась желтоватыми, красными и даже кое-где коричневыми пятнами.

В этой тишине можно было услышать, как ползают муравьи, ищущие свои муравейники под золотистым слоем земной поверхности <...>

Воздух был влажный и чистый, пахнувший осенью, нежно нес он в себе прохладу этой тихой ночи.

Вдали едва слышно журчал ручеёк, приманивая к себе лесных жителей...

Я шёл по холмику и глядел на этот дивный лес. Вскоре я подошел совсем близко и от этой громадной золотой массы, похожей на храм, повеяло на меня запахом листвы. Ещё пару метров и вот уже я пробираюсь сквозь оголённые кусты, загораживающие мне дорогу. Не прошло и получаса как я вышел на полянку, посреди которой виднелся деревянный домик, похожий на гриб: черно-белая Мурка лежала под кустиком, помахивая хвостиком. Было уже поздно, и я отправился спать.

Проснулся с первыми лучами солнца. Небо ясное, капли росы сияют радужными огоньками, ночной ветерок всё ещё разносит свою прохладу. Свежий, воистину чистый воздух несёт запах утренней росы. Солнце зажгло золотистую рошу, лишь в лесу оставались места, куда не попадали лучи небесного светила. Белоснежные облачка плывут по небу, оставляя за собой багровый след.

Чудесное пение птиц разносится по всему лесу, пронзая все углы этого тайного места. Кое-где слышен дятел, воробьи радуются солнышку, летают, время от времени присаживаясь на золотистый купол сказочного леса.

В низине, под холмиком, расстилается туман, сквозь который пробиваются лучи солнышка, образуя паутину. Вот и ёжик вылез из своей ямки. С листиками на иголках, плавно потянувшись, пополз он в сторону ручейка...

Умывшись, я решил прогуляться по лесу. Выбежав из дома, обняв Мурку, я побежал к моему любимому холмику. Перебравшись через коридор кустов и деревьев, вместо моего холмика и журчавшего поодаль ручейка я увидел вдруг высокую гору. Замерев от восторга, я не верил своим глазам. Громадная гора с цветущей ивой на самом верху была великолепно! Недолго думая, я проворно взобрался на первый пригорок. И увидел озарённый солнцем лес: слившись в один поток разноцветных красок, он чем-то напоминал... радугу. Над ним, будто тоже очарованный этой красотой, парил коричнево-серый коршун. Придя в себя, я захотел поскорее попасть на вершину [дерева].

Прошло около часа, и вот я уже на вершине. Ива в зелёной кроне, с расходившимся в три стороны стволом, в виде колонны, уходящей в небо, растёт посреди леса. Её легко гнущиеся ветки раскачиваются во все стороны. Королева всех деревьев впервые принимает меня в своё царство. Облака, пролетающие надо мной густыми, разноцветными разводами, защищают иву от солнца. Вокруг горы птицы, сбившись в кучу, ровным вихрем, по спирали, спускаются вниз. Три орла пристально глядят на иву, как будто ждут приказа своей королевы. Сильный ветер время от времени налетает на меня, сбивает с ног, но ива, не шелохнувшись, гордо держит осанку.

Вот уже начинается темнеть, надо идти домой... Но я всегда буду помнить это место и приходить сюда, пока растёт и осеняет своей зелёной листвой золотой лес сказочная ива.

Сказка была придумана и написана во время летнего отдыха на даче. Артёму было 7 лет, Артуру – 5. У мальчишек разносторонние интересы: они любят рисовать, петь, ездить на велосипеде, плавать, с удовольствием играют в настольные игры.

Но почему-то летом им стало вдруг скучно и они много ссорились. Мама предложила им сочинить сказку про братьев, которые тоже ссорились, а потом научились решать спорные вопросы. И вот что получилось.

Как братья дружить научились

Жили-были два брата. Они всегда дрались. Однажды во время драки они наступили на книгу и провалились в неё. Братья попали в сказочную страну. Там они познакомились с зябlichem-ноликом, ястребом-плюсиком и змеёй-минусом. Сказали они, что будут сопровождать ребят в сказочной стране и давать свои ценные советы.

Вдалеке ребята заметили яблоню, на которой висело всего одно яблоко.

Зяблик-Нолик сказал: «Не трогайте!»

Ястреб-Плюсик сказал: «Поделитесь!»

А Змея-Минус прошипела: «Подеритесьсь...»

И братья послушались змею, потому что они всегда дрались.

Потом они нашли велосипед.

Зяблик сказал: «Не трогайте велосипед!»

Ястреб сказал: «Садитесь на него вместе».

А Змея прошипела: «Подеритесьсь...»

И ребята опять послушались змею. Они привыкли именно так решать свои разногласия.

Потом посмотрели друг на друга: глаз подбит, нос распух, одежда разорвана в клочья. И говорят: «Мы же с тобой братья! Чего мы эту змеюку всё время слушаемся?! Давай в следующий раз послушаемся другого совета? А?» О том и договорились. Поехали они вместе на велосипеде. Старший брат педали крутит, а младший на багажнике

сидит. Здорово ехать. Даже песенку запели: «Ля-ля-ля ля-ля-ля мы с тобой друзья!» Младший подумал и говорит: «А ведь яблоко можно было тоже вместе съесть: тебе половину и мне половину!» «Точно! Еще веселее ехать было бы!» – отвечает старший брат.

Едут они, едут, доехали до реки. Смотрят – на берегу ведро, а в ведре что-то поблёскивает. Подъехали поближе, заглянули в ведро, а там золотая рыбка хвостом бьет, а выбраться в речку не может.

Зяблик, Ястреб и Змея тут как тут.

Зяблик: «Давайте оставим все как есть».

Ястреб: «Давайте отпустим рыбку в речку».

А Змея прошипела: «Давайте её ссссссъедем...»

Старший брат говорит: «Есть, конечно, хочется, но жалко рыбку, да и малюсенькая она совсем. Давайте в речку её выпустим?» Младший брат согласился. Выпустили рыбку в речку. А рыбка вынырнула из реки и говорит: «Спасибо, что выпустили меня на волю. Могу я за это исполнить ОДНО ваше желание».

Младший закричал: «Хочу ящик мороженого!!!»

Старший закричал: «Нет! Нет!!! Лучше радиоуправляемую машину! Я такую в детском мире видел – закачаешься!»

И стали ребята кричать, спорить и даже немножко подрались. А потом опомнились, посмотрели друг на друга и засмеялись: «Опять мы с тобой как будто советы злюки-змеюки послушали. Давай-ка вместе подумаем, что нам обоим хочется?»

И тут младший тихо-тихо сказал: «Я домой хочу... К маме и папе». Старший говорит: «И я тоже соскучился!»

В этот момент подошли к ним Зяблик, Ястреб и Змея.

Ястреб-Плюсик сказал: «Ну что ж, ребята, я вижу, время вашего пребывания в нашей стране подходит к концу. Научились ли вы чему-нибудь здесь?»

Ребята переглянулись и старший заговорил: «Мы поняли, что кулаками махать – лишь себе вредить. Оказывается, можно и договориться, и вместе решить, как лучше поступить». «А злюку-змеюку мы больше слушать не будем! Ну её!» – добавил младший. Змея-Минус зашипела: «Ну и катитесссс...» – и скрылась под камнем.

«А мои советы пригодятся вам?» – спросил Зяблик-Нолик.

Задумались ребята и говорят: «Пожалуй, иногда могут пригодиться и твои советы».

Иногда лучше отступить и не трогать какие-нибудь, например, опасные вещи лучше не трогать». «Ну, удачи вам!» – сказал Зяблик и упорхнул.

«Ну что ж! Пора прощаться! В добрый путь! Загадывайте свое желание!» – воскликнул Ястреб, и, взмахнув крыльями, взмыл в небеса.

Мальчики переглянулись, взялись за руки и хором произнесли: «Хотим домой!»

Все вокруг закрутилось, завертелось, и ребята оказались в своей комнате. Они обнялись, запрыгали и запели песенку «Ля-ля-ля, ля-ля-ля, мы с тобой друзья!»

Лена Елисева

5 лет, родилась в город Орле. Ученица «Школы Монтеessori». Сочиняет стихи и небольшие песенки. Видимо, Лену вдохновляет пример творческого союза мамы с папой, работающих в жанре авторской песни. От мамы-филолога у неё – интерес к устройству языка, слов (частей речи, частей слова). От папы – любовь к математике и музыке. Лена любит подражать голосам героев мультфильмов, артистична. Часто разыгрывает представления за автора и за персонажей детских книг, мультфильмов, кино, музыкальных спектаклей, аудиокниг. И, конечно, сама придумывает разные истории.

Зима

Снег ложился на дорогу,
А медведь залез в берлогу.
Серебристая снежинка
Дышит в небе голубом,
И снежинки, и снежинки
Входят в дом.
Снег по крыше, на окошке,
И покрыты им дорожки

Солнечный зайчик

Зайчик на рассвете,
Вдруг поднялся ветер,
Солнечный зайчик,
Он такой хороший,
Зайчик – он милый,
Он такой пригожий
Зайчик этот Ласка –
Его звали так.
Он идёт по полю.
Ягоды искать,
С солнцем дружит зайчик –
Зайчик мило скачет.

Осень

Золотые листики,
Листики спешат,
Серебряные блёсточки
На осени блестят.
Осень-осень-осень,
Приходи к нам часов в восемь.

Зимушка

На пороге осени
Зимушка стоит.
На пороге осени
Снеженька летит.
Снеженька, снежиночка,
Снеженька, мой снег.

О ёлочке

Бусы-бусички горят,
бусы-бусички светлят,
бусы-бусички горятики,
бусы-бусички светлятики.

Зимушка

Зимушка, зимушка, зимний снегопад,
зимушка, зимушка, снежиночки летят,
А в лесу, а в лесу, ой, сугроб лежит в лесу,
мы хотим догнать лису.

***

Я прижмусь к мамусеньке,
Ане-Анинюсеньке,
Мама-обнимусенька,
Мама-прижимусенька,
Мама-обнимаечка,
Мама-приласкаечка.

Кошка

Кошка, кошка, где ты, кошка,
Погости у нас немножко.
Сядь ты на порожки,
Будут рады ножки.

Щеночки

У нашей дочки
Есть два щеночка.
Щеночки играют и веселятся,
Девочка стала смеяться.

Кукла потерялась

Кубики, машинки
Рядышком стоят.
Где же наша кукла?
Наверно, у ребят.

Птичка-синичка

Птичка-синичка на дерево села,
Птичка-синичка потом улетела.
Птичка-синичка летит, не пугаясь.
Скачет дорожкой маленький заяц.

Одуванчик

Одуванятки вы мои.
И вышла я на улицу, и первый одуванушка
расцвёл передо мной.
И вот – на улице со мной
Одуванёнок мой.
Одуванятки чистые,
одуванятки милые,
одуванятки жёлтые,
одуванятки белые...

Загадка-1

Сладкая вещица,
это вам не пицца,
шоколад сверху,
ну а тесто – внизу.

*(Ответ: тестяной грибочек
с шоколадной шляпкой)*

Загадка-2

Сладкие колечки,
жёлтые дощечки.

(Ответ: кукурузные хлопья)

Загадка-3

Колючие ботиночки идут
в наряде сереньком.

(Ответ: ёжик)

Загадка-4

У этого грибочка
Белые точки,
Нельзя его давать
Маленькой дочке.

(Ответ: мухомор)

Несколько слов о наших авторах

Абдуллин Артем – 7 лет (Москва-Зеленоград).

Абдуллин Артур – 5 лет (Москва-Зеленоград).

Александрова Лилия Михайловна – исследователь, автор книг «Тургенев в Орле», «Этюды о тургеневских женщинах».

Алехина Елена Васильевна – краевед, заведующая отделом обслуживания Мценской межпоселенческой районной библиотеки им. И.С. Тургенева.

Аркатова Елена Григорьевна – старший научный сотрудник филиала ОГЛМТ – Музей И.А. Бунина.

Балыкова Людмила Анатольевна – главный научный сотрудник ОГЛМТ, Заслуженный работник культуры РФ, кандидат филологических наук, автор книги «Тургенев – читатель». Председатель Правления Тургеневского общества в Орле.

Бушунов Антон Юрьевич – научный сотрудник ОГЛМТ, поэт.

Ветрова Вера Геннадьевна – учёный секретарь ОГЛМТ.

Волчихина Вера Павловна – научный сотрудник Мемориально-го и природного музея-заповедника «Спасское-Лутовиново».

Генералова Наталья Петровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, руководитель группы по изданию Собраний сочинений И.С. Тургенева и А.А. Фета, автор монографии «И.С. Тургенев. Россия и Европа» (С.-Петербург).

Гордиенко Тамара Викторовна – писатель, член Союза журналистов РФ, кандидат филологических наук (Москва).

Гродецкая Анна Георгиевна – доктор филологических наук, научный сотрудник отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. С.-Петербург).

Деулина Надежда Константиновна – научный сотрудник филиала ОГЛМТ – Дом Леонида Андреева.

Дидковская Ольга Павловна – директор Мценской межпоселенческой районной библиотеки им. И.С. Тургенева.

Дмитрюхина Лариса Викторовна – заместитель директора ОГЛМТ по научной работе, Заслуженный работник культуры РФ, председатель музейной секции Союза работников культуры.

Елисеева Лена – 5 лет (Орел).

Жидкова Светлана Леонидовна – старший научный сотрудник ОГЛМТ, постоянный автор «Тургеневских ежегодников».

Ипатова Светлана Алексеевна – научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

Кондратенко Алексей Иванович – кандидат политологии, член Союза писателей России, автор книг по истории Орловского края.

Коханова Елена Николаевна – научный сотрудник филиала ОГЛМТ – Дом Леонида Андреева.

Лукина Валентина Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, заместитель главного редактора рабочей редакции издания Собрания сочинений и писем И.С. Тургенева (С.-Петербург).

Маричева Лариса Михайловна – заведующая Музеем писателей-орловцев.

Молозева Альвина Тимофеевна – заведующая экспозиционным отделом ОГЛМТ, член Правления Тургеневского общества в Орле.

Нелюдимова Любовь Никаноровна – директор Ильинского Дома культуры, заведующая музеем «Тургеневское Полесье». Заслуженный работник культуры РФ (с. Ильинское Хотынецкого района Орловской области).

Николаева Елена Вячеславовна – заведующая отделом редкой книги и мемориальной работы Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева (Москва).

Полушина Татьяна Викторовна – заведующая Домом Леонида Андреева.

Протасов Валерий Владимирович – член Союза литераторов России. Прозаик, поэт, публицист, автор романа «В поисках рая», повестей «Была весна», «Последнее лето», «Листья на ветру» и др.

Санькова Светлана Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, автор ряда книг по политической истории России.

Симеонова Светлана Дмитриевна – научный сотрудник отдела фондов ОГЛМТ, заведующая читальным залом.

Тишина Ирина Николаевна – журналист Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Член Союза писателей России, член Союза литераторов России, Председатель Правления Тургеневского межрегионального общества (с. Тургенево Тульской области), член Правления Тургеневского общества в Москве (Москва).

Тишина Светлана Анатольевна – поэт, член Союза литераторов России; в 1990-е годы – секретарь Правления Тургеневского общества в Орле. (Москва).

Трубников Юрий Александрович – видный деятель русского зарубежья, экономист, искусствовед. Сын А.Г. и М.А. Трубниковых, автор «Воспоминаний» о семье Галаховых и Трубниковых. Кавалер Креста Военной доблести, капитан III ранга военно-морского флота Франции. В течение двух десятилетий возглавлял Парижский земско-городской комитет (Земгор) (Париж, Франция).

Труфанова Светлана Ивановна – старший научный сотрудник филиала ОГЛМТ – Дом-музей Н.С. Лескова.

Шинкова Елена Михайловна – научный сотрудник фондов ОГЛМТ, с 1984 по 2010 год – главный хранитель фондов музея.

Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева

Тургеневское общество в Орле

Тургеневский ежегодник 2015 года

Издательский дом «ОРЛИК»

(«Орловская литература и книгоиздательство»)
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г., выдана
Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Дизайн и верстка: Гнеушева А.А.

Подписано в печать 28.07.17г. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,5. Заказ № 28. Тираж 200 экз.

Тел./факс (4862) 76-17-15, 54-15-48

E-mail: orlik.av@yandex.ru

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
302004, г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20, www.variant-orel.ru

Орел 2017 г.